ВЕСТНИК МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ОБРАЗОВАНИЕ • НАУКА • НОВАЯ ЭКОНОМИКА

Научный периодический журнал

ISSN 1996-7845

Периодичность выхода – 4 раза в год

Научный периодический журнал «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» издается Институтом международных организаций и международного сотрудничества НИУ ВШЭ с января 2006 г. С 2009 г. публикуется ежеквартально. Каждый номер журнала является тематическим. Включен в перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (рекомендован по следующим научным специальностям: 23.00.04 Политические проблемы международных отношений и глобального развития, 08.00.14 Мировая экономика, 13.00.08 Теория и методы профессионального образования).

Миссия журнала – распространение российских и зарубежных исследований в области глобального управления, международного сотрудничества, по различным направлениям социально-экономической политики, в том числе образования, науки, новой экономики; а также создание профессиональной площадки для обсуждения тенденций и прогнозов в этих сферах.

Вестник международных организаций публикует статьи и аналитические материалы российских и зарубежных авторов о деятельности многосторонних международных институтов, прежде всего «Группы восьми», «Группы двадцати», БРИКС, ОЭСР, Всемирного банка, МВФ, ВТО, ООН, и интеграционных объединений, в первую очередь Европейского союза, Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества и др.

Журнал рассчитан на исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся политическими проблемами международных отношений и глобального развития.

Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

Подписка

Подписка на журнал «Вестник международных организаций» осуществляется во всех почтовых отделениях связи:
Каталог Агентства «Роспечать» http://www.rosp.ru/.
Подписной индекс: **20054**

Розничная продажа

В фирменном магазине НИУ ВШЭ «БукВышка»
Адрес: г. Москва, ул. Мясницкая, 20
Телефон: +7 495 621-49-66, 628-29-60

Научный руководитель Я.И. Кузьминов (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Главный редактор М.В. Ларионова (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Заместитель главного редактора О.В. Перфильева (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Св. Бископ (Королевский институт международных отношений «Эгмонт», Бельгия)
Ю.А. Борко (Институт Европы РАН, Российская Федерация)
Р. Вагенаар (Университет Гренингена, Нидерланды)
Л.М. Гохберг (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Дж.Дж. Киртон (Университет Торонто, Канада)
А.В. Кортунов (Российский совет по международным делам, Российская Федерация)
Л.Л. Любимов (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Дж. Найт (Университет Торонто, Канада)
Т.Г. Пархалина (Институт научной информации по общественным наукам РАН, Российская Федерация)
А.В. Соколов (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
И.Д. Фрумин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
П. Хайнал (Университет Торонто, Канада)
В.Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Л.И. Якобсон (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
А.А. Яковлев (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

РЕДАКЦИЯ

Выпускающий редактор А.В. Заиченко
Компьютерная верстка Ю.Н. Петрина
Художник А.М. Павлов

Адрес редакции

101000, Москва, Мясницкая, 20
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Телефон: +7 495 625-17-88
E-mail: iori@hse.ru
Web: http://iorj.hse.ru/

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 59804 от 07.11.2014

Учредитель

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Тираж 500 экз.

© Институт международных организаций и международного сотрудничества Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 2015
© Оформление. Издательский дом Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 2015

INTERNATIONAL ORGANISATIONS RESEARCH JOURNAL

EDUCATION • SCIENCE • NEW ECONOMY

Quarterly Journal

ISSN 1996-7845

International Organisations Research Journal (IORJ) is published by the International Organisations Research Institute (IORI) of the National Research University Higher School of Economics since January 2006. It is published quarterly since 2009. Generally, each issue is dedicated to one theme. The Journal is on the list of reviewed scholarly journals, approved by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia, for publishing key research findings of PhD and Doctoral dissertations. The journal's main themes are: global governance and international affairs, world economy, international cooperation in education, science and innovation.

The journal mission is to disseminate the findings of research on global governance, international cooperation on a wide range of social and economic policies, including in the sphere of education, science and new economics; as well creating a professional framework for discussion of trends and prognoses in these areas.

International Organisations Research Journal publishes academic and analytical papers of Russian and international authors on activities of international multilateral institutions: G8, G20, BRICS, OECD, the World Bank, IMF, WTO, UN, and alliances: European Union, Eurasian Economic Union, Shanghai Cooperation Organisation and others.

The journal is aimed at researchers, analysts, practitioners in international affairs and world economics and at a wide audience interested in political issues of international affairs and global development.

The editorial position does not necessarily reflect the authors views.

Copyrights are owned by authors and editorial office.
The reproduction of materials without permission of the editorial office is prohibited. The reference to the materials is obligatory.

Subscription

To subscribe to the International Organisations Research Journal contact postal department:
Rospechat'. http://www.rosp.ru/.
Subscription index: **20054**

Sale

To purchase the International Organisations Research Journal contact specialized bookshop of the Higher School of Economics Publishing House.
1/20, Myasnitskaya, Moscow, Russian Federation
Tel: +7 495 621-49-66, 628-29-60

Yaroslav Kuzminov, *Scientific Advisor*, Rector, HSE, Russian Federation
Marina Larionova, *Editor-in-Chief*, Director, IORI, HSE, Russian Federation
Olga Perfilieva, *Deputy Editor-in-Chief*, HSE, Russian Federation

EDITORIAL COUNCIL

Alexander Sokolov (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)
Andrei Kortunov (Russian International Affairs Council, Russian Federation)
Andrei Yakovlev (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)
Isac Frumin (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)
Jane Knight (University of Toronto, Canada)
John Kirton (University of Toronto, Canada)
Leonid Gokhberg (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)
Lev Lubimov (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)
Lev Yakobson (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)
Peter Hajnal (University of Toronto, Canada)
Robert Wagenaar (University of Groningen, Netherlands)
Sven Biscop (Egmont – The Royal Institute for International Relations, Belgium)
Tatiana Parkhalina (Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Science, Russian Federation)
Vladimir Shadrikov (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)
Yuri Borko (Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation)

EDITORIAL STAFF

Executive editor – Anna Zaichenko
Pre-Press – Yulia Petrina
Designer – Andrey Pavlov

Address

National Research University Higher School of Economics
20, Myasnitskaya, 101000, Moscow, Russian Federation
Tel: +7 495 625-17-88
E-mail: iori@hse.ru
Web: http://iorj.hse.ru/
Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR)

Reg.No. ПИ № ФС 77 – 59804 от 07.11.2014

Publisher

National Research University Higher School of Economics

500 copies
© International Organisations Research Institute of the National Research University Higher School of Economics, 2015
© Design. Publishing House of the National Research University Higher School of Economics, 2015

Содержание

Вступительное слово

М. Ларионова, Л. Скаффарди, В. Федерико 7

Институциональное развитие БРИКС

Дж.Дж. Киртон
Анализ причин успешности саммитов БРИКС 9

Э.Ф. Купер, А.Б. Фарук
Апробация клубного механизма взаимодействия БРИКС:
Новый банк развития от концепции до становления 39

М. Кардуччи, А.С. Бруно
Страны БРИКС и распространение демократии 59

Н.Г. Хмелевская
Реальные контуры и ориентиры валютного партнерства БРИКС для содействия
торговле и инвестициям 70

А.К. Морозкина
Новый банк развития в глобальной финансово-экономической архитектуре 89

Вклад БРИКС в глобальное управление: направления политики

Г. Рейзен
Альтернативные многосторонние банки развития и глобальное
финансовое управление 106

В.В. Панова
Проблемы безопасности и перспективы саммита БРИКС в Уфе 119

М. Кан
Перспективы сотрудничества стран БРИКС в области науки, технологий и инноваций 140

Интересы и приоритеты сотрудничества стран – членов БРИКС

Э.П. Контипелли, С. Пиччау
Институциональный статус БРИКС и прагматическая модель сотрудничества:
на примере стран Южной Америки 160

М. Ревизорский
Еще один «кирпич» в стене? В поисках места Бразилии в системе
глобального управления 172

Х. Ню
Играет ли группа БРИКС роль в делах Азии? 196

Т.Л. Дейч
Региональная политика БРИКС в Африке 206

В.Г. Шубин
ЮАР в БРИКС: последняя по очереди, но не по важности 229

Content

Keynote

M. Larionova, L. Scaffardi, V. Federico 7

BRICS Evolving Institutional Identity

J.J. Kirton
Explaining the BRICS Summit Solid, Strengthening Success 9

A.F. Cooper, A.B. Farooq
Testing the Club Dynamics of the BRICS: The New Development Bank from Conception to Establishment 39

M. Carducci, A.S. Bruno
BRICS Countries and Democratic Contagion 59

N. Khmelevskaya
The Real Contours and Targets for the BRICS Monetary Partnership to Facilitate Trade and Investments 70

A. Morozkina
The New Development Bank in Global Finance and Economic Architecture 89

BRICS Contribution to Global Governance: Policy Areas

H. Reisen
Alternative Multilateral Development Banks and Global Financial Governance 106

V. Panova
BRICS Security Agenda and Prospects for the BRICS Ufa Summit 119

M. Kahn
Prospects for Cooperation in Science, Technology and Innovation among the BRICS Members 140

BRICS Members` Interests and Priorities for Cooperation

E.P. Contipelli, S. Picciau
Institutional Status of BRICS and Pragmatic Cooperation: The Case of South America 160

M. Rewizorski
Another "Brick" in the Wall? Brazil's Quest for Relevance in Global Governance 172

H. Niu
Is There a Role for the BRICS in Asian Affairs? 196

T. Deych
BRICS Regional Policy in Africa 206

V. Shubin
South Africa in the BRICS: Last but not Least 229

Вступительное слово

БРИК, впервые собравшиеся на саммит в Екатеринбурге в июне 2009 г., за несколько лет сформировался в неформальный многосторонний форум глобального управления, признаваемый и бывшими скептиками, и сторонниками в качестве значимого участника системы международных отношений. БРИКС укрепился институционально, расширил повестку дня, интенсивность взаимодействия и наработал потенциал реализации широкого спектра решений. Последние примеры таких решений включают учреждение Нового банка развития, создание Пула условных валютных резервов БРИКС, Соглашение о сотрудничестве в сфере инноваций между банками развития, Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве между экспортными кредитными агентствами.

Таким образом, на своем седьмом саммите, вновь встречаясь в России, лидеры планируют обсудить и принять решения по большому числу вопросов глобальной повестки дня. Приоритетными для БРИКС остаются задачи обеспечения инклюзивного роста, макроэкономическая координация, укрепление финансовой стабильности и реформа международных институтов, отвечающая возрастающей роли восходящих экономик и развивающихся стран в мировой экономике. В Форталезе лидеры договорились поднять качество экономического сотрудничества на новый уровень, в соответствии с этим решением можно ожидать, что в Уфе будет принята Стратегия экономического партнерства БРИКС. Учитывая, что 2015 г. знаменует переход к новым Целям устойчивого развития, достижение Целей развития тысячелетия и будущее сотрудничество для развития, безусловно, будут в повестке дня БРИКС. Инклюзивный рост зависит как от экономического развития стран, так и от реализации социальной политики, ориентированной на достижение равноправия граждан. БРИКС поступательно усиливает сотрудничество в наиболее значимых для создания равных возможностей для всех сферах: образования, здравоохранения, инноваций и ИКТ. Мир является краеугольным камнем, основой развития и роста, поэтому политические вопросы и проблемы безопасности останутся в числе приоритетных в повестке дня БРИКС в 2015–2016 гг.

Быстрый темп институционализации сотрудничества БРИКС, по всей видимости, продолжится. Официальный трек вырос в созвездие из 14 форматов взаимодействия, включая: встречи шерп и су-шерп, глав центральных банков, министров и заместителей министров, старших должностных лиц, контактных групп, рабочих и экспертных групп. Деловой форум БРИКС работает с 2010 г., а в 2013 г. был создан Деловой совет БРИКС как платформа для постоянного диалога между бизнес-сообществами и правительствами стран-членов. С 2010 г. Академический форум предоставляет исследовательские материалы, подпитывающие взаимодействие БРИКС. Академический форум объединяет исследователей и экспертов для выработки новых идей и апробации концепций, которые затем могут быть восприняты практиками и политиками. Форум также содействует более широкому сотрудничеству институтов БРИКС, включая программы обменов и совместные публикации. На 5-й встрече Академического форума в Дурбане было принято решение о создании Совета экспертных центров БРИКС для усиления сотрудничества в сфере исследований, обмена знаниями, укрепления исследовательского потенциала и выработки рекомендаций. Воодушевленные поддержкой лидеров, приветствовавших работу Совета в своей Форталезской декларации, участники

Совета экспертных центров стран БРИКС работают над долгосрочной стратегией сотрудничества стран БРИКС. Ожидается, что Стратегия будет представлена лидерам в 2015 г. В рамках российского председательства диалог БРИКС с социальными партнерами будет расширен через подключение неправительственных организаций в рамках гражданского форума БРИКС.

Стратегия взаимодействия БРИКС с третьими странами приобретает четкое региональное измерение начиная с южноафриканского председательства, когда ЮАР инициировала и успешно провела форум лидеров БРИКС и Африки. В Форталезе Бразилия организовала рабочую сессию лидеров БРИКС и глав государств и правительств стран Южной Америки. Диалог между лидерами БРИКС и их коллегами в регионе страны председателя становится системным элементом стратегии внешних связей БРИКС. Ожидается, что Россия пригласит на саммит в Уфе членов Евразийского экономического союза (ЕЭС): Республику Армения, Республику Беларусь, Республику Казахстан и Кыргызскую Республику. В долгосрочной перспективе партнеры России по БРИКС могут рассмотреть возможность создания зон свободной торговли с ЕЭС.

Статьи настоящего номера журнала «Вестник международных организаций» обращаются к различным аспектам деятельности БРИКС в системе глобального управления. В первом блоке статей анализируются результаты прошедших саммитов БРИКС, институционализации форума, клубной культуры и принципов сотрудничества. Второй блок статей рассматривает различные сферы в повестке дня БРИКС, включая финансы, вопросы безопасности, сотрудничество в сфере науки, технологий и инноваций. Выпуск завершается серией статей, посвященных приоритетам стран-членов, определяющих их интересы и позиции в рамках БРИКС.

Трансформация БРИКС в институт глобального управления в столь короткий срок вдохновила редакторов и авторов настоящего номера Журнала. Многие статьи были первоначально представлены и обсуждались на конференции «Группа БРИКС в центре внимания», организованной университетом г. Парма в ноябре 2014 г. Редакторы и авторы надеются, что их анализ и размышления о БРИКС, представленные в настоящем номере, помогут лучше понять роль данного объединения в системе глобального управления и станут основой для идей по будущей повестке дня БРИКС.

Марина Ларионова,
д.полит.н., директор Института
международных организаций
и международного сотрудничества, НИУ ВШЭ

Лючия Скаффарди,
профессор факультета права,
Университет Пармы

Вероника Федерико,
доктор, факультет международного права,
Университет Флоренции

Институциональное развитие БРИКС

Анализ причин успешности саммитов БРИКС[1]

Дж.Дж. Киртон

Киртон Джон Джеймс – профессор, содиректор Исследовательской группы БРИКС, директор Исследовательского центра «Группы восьми», содиректор Исследовательского центра «Группы двадцати», Университет Торонто; M5S 1A1, 100 St. George, Toronto, Ontario, Canada; E-mail: john.kirton@utoronto.ca

Анализ деятельности БРИКС со старта процесса на полях саммита «Группы восьми» на о. Хоккайдо в 2008 г. до встречи «Группы двадцати» в Брисбене в ноябре 2014 г. указывает на значительный успех БРИКС в качестве института сотрудничества, затрагивающего все более широкий круг вопросов как в отдельном формате, так и в рамках «Группы двадцати», где члены объединения выступают от имени всех развивающихся стран. Подобный успех в значительной степени объясняется неспособностью международных институтов поколений 1933–1945 гг. и 1975 г. обеспечить ведущим развивающимся странам равноправное положение и, таким образом, ответить на новые вызовы в финансовой и других сферах, возникающие с 2008 г. БРИКС является многосторонним институтом, развивающимся по следующим параметрам: уровень участия, членство, повестка дня и интенсивность взаимодействия. Показатели эффективности саммитов БРИКС демонстрируют стабильный рост по многим измерениям глобального управления. Среди причин роста эффективности БРИКС можно отметить неспособность организаций, зародившихся в 1940-х годах, Хайлигендаммского процесса в рамках «Группы восьми» и первых двух саммитов «Группы двадцати» предоставить крупным развивающимся странам равные права, уровень ответственности и влияние, соответствующие их растущим относительным возможностям и увеличивающейся степени открытости, которые были востребованы для ответа на новые вызовы в меняющемся мире. Еще одной причиной стала усиливающаяся институционализация БРИКС в качестве компактного, ограниченного определенным кругом членов клуба, в котором рациональные стимулы к сотрудничеству медленно трансформировались в личные связи между участниками.

Ключевые слова: БРИКС, «Группа двадцати», «Группа семи», институты глобального управления, глобальное управление, глобальный финансовый рынок

Введение

Актуальность

Среди большого числа существующих в мире многосторонних институтов сотрудничества, имеющих глобальное значение и масштаб, БРИКС представляется уникальным по ряду причин. Объединение зародилось на полях саммита «Группы восьми»

[1] Перевод выполнен м.н.с. Центра исследований глобального управления Института международных организаций и международного сотрудничества НИУ ВШЭ А.Г. Сахаровым.

в 2008 г., незадолго до начала работы «Группы двадцати», в которой все члены БРИКС представлены на равноправной основе с другими государствами. Проведение саммитов БРИКС было инициативой России, которая приняла у себя первую встречу лидеров 16 июня 2009 г. в Екатеринбурге и являлась полноправным участником форумов «восьмерки» с 1998 г. БРИКС объединяет страны с крупными территориями и центральным положением на многих континентах: Россию в Европе, Центральной и Восточной Азии, Китай в Восточной Азии, Индию в Южной Азии, Бразилию в Южной Америке, а также (с 2011 г.) ЮАР в Африке. На начальном этапе в объединение входили в основном постколониальные страны с рядом схожих характеристик – крупные (экономически, демографически и территориально) развивающиеся государства с быстро растущей экономикой, стремительно догоняющие развитые страны. Повестка дня саммитов БРИКС была достаточно обширной в отличие от «Группы двадцати», изначально фокусировавшейся на экономических и финансовых вопросах, и «Группы восьми», после 2009 г. сконцентрировавшейся на тематике развития и безопасности. Таким образом, возникает ряд вопросов относительно способности БРИКС осуществлять функции глобального управления с большей эффективностью, чем «восьмерка» и «двадцатка», а также о возможности сотрудничества или соперничества между существующими многосторонними институтами.

Дискуссия

Ответы на поставленные вопросы являются предметом полемики между представителями нескольких альтернативных направлений теоретической мысли, сконцентрированной на том, каким образом и по каким причинам появилась и функционирует БРИКС.

В рамках первого направления БРИКС воспринимается как неудачная инициатива, малозначимая для ее участников и других государств. Приверженцы данной точки зрения указывают на отсутствие серьезных достижений по ключевым вопросам, таким как реформа Совета Безопасности ООН, а также на длительные усилия объединения по созданию достаточно скромного, с точки зрения обеспеченности финансовыми ресурсами, Нового банка развития БРИКС в 2014 г. Среди причин провала БРИКС отмечаются: отсутствие общих характеристик и интересов стран – участниц форума (в частности, подчеркиваются различия между Индией, Бразилией и ЮАР, с одной стороны, и менее демократичными членами БРИКС, с другой), территориальные споры между Китаем и Индией, а также принятие в качестве участника форума меньшей по сравнению с другими членами БРИКС ЮАР, способной проецировать влияние на региональном, но не глобальном уровне [O'Neill, 2012].

Представители второй точки зрения говорят об упадке объединения, отмечая стремительное ухудшение экономического положения стран БРИКС [Niu, 2015]. Эта позиция появилась в 2013 г. с замедлением роста экономик Китая и Индии и резким падением темпов роста в России, Бразилии и ЮАР. Сторонники данного подхода рассматривают БРИКС в качестве одного из многих возникающих в один период времени объединений развивающихся стран, причем другие объединения представляются им более перспективными с учетом их более устойчивого роста и демократических политических систем [Keukleire, Hooijmaaijers, 2014].

В рамках третьего подхода постулируется идея о «показной общности» стран БРИКС, за которой скрываются трудности в выработке общей позиции по вопросам реформирования международной финансовой архитектуры, связанные с их внутрен-

ними экономическими и политическими сложностями, а также с наличием прочных связей с более могущественными США [Jones, 2014, p. 80]. Сложности, испытываемые странами БРИКС в обеспечении перехода национальных экономик от среднего к высокому уровню доходов, ставят под сомнение потенциал объединения в будущем. Также внимание акцентируется на таких аспектах, как экономические диспропорции, имеющие место в объединении: значительное превосходство Китая над другими странами, различия в политических системах и соперничество между Индией и Китаем [Acharya, 2014, p. 64–65].

Представители четвертого направления рассматривают БРИКС в качестве краткосрочной инициативы, рассчитанной на борьбу с проявлениями финансового кризиса, способствовавшего созданию объединения [Petropolous, 2013]. Они утверждают, что причиной возникновения БРИКС явился дисбаланс в международной экономической системе, проявившийся в период кризиса 2008 г. Размер экономик стран БРИКС позволяет им участвовать в дискуссиях по вопросам разрешения финансового кризиса. В связи с этим сотрудничество с данными государствами могло бы способствовать улучшению их позиций на международной арене. Это преимущество определяло фокус повестки дня форума, в особенности в ходе первых саммитов, посвященных реформированию существующих международных финансовых институтов с целью повышения уровня влияния развивающихся государств.

Согласно пятому направлению, влияние БРИКС в мире неуклонно растет, однако это объединение еще далеко от статуса по-настоящему единого геополитического блока или альянса [Kulik, 2014]. В 2013 г. лидеры стран БРИКС создали Пул валютных резервов, были одними из наиболее активных членов «Группы двадцати», а также активизировали усилия, направленные на переустройство мирового порядка в соответствии с растущими совокупными возможностями своих государств. Однако после пяти саммитов «им еще многое предстоит сделать для выработки общих позиций, что необходимо для становления в качестве целостного геополитического альянса» [Li, 2014, p. 12–14]. С.Ф. Кристенсен (S.F. Christensen) и Р. Бернал-Меза (R. Bernal-Meza), основываясь на концепциях А. Грамши (A. Gramsci) и Р. Кокса (R. Cox), также приходят к выводу о том, что «о БРИКС трудно говорить как о контргегемонном союзе, поскольку интересы его членов и разногласия между ними не позволяют считать это объединение силой, способной стать катализатором системных изменений». Одна из точек зрения в рамках данного направления говорит о существовании «взаимозависимой гегемонии», поскольку «появление БРИКС в значительной степени подвергло сомнению многие аспекты функциональности, масштаба, легитимности и власти в рамках сложившегося международного порядка... Однако до сих пор это объединение не оказало фундаментального влияния на структуру существующей международной системы» [Li, Agustin, 2014, p. 69].

Шестая концепция характеризуется восприятием БРИКС в качестве контргегемонной коалиции во главе с Россией, созданной как активная и долгосрочная финансово-ориентированная группа, концентрирующаяся в формате влиятельного сообщества стран БРИКС [Roberts, 2010; Fituni, 2014, p. 98–107]. Сплоченность и влияние объединения основываются на позициях его членов в качестве «региональных супердержав» и двигателей экономического роста, а также на существующем между ними консенсусе относительно основных принципов мирового порядка. Сторонники описываемого подхода полагают, что лидирующую роль в БРИКС играла Россия, стремившаяся противостоять однополярности международной системы во главе с США. Таким образом, Россия способствовала отходу от концепции БРИКС, выработанной Дж. О'Ниллом в 2001 г., и превращению БРИКС из группы стран с высоким потен-

циалом с точки зрения инвестиций и экономического сотрудничества в политический альянс, имеющий целью изменить международный баланс сил [O'Neill, 2001]. Когда экономический кризис выявил уязвимость США, Россия воспользовалась этой возможностью, чтобы обратить внимание международного сообщества на провалы мировой экономической системы, возглавляемой США. Россия призвала растущие экономики к борьбе за равное положение в процессе принятия решений. К 2008 г. Россия смогла занять надежную международную позицию, интегрировавшись в глобальную экономическую систему на своих условиях. Поэтому в ответ на санкции, наложенные западными странами в 2014 г. в связи с кризисом вокруг Крыма, Россия попыталась использовать свои связи с Китаем и Индией для развития торговли и привлечения иностранных инвестиций [Zhong, 2014]. Кроме того, страны БРИКС, входящие в «Группу двадцати», блокировали предложение принимавшей саммит Австралии исключить Россию из механизма «тройки», отвечающего за подготовку Брисбенской встречи лидеров в ноябре 2014 г. [Jones, 2014, p. 83].

Седьмая точка зрения рассматривает БРИКС в качестве более широкой коалиции развивающихся стран, стремящихся изменить равновесие мирового политического влияния в свою пользу [Nikonov, 2014]. Согласно данному подходу, стремление сформировать новый международный институциональный баланс, соответствующий складывающейся геополитической ситуации, стало выражением общей политической воли нескольких стран. Поскольку существующий институциональный баланс был недемократичным, однополярным и не создавал равных возможностей для всех участников, БРИКС позволил развивающимся странам занять свое место, бросив, таким образом, вызов не только «Группе семи/восьми», но и западной гегемонии в широком смысле.

Приверженцы восьмого направления отмечают успех БРИКС, связанный с задействованными институциональными навыками [Cooper, 2014; Cooper, Thakur, 2014]. Э. Купер и А. Форуг [2013, p. 428] считают, что «страны БРИКС успешно формулировали общие интересы и избегали рассмотрения вопросов, которые могли бы вызвать разногласия», полагаясь на институциональную гибкость неформальной модели взаимодействия. Отдельно отмечается успех БРИКС на «глобальном Юге», чему способствовало создание Нового банка развития БРИКС, основывающегося на финансовых и технических возможностях стран-членов, а также их значительных валютных резервах [Modi, 2014, p. 86–87].

В рамках девятого направления БРИКС рассматривается в качестве успешного конкурента «Группы восьми» и «Группы двадцати». Этот формат способствовал выработке консенсуса по ряду вопросов, важных для стран-членов и всего мира, и достиг результатов в тех сферах, в которых не преуспели другие институты. Сторонники данного подхода подчеркивают важность расширения БРИКС с принятием ЮАР в качестве полноправного члена в 2011 г., участия в Дурбанском саммите 2013 г. многих африканских лидеров, а также создания Нового банка развития по итогам саммита в Форталезе в 2014 г. В качестве факторов успешности института рассматриваются растущая сила стран-членов, схожесть и единомыслие как крупных развивающихся, во многом постколониальных государств, а также неспособность стран «Группы семи» и контролируемых ими международных институтов достаточно быстро и эффективно использовать их возможности и ярко выраженную общность интересов.

Десятая концепция рассматривает БРИКС как успешного партнера «Группы двадцати» и «Группы восьми» [Kirton, 2013a; Luckhurst, 2013], указывая на множество приоритетных тем, принципов и действий, по которым позиции стран БРИКС и других членов «двадцатки» совпадают, а также на способность БРИКС формулировать несогласие в разумной, сдержанной и дипломатической манере. Отмечается и регулярное

выражение поддержки саммитов БРИКС по отношению к «Группе двадцати». Сторонники данной позиции называют следующие причины успешности института: значительность глобальных проблем, с которыми сталкиваются все три многосторонних института; общность элементов повестки дня форумов; сохраняющаяся потребность стран БРИКС в сотрудничестве со странами «семерки»; членство всех государств БРИКС в «двадцатке» и уникальная позиция России, являющейся основателем БРИКС, членом «Группы двадцати» и бывшим членом «Группы восьми» (до 2014 г.). В рамках одного из течений в данном направлении подчеркивается, что страны БРИКС, несмотря на разногласия по многим элементам повестки дня «Группы двадцати», придерживаются общей позиции по вопросам реформы международных финансовых институтов и смещения фокуса «двадцатки» на проблемы международного развития [Stuenkel, 2012].

Сложности

Все вышеописанные направления теоретической мысли признают растущую экономическую и политическую мощь стран БРИКС, их желание играть более активную роль в процессах глобального управления и их лидирующее положение в региональных институтах, таких как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и форум Индии, Бразилии и ЮАР (IBSA). Однако ни одна из концепций не дает исчерпывающего объяснения причин появления БРИКС раньше начала процесса встреч «Группы двадцати» на высшем уровне и проведения отдельных саммитов БРИКС с 2009 г., когда «двадцатка» уже утвердилась в качестве многостороннего института глобального управления, где все страны БРИКС и другие крупные развивающиеся государства были представлены в качестве равноправных членов. Ни одно направление не дает и полной, основанной на фактах оценки эффективности саммитов БРИКС по всем основным измерениям глобального управления, присущим подобного рода институтам. Также отсутствует аналитическая база, которая позволила бы сформулировать системную оценку и получить результаты, сопоставимые с аналогичными данными по другим многосторонним институтам – «Группе восьми» и «Группе двадцати». Почти ни одна из концепций не основывается на четкой, внутренне непротиворечивой причинно-следственной модели, базирующейся на основных теориях международных отношений – реализме, либеральном институционализме и конструктивизме, которая позволяла бы проследить прямую связь между причинами и гипотетическими или наблюдаемыми событиями. Подобный системный подход необходим для точного описания эффективности саммитов БРИКС и краткого объяснения причин полученных результатов. В рамках данной работы планируется решить вышеописанные задачи, а именно осуществить системный, основанный на модели анализ, базирующийся на существующих теориях международных отношений. Для этого будет использован метод учета входных и выходных данных (input-output matching), подкрепленный кратким описанием процесса последнего саммита БРИКС в Форталезе в 2014 г.

Тезис

Анализ выявил значительный успех БРИКС в качестве института сотрудничества, затрагивающего все более широкий круг вопросов как в отдельном формате, так и в рамках «Группы двадцати», где объединение выступает от имени всех развивающихся стран. Подобный успех в значительной степени объясняется неспособностью других международных институтов поколений 1940-х годов и 1975 г. обеспечить ведущим раз-

вивающимся странам равноправное положение и, таким образом, ответить на новые вызовы и кризисные явления в финансовой, продовольственной и других сферах, возникавшие с 2008 г. По мере того как БРИКС развивался институционально, выходя на уровень глав государств, расширяя членство, развивая повестку дня, усиливая интенсивность и глубину взаимодействия, увеличивалась и эффективность саммитов по многим измерениям глобального управления. Развитие объединения было в определенной степени стимулировано шоками глобальных финансовых, продовольственных и экономических кризисов 2008–2013 гг. Однако важнейшим фактором стала неспособность организаций, зародившихся в 1940-х годах, расширявшейся с 1975 г. «Группы восьми» и первых двух саммитов «Группы двадцати» предоставить крупным развивающимся странам равные права, уровень ответственности и влияния, соответствующие их растущим возможностям и увеличивающейся степени открытости, которые были востребованы для ответа на новые вызовы в меняющемся мире. Еще одной причиной стала усиливающаяся институционализация БРИКС в качестве компактного, ограниченного определенным кругом членов клуба, в котором рациональные стимулы к сотрудничеству медленно трансформировались в личные связи между участниками.

Развитие БРИКС в качестве международного института

Концепция БРИК, характеризующая конкретный тип стран, была сформулирована в 2001 г. Дж. О'Ниллом из Goldman Sachs [O'Neill, 2001]. Однако эта идея зародилась еще в начале 1990-х годов в России в виде «стратегического треугольника» России, Индии и Китая (РИК) [Fituni, 2014, p. 98–100; Senokosov, n.d.]. В дальнейшем концепция получила развитие с созданием ШОС во главе с Россией и Китаем. БРИКС же впервые возник в формате встреч министров иностранных дел Бразилии, России, Индии и Китая на полях открытия сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2006 г. [Roberts, 2010; Luckhurst, 2013]. Первая встреча лидеров БРИК состоялась на полях саммита «Группы восьми» и Форума ведущих экономик на о. Хоккайдо 9 июля 2008 г. [Hansen, Sergunin, 2014]. На этой встрече было согласовано проведение отдельного саммита БРИКС в следующем году.

Первый саммит БРИК состоялся 16 июня 2009 г. в Екатеринбурге после двух крайне успешных саммитов «Группы двадцати», прошедших в ноябре 2008 г. и апреле 2009 г. [Kirton, 2013b]. Лидеры стран БРИКС продолжили практику проведения ежегодных саммитов (как правило, весной) (Приложение А1). К 2011 г. они также стали проводить встречи на полях саммита «Группы двадцати», проходящего в осенний период (Приложение А2). На втором отдельном саммите в состав БРИК была принята Южно-Африканская Республика, дебютировавшая в качестве полноправного участника объединения на третьем саммите в Санье и принявшая пятый саммит в Дурбане в 2013 г.

В рамках БРИКС вскоре сформировался широкий круг различных форматов встреч на министерском и других уровнях (Приложения А3–А9). Отдельные встречи министров иностранных дел начались в 2006 г., министров финансов – в 2009 г., министров сельского хозяйства и здравоохранения – в 2010 г., торговли – в 2011 г., министров образования и науки, министров, ответственных за технологическое развитие и инновации, – в 2013 г., а также министров окружающей среды – в 2015 г. Таким образом, политический клуб, занимающийся вопросами мира и безопасности, превратился в экономическое и социальное объединение.

Показатели эффективности БРИКС

БРИКС медленно и поступательно улучшал показатели эффективности до достаточно высокого уровня в течение шести годовых циклов. Об этом говорят данные системной оценки фактов в соответствии с шестью измерениями глобального управления, используемыми для оценки саммитов, апробированной в рамках модели управления системного хаба (systemic hub governance), разработанной для оценки эффективности «Группы двадцати» [Kirton, 2013b] (Приложение Б).

Политическое управление на национальном уровне

В контексте первого измерения эффективности – политического управления на национальном уровне – отдельные саммиты БРИКС имеют стопроцентную посещаемость. Все лидеры стран БРИКС всегда считали важным присутствие на встречах объединения. Это же верно и в отношении встреч, проводившихся на полях саммитов «двадцатки» и «восьмерки». Отчасти стопроцентному показателю присутствия способствовало и решение не проводить встречу БРИК на полях саммита в Торонто в 2010 г. в связи с отсутствием президента Бразилии Лулы да Силва. Таким образом, был утвержден принцип инклюзивного равенства (inclusive equality).

В документах саммитов БРИКС наблюдается рост упоминаний отдельных членов объединения. Эти упоминания делались практически на каждом саммите, начиная с одного в Бразилиа в 2010 г. до максимального значения 10 на саммите в Форталезе в 2014 г.

БРИКС также фигурирует в национальных официальных источниках стран-членов. В Китае доклад к 18-му съезду КПК, опубликованный осенью 2013 г., когда Си Цзиньпин встал во главе государства, содержал отсылки лишь к четырем международным институтам: ООН, «Группе двадцати», БРИКС и ШОС.

Представляется затруднительным оценить влияние выборов в странах БРИКС на работу саммитов объединения. Многие из лидеров, присутствовавших на ранних саммитах (Дмитрий Медведев, Ху Цзиньтао, Манмохан Сингх и Лула да Силва), не шли на перевыборы. В случае с Джейкобом Зумой, последним из вступивших членов, как представляется, имел место небольшой позитивный эффект.

Обсуждение

По второму измерению – обсуждению, измеряемому количеством слов в итоговом коммюнике, наблюдался медленный рост эффективности. Документы по итогам первого саммита составили менее 2 тыс. слов, второго и третьего – от 2 до 2,5 тыс., четвертого и пятого – более 4 тыс., а шестого – 21907 (Приложение Б). «Группе семи» потребовалось 13 лет, чтобы достичь уровня 4 тыс. слов.

На первом саммите в 2009 г. ведущим приоритетом была макроэкономическая политика – ее доля в тексте итогового коммюнике составила 57%. Далее следовали торговля и инвестиции (36%), развитие (35%), финансовый кризис (22%) (сумма процентных пунктов не равна 100, так как одно предложение может относиться к нескольким приоритетам) (Приложение В). В 2010 г. макроэкономика и развитие также занимали лидирующие позиции с долей более 41%, в то время как реформа международных финансовых институтов вышла на третье место и появился приоритет занятости. В 2011 г. сохранили лидерство приоритеты макроэкономики и развития, приоритет продовольствия и сельского хозяйства, составив 18% текста, занял третье место, а здраво-

охранение (14%) – четвертое. Новыми стали приоритеты контроля за вооружениями и нераспространение. В 2012 г. макроэкономика сохранила ведущие позиции. Однако в 2013 г., в период председательства ЮАР, доля приоритета развития поднялась до 60%, в то время как макроэкономика опустилась до 25%. В 2014 г. тематика развития сохранила первое место, а реформы международных финансовых институтов вышли на второе, составив 19% текста.

Таким образом, саммиты БРИКС всегда были сфокусированы на вопросах развития и макроэкономики (до 2014 г.). Повестка дня форума расширялась, включая вопросы социальной политики, такие как продовольствие и здравоохранение. Расширение наблюдалось и по вопросам политики и безопасности, таким как нераспространение, достигшим пика 8,9% в 2012 г., и терроризм с максимальным значением 9,2% в 2013 г.

Определение направлений коллективных действий

По третьему измерению – определению направлений коллективных действий, важность которого подчеркивается теорией конструктивизма, наблюдались высокие показатели эффективности, в наибольшей степени в том, что касается поддержки изначальной цели объединения. В самом начале своего первого Совместного заявления, сделанного в 2009 г., лидеры БРИК определили «миссию» группы как обсуждение «текущей ситуации в глобальной экономике и других актуальных проблем мирового развития, а также перспектив дальнейшего укрепления взаимодействия в рамках БРИК». В первом нумерованном параграфе было заявлено: «Мы подчеркиваем центральную роль, которую играют саммиты “Группы двадцати” в противодействии финансовому кризису». Заявление заканчивается определением цели БРИК: «Диалог и сотрудничество стран БРИК служат не только общим интересам стран с формирующимися рыночными экономиками и развивающихся стран, но и строительству гармоничного мира, в котором были бы обеспечены прочный мир и общее процветание».

Отличительными чертами заявленной цели стали следующие пункты: «укрепление взаимодействия в рамках БРИК», поддержка «Группы двадцати» в разрешении финансового кризиса и (менее очевидно) поддержка общих интересов экономического роста развивающихся стран.

Принятие решений

Повышение эффективности отмечается и по четвертому измерению – принятию решений посредством согласования четких, обязательных к исполнению и ориентированных в будущее обязательств, что соответствует легитимистскому подходу в теории либерального институционализма [Abbott et al., 2000]. На первом саммите БРИКС в 2009 г. было согласовано 16 обязательств. В 2010 г. число обязательств увеличилось до 46 и оставалось примерно на этом уровне до 2013 г. «Группе семи» потребовалось шесть лет, чтобы достичь аналогичного показателя. В 2014 г. страны БРИКС приняли 91 обязательство.

В 2009 г. основным приоритетом обязательств БРИКС являлась энергетика. В этой сфере было принято пять обязательств, в то время как в других десяти сферах лидеры согласовали по одному (Приложение Г). В 2010 г. энергетика также была на первом месте – 11 принятых обязательств. Далее следовал приоритет международного развития, по которому было принято семь обязательств. В 2011 г. ведущей приоритетной сферой стало изменение климата – шесть принятых обязательств, по макроэкономике и торговле было согласовано по пять обязательств. В 2012 г. приоритет торговли с девятью

обязательствами вышел на первое место. В 2013 г. лидировал приоритет международного развития, по которому было принято 13 обязательств. По вопросам мира и безопасности – восемь. На саммите в Форталезе в 2014 г. БРИКС продолжила расширение функции принятия решений – 24 обязательства было принято по приоритету международного сотрудничества, 10 – по макроэкономике, по 9 – по вопросам социально-экономического развития, преступности и коррупции и региональной безопасности. БРИКС постепенно принимает функции принятия решений, присущие полноценному международному форуму, по аналогии с «Группой семи/восьми». Растущая эффективность по этому показателю наблюдается на примере увеличения количества приоритетов, по которым принимаются обязательства. Так, в 2010 г. страны БРИКС впервые согласовали обязательства по финансовому регулированию, макроэкономике, торговле, изменению климата и энергетике, в 2011 г. – по сельскому хозяйству и продовольствию, здравоохранению, правам человека, подотчетности, борьбе с терроризмом, региональной безопасности и институционализации. Кроме того, о растущей эффективности реализации функции принятия решений свидетельствует и увеличение числа обязательств в сфере мира и безопасности в 2014 г.

Из общего числа обязательств за все годы работы БРИКС (269) на приоритет международного сотрудничества приходится наибольшая доля – 33 обязательства. По приоритету международного развития было принято 27 обязательств. Эти данные характеризуют БРИКС как объединение, ориентированное на взаимодействие как внутри группы, так и вовне, и приверженное целям содействия международному развитию.

Реализация принятых решений

Пятое измерение глобального управления – реализация принятых решений, определяемое как исполнение членами объединения приоритетных обязательств в течение года между саммитами. Эффективность по данной функции можно измерить наилучшим образом, используя методологию оценки саммитов «Группы восьми», «Группы двадцати» и ООН [Kirton et al., 2014a, 2014b; Drezner, 2014, p. 142; Kirton et al., in press]. Данная методология требует глубокого, систематического изучения фактической деятельности стран БРИКС, направленной на реализацию приоритетных обязательств, принимаемых на саммитах объединения, и находящейся в причинной связи и соответствии с ними. Исследования, базирующиеся на данной методологии, предоставляют наиболее полные на сегодняшний день данные по исполнению членами «Группы восьми», «Группы двадцати» и БРИКС принимаемых на саммитах обязательств.

Согласно результатам этих исследований, эффективность реализации принимаемых решений странами БРИКС всегда была положительной и, по большей части, достаточно высокой. Наблюдается позитивная динамика (Приложение Д). Средний балл варьировался: +1,00 за одно проанализированное обязательство в 2009 г., +0,27 (63,5%) – за три обязательства в 2010 г., +0,54 (77%) – за семь обязательств в 2011 г., +0,28 (64%) – за пять обязательств в 2012 г., +0,48 (74%) – за пять обязательств в 2013 г. Показатели БРИКС приблизительно равны среднему результату «Группы восьми» в первые 37 лет ее существования – +0,40 (70%).

Развитие механизмов глобального управления

Страны БРИКС продемонстрировали высокую эффективность и по шестому измерению глобального управления – развитию институтов глобального управления.

Количество упоминаний институтов в структуре БРИКС выросло с двух в 2009 г. до 32 и 26 в 2012 г. и 2013 г. соответственно. Также росло и количество упоминаний других международных институтов – с 13 в 2009 г. до 34 в 2010 г. Как видно, число упоминаний внешних институтов было выше, однако этот разрыв сокращался. В соответствии с заявленными целями объединения страны БРИКС создали в 2014 г. Новый банк развития по аналогии с Советом по финансовой стабильности, созданным «двадцаткой» в 2009 г. в целях реализации своей миссии по обеспечению финансовой стабильности.

Динамика показателей эффективности БРИКС

В целом за шестилетний период функционирования БРИКС наблюдался рост эффективности объединения, проходивший в четыре этапа. Первый, стартовый, этап может быть охарактеризован как умеренно успешный, достижения этого периода отмечаются в основном по функции обсуждения. На втором этапе, в 2010–2011 гг., наблюдался значительный рост эффективности практически по всем показателям, в частности в сфере реализации функций принятия решений в 2010 г. и исполнения обязательств в 2011 г. Третий этап, 2012–2013 гг., характеризуется дальнейшим ростом эффективности, в особенности по функции обсуждения. На четвертом этапе, приходящемся на начало второго цикла председательств и саммит 2014 г. в Форталезе, отмечается резкий рост показателей обсуждения, принятия решений и развития механизмов глобального управления, в частности в связи с созданием Нового банка развития БРИКС.

Показатели БРИКС в целом не уступают аналогичным результатам «Группы семи» в первые шесть лет ее существования с 1975 г. по 1980 г. Однако по сравнению с первыми шестью годами работы «Группы двадцати» наблюдается отставание БРИКС по всем параметрам за исключением посещаемости саммитов лидерами [Kirton, in press].

Факторы эффективности БРИКС

Модель концертного равенства (concert equality model) «Группы восьми» и модель системного хаба «Группы двадцати» в целом пригодны для объяснения динамики изменения показателей эффективности БРИКС, однако в данном случае второй фактор (провал многосторонних институтов) заменяет первый (уязвимость, вызванная кризисными явлениями) в качестве определяющего [Kirton, 2013a].

Уязвимость, вызванная кризисными явлениями

Первым фактором эффективности БРИКС является уязвимость, вызванная кризисными явлениями, проявившимися в таких сферах, как финансы, продовольственная безопасность, а также в форме имевших место вооруженных конфликтов. Глобальный финансовый кризис, признаки которого наблюдались в США, Великобритании и странах континентальной Европы еще в 2007 г., вступив в острую фазу в 2008 г., стал основной причиной созыва первого отдельного саммита БРИКС в июне 2009 г. в Екатеринбурге и, в чуть меньшей степени, первой встречи на полях «Группы восьми» летом 2008 г. К 2009 г. все страны БРИКС были серьезно затронуты кризисом, начавшимся в США и Великобритании, когда 15 сентября 2008 г. обанкротился инвестиционный банк Lehman Brothers, и быстро распространившимся и усугубившимся в последующие месяцы. Ослабление кризисных явлений после 2009 г. совпало со смещением фокуса БРИКС с вопросов финансовой стабильности в сторону других приоритетов. Еще одним шоковым фактором создания БРИКС послужил продовольственный кризис

2008 г. Подтверждением тому может служить обнародование лидерами стран БРИКС специального заявления по продовольственной безопасности по итогам первого саммита. Однако, несмотря на то что большинство стран БРИКС являются импортерами продуктов питания, воздействие продовольственного кризиса на них было минимальным, в отличие от других, более бедных развивающихся стран. Снижающаяся острота глобального продовольственного кризиса сопровождалась активизацией обсуждения продовольственной проблемы в рамках БРИКС в 2011 г., поскольку недостаток продуктов питания является хроническим для беднейших слоев населения.

Третьим шоком стала серия военных интервенций во главе с некоторыми странами «восьмерки», в первую очередь в отношении Ливии в 2011 г. Это подтолкнуло БРИКС к выражению несогласия с вмешательством в ливийский конфликт в 2011 г. и отстаиванию принципа невмешательства во внутренние дела, даже если подобные ситуации не касались стран БРИКС и их зарубежных союзников напрямую.

Провал многосторонних институтов

Второй фактор – провал многосторонних институтов – является более значительным. Неспособность Совета Безопасности ООН воспрепятствовать военной интервенции НАТО в Ливии, незавершенность реформы распределения голосов и структуры управления МВФ и провал Всемирного банка стали непосредственными причинами действий стран БРИКС, в частности по созданию Нового банка развития БРИКС в 2014 г. Неспособность Всемирной торговой организации (ВТО) завершить переговоры в рамках Дохийского раунда также подтолкнула деятельность БРИКС в сфере международной торговли.

«Группа восьми» также оказалась неспособна предоставить странам БРИКС полноправное место в своем составе на саммитах на о. Хоккайдо в 2008 г. и в Аквиле в 2009 г. Члены БРИКС присутствовали в качестве приглашенных гостей саммита на некоторых сессиях, а в Аквиле их статус был в еще большей степени размыт приглашением еще 40 лидеров в заключительный день форума. Показатели эффективности БРИКС значительно повысились в Форталезе в 2014 г., на первом саммите БРИКС после исключения России из «Группы восьми» в начале весны.

Коллективное превосходство и равенство возможностей

Немаловажную роль сыграл и третий фактор эффективности – коллективное превосходство и равенство возможностей стран БРИКС. С момента начала своей деятельности в 2009 г. страны БРИКС увеличили влияние в глобальном масштабе, продемонстрировав рост по показателям доли в мировом ВВП по паритету покупательной способности, темпам экономического роста и численности населения [Kirton, 2013a, 2013b]. Однако совокупная мягкая сила стран БРИКС по сравнению со странами «Группы семи» и другими членами «двадцатки» остается на достаточно низком уровне (Приложение Е).

Более того, проблему для объединения представляет баланс сил и равенство между членами. Китайская экономика превосходит по объему экономики всех остальных членов БРИКС вместе взятых. Темпы ее роста в 2013 г. и 2014 г. также были значительно выше, чем в других, замедляющихся странах. Включение в состав БРИКС ЮАР в 2011 г. снизило уровень равенства и гомогенности группы. Одним из последствий от-

носительного превосходства Китая в БРИКС стало размещение в этой стране штаб-квартиры Нового банка развития.

Общие характеристики и принципы

Четвертый фактор – наличие общих характеристик и принципов – также оказал определенное влияние на эффективность деятельности объединения. Большинство стран БРИКС являются крупными быстрорастущими экономиками с глобальными внешнеполитическими амбициями и значением. Многие из них также имели исторический опыт в качестве колоний европейских стран. Однако существует значительный разрыв между демократическими членами – Индией, Бразилией и ЮАР (IBSA с 2013 г.), с одной стороны, и Россией и Китаем, с другой. Китай и Индия имеют неразрешенный территориальный спор, так же как Россия и Япония в рамках «Группы восьми».

Внутриполитическая сплоченность

Пятый фактор – высокая степень контроля лидеров БРИКС над внутриполитической ситуацией в своих странах – способствовал достижению значительных успехов объединения. Каждый из лидеров в первые шесть лет функционирования БРИКС обладал надежным контролем над законодательными и судебными органами и центральным банком и пользовался поддержкой населения в своей стране.

Уровень преемственности также был высок. Индийский лидер Манмохан Сингх присутствовал на всех шести прошедших саммитах. От остальных государств участвовали по два лидера. Стабильной преемственностью может объясняться и повышение эффективности БРИКС, за исключением, разве что, значительного скачка в 2014 г.

Контролируемое членство в клубе как ядро сети

Существенное влияние было оказано и шестым фактором эффективности – контролируемым характером членства в клубе. Имея в своем составе лишь пять членов, с учетом вступления ЮАР в 2011 г., БРИКС является достаточно компактным объединением. Начиная с 2011 г. встречи проводятся дважды в год – это позволило БРИКС усилить взаимодействие, что должно способствовать формированию межличностных связей между членами группы. Все страны БРИКС также являются членами «Группы двадцати», Россия до 2014 г. входила и в БРИКС, и в «Группу восьми», Индия и ЮАР входят в Содружество наций, Россия и Китай – в ШОС. Кроме того, Россия, Китай и Индия принимают участие в работе форума «Азия –Европа».

Саммит 2014 г. в Форталезе

Шестой саммит БРИКС, проходивший в бразильском городе Форталеза 15 июля 2014 г., продемонстрировал успешное развитие БРИКС в направлении расширения повестки дня и активизации сотрудничества между членами объединения. Функционируя в формате неформального клуба на основе принципов равенства, БРИКС стремится к выражению интересов всех развивающихся стран.

Некоторые партнеры Бразилии по объединению отмечали неорганизованность процесса подготовки к саммиту. Бразильская сторона была озабочена проведением чемпионата мира по футболу, в связи с чем саммит был перенесен с традиционного

весеннего периода на середину июля. Кроме того, предметом беспокойства принимающей стороны были предстоявшие в октябре 2014 г. выборы, а также важнейший вопрос создания Банка развития БРИКС, переговоры по которому шли в течение длительного времени. Данная тема приобрела большую остроту в связи с заранее обреченной попыткой ЮАР разместить штаб-квартиру банка на своей территории. Твердое намерение китайской стороны расположить штаб-квартиру в Шанхае и усилия по привлечению сторонников привели к принятию Китаем некоторых предложений партнеров по БРИКС, отвергнутых ранее. Международная изоляция России, последовавшая за аннексией украинского Крыма, подтолкнула ее искать геополитическую поддержку у партнеров по БРИКС, что также способствовало смягчению переговорных позиций этой страны. Желание Бразилии провести успешный саммит в преддверии предвыборной кампании президента Д. Русеф и намерение преподнести соглашение о создании Банка развития БРИКС в качестве основного достижения саммита обусловило принятие бразильской стороной предложений партнеров, вносимых в текст Форталезской декларации, без изменений. Подобная динамика, характеризующаяся равной инициативой сторон и легкостью достижения компромиссов, наиболее очевидно проявилась в успехе ряда конкретных предложений ЮАР – наименее влиятельной из стран БРИКС.

Новый банк развития БРИКС

Главным достижением саммита в Форталезе стало долгожданное создание Нового банка развития БРИКС. Между членами БРИКС имели место многочисленные разногласия по многим аспектам работы банка. Потребовалось немало времени для согласования деталей данной инициативы, в частности расположения штаб-квартиры, кандидатуры первого президента, состава Совета директоров и распределения квоты взносов и голосов. В определенный момент во время саммита в Форталезе казалось, что достичь договоренности не удастся. Однако консенсус все же был достигнут. Лидеры осознали, что если им не удастся согласовать позиции по Банку развития «здесь и сейчас», то ими будет упущена историческая возможность, а другого шанса может не представиться. Таким образом, по общему мнению, был достигнут позитивный результат.

Решение о названии Нового банка развития было не плодом тщательных размышлений о значении слова «новый», а результатом компромисса. Предлагались различные варианты, от «Банк развития БРИКС» до «Инфраструктурный банк». В итоге было предложено и поддержано название со словом «новый».

Банк действительно оказался «новым» по ряду аспектов. Одним из них стало равное распределение взносов в капитал банка между пятью странами, в отличие от Всемирного банка, где доли и пропорциональное им число голосов распределены неравномерно (наибольшей долей располагают США). Данный вопрос был достаточно острым, так как китайская сторона хотела иметь бо́льшую долю, чем другие члены БРИКС. В итоге, однако, договоренность была достигнута на основе принципа равенства.

Согласно замыслу, Новый банк развития БРИКС должен не конкурировать, а дополнять усилия «старых» структур – Всемирного банка и Азиатского банка развития. Новый банк развития призван заполнить ниши, не занятые старыми. Такой подход соответствует интересам развивающихся стран, которых не устраивают обязательные условия, зачастую выдвигаемые МВФ и Всемирным банком, что отчетливо проявилось в период азиатского кризиса 1997 г. Одной из таких стран была Индонезия. Новый банк

развития будет в состоянии делать то, чего не могли или не хотели делать другие банки и МВФ.

Изначально предполагалось, что Новый банк развития ограничится традиционными инфраструктурными проектами, такими как строительство дорог и других объектов транспортной инфраструктуры. Однако один из высокопоставленных китайских чиновников высказал предположение, что со временем банк расширит свою деятельность в том числе в сфере социального развития. Главной задачей было обдумать роль стран БРИКС в мире и обозначить те сферы, где их коллективные усилия были бы наиболее эффективны и востребованы.

Постоянное членство в Совете Безопасности ООН

Вторым аспектом, по которому наблюдалось развитие БРИКС в направлении межличностного клуба, уравнивающего возможности его членов, был вопрос о реформировании системы постоянного членства в Совете Безопасности ООН (СБ). Эта проблема крайне чувствительна для нынешних постоянных членов СБ, рассматривающих расширение института постоянного членства как размывание их статуса, прав и влияния. Этот вопрос явился одним из многих, вызвавших существенные разногласия между странами БРИКС.

Каждый год на саммитах БРИКС команды шерп лидеров тратят много времени на согласование этой части итогового коммюнике. Индия, Бразилия и ЮАР (IBSA) придают большое значение признанию их права на повышение своего статуса в СБ и прилагают значительные усилия для продвижения этой темы. Китай и Россия, будучи постоянными членами СБ, всегда сопротивлялись. В Форталезе, однако, БРИКС удалось преодолеть разногласия и признать требования IBSA. Параграф 25 итоговой декларации гласит: «Китай и Россия вновь заявляют о том, что они придают важное значение статусу и роли Бразилии, Индии и Южной Африки в международных делах и поддерживают их стремление играть большую роль в ООН». На двух предыдущих саммитах страны IBSA безуспешно пытались провести подобную формулировку в более настоятельной форме. На этот раз более мягкая версия инициативы IBSA нашла свое место в итоговом документе саммита.

Сексуальные и репродуктивные права

Еще одним достижением саммита стало обязательство по защите сексуальных и репродуктивных прав. Параграф 57 итоговой декларации гласит: «Мы подтверждаем нашу твердую приверженность решению социальных проблем, и в частности проблем гендерного неравенства, нарушения прав женщин и проблем молодежи, и заявляем о нашей решимости обеспечить охрану сексуального и репродуктивного здоровья, а также репродуктивные права для всех». Данное предложение о сексуальных и репродуктивных правах было инициативой южноафриканской стороны, включенной в текст декларации без изменений. ЮАР делала аналогичные предложения в период подготовки к саммитам в Дели и Дурбане, однако безуспешно, даже несмотря на статус хозяина Дурбанского форума. Это было связано с сопротивлением России любым идеям, которые могли бы трактоваться как поддержка статуса и прав гомосексуального сообщества. Даже несмотря на то, что подобные настроения с российской стороны сохранялись и весной 2014 г., данная формулировка вошла в итоговый текст декларации БРИКС.

Социальное обеспечение и образование

Достижения имели место и в сферах социального обеспечения и образования. Так, п. 10 Форталезского плана действий предусматривает проведение «встречи министров или старших должностных лиц, отвечающих за вопросы социального обеспечения, “на полях” одного из односторонних мероприятий». Эта инициатива ЮАР стала развитием формулировки по вопросам народонаселения, предложенной южноафриканской стороной на саммите в Санье. Еще одним успехом ЮАР в Форталезе явился § 56, в котором вопросы образования увязывались с Целями развития тысячелетия и Целями устойчивого развития.

Заключение

Таким образом, наблюдалось развитие институциональной системы БРИКС, рост эффективности объединения до значительного уровня по всем шести измерениям и по всем элементам повестки дня, расширяющейся за счет вопросов политической безопасности. Причиной подобного развития явились в первую очередь не шоковые явления в финансовой сфере, а неспособность многосторонних организаций поколения 1940-х годов обеспечить пяти крупным развивающимся государствам достойное место, равные права и степень ответственности в современной международной системе, соответствующие их возможностям. Еще одним фактором успеха стала ускорившаяся институционализация БРИКС в качестве закрытого, компактного клуба, в рамках которого рациональные стимулы к сотрудничеству привели к налаживанию личных связей, которые, в свою очередь, способствовали развитию сотрудничества между участниками.

Литература

Abbott K.W., Keohane R., Moravcsik A., Slaughter A.M., Snidal D. (2000) The Concept of Legalization // International Organization. No. 54 (3). P. 401–420.

Acharya A. (2014) The End of American World Order. Cambridge: Polity.

Chin G. (2013) The Economic Diplomacy of the Rising Powers // The Oxford Handbook of Modern Diplomacy / A.F. Cooper, J. Heine, R. Thakur (eds). Oxford: Oxford University Press. P. 881–900.

Cooper A.F. (2014) The G20 and Contested Global Governance: BRICS, Middle Powers and Small States // Caribbean Journal of International Relations & Diplomacy. No. 2 (September). P. 87–109.

Cooper A.F., Faroog A.B. (2013) BRICS and the Privileging of Informality in Global Governance // Global Policy. No. 4 (4). P. 428–433.

Cooper A.F., Thakur R. (2014) The BRICS in the New Global Economic Geography // International Organization and Global Governance / T.G. Weiss, R. Wilkinson (eds). N.Y.: Routledge. P. 265–278.

Drezner Dan W. (2014) The System Worked: Global Economic Governance during the Great Recession // World Politics. No. 66 (January). P. 123–164.

Fituni L.I. (2014) From Boulders to Ashlars – BRICS of a New World Order: Hierarchies of Power and Degrees of Freedom in the Emerging World System of the Twenty-first Century // The BRICS and Beyond: The International Political Economy of the Emergence of a New World Order / Li Xing (ed.). Farnham: Ashgate. P. 93–110.

Government of India (2013) BRICS (Brazil, Russia, India, China and South Africa). Ministry of External Affairs. 7 March. Режим доступа: http: // www.mea.gov.in/in-focus-article.htm?21292/BRICS+Brazil+Russia+India+China+and+South+Africa (дата обращения: 29.01.2015).

Hansen F.S., Sergunin A. (2014) Russia, BRICS and Peaceful Coexistence // The BRICS and Coexistence: an Alternative Vision of World Order / L. Odgaard, T. Mandrup, C. de Coning (eds). L.: Routledge.

Harmer A., Buse K. (2014) The BRICS – A Paradigm Shift in Global Health? // Contemporary Politics. No. 20 (2). P. 127–145.

IORI (2015) BRICS Documents and Materials. Режим доступа: http: // www.hse.ru/en/org/hse/iori/bric (дата обращения: 29.01.2015).

Jones B. (2014) The G-20 in Crisis? Or the G-20 on Crisis? // The G-20 Summit at Five: Time for Strategic Leadership / K. Dervis, P. Drysdale (eds). Washington, D.C.: Brookings Institution Press.

Keukleire S., Hooijmaaijers B. (2014) The BRICS and Other Emerging Power Alliances and Multilateral Organizations in the Asia-Pacific and the Global South: Challenges for the European Union and Its Views on Multilateralism // Journal of Common Market Studies. No. 52 (3). P. 582–599.

Kirton J.J. (2012) Building Responsible Global Reform: the BRICS New Delhi Summit. 28–29 March. BRICS Research Group.

Kirton J.J. (2013a) Prospects for the BRICS and G20 Summits through China's Contribution // People's Daily Online. 22 March. Режим доступа: http: // www.brics.utoronto.ca/commentary/130322-kirton-peoplesdaily.html (дата обращения: 29.01.2015).

Kirton J.J. (2013b) G20 Governance for a Globalized World. Farnham: Ashgate.

Kirton J.J. (in press) Changing Global Governance for a Transformed World // The G8-G20 Relationship in Global Governance / J.J. Kirton, M. Larionova (eds). Farnham: Ashgate.

Kirton J.J., Bracht C., Kulik J. (in press) Slowly Succeeding: G20 Social Policy Governance // Actors and Agency in Global Social Governance / A. Kaasch, K. Martens (eds). Oxford: Oxford University Press.

Kirton J.J., Kulik J., Bracht C. (2014a) Generating Global Health Governance through BRICS Summitry // Contemporary Politics. No. 20 (2). P. 146–162.

Kirton J.J., Kulik J., Bracht C., Guebert J. (2014b) Connecting Climate Change and Health through Global Summitry // World Medical and Health Policy Journal. No. 6 (1). P. 73–100.

Kulik J. (2014) A BRICS Alliance Within the G20? Assessing the Performance of BRICS Members // Paper Prepared for the "Os papel dos BRICS nas Relacoes Internacionais Contemporaneas" at the 2nd Seminario Internacional Sobre Potencias Intermediarias. Belo Horizonte, Brazil. 12 September.

Li X. (2014) Introduction: Understanding the Hegemony and the Dialectics of the Emerging World Order // The BRICS and Beyond: The International Political Economy of the Emergence of a New World Order / X. Li (ed.). Farnham: Ashgate. P. 1–24.

Li X., Agustin O.G. (2014) Constructing and Conceptualizing "Interdependent Hegemony" in an Era of the Rise of the BRICS and Beyond // The BRICS and Beyond: The International Political Economy of the Emergence of a New World Order / X. Li (ed.). Farnham: Ashgate. P. 53–74.

Luckhurst J. (2013) Building Cooperation between BRICS and Leading Industrialized States // Latin American Policy. No. 4 (2). P. 251–68.

Modi R. (2014) BRICS and Bilaterals: Synergies and Contestations // The BRICS and Beyond: The International Political Economy of the Emergence of a New World Order / X. Li (ed.). Farnham: Ashgate. P. 75–92.

Nikonov V. (2014) BRICS Represents a Challenge to Western Domination // Russkyi Mir Foundation. Режим доступа: http: // russkiymir.ru/en/publications/140423 (дата обращения: 29.01.2015).

Niu H. (2015) A Chinese Perspective on the BRICS in 2015 // Council of Councils. 6 February.

O'Neill J. (2001) Building Better Global Economic BRICs // Goldman Sachs Global Paper, no 66. 30 November. Режим доступа: http: // www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/archive-pds/build-better-brics.pdf (дата обращения: 29.01.2015).

O'Neill J. (2012) Building BRICS: from Conceptual Category to Rising Reality // BRICS New Delhi Summit 2012: Stability, Security and Prosperity / M. Larionova, J.J. Kirton (eds). L.: Newsdesk Media. P. 24–25.

Patrick S. (2014) The Unruled World: the Case for Good Enough Global Governance // Foreign Affairs. No. 93 (1). P. 59–73.

Pertopoulos S. (2013) The Emergence of the BRICS – Implications for Global Governance // Journal for International and Global Studies. No. 4 (2). P. 38–49.

Roberts C. (2010) Russia's BRICs Diplomacy: Rising Outsider with Dreams of an Insider // Polity. No. 42 (1). P. 38–73.

Senokosov A.G. (n.d.) Novyj format integracii stran – liderov razvivausegosa mira [BRICS: The New Format of Integrating Countries – Leaders of Developing World] // Rodnaya Istoriya. Режим доступа: http: // rodnaya-istoriya.ru/index.php/rossiya-v-mirovix-processax/rossiya-v-raznix-formatax-mejdunarodnogo-sotrudnichestva/briks-noviie-format-integracii-stran-liderov-razvivayushegosya-mira.html (дата обращения: 29.01.2015).

Stuenkel O. (2012) Can the BRICS Cooperate in the G-20? A View from Brazil // Economic Diplomacy program. December. Режим доступа: http: // ri.fgv.br/sites/default/files/publicacoes/Can%20the%20 BRICS%Co-operate%20in %20the%20G-20.pdf (дата обращения: 29.01.2015).

Zhong R. (2014) Putin to Visit India to Boost Trade and Investment Ties // Wall Street Journal. 9 December. Режим доступа: http: // www.wsj.com/articles/putin-to-visit-india-to-boost-trade-and-investment-ties-1418141674 (дата обращения: 29.01.2015).

Приложение А. Встречи БРИКС

А1. Ежегодные саммиты (2009–2014 гг.)

1	16 июня 2009 г.	Екатеринбург, Россия
2	16 апреля 2010 г.	Бразилиа, Бразилия
3	14 апреля 2011 г.	Санья, Китай
4	29 марта 2012 г.	Нью-Дели, Индия
5	25–26 марта 2013 г.	Дурбан, ЮАР
6	15–16 июля 2014 г.	Форталеза, Бразилия

А2. Встречи на полях (2008–2014 гг.)

1	9 июля 2008 г.	Хоккайдо, Япония («Группа восьми»+)
2	3 ноября 2011 г.	Канны, Франция («Группа двадцати»)
3	18 июня 2012 г.	Лос-Кабос, Мексика («Группа двадцати»)
4	5 сентября 2013 г.	Санкт-Петербург, Россия («Группа двадцати»)
5	15 ноября 2014 г.	Брисбен, Австралия («Группа двадцати»)

А3. Встречи министров иностранных дел (2006–2014 гг.)

1	21 сентября 2006 г.	Нью-Йорк, США	ООН
2	24 сентября 2007 г.	Нью-Йорк, США	ООН
3	16 мая 2008 г.	Екатеринбург, Россия	
4	26 сентября 2008 г.	Нью-Йорк, США	ООН
5	16 мая 2009 г.	Екатеринбург, Россия	
6	24 сентября 2009 г.	Нью-Йорк, США	ООН
7	21 сентября 2010 г.	Нью-Йорк, США	ООН
8	23 сентября 2011 г.	Нью-Йорк, США	ООН
9	24 ноября 2011 г.	Москва, Россия	
10	26 сентября 2012 г.	Нью-Йорк, США	ООН
11	26 сентября 2013 г.	Нью-Йорк, США	ООН
12	24 марта 2014 г.	Гаага, Нидерланды	Саммит по ядерной безопасности, встреча «Группы семи»
13	25 сентября 2014 г.	Нью-Йорк, США	ООН

А4. Встречи министров финансов (2008–2014 гг.)

1	7 ноября 2008 г.	Сан-Паулу, Бразилия	«Группа двадцати»
2	13 марта 2009 г.	Хоршам, Великобритания	«Группа двадцати»
3	4 сентября 2009 г.	Лондон, Великобритания	«Группа двадцати»
4	22 сентября 2011 г.	Вашингтон, США	«Группа двадцати»
5	11 октября 2012 г.	Токио, Япония	
6	25 февраля 2012 г.	Мехико, Мексика	
7	11 октября 2013 г.	Вашингтон, США	
8	11 апреля 2014 г.	Вашингтон, США	
9	15 июля 2014 г.	Форталеза, Бразилия	

А5. Встречи министров сельского хозяйства (2010–2014 гг.)

1	26 марта 2010 г.	Москва, Россия
2	29 октября – 1 ноября 2011 г.	Чэнду, Китай
3	29 октября 2013 г.	Претория, ЮАР

А6. Встречи министров торговли и экономического развития (2010–2014 гг.)

1	Апрель 2010 г.	Рио-де-Жанейро, Бразилия
2	13 апреля 2011 г.	Санья, Китай
3	14 декабря 2011 г.	Женева, Швейцария
4	28 марта 2012 г.	Нью-Дели, Индия
5	19 апреля 2012 г.	Пуэрто-Вальярта, Мексика
6	26 марта 2013 г.	Дурбан, ЮАР
7	14 июля 2014 г.	Форталеза, Бразилия

Источник: [IORI, 2015; Government of India, 2013].

А7. Встречи министров здравоохранения

1	Май 2010 г.	Женева, Швейцария
2	11 июля 2011 г.	Пекин, Китай
3	Сентябрь 2011 г.	Нью-Йорк, США (Заседание ООН на высшем уровне по неинфекционным заболеваниям)
4	22 мая 2012 г.	Женева, Швейцария (ВОЗ)
5	10–11 января 2013 г.	Нью-Дели, Индия
6	20 мая 2013 г.	Женева, Швейцария (WHA)
7	7 ноября 2013 г.	Кейптаун, ЮАР
8	20 мая 2014 г.	Женева, Швейцария
9	5 декабря 2014 г.	Бразилиа, Бразилия

А8. Встречи министров науки и инноваций

1	10 февраля, 2013 г.	Кейптаун, ЮАР

А9. Встречи министров образования

1	Ноябрь 2013 г.	Париж, Франция

Источник: Декларация саммита в Форталезе, § 56.

Приложение Б. Оценка эффективности саммитов БРИКС

Саммит	Политическое управление на национальном уровне		Обсуждение		Принятие решений	Реализация решений		Развитие механизмов глобального управления	
	Посещение, %	Упоминания	Кол-во слов	Кол-во документов		Оценка исполнения	Кол-во оцениваемых обязательств	Внутр.	Внеш.
2009 г. Екатеринбург	100	0	1844	2	16	1,00	1	2	13
2010 г. Бразилиа	100	1	2436	1	46	0,27	3	16	34
2011 г. Санья	100	5	2253	1	38	0,54	7	12	28
2012 г. Дели	100	2	4415	2	32	0,28	5	32	43
2013 г. Дурбан	100	3	4789	2	47	0,48	5	26	51
2014 г. Форталеза	100	10	21907	3	91	н/д	н/д	н/д	58
Всего	100	21	37644	11	270		21	21	146
Среднее	100	3,5	6274	1,8	45	0,41	3,5	4,2	24

Примечание. Учитываются только документы лидеров, принятые на саммитах БРИКС.

Политическое управление на национальном уровне: участие лидеров стран БРИКС в саммите.

Упоминания: упоминания стран БРИКС в документах саммита.

Обсуждение: число документов принятых лидерами на саммите и количество слов в них.

Принятие решений: число обязательств, определенное по методологии Исследовательской группы БРИКС.

Реализация решений: оценки выставляются по шкале от –1 (неисполнение обязательства) до +1 (полное исполнение обязательства). В таблице представлен средний балл по всем оцениваемым обязательствам.

Развитие механизмов глобального управления: внутренние – упоминания институтов БРИКС в документах саммита; внешние – упоминания других международных институтов.

Приложение В. Приоритеты БРИКС (по функции обсуждения), %

Сфера	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Финансовый кризис	21,5	18,1	14,4	12,2	9,3	9,1
Реформа МФИ	12,9	21,1	7,9	12,5	8,3	18,7
Обменные курсы	7,2	5,9	4,4	0,0	0,0	0,0
Макроэкономическая политика	56,8	43,2	40,5	39,2	25,0	13,9
Занятость	0,0	6,4	1,2	7,3	9,0	4,3
Торговля и инвестиции	35,7	6,8	11,5	25,5	19,2	11,7
Развитие	35,2	40,8	40,2	36,4	60,1	30,9
Здравоохранение	6,8	7,3	14,4	16,3	15,4	6,6
Продовольствие и сельское хозяйство	6,8	8,9	17,7	0,0	0,0	0,0
Преступность и коррупция	0,0	0,0	0,0	0,5	2,7	4,0
Терроризм	5,6	5,1	4,6	6,4	9,2	5,4
Нераспространение (контроль за вооружениями)	0,0	0,0	8,8	8,9	2,6	3,0

Приложение Г1. Распределение обязательств БРИКС по сферам, 2009–2014 гг.

Сфера	Всего	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Всего за год	269	16	45	38	32	47	91
Финансовое регулирование	4		2	2			
Реформа МФИ	11	1	4	1	2	2	1
Макроэкономическая политика	22		4	5	1	2	10
Социально-экономические проблемы	17	1	1	4	2		9
Развитие	27	1	7	1	3	13	2
Торговля	25		4	5	9	3	4
Труд и занятость	1						1
Глобальные проблемы							
Энергетика	19	5	11	1	2		
Изменение климата	12		2	6	3		1
Окружающая среда	3						3
Продовольствие и сельское хозяйство	6			1	1		4
Здравоохранение	2			1	1		
Международное сотрудничество	33					9	24
ИКТ	5	1		2			2
Образование	7		3				4
Природные катастрофы	4	1	2	1			
Права человека	7			1		1	5
Проблемы политической безопасности							
Благое управление	4	1	1	1		1	
Подотчетность	2			1		1	
Преступность и коррупция	11				1	1	9
Нераспространение	3					1	2
Терроризм	5			1	1	1	2
Региональная безопасность	10			1			9
Политические вопросы	4	1			3		
Мир и безопасность	10	1			1	8	
Общие							
Поддержка «Группы двадцати»	4	1	1	1	1		
ООН	6	1	3	1	1		
Институционализация				1			

Примечание. Сост. C. Bracht, O. Milkina (октябрь 2014 г.).

Источник: Совместное заявление стран БРИК по глобальной продовольственной безопасности.

Приложение Г2. Исполнение обязательств саммитов БРИКС, 2009–2013 гг. (*N* = 21)

Обязательство	Сфера	Текст	Средний балл	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР
2009 Екатеринбург, Россия (*N* = 1)								
2009–	Продовольственная безопасность	«Страны БРИК поддерживают принятие широкого спектра средне- и долгосрочных мер с целью решения проблемы продовольственной безопасности»	1	1	1	1	1	
Средний балл			1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	
2010 Бразилиа, Бразилия (*N* = 3)								
2010–15	Развитие	«Мы подтверждаем важность Декларации тысячелетия ООН и необходимость достижения Целей развития тысячелетия. Мы подчеркиваем важность предотвращения потенциальной неэффективности усилий бедных стран, направленных на достижение этих Целей, в силу последствий финансово-экономического кризиса. Мы должны также предпринять настойчивые усилия для достижения Целей развития тысячелетия к 2015г., в том числе путем осуществления технического сотрудничества и оказания финансовой помощи бедным странам в реализации политики развития и обеспечении социальной защиты их населения»	1	1	1	1	1	
2010–19	Торговля	«Мы обязуемся и призываем все государства оказывать противодействие любым формам торгового протекционизма»	–1	–1	–1	–1	–1	
2010–29	Энергетика	«Мы будем стремиться диверсифицировать наши энергоструктуры путем увеличения – там, где это уместно, – доли возобновляемых источников энергии»	0,80	1	0	1	1	
Средний балл			0,27	0,33	0,00	0,33	0,33	
2011 Санья, Китай (*N* = 7)								
2011–04	Региональная безопасность	«Мы намерены продолжить наше сотрудничество в Совете Безопасности ООН по Ливии»	0,40	0	1	–1	1	1

Обязательство	Сфера	Текст	Средний балл	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР
2011–13	Реформа МФИ	«Отмечая, что международный финансовый кризис выявил несовершенства и недостатки существующей международной валютно-финансовой системы, мы поддерживаем реформу и совершенствование международной валютной системы, в которой система международных резервных валют будет обеспечивать стабильность и предсказуемость»	0,20	0	0	1	1	-1
2011–14	Финансы	«Мы поддерживаем усилия международного сообщества по укреплению сотрудничества в целях обеспечения стабильности и уверенного развития как физических рынков за счет уменьшения действия искажающих факторов, так и дальнейшего регулирования финансовых рынков»	0,40	1	0	1	0	0
2011–17	Изменение климата	«Мы поддерживаем Канкунские договоренности»	0,80	1	1	1	0	1
2011–27	Здравоохранение	«Мы подчеркиваем твердую решимость усиливать диалог и сотрудничество в сферах общественного здравоохранения, включая борьбу с ВИЧ/СПИД»	1,00	1	1	1	1	1
2011–28	Развитие	«Мы поддерживаем развитие инфраструктуры в Африке и ее индустриализацию в рамках Нового партнерства для развития Африки (НЕПАД)»	0,60	1	0	1	1	0
2011–30	Торговля	«Мы договорились и далее расширять и углублять торговое сотрудничество между нашими странами»	0,40	0	0	1	1	0
Средний балл			0,54	0,58	0,43	0,71	0,71	0,29
2012 Нью-Дели, Индия ($N = 5$)								
2012–3	Реформа МФИ	«Мы будем работать с международным сообществом в интересах своевременной мобилизации достаточных ресурсов для МВФ по мере продолжения перехода Фонда к более совершенному управлению и к укреплению легитимности»	0,20	0	0	0	1	0

Обязательство	Сфера	Текст	Средний балл	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР
2012–9	Торговля	«Считая ЮНКТАД центральным элементом системы ООН для рассмотрения вопросов торговли и развития, мы намерены прилагать усилия к совершенствованию сложившихся направлений ее деятельности в сфере формирования консенсуса, технического сотрудничества и исследований вопросов экономического развития и торговли»	0,00	0	–1	1	0	0
2012–23	Изменение климата	«Мы продолжим работу по реализации Конвенции по биоразнообразию и ее протоколов, уделяя особое внимание Нагойскому протоколу о доступе к генетическим ресурсам и справедливом и равноправном разделе прибыли, получаемой от их использования, реализации Стратегического плана по биоразнообразию на 2011–2020 гг., а также Стратегии мобилизации ресурсов»	0,20	0	1	1	–1	0
2012–25	Развитие	«Мы придаем важнейшее значение экономическому росту, который содействует развитию и стабильности в Африке, поскольку многие из стран континента не полностью реализовали свой экономический потенциал. Мы будем продвигать сотрудничество с целью поддержки их усилий по ускорению диверсификации и модернизации их экономик. Это будет достигаться путем развития инфраструктуры, обмена знаниями и поддержки расширенного доступа к технологиям, наращиванием потенциала и инвестированием в человеческий капитал, в том числе в рамках «Нового партнерства в интересах развития Африки» (НЕПАД)»	0,40	0	0	0	1	1
2012–27	Энергетика	«Мы будем расширять использование чистых и возобновляемых источников энергии, а также энергосберегающих и альтернативных технологий для удовлетворения возрастающих потребностей наших экономик и народов и решения проблем, связанных с климатом»	0,60	0	1	0	1	1
Средний балл			0,28	0,00	0,20	0,40	0,40	0,40
2013 Дурбан, ЮАР (*N* = 5)								

Обязательство	Сфера	Текст	Средний балл	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР
2013–9	Развитие	«В рамках Нового партнерства для развития Африки (НЕПАД) мы поддерживаем африканские страны в процессе их индустриализации за счет наращивания потенциала»	0,60	1	1	1	1	–1
2013–14	Макроэкономическая политика	«Мы будем изучать возможности сотрудничества в области МСП и признаем необходимость содействия развитию диалога между соответствующими министерствами и ведомствами, отвечающими за данную сферу, особенно в целях продвижения международных обменов и сотрудничества, а также поддержки инноваций, научных исследований и разработок»	0,20	0	0	1	1	–1
2013–21	Торговля	«Мы вновь подтверждаем свою поддержку открытой, транспарентной и основанной на совокупности правил многосторонней торговой системе»	1	1	1	1	1	1
2013–31	Преступность и коррупция	«Мы поддерживаем усилия, нацеленные на борьбу с незаконным оборотом опиатов, идущих из Афганистана, в рамках Парижского пакта»	0,20	0	1	0	1	–1
2013–36	Терроризм	«Мы вновь заявляем о своем решительном осуждении терроризма во всех его формах и проявлениях и подчеркиваем, что не может быть никакого оправдания любым террористическим актам. Считаем, что ООН принадлежит центральная роль в координации международных действий против терроризма в рамках Устава ООН и в соответствии с принципами и нормами международного права. В этом контексте мы поддерживаем реализацию Глобальной контртеррористической стратегии Генеральной Ассамблеи ООН и полны решимости укреплять сотрудничество в противодействии этой глобальной угрозе»	0,40	0	1	1	0	0
Средний балл			0,48	0,40	0,80	0,80	0,80	–0,40
Средний балл по всем саммитам			0,41	0,46	0,49	0,66	0,65	0,06

Приложение Д. Упоминания институтов в документах саммитов БРИКС

	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Число документов	2	1	1	2	2	3
Международные институты*						
«Группа двадцати»	3	6	5	5	2	2
ООН	6	9	10	15	25	44
ВТО	2	2	3	2	5	3
ФАО	1	0	0	0	0	0
Всемирный зерновой форум	1	0	0	0	0	0
МВФ	0	4	1	8	4	32
Международный банк реконструкции и развития	0	1	0	0	0	0
Международная финансовая корпорация	0	1	0	0	0	0
Институты Бреттон-Вудской системы	0	1	0	0	0	0
Всемирный банк	0	3	0	8	0	1
Совет по финансовой стабильности	0	1	0	0	0	0
Глобальный форум	0	1	0	0	0	0
World Expo	0	1	0	0	0	0
Содружество наций	0	1	0	0	0	0
Всемирные студенческие игры	0	1	0	0	0	0
Кубок мира FIFA	0	1	1	0	0	0
Олимпийские игры	0	1	2	0	0	0
Африканский союз	0	0	2	0	6	5
НЕПАД	0	0	1	1	2	0
Универсиада	0	0	2	0	0	0
Молодежная олимпиада	0	0	1	0	0	0
Лига арабских государств	0	0	0	1	0	0
МАГАТЭ	0	0	0	2	1	1
Многосторонняя основа для устойчивого развития	0	0	0	1	0	0
Международные финансовые институты	0	0	0	0	2	1
Многосторонние банки развития	0	0	0	0	1	0
Региональные банки развития	0	0	0	0	1	0
Международная ассоциация развития	0	0	0	0	1	0
Экономическое сообщество стран Западной Африки	0	0	0	0	1	1
Новый банк развития	0	0	0	0	0	161

	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Организация по запрещению химического оружия	0	0	0	0	0	1
«Группа семидесяти семи»	0	0	0	0	0	1
Всего упоминаний институтов БРИКС	2	16	12	32	26	58
Всего упоминаний других институтов	13	34	28	43	51	253

* Перечислены в порядке появления в документах. Единицей анализа является одно предложение.

Приложение Е. Восприятие стран БРИКС в мире, май 2013 г.

Страна	В основном позитивное, %	В основном негативное, %	Сумма баллов (место)
Германия (G7)	59	15	+44 (1)
Канада (G7)	55	13	+42 (2)
Великобритания (G7)	55	18	+37 (t)
Япония (G7)	51	27	+24 (7)
Франция (G7)	49	21	+28 (4)
ЕС	49	21	+28 (4)
Бразилия (БРИКС)	46	21	+25 (6)
США (G7)	45	34	+11 (8)
Китай (БРИКС)	42	39	+03
Корея (G20)	36	31	+05
ЮАР (БРИКС)	35	30	+05
Индия (БРИКС)	34	35	–01
Россия (БРИКС)	30	40	–10
G7 среднее	51	21	30 (1–6, 8)
БРИКС среднее	37	33	04 (7, 9, 11–13)

Источник: BBC World Survey, май 2013.

Explaining the BRICS Summit Solid, Strengthening Success

J.J. Kirton

John J. Kirton – Professor, Co-director of BRICS Research Group, Director of G8 Research Group, Co-director of G20 Research Group, University of Toronto; 1 Devonshire Place, Room 209 N, Toronto, M5S 3K7 Ontario, Canada; E-mail: john.kirton@utoronto.ca

Abstract

An analysis of BRICS summit performance, since its start on the margins of the G8's Hokkaido Summit in 2008 through to its gathering at the G20's Brisbane Summit in November 2014, shows the BRICS emerging as a solid, increasingly comprehensive, cooperative success, both alone and within the G20, on behalf of all emerging countries. This success is due primarily to the failure of the other international institutions from 1944–45 and 1975 to give the leading emerging powers an equal, effective place and thus to solve the new, compounding global financial and other challenges and crises arising since 2008. The BRICS is a plurilateral summit institution growing in membership, agenda and interaction intensity, with its summit performance rising to a substantial level across an increasing array of major dimensions of global summit governance. This performance has been driven somewhat by the global financial, economic and food shocks since 2008, but primarily by the failure of the multilateral organizations from the 1940's, the G8-Plus process from 2003 and the first two G20 summits to give the big emerging powers the equal role, rights, responsibilities and effective influence warranted by their rising relative capability and international openness and needed to solve the new challenges of an intensely interconnected world. BRICS has also been due to the increasing institutionalization of the group as a constricted, compact club, where rational incentives to cooperate have slowly developed personal bonds that enhanced cooperation among the participants themselves.

Key words: BRICS, G20, G7, global governance institutions, global governance

References

Abbott K.W., Keohane R., Moravcsik A., Slaughter A.M., Snidal D. (2000) The Concept of Legalization. *International Organization*, no 54 (3), pp. 401–420.

Acharya A. (2014) *The End of American World Order*. Cambridge: Polity.

Chin G. (2013) The Economic Diplomacy of the Rising Powers. *The Oxford Handbook of Modern Diplomacy* (eds. A.F. Cooper, J. Heine and R. Thakur). Oxford: Oxford University Press, pp. 881–900.

Cooper A.F. (2014) The G20 and Contested Global Governance: BRICS, Middle Powers and Small States. *Caribbean Journal of International Relations & Diplomacy*, no 2 (September), pp. 87–109.

Cooper A.F. and Faroog A.B. (2013) BRICS and the Privileging of Informality in Global Governance. *Global Policy*, no 4 (4), pp. 428–433.

Cooper A.F. and Thakur R. (2014) The BRICS in the New Global Economic Geography. *International Organization and Global Governance* (eds. T.G. Weiss and R. Wilkinson). New York: Routledge, pp. 265–278.

Drezner Dan W. (2014) The System Worked: Global Economic Governance during the Great Recession. *World Politics*, no 66 (January), pp. 123–164.

Fituni L.I. (2014) From Boulders to Ashlars – BRICS of a New World Order: Hierarchies of Power and Degrees of Freedom in the Emerging World System of the Twenty-first Century. *The BRICS and Beyond: The International Political Economy of the Emergence of a New World Order* (ed. Li Xing). Farnham: Ashgate, pp. 93–110.

Government of India (2013) *BRICS (Brazil, Russia, India, China and South Africa)*. Ministry of External Affairs. 7 March. Available at: http://www.mea.gov.in/in-focus-article.htm?21292/BRICS+Brazil+Russia+India+China+and+South+Africa (accessed 29 January 2015).

Hansen F.S., Sergunin A. (2014) Russia, BRICS and Peaceful Coexistence. *The BRICS and Coexistence: an Alternative Vision of World Order* (eds. L. Odgaard, T. Mandrup and C. de Coning). London: Routledge.

Harmer A., Buse K. (2014) The BRICS – A Paradigm Shift in Global Health? *Contemporary Politics*, no 20 (2), pp. 127–145.

IORI (2015) *BRICS Documents and Materials*. Available at: http://www.hse.ru/en/org/hse/iori/bric (accessed 29 January 2015).

Jones B. (2014) The G-20 in Crisis? Or the G-20 on Crisis? *The G-20 Summit at Five: Time for Strategic Leadership* (eds. K. Dervis and P. Drysdale). Washington, D.C.: Brookings Institution Press.

Keukleire S. and Hooijmaaijers B. (2014) The BRICS and Other Emerging Power Alliances and Multilateral Organizations in the Asia-Pacific and the Global South: Challenges for the European Union and Its Views on Multilateralism. *Journal of Common Market Studies*, no 52 (3), pp. 582–599.

Kirton J.J. (2012) *Building Responsible Global Reform: the BRICS New Delhi Summit*. 28–29 March. BRICS Research Group.

Kirton J.J. (2013a) Prospects for the BRICS and G20 Summits through China's Contribution. *People's Daily Online*. 22 March. Available at: http://www.brics.utoronto.ca/commentary/130322-kirton-peoplesdaily.html (accessed 29 January 2015).

Kirton J.J. (2013b) *G20 Governance for a Globalized World*. Farnham: Ashgate.

Kirton J.J. (in press) Changing Global Governance for a Transformed World. *The G8-G20 Relationship in Global Governance* (eds. J.J. Kirton and M. Larionova). Farnham: Ashgate.

Kirton J.J., Bracht C. and Kulik J. (in press) Slowly Succeeding: G20 Social Policy Governance. *Actors and Agency in Global Social Governance* (eds. A. Kaasch and K. Martens. Oxford: Oxford University Press.

Kirton J.J., Kulik J. and Bracht C. (2014a) Generating Global Health Governance through BRICS Summitry. *Contemporary Politics*, no 20 (2), pp. 146–162.

Kirton J.J., Kulik J., Bracht C. and Guebert J. (2014b) Connecting Climate Change and Health through Global Summitry. *World Medical and Health Policy Journal*, no 6 (1), pp. 73–100.

Kulik J. (2014) A BRICS Alliance Within the G20? Assessing the Performance of BRICS Members. *Paper Prepared for the "Os papel dos BRICS nas Relacoes Internacionais Contemporaneas" at the 2*nd *Seminario Internacional Sobre Potencias Intermediarias*. Belo Horizonte, Brazil. 12 September.

Li X. (2014) Introduction: Understanding the Hegemony and the Dialectics of the Emerging World Order. *The BRICS and Beyond: The International Political Economy of the Emergence of a New World Order* (ed. X. Li). Farnham: Ashgate, pp. 1–24.

Li X. and Agustin O.G. (2014) Constructing and Conceptualizing «Interdependent Hegemony» in an Era of the Rise of the BRICS and Beyond. *The BRICS and Beyond: The International Political Economy of the Emergence of a New World Order* (ed.X. Li). Farnham: Ashgate, pp. 53–74.

Luckhurst J. (2013) Building Cooperation between BRICS and Leading Industrialized States. *Latin American Policy*, no 4 (2), pp. 251–268.

Modi R. (2014) BRICS and Bilaterals: Synergies and Contestations. *The BRICS and Beyond: The International Political Economy of the Emergence of a New World Order* (ed. X. Li). Farnham: Ashgate, pp. 75–92.

Nikonov V. (2014) BRICS Represents a Challenge to Western Domination. *Russkyi Mir Foundation*. Режим доступа: http://russkiymir.ru/en/publications/140423 (дата обращения: 29.01.2015).

Niu H. (2015) A Chinese Perspective on the BRICS in 2015. *Council of Councils*. 6 February.

O'Neill J. (2001) Building Better Global Economic BRICs. *Goldman Sachs Global Paper*, no 66. 30 November. Available at: http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/archive-pds/build-better-brics.pdf (accessed 29 January 2015).

O'Neill J. (2012) Building BRICS: from Conceptual Category to Rising Reality. *BRICS New Delhi Summit 2012: Stability, Security and Prosperity* (eds. M. Larionova and J.J. Kirton). London: Newsdesk Media, pp. 24–25.

Patrick S. (2014) The Unruled World: the Case for Good Enough Global Governance. *Foreign Affairs*, no 93 (1), pp. 59–73.

Pertopoulos S. (2013) The Emergence of the BRICS – Implications for Global Governance. *Journal for International and Global Studies*, no 4 (2), pp. 38–49.

Roberts C. (2010) Russia's BRICs Diplomacy: Rising Outsider with Dreams of an Insider. *Polity*, no 42 (1), pp. 38–73.

Senokosov A.G. (n.d.) Novyj format integracii stran – liderov razvivausegosa mira [BRICS: The New Format of Integrating Countries – Leaders of Developing World] *Rodnaya Istoriya*. Available at: http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/rossiya-v-mirovix-processax/rossiya-v-raznix-formatax-mejdunarodnogo-sotrudnichestva/briks-noviie-format-integracii-stran-liderov-razvivayushegosya-mira.html (accessed 29 January 2015).

Stuenkel O. (2012) Can the BRICS Cooperate in the G-20? A View from Brazil. *Economic Diplomacy program*. December. Available at: http://ri.fgv.br/sites/default/files/publicacoes/Can%20the%20BRICS%Co-operate%20in %20the%20G-20.pdf (accessed 29 January 2015).

Zhong R. (2014) Putin to Visit India to Boost Trade and Investment Ties. *Wall Street Journal*. 9 December. Availableat:http://www.wsj.com/articles/putin-to-visit-india-to-boost-trade-and-investment-ties-1418141674 (accessed 29 January 2015).

Апробация клубного механизма взаимодействия БРИКС: Новый банк развития от концепции до становления[1]

Э.Ф. Купер, А.Б. Фарук[2]

Купер Ф. Эндрю – доктор философии, профессор факультета политологии и Школы международных отношений Бэлсилли Университета Ватерлоо, директор Центра исследований быстрых глобальных изменений Университета Ватерлоо; 200 University Avenue West, Waterloo, ON N2L 3G1, Canada; E-mail: acooper@uwaterloo.ca

Фарук Б. Асиф – докторант факультета политологии Университета Торонто и научный сотрудник Центра исследований быстрых глобальных изменений Университета Ватерлоо; 100 St. George Street, Toronto, ON M5S 3G3, Canada; E-mail: asif.farooq@mail.utoronto.ca

В статье рассматривается вопрос о том, как страны – члены БРИКС смогли преодолеть институциональные барьеры и достичь прогресса в учреждении Нового банка развития за короткий период времени с момента появления идеи его создания. В статье утверждается, что клубный механизм взаимодействия стран – членов БРИКС помог им избежать конфликта внутри объединения благодаря взаимной заинтересованности в определении статуса. Также он создал неформальную институциональную платформу, дающую пространство для маневра между конкурирующими интересами стран – членов БРИКС, через символическое участие в развитии Банка. Клубная дипломатия сглаживает расхождения, одновременно усиливая вопросы, представляющие общий интерес для стран – членов БРИКС. Такой подход подвергается испытанию, когда внимание участников группы смещается от запросов, ориентированных вовне, к коллективному действию. Необходимость реформирования глобальной системы, в том числе путем более объективного распределения голосов и влияния в международных финансовых институтах (МВФ и Всемирном банке), способствовала дальнейшему укреплению механизма клуба между странами – членами БРИКС. В то же время стимул для их собственной смелой инициативы, такой как учреждение Нового банка развития с перспективой крупных инвестиций в инфраструктуру, отмеченный в других странах глобального Юга, демонстрирует символичную потребность выйти за рамки статус-кво.

Ключевые слова: Банк БРИКС, клубный механизм взаимодействия, многосторонность, институционализм, Новый банк развития, БРИКС, сотрудничество в финансовой сфере

Введение

Страны – члены БРИКС достигли значительного прогресса в создании Нового банка развития и закрепили институциональные связи внутри группы. С момента, когда инициатива была впервые выдвинута Индией на саммите в Нью-Дели в 2011 г., возможность стран – членов БРИКС реализовать ее рассматривалась скептически не только

[1] Перевод выполнен м.н.с. Научно-исследовательского центра содействия международному развитию Института международных организаций и международного сотрудничества НИУ ВШЭ Е.А. Сафонкиной.

[2] Авторы благодарны А.Е. Абденур, Ю. Боуэн, М. Миллермэну и Э. Деркс, а также всем участникам конференции по БРИКС в Парме, Италия (2014 г.) за ценные комментарии.

из-за значительных различий их стратегических интересов, но также из-за недостатка институционального потенциала для преодоления этих различий. Тем не менее страны БРИКС смогли претворить умозрительную концепцию в жизнь для стимулирования развития инфраструктуры в 2014 г. на саммите в г. Форталеза (Бразилия) с первоначальным резервом в 50 млрд долл. США с равными долями каждой страны – члена БРИКС. Кроме того, страны – члены БРИКС договорились о создании Пула условных валютных резервов в размере 100 млрд долл. США для противодействия будущим финансовым кризисам.

Несмотря на достигнтый прогресс, способность БРИКС преодолеть затруднения на пути к учреждению Нового банка развития остается вопросом, ставящим в тупик. Во-первых, удивительно, что группа стран может взаимодействовать в такой важной сфере, когда их интересы как региональных держав и устремления как глобальных держав являются конкурирующими. В действительности на геополитическом уровне две страны БРИКС – Китай и Индия – недавно пережили обострение конфликта из-за пограничного спора, который в начале 1960-х годов стал причиной войны. В более широком смысле две страны активно вовлечены в региональную балансировку сил с использованием соседних стран. Хотя экономические стимулы для расширения инвестиций в инфраструктуру Индии, Бразилии и Южной Африки могут объяснить, почему эти страны могли сотрудничать на многосторонней основе в рамках БРИКС, они не дают понимания возможностей подобного сотрудничества, учитывая их разнонаправленные интересы. Более того, нормативные различия между странами – членами БРИКС достаточно существенны, поэтому вызывает сомнения степень устойчивости их сотрудничества по экономическим вопросам, которое не учитывает социально-политические различия между ними.

Во-вторых, многосторонность как механизм содействия развитию, на первый взгляд, кажется менее привлекательной в сравнении с двусторонним сотрудничеством с точки зрения выигрыша для внешней политики. Это предубеждение распространено среди новых доноров, таких как страны – члены БРИКС, поскольку они уже используют свои ограниченные ресурсы для помощи в целях развития в форме льготных займов или коммерческих кредитов. Некоторые страны – члены БРИКС уже достигли значительных успехов за короткий период времени, установив контакты со многими странами глобального Юга. Если Новый банк развития в конечном счете начнет осуществлять кредитование за пределами «клуба пяти» (споры по этому вопросу еще продолжаются среди стран БРИКС), успехи внешней политики, которых они могли бы достичь благодаря более активному двустороннему сотрудничеству, снизятся для отдельных стран – членов БРИКС.

В этих условиях целесообразно более внимательно изучить разные точки зрения по вопросу о том, каким образом страны – члены БРИКС преодолели эти существенные разногласия. Иными словами, какие факторы помогли странам – членам БРИКС справиться с препятствиями при создании Нового банка развития? В рамках анализа мы рассматриваем клубную модель как одну из форм многостороннего сотрудничества. Через призму концептуальных и эмпирических доказательств мы показываем, что клубный механизм взаимодействия помогает объяснить, каким образом страны – члены БРИКС преодолевают значительные препятствия при создании Нового банка развития.

Преодоление препятствий посредством клубного механизма

Многосторонность – это то, что, по мнению Рагги, изменяет понятие «институт». Институты представляют собой устойчивое множество устанавливающих, регулирующих и процессуальных норм и правил, формальных и неформальных, которые «предписывают поведенческие роли, ограничивают деятельность и формируют ожидания» [Keohane, 1989, p. 732]. Рагги утверждает, что многосторонность является формой институционального поведения двух или более государств на основании универсальных принципов поведения [Ruggie, 1992]. Государства часто делегируют задачи независимым агентам посредством многосторонних режимов. Многосторонние институты могут быть формальными или неформальными самоизбранными институтами, такими как ООН, «Группа двадцати», АСЕАН, Всемирный банк, МВФ и Банк международных расчетов. Наряду с преимуществами работы через многосторонние институты и делегирования этим форумам задач [Keohane et al., 2009], существуют и недостатки. Согласно Барнетту и Финнемору, одним из недостатков делегирования задач многостороннему институту является неэффективное и эмоциональное поведение, выражающееся в иррациональности императивов, бюрократическом универсализме, нормативности нарушений, обособленности и культурном противостоянии [Barnett, Finnemore, 1999]. Исходя из подхода «ведущего агента» Нилсон и Тирни предупреждают о вероятности утраты государством контроля над многосторонними институтами, когда задачи делегируются им государствами [Nielson, Tierney, 2003].

Что касается международной помощи развитию как особой сферы деятельности, государства слабо заинтересованы в участии в многосторонних структурах, поскольку они с большей вероятностью могут реализовать цели внешней политики посредством двусторонних механизмов. Государства извлекают выгоду из двусторонней помощи развитию, поскольку могут влиять на политические предпочтения страны-реципиента помощи в пользу страны-донора [Baldwin, 1985]. Двусторонняя помощь развитию также помогает заручиться поддержкой национальных законодателей, учитывая, что они осуществляют более весомое управление. Помощь развитию многих крупных доноров, например Канады и Австралии, не только менее эффективна, чем общественная поддержка, но эти страны также осторожно относятся к общественному мнению и сокращают объемы помощи, когда в периоды экономических трудностей общественная поддержка снижается, что также можно наблюдать на примере США [Otter, 2003]. Кроме того, общественность имеет склонность осторожно относиться к помощи развитию посредством многосторонних институтов, несмотря на признание ее пользы [Milner, Tingley, 2012].

Тем не менее ученые выяснили, почему государства продолжают участвовать в многосторонних институтах, несмотря на имеющиеся недостатки [Balogh, 1967; Easterly, Pfutze, 2008; Hawkins et al., 2006; Ikenberry, 2001; Koremenos et al., 2001; Ruggie, 1993]. Многие отмечают, что международная помощь развитию через многосторонние механизмы может быть более эффективной, и тем самым она имеет преимущество перед двусторонними механизмами. Однако здесь упускается концептуальная ясность, которая объясняет инициативы многосторонних институтов, выдвигаемые развивающимися странами, в частности БРИКС, страны-члены которого имеют конкурирующие и разнонаправленные интересы и стремления. Эти различия не только создают «дефицит доверия», но также затрудняют сотрудничество и координацию на долгосрочный период. Во-первых, показатели экономического роста стран – членов БРИКС неравномерны [Sharma, 2012]. Несмотря на согласованную политику по неко-

торым глобальным вопросам, страны БРИКС все еще не могут выступать как сильная коалиция [Brütsch, Papa, 2013]. Хотя общие внешнеполитические интересы стран – членов БРИКС не ограничиваются вопросом суверенности, распределение голосов БРИКС в ООН также демонстрирует расходящиеся внешнеполитические интересы внутри БРИКС [Ferdinand, 2014].

Разногласия внутри БРИКС проявляются также в региональных притязаниях стран-членов. Экономический рост будет способствовать распространению военной и экономической мощи стран – членов БРИКС, тем самым нарушая порядок и стабильность международной системы [Brawley, 2007]. Однако статус развивающейся страны БРИКС предполагает конкуренцию, которая во многом соотносится с заявлениями реалистов. Как отмечает Миршаймер, когда государства постоянно соперничают за относительные выгоды, гипотетически они не могут сотрудничать [Mearsheimer, 1995]. Автор-реалист полагает, что дефицит доверия из-за интересов национальной безопасности всегда отбивает у государств желание сотрудничать для совместной выгоды из-за опасения неудач, непродуктивного участия и ряда других последствий. Это также проявляется в расхождениях по вопросам безопасности между странами БРИКС. Растущая военная и дипломатическая мощь Китая представляет собой угрозу для региональных устремлений Индии. Страны вели войну из-за спорного района границы. Двухнедельная военная конфронтация в Ладакхе в 2014 г. ухудшила их отношения. Индия в своей внешней политике достигла значительных успехов, ее возможности еще соответствуют растущим ожиданиям, не говоря уже о дипломатическом мастерстве Китая [Mansingh, 2010]. Хуан отмечает, что отношения Китая и Индии имеют больше спорных вопросов, чем взаимных интересов [Huang, 2011]. Бразилия также настороженно относится к распространению влияния Китая в Южной Америке. Хотя в русле распространения дипломатии развивающихся стран предпринимательские стремления Бразилии расширили ее дипломатический охват за пределы региона, распространив влияние страны в глобальном масштабе [Christensen, 2013], слабые показатели ее экономики в последнее время вызвали скептическое отношение к возможностям Бразилии как развивающейся державы. Дипломатическое мастерство Китая и помощь развитию, что Курланцик назвал «наступление очарованием» Китая [Kurlantzick, 2007], бросают вызов интересам и устремлениям Бразилии, Индии и Южной Африки на африканском континенте. Кроме того, несмотря на рост торговли между странами – членами БРИКС, увеличение торгового дефицита также идет на пользу Китаю.

Данные различия демонстрируют, что в то время как постколониальная теория утверждает, что страны БРИКС имеют идеологическое и историческое сходство, поскольку все они, за исключением России, прошли через колониальное подчинение, солидарность внутри БРИКС, основанная на риторике «Юг – Юг», преодолевает всю сложность их взаимоотношений. Таким образом, хотя постколониальная идеологическая солидарность помогает им выработать общее обоснование позиции «мы против них» в мировоззрении, разногласия и неравномерные экономические и политические показатели на Юге они объясняют расхождением между Севером и Югом. Бразилия в большей степени относится к Югу, нежели ее расположенные севернее партнеры [Armijo, Burges, 2009].

Кроме того, страны – члены БРИКС имеют идеологические и институциональные различия [Armijo, 2008]. Индия, Бразилия и Южная Африка активно используют в своих интересах демократический строй для реализации «мягкой силы». Эти страны даже создали группу IBSA, которая «пропагандирует» их согласованную позицию, основывающуюся на «совместной политической идентичности», другими словами,

позиционируя демократию в качестве ключевого элемента [Vieira, Alden, 2011]. Управление демократией в России и однопартийная КНР представляют прямую противоположность остальным странам БРИКС.

Эти различия рассматриваются многими экспертами как подрывающие способность БРИКС к сотрудничеству в многостороннем формате и доминированию как мощного блока при установлении нового мирового порядка. Скептически настроенные эксперты отмечают, что БРИКС представляет собой слишком «разрекламированный» вызов существующим державам и это не что иное как страны, не слишком связанные между собой [Stephens, 2011][3]. В то время как Лексютина отмечает, что консолидация инициативы БРИКС является инструментом для проникновения Китая в глобальное экономическое управление [Leskyutina, Kamau, 2014], Глосни утверждает, что БРИК(С) не представляет собой вызов существующему международному порядку. Замечание Пан Чжунъина в этом же ключе – он рассматривает вопрос влияния БРИКС посредством создания Нового банка развития с консервативной точки зрения. По его мнению, преждевременно утверждать, что Новый банк развития – это «вызов» (Tiǎozhàn) или же, что он представляет «альтернативу» (tìdài) существующим глобальным институтам [Zhongying, Pang, 2014]. В этой связи Е. Ю (Y. Yu), как и Чжэнь Чжунтянь, отмечает, что БРИКС может способствовать наращиванию отношений «Юг – Юг», как и «Север – Юг», поскольку Новый банк развития дополняет МВФ и другие банки развития [Yu, 2014; Zhongtian, 2014]. Чжу Цзецзинь отмечает, что Новый банк развития – это попытка «внутреннего развития» (Nèi móu fāzhǎn, wài cù gǎigé) среди стран БРИКС и внешней реформы глобального управления [Jiejin, 2014]. Некоторые исследователи также приводят более детальное обоснование способности БРИКС бросить вызов международному неолиберальному порядку [Glosny, 2009]. Неспособность БРИКС представить себя качественно отличающимся от иерархической неолиберальной архитектуры мира – хотя это не указывает на смещение в системе – подтверждает внутреннюю слабость группы как блока, для того чтобы быть серьезным вызовом для традиционных держав [Gray, Murphy, 2013].

Несмотря на ограниченность механизмов внутри БРИКС, у стран была возможность институционализации БРИКС как неформального института, и они продемонстрировали реальный прогресс в институционализации Нового банка развития как формальной организации. Это вызывает вопрос о том, как группа в виде многостороннего неформального института возникла с самого начала. Для ответа на него исследователи используют расширенные обоснования, например, Коременос и другие ученые исходят из функционального подхода и утверждают, что государства создают институты, отражающие их рациональные и служащие определенной цели интересы [Koremenos, Lipson, Snidal, 2001]. М. Глосни отмечает, что Китаю БРИКС необходим в меньшей степени, нежели другим членам БРИКС необходим Китай. Он с функциональной точки зрения обосновывает, почему Китай осуществляет сотрудничество в рамках БРИКС. Глосни утверждает, что БРИКС помогает снизить зависимость своих стран – членов от США, ограничить односторонность США, усилить солидарность «Юг – Юг» и координацию между членами БРИК(С), что позволяет им влиять на международные вопросы [Glosny, 2009]. Подобным образом считает Абденур: «С геополитической точки зрения БРИКС помогает Китаю противостоять лидерству США без прямого противостояния» [Abdenur, 2014]. Россия, из-за ограниченности ее возможно-

[3] В оригинальном тексте используется выражение “brics without mortar”, дословно означающее «не скрепленные между собой кирпичи». Игра слов: акроним БРИКС созвучен с существительным «кирпич».

стей в одностороннем порядке противостоять влиянию США, несмотря на то что пробуждающаяся мощь Китая противоречит ее интересам, использует возвышение Китая в отношении влияния западных стран и защищает свои геополитические интересы под прикрытием институционального возвышения БРИКС [Roberts, 2009]. Экономическое влияние ЮАР, а также предпринимаемые усилия по установлению и сохранению мира на континенте, реализация «мягкой силы» посредством таких механизмов, как НЕПАД, подкрепляются политической платформой, обнаруженной в БРИКС. С. Алден и М. Шумен пишут о том, что «членство в БРИКС становится как доказательством статуса, так и инструментом для укрепления этого статуса» [Alden, Schoeman, 2013]. Помимо геополитических интересов, экономические стимулы доказывают функциональное объяснение способности стран – членов БРИКС сотрудничать, преодолевая взаимные расхождения, что нередко используется как соответствующее объяснение сотрудничества Китая и Индии в БРИКС [Sasikumar, Rusko, 2007].

Грегори Чен также придерживается сходного функционального подхода при объяснении того, что члены БРИКС создали Новый банк развития, несмотря на их расходящиеся интересы [Chin, 2014]. Согласно этой аргументации, установленный набор институтов, в особенности Всемирный банк и Азиатский банк развития, не отвечали потребностям развития инфраструктуры в развивающихся странах. Структура управления этих институтов также не менялась, как того требовали страны – члены БРИКС для соответствия меняющейся расстановке глобальных держав. В дополнение к этому Чен утверждает, что «Группа двадцати» также не смогла достичь какого-либо значимого прогресса в удовлетворении потребности инвестиций в инфраструктуру, он говорит об имитации исполнения этого обязательства «двадцаткой» [Chin, 2014] в ходе саммитов в рамках французского и мексиканского председательств, после того как данный приоритет был обозначен на саммите в Сеуле в 2010 г. Таким образом, «не должно вызывать удивления, что правительства БРИКС приступили к созданию альтернативного институционального механизма для мобилизации финансирования в инфраструктуру в развивающихся странах» [Chin, 2014].

В то время как подобные толкования с точки зрения функционального подхода дают информативные доказательства причин сотрудничества стран – членов БРИКС, они не могут объяснить, как страны БРИКС сотрудничают в многостороннем формате, что делает возможным для них не только реализацию собственных потребностей, но и позволяет преодолеть расхождение интересов. Применение модели клуба обеспечивает содержательное представление о внутреннем функционировании группы, в данном случае БРИКС, позволяющем им продвинуть инициативу по созданию Нового банка развития. В последующих разделах мы вначале рассмотрим вызовы, возникавшие в процессе создания Банка, а затем расскажем, почему клубный механизм взаимодействия помогает объяснить как страны – члены БРИКС смогли преодолеть изначальные препятствия.

Институциональные барьеры создания Нового банка развития

Создание Нового банка развития опровергает скептические представления о том, что БРИКС имеет недостаточный институциональный потенциал для достижения значимых результатов. Даже более важен тот факт, что Новый банк развития представляет собой формальное институциональное продолжение БРИКС как неформального

клуба. Таким образом, Новый банк развития служит и будет являться проверкой для неформального клубного механизма взаимодействия БРИКС, поскольку создание и окончательное согласование механизмов функционирования банка является отражением политической устойчивости БРИКС как неформального клуба. Невзирая на декларативный характер заявления, сделанного на саммите в Нью-Дели, о банке развития «Юг – Юг» под руководством БРИКС с начальными средствами в размере 50 млрд долл. США и Пуле условных валютных резервов в размере 100 млрд долл. США для противодействия будущим финансовым кризисам, прогресс в отношении функциональных моментов работы банка был достигнут не сразу [Press Information Bureau, 2013]. Ставки были значительно подняты, тем самым проверяя клуб БРИКС, поскольку необходимо было перейти от концепции к реализации, а соглашение нуждалось в проработке многих сложных вопросов.

По сути дела, первым серьезным вызовом внутри БРИКС стала необходимость договориться о распределении ресурсов. Страны – члены БРИКС имели двойственные, в некоторой степени даже противоположные взгляды в отношении предполагаемого финансирования банка. Сюй Цинхун, начальник отделения Управления банковского надзора Комиссии по регулированию банковской деятельности Китая, отмечал: «Между нами существовали значительные расхождения... Если посмотреть на историю других многосторонних институтов, я полагаю, что подобная оценка целесообразности займет много времени и будет испытывать наше терпение. С саммита в Дели до настоящего времени в Китае было много сомнений в отношении данного предложения» [Krishnan, 2012]. Осторожную позицию Китая разделяли Россия и Бразилия, «затаившиеся», когда идея банка была первоначально предложена[4]. Индийские официальные лица до саммита в Дурбане в 2013 г. включительно придерживались плана, согласно которому для запуска банка необходим первоначальный капитал в размере 50 млрд долл. США с равными долями от каждой страны – члена БРИКС. Бразилия поддерживала это предложение. Однако Китай, обладая преимуществом крупных международных валютных резервов свыше 3 трлн долл., продвигал иную модель. Эта модель опиралась на финансовые возможности стран и предполагала первоначальный капитал в размере 100 млрд долл. США, что дало бы возможность Китаю внести значительный вклад в базовый капитал банка, тем самым приобретая большее влияние по сравнению с другими странами, создающими Новый банк развития[5]. В то же время, отдавая предпочтение пропорциональным взносам, Россия препятствовала утверждению конкретной суммы финансирования банка на саммите в Дурбане. Россия с недоверием отнеслась к тому, какие выгоды для ее национальных интересов может дать создание нового института. Заместитель министра финансов России С. Рябков подчеркнул, что декларативные заявления БРИКС относительно банка далеки от реальности [Bloomberg, 2013].

Предложение по финансированию отражает глубинные структурные неравномерные экономические возможности стран – членов БРИКС. В то время как вклад в размере 10 млрд долл. США был незначительным для Китая, ВВП которого во много раз превышал совокупный ВВП остальных стран – членов БРИКС, увеличение данной суммы было бы затруднительным для Южной Африки. Для ЮАР 10 млрд долл.

[4] Statements A.A. Bokareva for news agencies after the meeting of Finance Ministers and Central Bank Governors of the Member States G20. Режим доступа: http://www1.minfin.ru/ru/press/speech/index.php?id4=15700 (дата обращения: 27.03.2015).

[5] Brics Nations Broadly Agree on Capital Structure of Bank // The Wall Street Journal. 2013. 28 August. Режим доступа: http://online.wsj.com/news/articles/SB10001424127887324463604579040742992443078 (дата обращения: 27.03.2015).

США составляли более 2,5% ВВП и их выделение было одобрено только потому, что инициатива рассматривалась как приоритетная возможность финансирования инфраструктурных проектов страны, а также проектов в других странах африканского континента.

Впоследствии до начала встречи министров финансов БРИКС в 2012 г. в Токио Сюй Цинхун выразил озабоченность тем, что «неэкономические факторы» могут помешать созданию Банка. Действительно, неэкономические факторы скрывались в напряженных переговорах между Китаем и Индией в определении развития Банка. Отношение Китая часто вынуждало Индию занимать защитную позицию и усугубляло их неравномерные ощущения своего влияния. Существовало предположение, что Китай стремится частично профинансировать доли других стран – членов БРИКС для решения проблемы финансирования Банка. Подобная схема теоретически могла помочь Китаю занять лидирующую позицию в обеспечении безопасности и усовершенствовании своей политической повестки дня. С точки зрения Индии это могло ухудшить сложные взаимоотношения с Китаем. Индия была обеспокоена тем, что лидирующая роль Китая может сделать Банк схожим с международными финансовыми институтами в отношении принятия решений, отодвинув на задний план права голоса и интересы других членов [Reuters, 2014]. Индия даже рассматривала возможность включения в состав Банка развитых стран, где они получили бы миноритарный пакет акций (40–45%) как доноры, чтобы Китай не смог играть всеобъемлющую роль, учитывая его финансовую мощь.

Второй дискуссионный вопрос был связан с размещением штаб-квартиры Банка. Китай, Индия и Южная Африка стремились к тому, чтобы Банк размещался на их территории. Несмотря на то, что вопрос не был вначале основным источником разногласий, он решался медленно из-за того, что расположение теоретически могло дать символическое, если не реальное, преимущество стране, в которой расположена его штаб-квартира. Индия поддерживала точку зрения, что данный вопрос остался вдохновляющим стимулом для Банка, чему соответствует заявление премьер-министра Индии Сингха на саммите в Дурбане: «Идеи, которые мы впервые обсуждали в Нью-Дели, по созданию механизма для использования излишка накоплений для инвестиций в инфраструктуру развивающихся стран, приобрели конкретную форму» [Economic Times, 2013]. Тем не менее предположения о том, что умозрительные устремления могут воплотиться в физическое владение, не разделялись. С одной стороны, замечание индийского эксперта Джаганата Панды из Института исследований и анализа вопросов безопасности аналитического центра в Нью-Дели демонстрирует позиции Индии и Китая по вопросу размещения штаб-квартиры банка: «Индия рассматривает БРИКС как экономический проект, в то время как Китай – как в большей степени политический... Китайская сторона изначально поддерживала идею о том, что Банк должен располагаться в Южной Африке, чтобы она могла иметь влияние на этом континенте. Индия хотела, чтобы Банк размещался на ее территории» [Mance, 2012]. С другой стороны, Южная Африка в соответствии с первоначальным интересом Китая активно продвигала идею размещения Банка на своей территории не только из-за символического значения, но и из-за прочности южноафриканских финансовых институтов. Однако Китай впоследствии начал настаивать на том, чтобы Банк располагался в Шанхае, чему способствовали его ключевые «интеллектуальные центры». Центр по финансовым исследованиям Университета Фудань отмечал после саммита в Нью-Дели: «Китай должен стремиться к тому, чтобы стать штаб-квартирой для банка БРИКС» [Fudan University, 2015].

Затем последовал схожий спор о том, какая валюта должна использоваться для операций Банка. Меморандум о согласии, подписанный на саммите в Нью-Дели, дал возможность банкам развития стран – членов БРИКС предоставлять кредиты в их национальных валютах. Как было отмечено выше, процесс ухода от доллара США послужил гипотезе о контроле Китая посредством интернационализации юаня, особенно потому, что Китай имел стимул для продвижения собственной валюты в целях снижения валютных рисков в финансировании развития. Официальные представители Министерства финансов Индии продвигали точку зрения, согласно которой задача банка состоит в том, чтобы стать средством для «легитимизации» использования китайской валюты за пределами страны [The Times of India, 2012b].

Наконец, главный предмет спора заключался в способе управления Банком. Бразилия хотела, чтобы Банк имел кредитную структуру, подобную Андской корпорации развития. По вопросу кредитования предпочтения стран – членов БРИКС все еще различаются: должен ли Банк БРИКС кредитовать только страны – члены БРИКС или же и страны, не входящие в БРИКС. Китай и Южная Африка стремятся расширить свою клиентскую базу за счет стран, не входящих в БРИКС. Однако Индия стремится к более сосредоточенному подходу и опасается, что ее скудные средства будут использоваться для кредитования других стран, в то время как ее собственные потребности не удовлетворены. Это также вызывает вопросы о том, какой может и должен быть критерий для кредитования. Одновременно с этим возник вопрос о роли (или ее отсутствии) гражданского общества в Банке БРИКС. Давние критики недостаточной прозрачности и подотчетности, представляющие глобальное гражданское общество, высказывали опасения, не станет ли Банк БРИКС «тем же самым, что и раньше, только в большем объеме» [Oxfam, 2014].

Несмотря на различия предпочтений, страны – члены БРИКС продемонстрировали значительный прогресс по завершению изначальной основы для Банка. По словам президента России В. Путина, «Банк БРИКС станет одним из крупнейших многосторонних финансовых институтов развития в мире» [Reuters, 2014]. Неформальный клубный механизм сотрудничества позволил странам – членам БРИКС взаимодействовать без каких-либо серьезных институциональных препятствий, таких как организационные проблемы, «дедлайны», воздействие разобщенных бюрократических групп и борьба за сферы влияния, которые наблюдаются в формальных институтах.

Концептуальная ясность: проверка клубного механизма взаимодействия БРИКС и Нового банка развития

После шести последовательных саммитов БРИКС сформировался как многосторонний институт, обладающий учредительными, регулирующими и процессуальными нормами. Однако институционально БРИКС сохраняет характеристики модели неформального клуба. Подобный тип институционального механизма показывает модель клуба, в котором участие ограничено, члены обладают привилегиями устанавливать повестку для принятия решений, пользуются эксклюзивными благами, также модель «действует как хаб, который сглаживает расхождения и предотвращает возможность конфликтов вследствие несходства во взглядах» [Tsingou, 2014].

Замкнутость БРИКС основывается как на внутреннем, так и на внешнем определении статуса. Между собой страны – члены БРИКС используют статус «развивающиеся страны». Определение статуса происходит благодаря признанию партнеров, которое имеет как положительные, так и негативные последствия. Оно является по-

ложительным, поскольку утверждает и закрепляет статус среди членов. В то же время оно может быть негативным, поскольку демонстрирует конкурирующие устремления за геополитическую власть. Определение статуса в рамках модели клуба также показывает, насколько политическим является определение статуса, когда замкнутость вызывает вопросы о том, кто находится внутри него, а кто нет. В случае со структурой БРИКС насущными вопросами являются следующие: почему Южная Африка стала членом БРИКС, а Нигерия – нет? Почему была включена Бразилия, а Мексика – нет? Почему в качестве второго азиатского государства в состав вошла Индия, а Индонезия не вошла? Подобная выборочная составляющая выдвигает на первый план политику включения и исключения. Таким образом, институциональный статус «развивающейся державы» действует как один из исключаемых приоритетов, которые клуб БРИКС предлагает своим членам.

На международной арене страны – члены БРИКС занимают позицию, основанную на идее солидарности стран «Юг – Юг» и реализуемую посредством их лидерства в представлении развивающихся стран. Хотя страны – члены БРИКС призывают к реформированию международных финансовых институтов и ООН для усиления представительства глобального Юга, они в первую очередь и являются основными и крупнейшими бенефициарами определения статуса в институциональном плане. Реформа распределения голосов, как в МВФ, так и во Всемирном банке, принесет выгоду прежде всего странам – членам БРИКС и/или другим крупным странам, не входящим в клуб, а не более широкому глобальному Югу. Выгода от внешнего восприятия статуса и поиска статуса всецело индивидуальна для каждой страны – члена БРИКС, в то время как для более широкого глобального Юга она субъективно рассеивается.

В то же время БРИКС обеспечивает своих членов преимуществом международного статуса, которое выгодно каждому участнику [Stuenkel, 2014]. Выражаясь словами Хэмпсона и Хейнбекера [Hampson, Heinbecker, 2011], БРИКС – это новая форма многосторонности, которая заключает в себе форму влияния, означающую не только «совместную ответственность» за принятие роли лидера от лица всего сообщества Юга, но также «совместное использование преимущества» международного статуса посредством коллективных притязаний на роль восходящего лидера членами клуба. Призыв БРИКС к реформе МВФ является важным примером этому. Страны – члены БРИКС активно продвигают реформу квот МВФ с момента финансового кризиса 2008 г. Министр финансов Бразилии Г. Мантега призывал к пересмотру принципов МВФ по выбору директоров и сотрудников, для того чтобы процесс набора персонала в большей степени охватывал и Юг. Коммюнике министров финансов 2011 г. содержит формулировку их риторического бремени по отношению к глобальному Югу: «Мы обеспокоены медленным продвижением реформ квот и управления МВФ. Реализация реформы 2010 г. запаздывает. Мы должны осуществить пересмотр формулы квот к январю 2013 г. и завершить следующий пересмотр квот к январю 2014 г. Необходимо повысить легитимность и эффективность Фонда. Мы подтверждаем нашу поддержку мер для защиты интересов и представительства беднейших стран – членов МВФ» [Russia & India Report, 2013].

Однако зачастую подобное символическое направление политики [Fourcade, 2013] более влиятельное, нежели способность членов преобразовывать их нужды в осязаемые выгоды. Хотя БРИКС сделал вопрос реформирования МВФ центральным элементом своей деятельности, какой-либо значимый успех не был достигнут, учитывая затягивание реформы со стороны США и европейских стран.

С момента становления идеи Нового банка развития анализ СМИ показывает два различающихся образа БРИКС. С одной стороны, в одном кластере анализа активно рекламируется проект БРИКС по созданию Нового банка развития как предвестника нового мирового порядка, где развивающиеся державы предлагают свою собственную повестку дня посредством институциональных инноваций, уходящих от существующих институтов Бреттон-Вудской системы [Arkhipov, 2013; Huffington Post, 2014; Pilling, 2014; Press TV, 2013]. С другой стороны, второй кластер ставит под вопрос институциональную способность БРИКС создать Новый банк развития [Al Jazeera, 2013; Warner, 2012; World Politics Review, 2012; Yardley, 2012]. Президент Азиатского банка развития Т. Накао отмечал недостаток возможностей БРИКС для создания банка: «... создать банковское дело не так просто, поскольку оно предполагает поиск новых проектов, их финансирование и мониторинг использования средств и выплат» [Economic Times, 2013]. Эти различающиеся точки зрения стимулировали страны БРИКС к переходу от слов к делу. Рассуждя об экономической выгоде России от присоединения к БРИКС, Хрысева и Оникова отмечают, что, несмотря на то что Новый банк развития обеспечивает экономическую выгоду для стран, входящих в него, успешное развитие банка также может способствовать увеличению дохода без дополнительных капиталовложений для каждой страны – члена БРИКС в их переговорах с Севером [Khryseva, 2013]. По этой причине Новый банк развития укрепил свою позицию как проверочный тест сотрудничества и координации между странами – членами БРИКС. С этой точки зрения институциональные бонусы для членов БРИКС были значительными для углубления взаимодействия клуба по устранению взаимных разногласий и достижения прогресса по завершению создания Банка. Накануне саммита в Дурбане президент Южной Африки Дж. Зума отметил: «БРИКС – это не ток-шоу. Это серьезное объединение... Мы можем обсуждать вопросы и принимать решения. Если, например, мы говорим о широко известном создании Банка развития, мы обсуждали этот вопрос не так давно и незамедлительно поручили нашим министрам финансов проработать возможность его создания. Сейчас мы готовы приступить к его реализации» [Russia & India Report, 2013].

Банк также стал символическим вызовом для способности стран – членов БРИКС осуществлять институциональные инновации в многостороннем формате. Го и Жэнь отмечают, что, несмотря на неопределенность, окружавшую Новый банк развития, это попытка БРИКС сделать шаг вперед с точки зрения институциональных инноваций в отсутствие должного представительства Юга в международных организациях [Hongyu, Weiwei, 2014]. Данная позиция также находит отражение в комментарии премьер-министра Индии Н. Моди, который приветствовал Новый банк развития как новый этап сотрудничества стран – членов БРИКС [Zee News, 2014]. Он отметил, что Банк и Пул условных валютных резервов БРИКС демонстрируют «нашу способность создавать институты» [The Times of India, 2014]. То же самое заявила президент Бразилии Д. Русеф: «... эти инициативы показывают, что, несмотря на наши различия, страны БРИКС привержены прочному и эффективному союзу» [The Times of India, 2012a].

Задача по завершению установления Банка БРИКС также стала продолжением коллективной способности стран – членов БРИКС к управлению финансовыми, макроэкономическими вызовами и вызовами развития, что находит отражение в заявлении президента России В. Путина по случаю установления Банка: «Это будет очень мощный механизм для предотвращения новых экономических вызовов в глобальном сценарии, учреждение Банка также создаст основу для значительных макроэкономиче-

ских изменений... [Банк] позволит нам реализовывать совместные планы для развития наших стран [Lewis, Trevisani, 2014].

Банк также дал странам – членам БРИКС возможность обратить внимание международного сообщества на то, что они могут найти альтернативное решение в случае, если существующие международные финансовые институты не смогут достичь прогресса в удовлетворении спроса развивающихся стран. Действительно, при запуске Банка БРИКС в Форталезе президент Бразилии Д. Русеф отметила, что банк – «символ нашего времени, которое требует реформирования МВФ» [Soto, Boadle, 2015]. Она также отметила, что «даже самые скептически настроенные представители вынуждены признать значительный вклад стран блока БРИКС в международную экономику» [Durban, 2013]. Новый банк развития БРИКС как символическое определение статуса развивающихся стран и их способности удовлетворить свои устремления призван обратить внимание западных стран на политические потребности БРИКС. Банк символизирует дальнейшее усиление сотрудничества, несмотря на взаимные расхождения, и, таким образом, выступает значимым политическим стимулом для завершения его учреждения. Не удивительно, что аналитик Марк Адамонис отметил: «... десять лет назад создание подобного Банка было бы встречено насмешками в Вашингтоне, Лондоне, Париже и других западных столицах. Они, конечно, сейчас не смеются» [The BRICS Post, n.d.]. Когда многие заявляли, что БРИКС – это только слова, а не реальное содержание, Д. Пиллинг из Financial Times написал после принятия важных решений БРИКС на саммите в Форталезе: «... это действительно маленькое чудо, когда пять стран, чьи инициалы сформировали броский акроним, так быстро смогли перейти от БРИКС к цельному банку» [Pilling, 2014].

Заключение

В данном исследовании рассмотрена модель клуба, которая подчеркивает способность БРИКС претворить идею создания Банка в реальность. Создание механизма, который выделяет сходства и смягчает расхождения, стало предпосылкой для этого прорыва. Это действительно так, если учесть не только общий фон внутренних противоречий внутри БРИКС, но и особые побудительные факторы для предпринимательства Индии, идущие вразрез с интересами и устремлениями Китая.

Тем не менее, даже сталкиваясь с подобными сложностями, клубный механизм взаимодействия поддержал и обеспечил создание Нового банка развития. Что касается структуры, цена ошибки для Индии и других членов, которые имели изначальные опасения в отношении Банка, была бы слишком высока в случае, если бы реализация инициативы застопорилась в самом начале. Чувство «западни» (изначально сформировавшееся в самоизбранном клубе с небольшим количеством членов со всеми свойствами возвышающихся крупных держав), включающее давление относительно результативности клуба, упростило принятие соглашения, даже если результаты были несимметричными. Институциональный статус Нового банка развития привел к конкретным итогам.

Неформальная организация БРИКС послужила значимым фактором. У всех стран был стимул поддержать способность клуба работать сообща, нежели чем обвинять других членов. Тот факт, что страна-председатель – Бразилия – на саммите в Форталезе не стала стремиться к таким же ставкам в переговорах, подтверждает общее стремление достичь положительного результата.

Наконец, сложные элементы, задействованные при создании Нового банка развития, позволили прямой сделке между государствами стать основным фактором. Образ Китая, победившего в приобретении штаб-квартиры Нового банка развития, был определен более широким распределением благ среди стран – членов БРИКС. И любое последствие поражения для Индии было смягчено особыми политическими обстоятельствами, в которых любые взаимные обвинения могли быть направлены на предыдущее правительство Сингха, нежели новое правительство Моди.

Для подчеркивания преимуществ модели клуба не нужно преуменьшать внутренние проблемы БРИКС при создании Нового банка развития. Как отмечалось, БРИКС создал формальный институт, во многом расходящийся с неформальным клубным механизмом взаимодействия БРИКС. С институциональной точки зрения, как предвещало соперничество за расположение штаб-квартиры Нового банка развития, эта формализованность неизбежно вызовет различные и, возможно, более напряженные конфликты в отношении регламента работы. Подобная уязвимость в свою очередь будет усилена реальной практической деятельностью Нового банка развития, включая выборку получателей.

Несмотря на сказанное выше, неформальная модель клуба обеспечила хороший фундамент для БРИКС. При первом тестовом сценарии странам БРИКС удалось использовать модель клуба для управления конфликтами с большой гибкостью и устойчивостью в наращивании сотрудничества посредством особой, ключевой и очевидной инициативы. Для группы, которая обычно рассматривалась как группа, в большей степени сосредоточенная на своем статусе, нежели на результатах, это является значимым достижением и создает образ новой и свободной формы многосторонности.

Литература

Abdenur A.E. (2014) China and the BRICS Development Bank: Legitimacy and Multilateralism in South – South Cooperation // IDS Bulletin. No. 45 (4). P. 85–101.

Al Jazeera (2013) BRICS Nations Fail to Launch New Bank. 28 March. Режим доступа: http://www.aljazeera.com/news/africa/2013/03/2013327145258420830.html (дата обращения: 03.03.2015).

Alden C., Schoeman M. (2013) South Africa in the Company of Giants: The Search for Leadership in a Transforming Global Order // International Affairs. No. 89 (1). P. 111–129.

Arkhipov M.C. (2013) BRICS Nations Plan New Bank to Bypass World Bank, IMF // Bloomberg.com. Режим доступа: http: // www.bloomberg.com/news/articles/2013-03-25/brics-nations-plan-new-bank-to-bypass-world-bank-imf (дата обращения: 03.03.2015).

Armijo L.E. (2008) The BRICs Countries (Brazil, Russia, India, and China) as Analytical Category: Mirage or Insight? // Academia.edu. Режим доступа: http: // citation.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/2/5/3/1/7/p253178_index.html (дата обращения: 03.03.2015).

Armijo L.E., Burges S.W. (2009) Brazil, the Entrepreneurial and Democratic BRIC // Polity. No. 42 (1). P. 14–37.

Baldwin D.A. (1985) Economic Statecraft. Princeton University Press.

Balogh T. (1967) Multilateral v. Bilateral Aid // Oxford Economic Papers. No. 19 (3). P. 328–344.

Barnett M.N., Finnemore M. (1999) The Politics, Power, and Pathologies of International Organizations // International Organization. No. 53 (4). P. 699–732.

Bloomberg (2013) BRICS Approve Currency Fund as Bank Start-Up Stalls. Режим доступа: http: // www.bloomberg.com/news/articles/2013-03-27/brics-approve-currency-fund-as-bank-start-up-stalls (дата обращения: 03.03.2015).

Brawley M.R. (2007) Building Blocks or a Bric Wall? Fitting U.S. Foreign Policy to the Shifting Distribution of Power // Asian Perspective. No. 31 (4). P. 151.

Brütsch C., Papa M. (2013) Deconstructing the BRICS: Bargaining Coalition, Imagined Community, or Geopolitical Fad? // The Chinese Journal of International Politics. No. 6 (3). P. 299–327.

Chin G.T. (2014) The BRICS-led Development Bank: Purpose and Politics beyond the G20 // Global Policy. No. 5 (3). P. 366–373.

Christensen S.F. (2013) Brazil's Foreign Policy Priorities // Third World Quarterly. No. 34 (2). P. 271–286.

Development-Bank-launched-first-president-to-be-from-India/articleshow/38440605.cms (дата обращения: 03.03.2015).

Durban D.S. (2013) Brics Eye Infrastructure Funding through new Development Bank // The Guardian. Режим доступа: http://www.theguardian.com/global-development/2013/mar/28/brics-countries-infrastructure-spending-development-bank (дата обращения: 03.03.2015).

Easterly W., Pfutze T. (2008) Where Does the Money Go? Best and Worst Practices in Foreign Aid // Journal of Economic Perspectives. No. 22 (2). P. 29–52.

Economic Times (2013) BRICS Agrees to Create $100 bn Contingency Fund. Режим доступа: http://articles.economictimes.indiatimes.com/2013-03-27/news/38070645_1_contingency-reserve-arrangement-brics-development-bank-brics-summit (дата обращения: 03.03.2015).

Ferdinand P. (2014) Rising Powers at the UN: an Analysis of the Voting Behaviour of BRICS in the General Assembly // Third World Quarterly. No. 35 (3). P. 376–391.

Fourcade M. (2013) The Material and Symbolic Construction of the BRICs: Reflections Inspired by the RIPE Special Issue // Review of International Political Economy. No. 20 (2). P. 256–267.

Fudan University (2015) China Watch BRICS Development Bank. Режим доступа: http: // www.scribd.com/doc/236171139/China-Watch-BRICS-Development-Bank (дата обращения: 03.03.2015).

Glosny M.A. (2009) China and the BRICs: A Real (but Limited) Partnership in a Unipolar World // Polity. No. 42 (1). P. 100–129.

Gray K., Murphy C.N. (2013) Introduction: Rising Powers and the Future of Global Governance // Third World Quarterly. No. 34 (2). P. 183–193.

Hampson F.O., Heinbecker P. (2011) The "New" Multilateralism of the Twenty-First Century // Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations. No. 17 (3). P. 299–310.

Hancock K. (2007) Russia: Great Power Image Versus Economic Reality // Asian Perspective. No. 31 (4). P. 71–98.

Hawkins D.G., Lake D.A., Nielson D.L., Tierney M.J. (2006) Delegation and Agency in International Organizations. Cambridge University Press.

Hongyu G., Weiwei R. (2014) BRIC Bank: New Silk Road Financial Cooperation // People Tribune. No. 18.

Huang Y. (2011) The Myth of Economic Complementarity in Sino-Indian Relations // Journal of International Affairs. No. 64 (2). P. 111.

Huffington Post (2014) The BRICS Bank Signals the End of the American Financial Empire and U.S. Dollar Hegemony // The Huffington Post. Режим доступа: http: // www.huffingtonpost.com/dr-nasser-h-saidi/the-brics-bank-signals-th_b_5604294.html (дата обращения: 03.03.2015).

Ikenberry G.J. (2001) After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars. Princeton University Press.

Jiejin Z. (2014) BRICS Cooperation Mechanism in Transition // International Observer. No. 3.

Keohane R.O. (1989) Multilateralism: An Agenda for Research // International Journal. No. 45. P. 731.

Keohane R.O., Macedo S., Moravcsik A. (2009) Democracy-Enhancing Multilateralism // International Organization. No. 63 (01). P. 1–31.

Khryseva A.A. (2013) Problems and Prospects of Economic Development of Russia as a Participant of BRICS // Journal of Volgagrad State Technical University. No. 11 (114).

Koremenos B., Lipson C., Snidal D. (2001) The Rational Design of International Institutions // International Organization. No. 55 (4). P. 761–799.

Krishnan A. (2012) China's Caution May Slow BRICS Bank Plan // The Hindu. 10 October. Режим доступа: http: // www.thehindu.com/business/Economy/chinas-caution-may-slow-brics-bank-plan/article3985250.ece (дата обращения: 03.03.2015).

Kurlantzick J. (2007) Charm Offensive: How China's Soft Power is Transforming the World. Yale University Press.

Leskyutina K. (2014) China in BRICS: The Motivation of Participation // World Economy and International Relations. No. 4. P. 81–89.

Lewis J.T., Trevisani P. (2014) Brics Agree to Base Development Bank in Shanghai // Wall Street Journal. 15 July. Режим доступа: http: // www.wsj.com/articles/brics-agree-to-base-development-bank-in-shanghai-1405453660 (дата обращения: 03.03.2015).

Mance H. (2012) Global Shift: A Bank of and for the Brics is in the Air // Financial Times. 23 September. Режим доступа: http: // www.ft.com/intl/cms/s/63400496-024f-11e2-8cf8-00144feabdc0,Authorised=false.html?_i_location=http%3A%2F%2Fwww.ft.com%2Fcms%2Fs%2F0%2F63400496-024f-11e2-8cf8-00144feabdc0.html%3Fsiteedition%3Dintl&siteedition=intl&_i_referer=#axzz3TH6th0nf (дата обращения: 03.03.2015).

Mansingh S. (2010) Assessing Reorientation of India's Foreign Policy in a Globalized World // International Studies. No. 47 (2–4). P. 143–161.

Mearsheimer J. (1995) The False Promise of International Institutions // International Security. No. 19 (3). P. 11–12.

Milner H.V., Tingley D. (2012) The Choice for Multilateralism: Foreign Aid and American Foreign Policy // The Review of International Organizations. No. 8 (3). P. 313–341.

Nielson D.L., Tierney M.J. (2003) Delegation to International Organizations: Agency Theory and World Bank Environmental Reform // International Organization. No. 57 (02). P. 241–276.

Otter M. (2003) Domestic Public Support for Foreign Aid: Does It Matter? // Third World Quarterly. No. 24 (1). P. 115–125.

Oxfam (2014) The New BRICS Bank Should Offer a New Vision for Development, Not More of the Same. Oxfam Canada. Режим доступа: http://oxfam.ca/news/new-brics-bank-should-offer-new-vision-for-development (дата обращения: 03.03.2015).

Pilling D. (2014) The Brics Bank is a Glimpse of the Future // Financial Times. 30 July. Режим доступа: http://www.ft.com/intl/cms/s/f7b876a0-170e-11e4-b0d7-00144feabdc0,Authorised=false.html?_i_location=http%3A%2F%2Fwww.ft.com%2Fcms%2Fs%2F0%2Ff7b876a0-170e-11e4-b0d7-00144feabdc0.html%3Fsiteedition%3Dintl&siteedition=intl&_i_referer=#axzz3FCTR0KO5 (дата обращения: 03.03.2015).

Press Information Bureau (2013) Press Information Bureau English Releases. Режим доступа: http://pib.nic.in/newsite/erelease.aspx?relid=99138%3E (дата обращения: 03.03.2015).

Press TV (2013) New BRICS Bank to Rival World Bank, IMF. Режим доступа: http://www.presstv.com/detail/2013/03/26/295322/new-brics-bank-to-rival-world-bank-imf/ (дата обращения: 03.03.2015).

Reuters (2014) BRICS Establish $100bn Bank and Currency Pool to Cut out Western Dominance. Режим доступа: http://rt.com/business/173008-brics-bank-currency-pool/(дата обращения: 03.03.2015).

Roberts C. (2009) Russia's BRICs Diplomacy: Rising Outsider with Dreams of an Insider // Polity. No. 42 (1). P. 38–73.

Ruggie J.G. (1992) Multilateralism: the Anatomy of an Institution // International Organization. No. 46 (03). P. 561–598.

Ruggie J.G. (1993) Multilateralism Matters: The Theory and Praxis of an Institutional Form. Columbia University Press.

Russia & India Report (2013) BRICS Bank Dream Set to Turn Real, Power Games. Режим доступа: http: // in.rbth.com/politics/2013/03/26/brics_bank_dream_set_to_turn_real_power_games_begin_23217.html (дата обращения: 03.03.2015).

Sasikumar K., Rusko C. (2007) India and China: From Trade to Peace? // Asian Perspective. No. 31 (4). P. 99–123.

Sharma R. (2012) Broken BRICs // Foreign Affairs. November/December. Режим доступа: http: // www.foreignaffairs.com/articles/138219/ruchir-sharma/broken-brics (дата обращения: 03.03.2015).

Soto A., Boadle A. (2015) BRICS Set up Bank to Counter Western Hold on Global Finances. Режим доступа: http: // in.reuters.com/article/2014/07/15/brics-summit-bank-idINKBN0FK08620140715 (дата обращения: 03.03.2015).

Stephens P. (2011) A Story of Brics without Mortar // Financial Times. 24 November. Режим доступа: http: // www.ft.com/intl/cms/s/0/352e96e8-15f2-11e1-a691-00144feabdc0.html#axzz3TH6th0nf (дата обращения: 03.03.2015).

Stuenkel O. (2014) Emerging Powers and Status: The Case of the First BRICs Summit // Asian Perspective. No. 38 (1). P. 89–109.

The BRICS Post (n.d.) Shanghai to Host BRICS Bank: Putin aide // The BRICS Post. Режим доступа: http: // thebricspost.com/shanghai-to-host-brics-bank-putin-aide/ (дата обращения: 03.03.2015).

The Times of India (2012a) BRICS Development Bank Launched, First President to be from India. Режим доступа: http://timesofindia.indiatimes.com/business/international-business/BRICS-Development-Bank-launched-first-president-to-be-from-India/articleshow/38440605.cms (дата обращения: 03.03.2015).

The Times of India (2012b) BRICS summit: Member Nations Criticizes the West for Financial Mismanagement. Режим доступа: http: // timesofindia.indiatimes.com/india/BRICS-summit-Member-nations-criticizes-the-West-for-financial-mismanagement/articleshow/12462502.cms (дата обращения: 03.03.2015).

The Times of India (2014) Agreement on BRICS Development Bank Significant Step: Modi. Режим доступа: http: // timesofindia.indiatimes.com/india/Agreement-on-BRICS-development-bank-significant-step-Modi/articleshow/38441788.cms (дата обращения: 03.03.2015).

Tsingou E. (2014) Club Governance and the Making of Global Financial Rules // Review of International Political Economy. P. 1–32.

Vieira M.A., Alden C. (2011) India, Brazil, and South Africa (IBSA): South-South Cooperation and the Paradox of Regional Leadership // Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations. No. 17 (4). P. 507–528.

Warner J. (2012) Why a Brics-Built Bank to Rival the IMF is Doomed to Fail. Режим доступа: http: // www.telegraph.co.uk/finance/financialcrisis/9173668/Why-a-Brics-built-bank-to-rival-the-IMF-is-doomed-to-fail.html (дата обращения: 03.03.2015).

World Politics Review (2012) BRICS Not Ready for Joint Development Bank. Режим доступа: http: // www.worldpoliticsreview.com/articles/11825/brics-not-ready-for-joint-development-bank (дата обращения: 03.03.2015).

Yardley J. (2012) BRICS Leaders Focus on Trade but Skip Broad Reforms // The New York Times. 29 March. Режим доступа: http: // www.nytimes.com/2012/03/30/world/asia/brics-leaders-fail-to-create-rival-to-world-bank.html (дата обращения: 03.03.2015).

Yu Y. (2014) BRICS Contingency Arrangement Preview // World Economy Study. No. 3.

Zee News (2014) PM Modi Hails BRICS Bank, Promises to Work Closely with South America // Zee News. Режим доступа: http: // zeenews.india.com/news/nation/pm-modi-hails-brics-bank-promises-to-work-closely-with-south-america_947992.html (дата обращения: 03.03.2015).

Zhongtian C. (2014) Benefit Ananlysis of the BRICS Development Bank for China's FInancial Innovation // Finance and Accounting for International Commerce. No. 12.

Zhongying C., Pang X. (2014) BRICS Cooperation and Transition in the Global Structure – A Different Plan from the Western Model for Global Governance // People Tribune. No. 18.

Testing the Club Dynamics of the BRICS: The New Development Bank from Conception to Establishment

A.F. Cooper, A.B. Farooq

Andrew F. Cooper – Professor, Department of Political Science and Balsillie School of International Affairs at the University of Waterloo, Director, Centre for the Study on Rapid Global Change at the University of Waterloo; 200 University Avenue West, Waterloo, ON N2L 3G1, Canada; E-mail: acooper@uwaterloo.ca

Asif B. Farooq – Doctoral student, Department of Political Science, University of Toronto, Researcher, Centre for the Study on Rapid Global Change at the University of Waterloo; 100 St. George Street, Toronto, ON M5S 3G3, Canada; E-mail: asif.farooq@mail.utoronto.ca

Abstract

The article addresses the puzzle of how the BRICS members are able to overcome institutional constraints and make progress in establishing the New Development Bank (NDB) in a short period of time from its conception. It argues that the club dynamics among the members help circumvent intra-BRICS conflict due to the embedded mutual common interest in status attribution. Club dynamics also create an informal institutional platform for them to manoeuvre through intra-BRICS competitive interests by taking a symbolic stake in the bank's development. Club diplomacy also downplays contentious issues while elevates and reinforces the issues of their common interest. Such an approach is tested, however, when the focus shifts from externalized demands to collective action as a small group. Calls for reform in the global system notably through a more equitable distribution of voice and influence in the international financial institutions (International Monetary Fund and the World Bank) further consolidated the club-like culture among BRICS members. At the same time, the push for a bold initiative of their own, such as the establishment of the NDB with the promise of massive infrastructure investment targeted at other countries in the global South, demonstrates the symbolic need to move beyond the status quo.

Key words: BRICS, New Development Bank, club dynamics, multilateralism, institutionalism

References

Abdenur A.E. (2014) China and the BRICS Development Bank: Legitimacy and Multilateralism in South – South Cooperation. *IDS Bulletin*, no 45 (4), pp. 85–101.

Al Jazeera (2013) *BRICS Nations Fail to Launch New Bank*. 28 March. Available at: http://www.aljazeera.com/news/africa/2013/03/2013327145258420830.html (accessed 03 March 2015).

Alden C., Schoeman M. (2013) South Africa in the Company of Giants: the Search for Leadership in a Transforming Global Order. *International Affairs*, no 89 (1), pp. 111–129.

Arkhipov M.C. (2013) BRICS Nations Plan New Bank to Bypass World Bank, IMF. *Bloomberg.com*. Available at: http://www.bloomberg.com/news/articles/2013-03-25/brics-nations-plan-new-bank-to-bypass-world-bank-imf (accessed 03 March 2015).

Armijo L.E. (2008) The BRICs Countries (Brazil, Russia, India, and China) as Analytical Category: Mirage or Insight? *Academia.edu*. Available at: http://citation.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/2/5/3/1/7/p253178_index.html (accessed 03 March 2015).

Armijo L.E. and Burges S.W. (2009) Brazil, the Entrepreneurial and Democratic BRIC. *Polity*, no 42 (1), pp. 14–37.

Baldwin D.A. (1985) *Economic Statecraft*. Princeton University Press.

Balogh T. (1967) Multilateral v. Bilateral Aid. *Oxford Economic Papers*, no 19 (3), pp. 328–344.

Barnett M.N. and Finnemore M. (1999) The Politics, Power, and Pathologies of International Organizations. *International Organization*, no 53 (4), pp. 699–732.

Bloomberg (2013) *BRICS Approve Currency Fund as Bank Start-Up Stalls*. Available at: http://www.bloomberg.com/news/articles/2013-03-27/brics-approve-currency-fund-as-bank-start-up-stalls (accessed 03 March 2015).

Brawley M.R. (2007) Building Blocks or a Bric Wall? Fitting U.S. Foreign Policy to the Shifting Distribution of Power. *Asian Perspective*, no 31 (4), p. 151.

Brütsch C. and Papa M. (2013) Deconstructing the BRICS: Bargaining Coalition, Imagined Community, or Geopolitical Fad? *The Chinese Journal of International Politics*, no 6 (3), pp. 299–327.

Chin G.T. (2014) The BRICS-led Development Bank: Purpose and Politics beyond the G20. *Global Policy*, no 5 (3), pp. 366–373.

Christensen S.F. (2013) Brazil's Foreign Policy Priorities. *Third World Quarterly*, no 34 (2), pp. 271–286.

Durban D.S. (2013) Brics Eye Infrastructure Funding through new Development Bank. *The Guardian*. Available at: http://www.theguardian.com/global-development/2013/mar/28/brics-countries-infrastructure-spending-development-bank (accessed 03 March 2015).

Easterly W. and Pfutze T. (2008) Where Does the Money Go? Best and Worst Practices in Foreign Aid. *Journal of Economic Perspectives*, no 22 (2), pp. 29–52.

Economic Times (2013) *BRICS Agrees to Create $100 bn Contingency Fund*. Available at: http://articles.economictimes.indiatimes.com/2013-03-27/news/38070645_1_contingency-reserve-arrangement-brics-development-bank-brics-summit (accessed 03 March 2015).

Ferdinand P. (2014) Rising Powers at the UN: an Analysis of the Voting Behaviour of BRICS in the General Assembly. *Third World Quarterly*, no 35 (3), pp. 376–391.

Fourcade M. (2013) The Material and Symbolic Construction of the BRICs: Reflections Inspired by the RIPE Special Issue. *Review of International Political Economy*, no 20 (2), pp. 256–267.

Fudan University (2015) *China Watch BRICS Development Bank*. Available at: http://www.scribd.com/doc/236171139/China-Watch-BRICS-Development-Bank (accessed 03 March 2015).

Glosny M.A. (2009) China and the BRICs: A Real (but Limited) Partnership in a Unipolar World. *Polity*, no 42 (1), pp. 100–129.

Gray K. and Murphy C.N. (2013) Introduction: Rising Powers and the Future of Global Governance. *Third World Quarterly*, no 34 (2), pp. 183–193.

Hampson F.O. and Heinbecker P. (2011) The 'New' Multilateralism of the Twenty-First Century. *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*, no 17 (3), pp. 299–310.

Hancock K. (2007) Russia: Great Power Image Versus Economic Reality. *Asian Perspective*, no 31 (4), pp. 71–98.

Hawkins D.G., Lake D.A., Nielson D.L. and Tierney M.J. (2006) *Delegation and Agency in International Organizations*. Cambridge University Press.

Hongyu G. and Weiwei R. (2014) BRIC Bank: New Silk Road Financial Cooperation. *People Tribune*, no 18.

Huang Y. (2011) The Myth of Economic Complementarity in Sino-Indian Relations. *Journal of International Affairs*, no 64 (2), p. 111.

Huffington Post (2014) The BRICS Bank Signals the End of the American Financial Empire and U.S. Dollar Hegemony. *The Huffington Post*. Available at: http://www.huffingtonpost.com/dr-nasser-h-saidi/the-brics-bank-signals-th_b_5604294.html (accessed 03 March 2015).

Ikenberry G.J. (2001) *After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars*. Princeton University Press.

Jiejin Z. (2014) BRICS Cooperation Mechanism in Transition. *International Observer*, no 3.

Keohane R.O. (1989) Multilateralism: an Agenda for Research. *International Journal*, no 45, p. 731.

Keohane R.O., Macedo S. and Moravcsik A. (2009) Democracy-Enhancing Multilateralism. *International Organization*, no 63 (01), pp. 1–31.

Khryseva A.A. (2013) Problems and Prospects of Economic Development of Russia as a Participant of BRICS. *Journal of Volgagrad State Technical University*, no 11 (114).

Koremenos B., Lipson C. and Snidal D. (2001) The Rational Design of International Institutions. *International Organization*, no 55 (4), pp. 761–799.

Krishnan A. (2012) China's Caution May Slow BRICS Bank Plan. *The Hindu*. 10 October. Available at: http://www.thehindu.com/business/Economy/chinas-caution-may-slow-brics-bank-plan/article3985250.ece (accessed 03 March 2015).

Kurlantzick J. (2007) *Charm Offensive: How China's Soft Power is Transforming the World*. Yale University Press.

Leskyutina K. (2014) China in BRICS: The Motivation of Participation. *World Economy and International Relations*, no 4, pp. 81–89.

Lewis J.T. and Trevisani P. (2014) Brics Agree to Base Development Bank in Shanghai. *Wall Street Journal*. 15 July. Available at: http://www.wsj.com/articles/brics-agree-to-base-development-bank-in-shanghai-1405453660 (accessed 03 March 2015).

Mance H. (2012) Global Shift: A Bank of and for the Brics is in the Air. *Financial Times*. 23 September. Available at: http://www.ft.com/intl/cms/s/63400496-024f-11e2-8cf8-00144feabdc0,Authorised=false.html?_i_location=http%3A%2F%2Fwww.ft.com%2Fcms%2Fs%2F0%2F63400496-024f-11e2-8cf8-00144feabdc0.html%3Fsiteedition%3Dintl&siteedition=intl&_i_referer=#axzz3TH6th0nf (accessed 03 March 2015).

Mansingh S. (2010) Assessing Reorientation of India's Foreign Policy in a Globalized World. *International Studies*, no 47 (2–4), pp. 143–161.

Mearsheimer J. (1995) The False Promise of International Institutions. *International Security*, no 19 (3), pp. 11–12.

Milner H.V. and Tingley D. (2012) The Choice for Multilateralism: Foreign Aid and American Foreign Policy. *The Review of International Organizations*, no 8 (3), pp. 313–341.

Nielson D.L. and Tierney M.J. (2003) Delegation to International Organizations: Agency Theory and World Bank Environmental Reform. *International Organization*, no 57 (02), pp. 241–276.

Otter M. (2003) Domestic Public Support for Foreign Aid: Does It Matter? *Third World Quarterly*, no 24 (1), pp. 115–125.

Oxfam (2014) *The New BRICS Bank Should Offer a New Vision for Development, Not More of the Same*. Oxfam Canada. Available at: http://oxfam.ca/news/new-brics-bank-should-offer-new-vision-for-development (accessed 03 March 2015).

Pilling D. (2014) The Brics Bank is a Glimpse of the Future. *Financial Times*. 30 July. Available at: http://www.ft.com/intl/cms/s/f7b876a0-170e-11e4-b0d7-00144feabdc0,Authorised=false.html?_i_location=http%3A%2F%2Fwww.ft.com%2Fcms%2Fs%2F0%2Ff7b876a0-170e-11e4-b0d7-00144feabdc0.html%3Fsiteedition%3Dintl&siteedition=intl&_i_referer=#axzz3FCTR0KO5 (accessed 03 March 2015).

Press Information Bureau (2013) *Press Information Bureau English Releases*. Available at: http://pib.nic.in/newsite/erelease.aspx?relid=99138%3E (accessed 03 March 2015).

Press TV (2013) *New BRICS Bank to Rival World Bank, IMF*. Available at: http://www.presstv.com/detail/2013/03/26/295322/new-brics-bank-to-rival-world-bank-imf/ (accessed 03 March 2015).

Reuters (2014) *BRICS Establish $100bn Bank and Currency Pool to Cut out Western Dominance*. Available at: http://rt.com/business/173008-brics-bank-currency-pool/ (accessed 03 March 2015).

Roberts C. (2009) Russia's BRICs Diplomacy: Rising Outsider with Dreams of an Insider. *Polity*, no 42 (1), pp. 38–73.

Ruggie J.G. (1992) Multilateralism: the Anatomy of an Institution. *International Organization*, no 46 (03), pp. 561–598.

Ruggie J.G. (1993) *Multilateralism Matters: The Theory and Praxis of an Institutional Form*. Columbia University Press.

Russia & India Report (2013) *BRICS Bank Dream Set to Turn Real, Power Games*. Available at: http://in.rbth.com/politics/2013/03/26/brics_bank_dream_set_to_turn_real_power_games_begin_23217.html (accessed 03 March 2015).

Sasikumar K. and Rusko C. (2007) India and China: From Trade to Peace? *Asian Perspective*, no 31 (4), pp. 99–123.

Sharma R. (2012) Broken BRICs. *Foreign Affairs*. November/December. Available at: http://www.foreignaffairs.com/articles/138219/ruchir-sharma/broken-brics (accessed 03 March 2015).

Soto A. and Boadle A. (2015) *BRICS Set up Bank to Counter Western Hold on Global Finances*. Available at: http://in.reuters.com/article/2014/07/15/brics-summit-bank-idINKBN0FK08620140715 (accessed 03 March 2015).

Stephens P. (2011) A Story of Brics without Mortar. *Financial Times*. 24 November. Available at: http://www.ft.com/intl/cms/s/0/352e96e8-15f2-11e1-a691-00144feabdc0.html#axzz3TH6th0nf (accessed 03 March 2015).

Stuenkel O. (2014) Emerging Powers and Status: The Case of the First BRICs Summit. *Asian Perspective*, no 38 (1), pp. 89–109.

The BRICS Post (n.d.) Shanghai to Host BRICS Bank: Putin aide. *The BRICS Post*. Available at: http://thebricspost.com/shanghai-to-host-brics-bank-putin-aide/ (accessed 03 March 2015).

The Times of India (2012a) *BRICS Development Bank Launched, First President to be from India*. Available at: http://timesofindia.indiatimes.com/business/international-business/BRICS - Development-Bank-launched-first-president-to-be-from-India/articleshow/38440605.cms (accessed 03 March 2015).

The Times of India (2012b) *BRICS summit: Member Nations Criticizes the West for Financial Mismanagement*. Available at: http://timesofindia.indiatimes.com/india/BRICS-summit-Member-nations-criticizes-the-West-for-financial-mismanagement/articleshow/12462502.cms (accessed 03 March 2015).

The Times of India (2014) *Agreement on BRICS Development Bank Significant Step: Modi*. Available at: http://timesofindia.indiatimes.com/india/Agreement-on-BRICS-development-bank-significant-step-Modi/articleshow/38441788.cms (accessed 03 March 2015).

Tsingou E. (2014) Club Governance and the Making of Global Financial Rules. *Review of International Political Economy*, pp. 1–32.

Vieira M.A. and Alden C. (2011) India, Brazil, and South Africa (IBSA): South-South Cooperation and the Paradox of Regional Leadership. *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*, no 17 (4), pp. 507–528.

Warner J. (2012) *Why a Brics-Built Bank to Rival the IMF is Doomed to Fail*. Available at: http://www.telegraph.co.uk/finance/financialcrisis/9173668/Why-a-Brics-built-bank-to-rival-the-IMF-is-doomed-to-fail.html (accessed 03 March 2015).

World Politics Review (2012) *BRICS Not Ready for Joint Development Bank*. Available at: http://www.worldpoliticsreview.com/articles/11825/brics-not-ready-for-joint-development-bank (accessed 03 March 2015).

Yardley J. (2012) BRICS Leaders Focus on Trade but Skip Broad Reforms. *The New York Times*. 29 March. Available at: http://www.nytimes.com/2012/03/30/world/asia/brics-leaders-fail-to-create-rival-to-world-bank.html (accessed 03 March 2015).

Yu Y. (2014) BRICS Contingency Arrangement Preview. *World Economy Study*, no 3.

Zee News (2014) PM Modi Hails BRICS Bank, Promises to Work Closely with South America. *Zee News*. Available at: http://zeenews.india.com/news/nation/pm-modi-hails-brics-bank-promises-to-work-closely-with-south-america_947992.html (accessed 03 March 2015).

Zhongtian C. (2014) Benefit Ananlysis of the BRICS Development Bank for China's FInancial Innovation. *Finance and Accounting for International Commerce*, no 12.

Zhongying C., Pang X. (2014) BRICS Cooperation and Transition in the Global Structure – A Different Plan from the Western Model for Global Governance. *People Tribune*, no 18.

Страны БРИКС и распространение демократии[1]

М. Кардуччи, А.С. Бруно

Кардуччи Мишель – профессор сравнительного права, Центр исследований Европейско-американской конституционной политики, Университет Саленто; PiazzaTancredi, 7, 73100 Lecce LE, Salento, Italy; E-mail: michele.carducci@unisalento.it

Бруно Анна Сильвия – доцент сравнительного права, Центр исследований Европейско-американской конституционной политики, Университет Саленто; PiazzaTancredi, 7, 73100 Lecce LE, Salento, Italy; E-mail: bruno.annasilvia@gmail.com

Авторы статьи ищут ответ на вопрос, возможно ли засвидетельствовать влияние межгосударственных движущих сил БРИКС на активизацию тех процессов конвергенции политических режимов и практик, которые называются «распространением демократии». В мире уже есть опыт такого «распространения». Однако, поскольку он имел место во время так называемой «третьей волны» демократизации, в основу которой легли однородность стран и структурные условия «привлекательности демократии», БРИКС вряд ли удастся повторить данный опыт. Напротив, лишь реальная конституционная однородность, общая для стран БРИКС, является стандартом невмешательства во внутренние дела каждой из них; невмешательство также означает взаимное воздержание от любых попыток ограничения политической трансформации при сохранении межстрановой кооперации. Опыт БРИКС показывает, что разные политические режимы могут продвигать институционализированные формы межстрановой кооперации без неотъемлемого взаимного обмена на конституционном уровне. Теории «перехода» и «распространения демократии» недостаточны для понимания движущих сил БРИКС: по этой причине пример БРИКС подтверждает существование «серой зоны», которую теория «демократической трансформации» не обеспечила внятным анализом за все эти годы. С девизом «разделения в единстве» БРИКС намерена предложить эволюционный путь развития моделей «неевроцентричной зависимости» в межстрановых отношениях, преодолев который, можно преодолеть «периферийный реализм» роли каждой страны в ее собственной внешней политике.

Ключевые слова: распространение демократии, общие конституционные стандарты, конституционная однородность, невмешательство, БРИКС

Введение

Традиционные институты, такие как Всемирный банк и Совет Безопасности ООН, уже не отражают баланс сил в глобальной экономике. Таково послание БРИКС США и Европе, выраженное в создании Нового банка развития, способного конкурировать с Западом в финансировании инфраструктурных программ. Страны БРИКС появились на международной арене в качестве новых игроков, в то время как сила «вашингтонского консенсуса», представляющего собой свод рекомендаций по проведению экономической политики для развивающихся стран, потерпела крах. Устойчивый экономический рост экономик БРИКС поддержал их желание выйти из международной системы,

[1] Перевод выполнен м.н.с. Института международных организаций и международного сотрудничества НИУ ВШЭ, н.с. Лаборатории исследований корпоративных стратегий и поведения фирм РАНХиГС, н.с. Центра отраслевых исследований ИСКРАН Т.А. Ланьшиной.

характеризующейся политической логикой периода конца Второй мировой войны. В 2011 г. в Нью-Дели пять развивающихся стран развернули подготовительную работу по созданию организации, независимой от созданных в Бреттон-Вудсе институтов. В марте 2013 г. в Дурбане (ЮАР) эти пять стран сформулировали более конкретную цель: создать замену МВФ и Всемирному банку. В итоговом документе саммита было открыто заявлено, что такие институты, как Всемирный банк, МВФ и Совет Безопасности ООН, являются экономическими и политическими инструментами, которые не способны решить проблемы глобальной экономики. 9 сентября 2014 г. ООН приняла резолюцию № 68/304, в которой предлагалось согласовать международный правовой рамочный документ для регулирования процессов реструктуризации суверенных долгов стран. Это позволит создать новую глобальную финансовую структуру для всех стран, которые сталкиваются с необходимостью реструктуризации своих задолженностей. Резолюция поддерживает принятие и развитие указанного многостороннего рамочного документа через процесс межгосударственного диалога с целью повышения эффективности, стабильности и предсказуемости международной финансовой системы.

Данное предложение сделал Сача Ллоренти Солиз, председатель «Группы семидесяти семи» от Боливии. При стратегической поддержке Китая Солизу удалось добиться поддержки 124 стран. Всего 11 стран проголосовали «против», еще 41 страна воздержалась. Среди стран, которые не поддержали рамочный документ, были США, Великобритания, Израиль, Германия, Чехия, Австралия, Япония и Финляндия. Представляет интерес отказ 41 страны от голосования (в число этих стран вошли Мексика, Франция и Италия), поскольку эти отказы на самом деле являлись голосами против позиции США, которая позволяла продвинуть данную инициативу в ООН, однако не предполагала больших споров с существующими институтами.

Более того, в конце октября в докладе для Европейского парламента был поднят вопрос [Tvedad, 2014] о Бразилии и будущем БРИКС: могут ли отношения между странами БРИКС стать вектором «распространения демократии»? В докладе были выделены три аспекта, имеющие отношение к теме «распространения демократии»:

1. Принятие взаимных различий как условие функционирования БРИКС в качестве международного субъекта.

2. Незначительная роль БРИКС в процессе заключения очень крупных торговых соглашений, поддерживаемых США и Европейским союзом с целью организации свободного перемещения товаров и принятия общих правил торговли, а также с целью либерализации.

3. Проведение странами БРИКС (и в особенности Китаем, ЮАР и Бразилией) политики «невмешательства» в диспуты между государствами и в процесс разработки международных мер, направленных на защиту прав человека и прав на самоопределение.

Какова связь между этими тенденциями в БРИКС и феноменом «распространения демократии»? Данная статья посвящена поиску возможного ответа на этот вопрос.

Теория «распространения демократии»

Так называемое «распространение демократии» представляет собой распространение и конвергенцию демократических идей и примеров из практики. Этим процессам способствует ряд факторов: доступ к инструментам коммуникации и распространения информации, знание работ и идей классических исследователей демократии, увеличение

объемов торговли с последующим открытием границ для новых партнеров и для получения нового опыта; формализация международных отношений, а также связанные с этим феномены «трансфера политики», создания сетей и т.д. [Somaini, 2014]. Как уже отмечалось в других исследованиях [Carducci, Bruno, 2014, 2014a, 2014b; Carducci, 2012], БРИКС действует в соответствии с логикой трансфера политики и создания сетей, что, согласно теории, создает ожидания последующего «распространения». Тем не менее эти ожидания вряд ли можно считать обоснованными. Исходная гетерогенность стран БРИКС потребует определения общих особенностей, которые в дальнейшем могут стать основой для распространения демократии. Не удивительно, что однородность и конвергенция были условиями так называемой «третьей волны» мирового процесса демократизации [Huntington, 1993].

Есть ли у Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР общие особенности, которые можно классифицировать как однородные и конвергентные? в чем они могут заключаться? численность населения и географическая протяженность страны? стремление к статусу экономической и/или военной великой державы? или существование внешних мотивов конвергенции? или, наконец, наличие внешних элементов «привлекательности демократии»? При наблюдении за каждой страной ни одна из этих особенностей не представляется чем-то общим для всех стран БРИКС.

Прежде всего не хватает элемента «привлекательности демократии», который обычно обнаруживается в процессах наднациональной интеграции и поддерживает демократические стандарты, общие для стран-членов [De Vergottini, 1999]. Этот вывод применим к наднациональным процессам с трехмерной структурой, таким как Меркосур и Унасур для Бразилии или Африканский союз для ЮАР. В этих случаях страны-участницы сосуществуют не только в рамках наднациональной экономической или торговой организации, но и в рамках наднациональной системы защиты прав человека (Межамериканский суд по правам человека для Латинской Америки и Бразилии, Африканский суд по правам человека для ЮАР): так развиваются идеи о необходимости общих стандартов защиты прав человека и демократических гарантий среди стран-членов [Carducci, De Oliveira Mazzuoli, 2014].

Те же самые выводы справедливы при рассмотрении численности населения и географической протяженности стран БРИКС. Согласно некоторым недавним сравнительным исследованиям, «распространение демократии» третьей волны стало возможным, поскольку вовлеченные в него страны имели географическое и геополитическое сходство. Тем не менее в настоящее время среди 11 стран с численностью населения свыше 100 млн человек и схожими геополитическими позициями всего шесть стран (США, Япония, Индия, Индонезия, Бразилия и Мексика) расцениваются в международной литературе как демократии, хотя и качественно разные, в то время как оставшиеся страны (Нигерия, Россия, Пакистан) получают разные характеристики – между «полудемократиями» и «автократиями» [Somaini, 2014, p. 55; Grassi, 2008].

Статусом «великой державы» (экономической или военной) на сегодняшний день обладают Россия, Китай и, с недавнего времени, Индия. В то же время ЮАР и Бразилия относятся к категории средних держав [Sandal, 2014]. Среди прочих аспектов стремление к статусу «великой державы» может быть контрпродуктивным для достижения целей конвергенции. В действительности такое стремление способствует сплочению властных элит и возникновению ситуации, при которой демократизация их центростремительных сил рассматривается с подозрением. Подобный процесс демократизации ослабляет (по крайней мере временно) переговорную силу страны на международном уровне.

Наконец, ни одна из «великих держав» БРИКС не может принять на себя роль лидера в процессе «распространения демократии», а такая способность была определяющей чертой «третьей волны» (стоит задуматься о роли США в послевоенной Европе или о самом Европейском союзе в сравнении со странами Восточной Европы). США отказались от стратегии лидерства в демократизации стран БРИКС, поддержав геополитическую стратегию «окружения». Сравнительный анализ экономик БРИКС [Becker, 2014; Carmody, 2013] в последнее время показывает, что тотальная либерализация торговли, даже либерализация торговли с США и Европой, значительно ускорит технический прогресс в зоне БРИКС (прежде всего это касается России и Китая) и повысит активность денежного обращения, в котором доллар, а следовательно и общий «вес» США, станут пропорциональными. Поэтому США продвигают три международных партнерства (Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство, Транстихоокеанское партнерство, Генеральное соглашение по торговле и услугам), целью которых является создание атлантической и азиатской систем, исключающих БРИКС, для изоляции этой правовой сети на глобальном уровне [Buxron, Bulland, 2014] и препятствованию развития тех связей между экономическим прогрессом и демократизацией, которые уже проявились в остальном мире за счет принуждения или конкуренции, подражания или обучения [Simmons, 2008].

В конечном счете для достижения однородности и конвергентности, которые не являются стратегическими целями США, внешнее лидерство не сделает все максимально возможное. Страны БРИКС, по всей видимости, не могут продвигать даже внутреннее лидерство, которое поддержало бы «распространение демократии». В действительности, если они даже могут быть классифицированы как «макротерриториальные пространства» [Logroscino, 2007], они не выглядят заинтересованными в продвижении общей политики согласованности для управления социальным и географическим неравенством, а также для совместного демократического управления территориями.

Это особенно важно с точки зрения «распространения демократии» по двум причинам:

– данная характеристика, в особенности в сочетании с анализом так называемой «новой экономической географии» [Kanbur, Venables, 2007], устанавливает связь между странами, индексами неравенства и природой политических режимов;

– БРИКС как организация в системе международных отношений не желает быть проблемой идентичности и границ в своем геополитическом пространстве.

Таким образом, БРИКС не нуждается ни в проведении однородной политики целостности в каждой из стран, ни в политике собственной целостности как международной системы. Следовательно, ей не нужны однородность и конвергенция.

В этом внешнем/внутреннем сценарии институциональная инновация, которую могут воплотить страны БРИКС, как конвергентная и однородная инновация служит исключительно общим стратегическим и экономическим интересам, вне зависимости от конституционных изменений в политическом режиме, как это и происходило во второй половине XX в. [Mazzucato, 2014].

Хотя так называемый «жесткий» регионализм был предпочтительным выбором США в послевоенный период [Roy, 2013], от него было решено отказаться из-за сопутствующих эффектов однородности и демократической конвергенции, наблюдаемых в Старом Свете. Не удивительно, что европейский процесс может быть изначально найден в «общих конституционных традициях», которые затем были формализованы Маастрихтским соглашением. Более того, договор о Европейском союзе с амстердамскими изменениями устанавливает, что Союз основывается на конституционных

принципах (ст. 6) и предусматривает систему санкций для стран, которые не придерживаются этих принципов (ст. 7); также данные принципы рассматриваются в договоре как условие для вступления стран, желающих присоединиться к ЕС (ст. 11) [Atripaldi, Miccu, 2003]. Вдобавок к этим положениям, указывающим на конвергентную однородность, договор в своей самой первой версии гарантирует уважение национальной идентичности, что похоже на процесс федерализации [Palermo, 2005]. Ничего подобного нет и не предвидится в межгосударственных обязательствах БРИКС.

«Невмешательство» как конституционная однородность БРИКС

Можем ли мы сделать вывод, что страны БРИКС не имеют однородных конституционных элементов в своей структуре и в своих функциях? Не совсем. Общий элемент существует, он отражен в основополагающих документах этих стран или в их практике. Этим элементом является «невмешательство» даже в основы конституционного строя. Логика международной кооперации БРИКС также основана на общем стандарте взаимного воздержания от воздействия на международные отношения пяти стран, но она предполагает оценку конституционных условий каждого политического режима. В отличие от Европейского союза с его политикой расширения и соседства, обусловленной сохранением или достижением определенных значений политических показателей (характеризуемых общим демократическим воодушевлением), группа БРИКС выглядит заинтересованной в продвижении конституционально «нейтральной» глобальной модели взаимодействия.

Это «нейтральное» формирование конституциональных и демократических идей имеет место также и в Европе. В преамбуле Европейской конвенции по правам человека говорится об «общем достоянии» демократии. Однако даже когда оно используется как индикатор межстранового консенсуса по определенным ограничениям прав человека, имеется в виду не однородность среди стран, а лишь их международное равенство. Для БРИКС эта «нейтральность» не является новой, поскольку она имела и до сих пор имеет отношение к Китаю и Бразилии.

Касательно Китая достаточно сослаться на так называемую «ангольскую модель». Китай расширил сферу своего влияния для обеспечения поддержки стран с высоким производственным потенциалом, низким уровнем доходов и неоднородными политическими режимами, применяя политику «сохранения лояльности клиента», которая позволяла консолидировать экономические отношения в средне- и долгосрочном периодах. Показательными являются отношения между Китаем и такими странами Африки, как Замбия, Демократическая Республика Конго, Ангола, Судан. Присутствие Китая в Африке часто называют «мягкой силой», чтобы показать гибкость и в то же время жесткость, с которой Пекин осваивал эти рынки, покинутые великими державами или неизвестные им; процесс освоения этих рынков исключал не только применение вооруженных сил, но и, что особенно важно, регулирование внутренних движущих сил различных политических режимов.

Действительно, в качестве единственного требования для начала двусторонних отношений Китай выдвигает уважение пяти принципов мирного сосуществования: невмешательство в управление государством и территорией, запрещение объявления войны, невмешательство в иностранные дела, взаимная выгода от экономических отношений, мирное сосуществование.

В ст. 4 содержатся четкие принципы «национальной независимости»: (I) «невмешательство» (IV), «защита мира» (VI) и «кооперация среди жителей для прогресса чело-

вечества» (IX) – как элементы для констатации «равенства государств» (V), понимаемого не как «единообразие», а как «согласованность» сосуществования при взаимном «невмешательстве» в рамках международного порядка [Preuss, 2008; Simpson, 2004].

Так называемая «ангольская модель» базируется строго на этих принципах, они являются условиями для выдачи кредита. Китай располагает большими денежными ресурсами, которые могут быть использованы в Африке; также Китай имеет потребность в приобретении сырья и нахождении рынков сбыта для своей продукции. Что касается Африки, то она имеет большие сырьевые запасы, но часто испытывает недостаток технологий, которые могли бы позволить ей эксплуатировать эти ресурсы. Эта комплементарность потребностей представляет собой основу китайско-африканских отношений [Thompson, 2005].

Ввиду этих доводов для стран БРИКС характерна та же система ценностей; и именно эту систему ценностей формализовала в своей конституции такая демократическая страна, как Бразилия – в ст. 4, 21 и 84. В соответствии с этими конституционными принципами Бразилия может открыть кредитную линию Анголе, стране с автократичной политической системой, а также поддержать ее как кандидата на непостоянное членство в Совете Безопасности ООН.

Можно сделать вывод, что конституционные нормы Бразилии используются как условия, препятствующие распространению демократии; как таковые они могут легитимировать процесс межстрановой кооперации в рамках БРИКС. С точки зрения конституционного и политического сравнения сценарий, в реализацию которого вовлечены страны БРИКС, порождает интересные вопросы. Если во имя «распространения демократии» авторитаризм в рамках так называемой «теории перехода» считался исчезающим феноменом, то сегодня, с учетом современных трендов в международной кооперации, он возвращается [Caille, 2005; Beck, 2003]. Теория «демократического перехода» длительное время стремилась относить исследования авторитарных систем к сегменту *региональных исследований*, касающихся Азии, Арабского мира, Латинской Америки, отрицая общую ценность сравнений в этой области науки. Однако разделительная линия, прочерченная между демократией и авторитаризмом, так же как и дискуссии о «распространении демократии», препятствует пониманию современной политической обстановки.

Выводы

Тенденции развития БРИКС показывают, что отличающиеся друг от друга политические режимы могут продвигать институционализированные формы кооперации между странами, при этом взаимное проникновение на конституциональном уровне необязательно. Более того, такие феномены, как фрагментация и разделение политического пространства на секторы, типичное для западных демократий, подтверждают распространение смешанного опыта принятия конституционных стандартов даже там, где «распространение демократии» считается в полной степени прочно установившимся стандартом (как в ЕС). Например, это касается недавних событий в Венгрии [Camau, 2008]. Теории «перехода» и «распространения демократии» становятся недостаточными для понимания возможных движущих сил группы БРИКС.

Но опыт БРИКС также может провоцировать нетипичные вопросы о конституционном сравнении. Прежде всего возможна демонстрация условности конституционных концепций, таких как «однородность» и «распространение демократии», учитывая создание сети межгосударственного взаимодействия в сегодняшнем глобализирован-

ном мире. В самом ЕС «единство» и «непротиворечивость» рассматриваются как факторы, недостаточные для обеспечения согласованности при интеграции [Cerutti, 2014]. Тогда почему процессы создания правовых сетей, таких как БРИКС, должны предполагать приверженность этим концепциям? Являются ли индикаторы «демократичности», разработанные на международном уровне («Домом свободы», Polity IV, Фондом Карнеги за международный мир и др.), достаточными для определения «качества» такой международной сети, как БРИКС? В самом деле, парадокс заключается в том, что при рассмотрении в отдельности эти страны в разных сферах (таких как гражданские свободы, свобода выражения мнений, защита прав человека в тюрьмах) получают очень разные оценки, что приводит к разным позициям в международных рейтингах. В других областях, таких как соблюдение прав женщин или реализация некоторых направлений государственной политики, позиции, наоборот, очень схожи. Несмотря на эту асимметрию, все страны открыты друг другу для обмена информацией и опытом реализации тех или иных направлений политики, формируя то самое «качество» межстрановой кооперации, не обусловленное внутренним «качеством» распространения информации или свободой.

Помимо этого, скорее всего, можно сделать вывод, что наблюдения за БРИКС подтверждают существование «серой зоны» [Carothers, 2002], для которой теория «демократического перехода» за все эти годы не смогла предложить исчерпывающего анализа. Сторонники упомянутой теории были убеждены в том, что «переход» и «распространение демократии» являются неразделимыми элементами современной межстрановой кооперации. В действительности между демократическими и альтернативными им режимами существует некоторый опыт взаимодействия, который, допуская демократический диалог и продвигая некоторые либеральные реформы, укрепляет формы власти, не способствующие «распространению демократии» и не открытые для «перехода». БРИКС является самым важным среди примеров такого опыта, основанного на глобальном продвижении общего мировоззрения и справедливости через кооперацию, но без воздействия на внутренние конституционные различия, которые не обязательно имеют одинаковое понимание.

В плане конституционного сравнения опыт БРИКС призывает к размышлениям о возможности отказа от различий, как косвенных, так и конкретных, между демократическими и авторитарными режимами. Это необходимо для того, чтобы проследить взаимопроникновение между данными двумя системами, а также для того, чтобы найти формы «однородности» и «конвергенции», отличные от форм, поддерживающих «распространение демократии». Такие размышления полезны для межстрановых моделей; они также способны представить альтернативу моделям, которые применялись на евроамериканском Западе.

Учитывая это, выводы, связанные с поиском однородности, наличие которой предположительно в беспрецедентной степени характерно для БРИКС, казалось бы, очевидны: «разделение в единстве» вместо «единства в многообразии». Этот принцип является международным переводом общей «конституционной идентичности» «невмешательства». Но каким будет будущее этого принципа в мире, где соблюдение прав человека каждой страной уже не является вопросом «внутренних прав»?

Литература

Atripaldi V., Miccù R. (eds) (2003) L'omogeneità costituzionale nell'Unione europea. Padova: Cedam.

Beck U. (2003) Pouvoir et contre-pouvoir à l'heure de la mondialisation. Paris: Flammarion.

Becker U. (ed.) (2014) The BRICS and Emerging Economies in Comparative Perspective. L.: Routledge.

Buxton N., Bullard N. (eds) (2014) Shifting Power. Critical Perspectives on Emerging Economies // TNI Working Papers. Amsterdam: Transnational Institute.

Caillé A. (2005) Malaise dans la démocratie. Le spectre du totalitarisme // Revue du Mauss. No. 25. P. 68–90.

Camau M. (2008) Le leadership politique aux confins des démocraties et des autoritarismes // Autoritarismes démocratiques et démocraties autoritaires au XXIe siècle / O. Dabène, V. Geisser, G. Massardier (eds). Paris: La Découverte. P. 57–88.

Carducci M. (2012) A realidade do Países BRICS e o papel do Direito constitucional comparado // Revista de Direito Administrativo & Constitucional. No. 50. P. 205–218.

Carducci M., Bruno A.S. (2014) The BRICS Countries as a Legal Dymanic Network and the Multilevel "Hard" EU Regional Structure: A Comparative Survey // Law, Governance and World Order / S. Kierkegaard (ed.). Athens: International Association of IT Lawyers. P. 246–258 and in International Journal of Public Law and Policy. No. P. 1–13.

Carducci M., Bruno A.S. (2014a) The BRICS Countries between Justice and Economy // Methodological Challenges on Constitutional Comparison, Sociology and Anthropology. No. 2. P. 46–58.

Carducci M., Bruno A.S. (2014b) BRICS as Constitutional Inhomogeneous Dynamics // Federalismi.it. No. 20. P. 1–13.

Carducci M., De Oliveira Mazzuoli V. (2014) Teoria tridimensional das Integrações supranacionais. Rio de Janeiro: Forense.

Carmody P. (2013) The Rise of the BRICS in Africa. N.Y.: Zed Books.

Carothers T. (2002) The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. No. 1. P. 5–2.

Cerutti T. (2014) Valori comuni e identità nazionali nell'Unione europea: continuità o rottura? // Federalismi.it. No. 24. P. 1–24.

Vergottini G. de (1999) Le transizioni costituzionali. Bologna: il Mulino.

Grassi D. (2008) Le nuove democrazie. I processi di democratizzazione dopo la caduta del muro di Berlino. Bologna: il Mulino.

Huntington S.P. (1993) The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century. Oklahoma Press.

Kanbur R., Venables A.J. (2007) Spatial Disparities and Economic Development // Global Inequality / D. Held, A. Kaya (eds). L.: Polity Press. P. 204–215.

Logroscino P. (2007) Spazi macroterritoriali e coesione. Premesse di comparazione costituzionale. Cavallino (Le): Pensa.

Mazzucato M. (2014) Lo Stato innovatore. Roma-Bari: Laterza.

Palermo F. (2005) La forma di Stato dell'Unione Europea. Cedam: Padova.

Preuß U.K. (2008) Equality of States. Its Meaning in a Constitutional Global Order // Chicago Journal of International Law. No. 1. P. 20–30.

Roy J. (ed.) (2013) Después de Santiago. Integración regional y relaciones Unión Europea y América latina. The Jean Monnet Chair Miami UniversityPress.

Sandal N.A. (2014) Middle Powerhood as a Legitimation Strategy in the Developing World: The Cases of Brazil and Turkey // International Politics. No. 51. P. 693–708.

Simmons B.A., Dobbin F., Garret G (eds) (2008) The Global Diffusion of Market and Democracy. Cambridge: Cambridge University Press.

Simpson G. (2004) Great Powers and Outlaw States: Unequal Sovereigns in the International Legal Order. Cambridge: Cambridge University Press.

Somaini E. (2008) Geografia della democrazia. Bologna: il Mulino.

Strazzari D. (2014) La clausola di omogeneità dell'Ue: connotazione costituzionale o internazionale? Riflessioni da un'analisi comparata // Federalismi.it. No. 24. P. 1–55.

Thompson D. (2005) China's Soft Power in Africa. From the "Beijing Consensus" to Health Diplomacy // The Jamestown Foundation. China Brief. No. 5.

Tvevad J. (2014) Brazil: Promises of More Change-but in which Direction. Bruxelles: European Parliament-Directorate General for External Policies.

BRICS Countries and Democratic Contagion

M. Carducci, A.S. Bruno

Michele Carducci – Full Professor of Comparative Law, European-American Constitutional Policy Research Centre, University of Salento; Piazza Tancredi 7, 73100 Lecce LE, Salento, Italy; E-mail: michele.carducci@unisalento.it

Anna Silvia Bruno – Associate Professor in Comparative Law, European-American Constitutional Policy Research Centre, University of Salento; Piazza Tancredi 7, 73100 Lecce LE, Salento, Italy; E-mail: bruno.annasilvia@gmail.com

Abstract

The article explores whether the interstate dynamics of the BRICS can activate those processes of convergence of political regimes and practices known as "democratic contagion." As this contagion was experienced during the "third wave" of democratization, mainly because of homogeneity among states and structural conditions for democratic attraction, the BRICS are not likely to repeat these dynamics. On the contrary, the only real constitutional homogeneity among the BRICS countries is the standard of non-interference in the internal affairs of each member. Non-interference also means abstaining from any initiative to condition the transformation of political regimes in consideration of the same interstate cooperation. The dynamics of the BRICS shows that different political regimes can promote institutionalized forms of interstate cooperation without any mutual contamination at the constitutional level. The theories of "transition" and "democratic contagion" are insufficient to understand these dynamics in the context of the BRICS; for this reason, the theory of democratic transition cannot provide an adequate analysis of BRICS. With its members "split in unity," as an institution the BRICS suggests an evolution toward a model of "not eurocentric dependence" that can overcome the "peripheral realism" of the role of each state in its own foreign policy.

Key words: democratic contagion, common constitutional standards, constitutional homogeneity, non-interference, BRICS

References

Atripaldi V., Miccù R. (eds) (2003) *L'omogeneità costituzionale nell'Unione europea*. Padova: Cedam.

Beck U. (2003) *Pouvoir et contre-pouvoir à l'heure de la mondialisation*. Paris: Flammarion.

Becker U. (ed.) (2014) *The BRICS and Emerging Economies in Comparative Perspective*. London: Routledge.

Buxton N., Bullard N. (eds) (2014) Shifting Power. Critical Perspectives on Emerging Economies. *TNI Working Papers*. Amsterdam: Transnational Institute.

Caillé A. (2005) Malaise dans la démocratie. Le spectre du totalitarisme. *Revue du Mauss*, no 25, pp. 68–90.

Camau M. (2008) Le leadership politique aux confins des démocraties et des autoritarismes. *Autoritarismes démocratiques et démocraties autoritaires au XXIe siècle* (eds O. Dabène, V. Geisser, G. Massardier). Paris: La Découverte, pp. 57–88.

Carducci M. (2012) A realidade do Países BRICS e o papel do Direito constitucional comparado. *Revista de Direito Administrativo & Constitucional*, no 50, pp. 205–218.

Carducci M., Bruno A.S. (2014) The BRICS Countries as a Legal Dymanic Network and the Multilevel "Hard" EU Regional Structure: a Comparative Survey. *Law, Governance and World Order* (ed. S. Kierkegaard). Athens: International Association of IT Lawyers, pp. 246–258 and in *International Journal of Public Law and Policy*, no 1, pp. 1–13.

Carducci M., Bruno A.S. (2014a) The BRICS Countries between Justice and Economy. *Methodological Challenges on Constitutional Comparison, Sociology and Anthropology*, no 2, pp. 46–58.

Carducci M., Bruno A.S. (2014b) BRICS as Constitutional Inhomogeneous Dynamics. *Federalismi.it*, no 20, pp. 1–13.

Carducci M., De Oliveira Mazzuoli V. (2014) *Teoria tridimensional das Integrações supranacionais*. Rio de Janeiro: Forense.

Carmody P. (2013) *The Rise of the BRICS in Africa*. New York: Zed Books.

Carothers T. (2002) The End of the Transition Paradigm. *Journal of Democracy*, no 1, pp. 5–2.

Cerutti T. (2014) Valori comuni e identità nazionali nell'Unione europea: continuità o rottura? *Federalismi.it*, no 24, pp. 1–24.

de Vergottini G. (1999) *Le transizioni costituzionali*. Bologna: il Mulino.

Grassi D. (2008) *Le nuove democrazie. I processi di democratizzazione dopo la caduta del muro di Berlino*. Bologna: il Mulino.

Huntington S.P. (1993) *The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century*. Oklahoma Press.

Kanbur R., Venables A.J. (2007) Spatial Disparities and Economic Development. *Global Inequality* (eds D. Held, A. Kaya). London: Polity Press, pp. 204–215.

Logroscino P. (2007) *Spazi macroterritoriali e coesione. Premesse di comparazione costituzionale*. Cavallino (Le): Pensa.

Mazzucato M. (2014) *Lo Stato innovatore*.Roma-Bari: Laterza.

Palermo F. (2005) *La forma di Stato dell'Unione Europea*. Cedam: Padova.

Preuß U.K. (2008) Equality of States.Its Meaning in a Constitutional Global Order. *Chicago Journal of International Law*, no 1, pp. 20–30.

Roy J. (ed.) (2013) *Después de Santiago. Integración regional y relaciones Unión Europea y América latina*. The Jean Monnet Chair Miami University Press.

Sandal N.A. (2014) Middle Powerhood as a Legitimation Strategy in the Developing World: The Cases of Brazil and Turkey. *International Politics*, no 51, pp. 693–708.

Simmons B.A., Dobbin F., Garret G (eds) (2008) *The Global Diffusion of Market and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Simpson G. (2004) *Great Powers and Outlaw States: Unequal Sovereigns in the International Legal Order*. Cambridge: Cambridge University Press.

Somaini E. (2008) *Geografia della democrazia*.Bologna: il Mulino.

Strazzari D. (2014) La clausola di omogeneità dell'Ue: connotazione costituzionale o internazionale? Riflessioni da un'analisi comparata. *Federalismi.it*, no 24, pp. 1–55.

Thompson, D. (2005) China's Soft Power in Africa. From the "Beijing Consensus" to Health Diplomacy. *The Jamestown Foundation*. China Brief, no 5.

Tvevad J. (2014) *Brazil: Promises of More Change-but in which Direction*. Bruxelles: European Parliament-Directorate General for External Policies.

Реальные контуры и ориентиры валютного партнерства БРИКС для содействия торговле и инвестициям

Н.Г. Хмелевская

Хмелевская Наталья Геннадьевна – к.э.н., доцент кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей МГИМО (У) МИД России; Российская Федерация, 119454, Москва, просп. Вернадского, 76; E-mail: Khmelevskaya@mgimo.ru

В статье исследуются условия формирования и задаются ориентиры валютного партнерства БРИКС для целей управления издержками ВЭД, ключевого параметра роста взаимной торговли и инвестиций. Рассмотрены условия включения национальных валют БРИКС в межстрановые платежные отношения. Анализ динамики дополняющих индикаторов конкурентоспособности взаимного экспорта БРИКС (индекс сходства экспорта (ИСЭ) и реальный эффективный обменный курс (РЭОК)) позволили показать изменения в торговых потоках между БРИКС и влияние девальваций валют БРИКС на них. Установлено растущее воздействие КНР на конкурентоспособность стран группы через структуру экспорта и спрос на инвестиционные товары. Показатели обменных курсов валют БРИКС артикулируют различия в макроэкономической политике. Выявлено, что внешнее обесценение ряда валют БРИКС опережало их внутреннюю инфляцию (по ИПЦ), создавая условия для демпинга. Отсюда разное воздействие девальваций на структуру взаимного экспорта БРИКС – у России он рос преимущественно за счет сырой нефти и нефтепродуктов, у Бразилии – через расширение торговых связей и диверсификацию товарных потоков. Аргументируются направления и инструментарий перехода БРИКС в торговых расчетах на национальные валюты (на базе Пула условных валютных резервов или по аналогии с системами трансграничных расчетов между ЦБ Бразилии и Аргентины).

Ключевые слова: Межбанковский механизм БРИКС, Пул условных валютных резервов стран БРИКС, индекс сходства экспорта, реальный эффективный обменный курс, клиринговые расчеты, валютные своп-соглашения, эскроу-счет, расчеты и платежи в местных валютах

«Когда не ведают далеких дум, то не избегнут близких огорчений»
Конфуций. Луньюй. Гл. 15, 12. Перевод И.И. Семенченко

Текущее председательство России в группе БРИКС становится рубежным для уникальной формации международного экономического сотрудничества – валютного партнерства БРИКС, фундамент которого был заложен на втором саммите группы в Бразилии (г. Бразилиа, 15 апреля 2010 г.)[1]. Опираясь на универсальные каналы расширения межстранового обмена – внешнюю торговлю и инвестиции, БРИКС еще на начальном этапе своего становления ставит перед собой амбициозную и несвойственную для неформальных объединений мира задачу перехода на взаимные расчеты в национальных валютах. Принятый на этом саммите первый практический документ – Меморандум

[1] В итоговой декларации лидеры тогда еще четырех стран – членов БРИКС зафиксировали намерение «изучить возможности валютного сотрудничества, включая договоренность об использовании национальных валют в торговле между странами для целей содействия торговле и инвестициям».

о сотрудничестве Внешэкономбанка, Банка развития Китая (БРК), Национального банка социально-экономического развития Бразилии (БНДЭС) и Экспортно-импортного банка Индии (ЭИБИ) – положил начало Межбанковскому механизму БРИКС и сразу же продемонстрировал новизну формации БРИКС как платформы для многостороннего экономического сотрудничества и партнерского диалога. Сегодня без общей наднациональной координирующей структуры страны БРИКС сформировали комплекс открытых и гибких механизмов сотрудничества – не считая ежегодного саммита глав государств и их неформальных встреч на полях саммитов «Группы двадцати», их 23 – от консультаций рабочих групп и экспертов по различным вопросам, встреч министров, руководителей финансовых и налоговых ведомств до семинаров, форумов и т.д.

С 2010 г. основными диалоговыми форматами валютного партнерства БРИКС становятся Межбанковский механизм БРИКС и Биржевой альянс БРИКС. Разумеется, первоначально их взаимодействие ограничивалось контуром сложившихся к тому моменту двусторонних торгово-экономических связей – финансирование проектов в энергетике (РФ и Бразилии, Бразилии и Китая), в самолетостроении (Китая и Бразилии), производстве и поставках высокотехнологичного оборудования (России и Китая, Китая и ЮАР) и т.д. [Хмелевская, 2012, с. 145]. Межбанковский механизм БРИКС состоял из пяти крупнейших национальных банков развития стран-членов, Биржевой альянс БРИКС объединил ведущие торговые площадки стран группы в рамках кросс-листинга пяти фьючерсных контрактов на индексы бразильской BOVESPA, российской ММВБ, гонконгского Hang Seng, бомбейского SENSEX и южноафриканского FTSE/JSE Top 40 (с 14 марта 2012 г.). К дополняющим форматам валютного партнерства БРИКС, на мой взгляд, можно отнести Деловой совет БРИКС (учрежден в г. Дурбан, март 2013 г.), на платформе которого ведется работа, нацеленная на развитие деловых связей и масштабирование лучших практик по направлениям торгово-инвестиционного сотрудничества БРИКС – инфраструктура, производство в стратегических секторах (фармацевтика, автомобилестроение и др.), финансовые услуги и т.д. Деловым советом БРИКС под председательством Бразилии (июль 2014 г.) были сделаны предложения для правительств упростить процедуры открытия финансовых организаций из стран БРИКС, их филиалов и представительств для содействия торговле, бизнесу и инвестициям [BRICS Business Council, 2014, p. 10]. Для обсуждения повестки международного сотрудничества в сфере международных финансов представителями делового сообщества БРИКС в Дурбане также впервые прошли Деловой и Банковский форумы БРИКС.

На момент учреждения БРИКС только между Россией и Китаем полным ходом выстраивалась совместная расчетно-платежная инфраструктура[2]. К декабрю 2010 г. число китайских компаний, полномочных использовать юани при трансграничных торговых расчетах, превысило 67 тыс. (с 365), российских банков, открывших корреспондентские счета в юанях, достигло 15, а предоставлявших расчетно-кассовые услуги частным лицам – 10 [Хмелевская, 2012, с. 150]. Закономерно, что и рынок прямых обменных операций с валютами БРИКС первым был запущен для российского рубля и китайского юаня. 22 ноября 2010 г. в Валютной торговой системе Китая (BTCK) была проведена первая сделка по паре юань/рубль на 1 млн юаней между Bank of China Ltd и Industrial and Commercial Bank of China Ltd [CFETS, 2015]. Меньше месяца спустя на Московской бирже стартовали торги по валютной паре рубль/юань, инструментарием

[2] Первое Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о торгово-экономических отношениях от 5 марта 1992 г. положено в основу действующего сегодня Соглашения о расчетах и платежах (от 23 июня 2011 г.).

для которых с декабря 2014 г. служат все имеющиеся в арсенале биржи стандартные спотовые и срочные торговые контракты[3]. Банк Бразилии как центральный платежно-клиринговый контрагент своп-соглашения с Народным банком Китая на 30 млрд реалов с декабря 2009 г. проводил торговые переводы в реалах и юанях[4].

Потребности взаимного товарообмена объективно генерировали импульсы к развитию межбанковских отношений БРИКС и их инструментария (в 2009–2012 гг. среднегодовые темпы прироста торговли между Россией и Китаем достигали 32%, Бразилией, Китаем и Индией составляли 20%)[5]. Первые многосторонние Генеральное соглашение о кредитных линиях в национальных валютах и Соглашение о механизме многостороннего подтверждения аккредитивов были подписаны 29 марта 2012 г. (г. Нью-Дели). И наконец, институциональными опорами финансового сотрудничества БРИКС для целей торговли и инвестиций становятся Пул условных валютных резервов БРИКС и Новый банк развития БРИКС (далее НБР), соглашения об учреждении которых, подписанные по итогам саммита в Бразилии (г. Бразилиа, г. Форталеза, 15 июля 2014 г.), первой в БРИКС ратифицировала Государственная дума Российской Федерации, подписал президент России В.В. Путин в марте и мае 2015 г. соответственно.

Внешняя турбулентность, волею судеб подтолкнувшая БРИКС к объединению в 2009 г., сегодня практически форсирует их переход на качественно новый этап партнерских отношений. В апреле 2013 г. Московская биржа досрочно вводит инструменты с расчетами «завтра» и сделки своп сроком до 6 месяцев с юанем, отменяет частичное предварительное депонирование средств[6]. В октябре 2014 г. Россия и Китай заключают двустороннее своп-соглашение (10 апреля 2015 г. Резервный банк ЮАР подписал аналогичное соглашение с Народным банком Китая на 30 млрд юаней). И если ранее при построении совместной расчетно-платежной инфраструктуры они руководствовались преимущественно задачей стимулирования деловой активности в приграничных районах, то сегодня все острее ощущается необходимость нивелировать негативное воздействие внешних факторов на их внутренние рынки на многосторонней основе.

Большинство стран мира переходили к таким формам минимизации страновых рисков на завершающих стадиях экономической конвергенции (Европейский союз) или по достижении интеграции национальных банковских систем (Восточнокарибский валютный союз, система Таргет), или, как в Меркосур, в рамках двусторонних систем трансграничных платежей в местных валютах (между Бразилией и Аргентиной, между Бразилией и Уругваем), или многостороннего клиринга в Латиноамериканской ассоциации интеграции (АЛАДИ-СИКАП). Тем интереснее траектория эволюции и, разумеется, возможности валютного сотрудничества для стран БРИКС, в отсутствие общей интеграционной платформы каждая из которых руководствуется прежде всего национальными экономическими интересами, а их резиденты – коммерческими выгодами.

---

[3] Исключением стали контракты с фиксированными датами в 9 и 12 месяцев.

[4] 21 марта 2013 г. на внеочередном заседании Национальный совет по денежно-кредитной политике Бразилии предложил расширить лимит соглашения до 60 млрд реалов и 190 млрд юаней (Резолюция Национального совета по денежно-кредитной политике Бразилии № 4200).

[5] Рассчитано автором по данным International Trade Market Access Map. Режим доступа: http://www. http://www.macmap.org/ (дата обращения: 19.03.2015).

[6] В результате, по данным Московской биржи, только в сентябре объем торгов китайским юанем вырос на 60%. Режим доступа: http://moex.com/ru/news/ (дата обращения: 19.03.2015).

Условия включения национальных валют БРИКС в межстрановые платежные отношения

Рассмотрим, каковы условия вовлечения национальных валют БРИКС в орбиту их платежных отношений. Потенциально валюты БРИКС могут использоваться в международных расчетах *с учетом курсовых соотношений* и того, *каковы параметры взаимной торговли*, при международном клиринге. С макроэкономической точки зрения перевод средств за рубеж как части внутреннего денежного предложения может рассматриваться еще и как канал перемещений ликвидности. Наращивая активы в юанях или рублях, банки создают так называемый «навес» избыточной ликвидности, а с ним и рыночные ожидания, и, что особенно актуально в условиях режима свободно плавающего валютного курса, инфляционных ожиданий.

> На волне резкого укрепления бразильского реала во втором полугодии 2010 г. (индекс РЭОК вырос на 3,6%) только в июне платежи в аргентинском песо через систему трансграничных расчетов в национальных (местных) валютах между Бразилией и Аргентиной (Sistema de Pagos en Moneda Local, SML (СМЛ)) выросли в 2,3 раза, что в годовом измерении в 2,7 раза превысило весь накопленный с момента запуска СМЛ объем (с октября 2008 г.). И наоборот, в мае 2010 г. после трех месяцев подряд синхронной девальвации аргентинского песо и реала размеры платежей только по трем импортным контрактам аргентинских компаний в 5 раз перекрыли значения всех предыдущих месяцев того же года вместе взятых, а в декабре эти значения удвоились[7].

В свою очередь, задача минимизации курсовых потерь определяет выбор участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД) в пользу более слабых валют для международных расчетов и с точки зрения их внешней конвертируемости, и с точки зрения динамики обменного курса, а в пользу более сильных валют – для создания резервов и взаимозачетов. В 2011–2013 гг. южноафриканский ранд, бразильский реал и индийская рупия были самыми волатильными валютами БРИКС[8]; в декабре 2014 г. к ним присоединился и российский рубль. Де-юре валюты всех стран БРИКС наделены полной внешней конвертируемостью, удовлетворяя требованиям ст. VIII Статей соглашения МВФ, а по мере их включения в состав торгуемых активов на ведущих биржах мира или в перечни расчетных единиц в межбанковских валютных системах клиринговых расчетов они становятся «свободно обращаемыми» (согласно положениям ст. XXX (f))[9]. В Clearstream Banking S.A. и Euroclear Bank S.A./N.V. через банк-корреспондент Deutsche Bank (г. Москва) проводятся расчеты в российских рублях, удаленно через счета, открытые в Itaú DTVM SA в бразильских реалах, и через банк-корреспондент Standard Chartered Bank (г. Йоханнесбург) в южноафриканских рандах.

Фактический переход к прямым расчетам и платежам в валютах БРИКС обусловлен еще и нормативно закрепленным правом использовать их национальные денежные единицы в качестве валюты платежа по внешнеторговым контрактам. Сегодня только между РФ и КНР в рамках Соглашения между правительством РФ и правительством КНР о торгово-экономических отношениях от 5 марта 1992 г. (измен. от 23 ноября 2010 г.) субъектам внешнеэкономической деятельности предоставлено право выбора валюты платежа наряду с формой расчетов. К началу 2015 г. в приграничной с Китаем торговле более 90% импорта оплачивалось в российских рублях, которые затем конвер-

[7] Рассчитано автором по данным ЦБ Бразилии.
[8] По накопленной волатильности.
[9] Согласно официальной терминологии МВФ.

тировались в китайские юани и доллары США. Общий оборот по корреспондентским счетам в юанях и рублях, открытых российскими и китайскими банками друг у друга, ежегодно рос на 20–35% [Хмелевская, 2012, с. 148–149]. Заметим, что первоначально российские рубли и юани принудительно конвертировались в другие валюты ввиду того, что на территории Китая, как и России, для местных банков отсутствовал рынок прямых обменных операций с их валютами. В свою очередь, для размещения средств по клиентским счетам банкам необходим доступ к активам в национальных валютах. Поскольку на сегодняшний момент ограничения на такие операции проистекают в первую очередь из различий в системах оценки рискованности активов (в том числе для целей формирования резервов), принципиальным для БРИКС становится общий подход или совместный институт кредитного рейтингования.

Межгосударственные клиринговые расчеты в БРИКС, полностью замкнутые между их центральными банками (существовали вплоть до 1999 г. между Россией, Китаем и Индией в форме «клиринговых юаней», «клиринговых рублей» и «клиринговых рупий»), могут быть основаны на Пуле условных валютных резервов стран БРИКС[10], не имеющем аналогов, но технологически во многом схожем с механизмом резервных траншей МВФ – средства из резервной квоты в капитале Фонда или «позиция» в составе золотовалютных резервов центрального банка (до 25% от общей квоты в МВФ), которые БРИКС могут быстро и безусловно востребовать у МВФ. Каждая из стран – участниц Пула БРИКС, резервируя на счетах своего центрального банка активы, параллельно получает право запросить средства из предназначенной ей доли в Пуле как части уже реализуемой программы помощи МВФ, или, в чрезвычайных ситуациях, по решению постоянного комитета Пула. Так, при необходимости Китай получит половину от своего вклада в качестве помощи, Россия, Индия и Бразилия смогут запросить поддержку в объеме своих вкладов, а ЮАР – в двойном размере. Классические клиринговые коэффициенты в этой части платежных отношений БРИКС уступают место курсам их национальных валют, котируемых напрямую (рубль – юань) или зафиксированным на момент принятия решения комитетом Пула о выделении помощи, тем самым минуя необходимость использовать «якорную валюту» третьих стран.

> В привязке к «якорному» доллару США осуществляется клиринг в действующей с 1965 г. между 12 латиноамериканскими государствами в рамках Соглашения о взаимных платежах и кредитах АЛАДИ (в ред. от 28 апреля 2014 г.) системе АЛАДИ-СИКАП. К концу 2014 г. в ней проходили расчеты и взаимозачеты для более чем 8% импортных операций стран-участниц [ALADI, 2015, p. 5]. Однако и самым резким за всю историю сокращением платежного оборота на более чем 40% завершился II кв. 2014 г. На протяжении последнего десятилетия Аргентина и Венесуэла постоянно, Доминиканская республика с 2013 г., Парагвай и Боливия с 2014 г. использовали механизм АЛАДИ-СИКАП как инструмент внешнего финансирования, погашая свою задолженность по окончании срока «принудительного» сальдирования в 360 дней [Khmelevskaya, 2012, p. 997].

Причем для валют БРИКС такие совместные механизмы могут стать своего рода внешней сетью (network externalities) при интеграции в системы международных расчетов [Mattoo et al., 2012], а для китайского юаня, курсовым ориентиром управления которого служит корзина валют основных торговых партнеров КНР [Ma, McCauley, 2011], еще и способом включения в официальные резервы по ходу реализации валютных своп-соглашений. И здесь закономерен вопрос, каковы параметры взаимного торгово-

[10] По долевому участию и правилам обращения к резервным средствам Пул БРИКС схож с Инициативой Чианг-Май.

экономического обмена БРИКС и какие из них могут быть ориентирами взаимовыгодного валютного сотрудничества, чутко реагирующими на реалии курсообразования и улавливающими сближение внешнеэкономических интересов.

Ориентиры транзакционных издержек ВЭД во взаимной торговле БРИКС

Современная парадигма мирохозяйственных связей, своевременная и адекватная реакция на сдвиги и трансформации в которой все чаще становится залогом жизнеспособности целых государств, неизбежно ставит и перед БРИКС вопрос, удастся ли им удержать хрупкую сбалансированность объединения как политического механизма во внешнеэкономических отношениях. Чрезмерная зависимость БРИКС от внешних рынков стала фактором риска для Китая через поток иностранных инвестиций, для Индии и Бразилии – внешний спрос, России – цены на нефть, ЮАР – цены на другие биржевые товары и их влияние на условия торговли [IMF, 2015, p. 13–15]. Согласно оценкам МВФ, в 2015 г. рост экономики КНР замедлится до 6,8%, в России и Бразилии прогнозируются отрицательные значения прироста ВВП [IMF, 2015, с. 1–3]. На преобладающие для формирующихся рынков эффекты от падения цен на биржевые товары и от расширения диапазона колебаний курсов валют накладываются специфические факторы БРИКС – структурные слабости РФ и ЮАР, перегрев экономики КНР и низкая деловая активность в Бразилии. Сходство в открытости и по последствиям влияния денежно-кредитной политики в развитых странах на экономики БРИКС во многом сближает их пути и средства достижения устойчивого роста, производные от национальных планов модернизации.

> Для целей импортозамещения в 19 стратегических секторах бразильской экономики по Плану «Большая Бразилия», например, помимо налоговых и административных преференций субсидируется процентная ставка по кредитам, БНДЭС предоставляет льготный кредит[11]. Фонд развития промышленности, предоставляющий целевые займы на 5–7 лет по ставке от 5% годовых, был специально создан для Государственной программы РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» с целью стимулирования модернизации предприятий, обеспечивающих импортозамещение[12]. ЭИБИ финансировал многочисленные государственные и частные проекты продвижения индийского экспорта на международных рынках – от разработки логотипа двух флагманских инициатив «Делай в Индии» (Make in India) и «Развитие профессиональных навыков Индии» (Skilling India) до проектов Индийской ассоциации производителей комплектующих для автомобилей. Помимо банковских продуктов для экспортеров в ЭИБИ была сформирована специальная служба продвижения индийского импорта.

Внешняя торговля как фронтальная сфера сотрудничества БРИКС, на которую и общеэкономические различия, и структурные условия развития проецируются в общем для БРИКС параметре ее роста (издержки ВЭД), способна стать реальной основой сближения их внешнеэкономических интересов. На протяжении всей истории существования БРИКС половина ее взаимного агрегированного экспорта (более 296 млрд долл. США на конец 2014 г.) приходилась на Китай (53,5%)[13]. Безусловно, так называемый

[11] Plano Brazil Maior. Режим доступа: http://www.brasilmaior.mdic.gov.br/ (дата обращения: 19.03.2015).

[12] Государственная программа РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (утвержд. Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 328).

[13] Рассчитано автором по International Trade Centre Trade Map. Режим доступа: http://www.trademap.org/Index.aspx (дата обращения: 19.03.2015).

Эффект высокой базы ВВП КНР и самые высокие в группе темпы роста внешней торговли со странами объединения оказали прямое влияние на пропорции межстранового обмена БРИКС. Кроме того, экспортные приоритеты каждой из стран-членов воспроизводились в торговых потоках между БРИКС – начиная с 2012 г. Китай стал крупнейшим внешнеторговым партнером Бразилии и ЮАР, для Индии – второй по объемам поставок страной назначения экспорта и первой страной происхождения импорта. В итоге около трети внешнеторгового оборота Бразилии, Индии и ЮАР сосредоточилось на Китае, у России же лишь 11% (к концу 2014 г. 18% импорта и 8% экспорта)[14].

С геополитической точки зрения подобное распределение товарных потоков внутри группы стран сопряжено как с определенными выгодами для ее акторов [Хмелевская, 2015], так и с обременениями в виде межстрановых торговых дисбалансов. Для участников ВЭД такие пропорции торговли между БРИКС свидетельствуют еще и о том, что сегодня каждая третья внешнеторговая сделка в этих странах заключается с китайскими партнерами, что, с вою очередь, связано и с издержками ВЭД (уровень тарифной нагрузки, таможенные процедуры и формальности и т.д.), и с конкурентными преимуществами китайских товаров.

По существу, внутренние рынки БРИКС стали для ее участников экстенсивной составляющей экспортной стратегии и конкурентной борьбы. Оценки экстенсивной составляющей прироста экспорта России наименьшие (6%), в то время как Бразилии, Китая и Индии 27%, 22% и 21% соответственно. За последнее десятилетие Бразилия экстенсивно расширяла экспорт минерального сырья (23,9% прироста) и машиностроения (13,4%), Индия и Россия – продукции машиностроения, в то время как Китай – практически всех конкурентно значимых товарных групп БРИКС [Гнидченко, 2014, с. 49–51]. Показано, что развивающимся странам удавалось существенно продлить стадию роста экспорта за счет расширения и углубления торговых связей [Besedes, Prusa, 2007].

Оценим, в первую очередь, структуру взаимного экспорта БРИКС – основы для внешнеторговых отношений – в той степени, в какой страны экспортируют разную продукцию [Finger, Kreinin, 1979] и более конкурентоспособную, а значит, обусловленную ростом производительности [McMillan, Rodrik, 2011], поддерживая который страны пользуются и мерами торговой политики [IMF, 2013, p. 25], и средствами валютной политики. Показательно, что в кризисные 2012–2014 гг. первой реакцией большинства рынков БРИКС на внешние шоки стал рост волатильности курсов их валют, а монетарных властей – расширение границ их плавания. Индия, например, плавно девальвируя рупию, обеспечивала приемлемые для своих экспортеров ставки CIF/FOB, притом что и на двусторонней, и на многосторонней основе ее торговый баланс в БРИКС был устойчиво дефицитным (в 2011–2013 гг.). Стремясь сократить дефицит торгового баланса, ЦБ Бразилии также девальвировал с середины мая до конца июля 2013 г. бразильский реал на 15%[15]. В схожей логике действовал и Банк России в 2014 г., когда за практически синхронным падением мировых цен на энергоносители, а затем и темпов прироста сальдо платежного баланса ослабление российского рубля достигло 69%[16]. Заметим, что на протяжении всей истории существования БРИКС торговый

[14] Рассчитано автором по International Trade Centre Trade Map. Режим доступа: http://www.trademap.org/Index.aspx (дата обращения: 19.03.2015).

[15] Рассчитано автором по статистике ЦБ Бразилии. Режим доступа: http://www.bcb.gov.br/?estatopercam (дата обращения: 20.03.2015).

[16] Рассчитано автором по индикативному инструменту USDRUB_TOM / USD000UTSTOM Московской биржи (за период с 1 января по 30 декабря).

баланс Бразилии по отношению ко всем членам группы был профицитным, и даже в конце 2014 г., когда впервые за 14 лет косолидированный торговый баланс Бразилии был сведен с дефицитом, с БРИКС у нее фиксируется практически 3 млрд долл. США положительного сальдо (3,2% товарооборота с БРИКС)[17]. И наоборот, притом что все это время Народный банк Китая (НБК) жестко сдерживал курс юаня, разница между его импортом и экспортом в БРИКС превышала дефицит России, Индии и ЮАР вместе взятых в среднем в 2,4 раза[18].

На основе Индекса сходства экспорта (ИСЭ, Export Similarity Index (ESI)), рассчитываемого по формуле [Finger, Kreinin, 1979], оценим сходство товарных структур взаимного экспорта БРИКС:

$$S(ab, c) = \{\Sigma i\ Minimum\ [Xi(ac), Xi\ (bc)]\}100,$$

где Xi – экспорт товаров страны a в страну c (в нашем случае – в группу БРИКС), экспорт товаров страны b в страну c (в нашем случае – в группу БРИКС).

Идентифицируя слабое сходство взаимного экспорта БРИКС, полученные величины ИСЭ, во-первых, обозначают перспективные для расширения взаимной торговли товарные отрасли в той мере, в какой экспорт сравниваемых стран различается. В числе самых конкурентных товарных групп продукция горнорудной промышленности (код товарной группы 26 по номенклатуре Гармонизированной системы (НГС))[19], минеральное топливо (27), продукция органической химии (29), черные металлы (72) и реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства (84). До 40% схожи экспорт руд и концентратов Бразилии и ЮАР, до 20% экспорт минерального топлива РФ и ЮАР. Самые высокие уровни общего сходства с экспортом всех стран группы у ЮАР (средний уровень ИСЭ 35%, экстремум в 60% фиксируется в 2011 г. в торговле с Бразилией (рис. 1)). Наблюдается сближение структуры экспорта всех перечисленных товарных групп БРИКС, за исключением группы 26[20]. Во-вторых, то, что существенная часть сходства товарных структур концентрируется в ограниченном перечне товаров, свидетельствует об общей слабости текущих экспортных позиций стран БРИКС, а также может отражать взаимодополняемость по мере того, как меняется импортная составляющая их экспорта, происходящая из стран БРИКС. Удельный вес рынков БРИКС в китайском экспорте с 2010 г. устойчив (7%), у России варьировался в диапазоне 7–9%, у Индии 9–12%, у ЮАР 15–18% и у Бразилии 18–22% (в 2009–2013 гг.)[21].

Россия, Китай и Бразилия конкурируют друг с другом и с производителями из третьих стран на рынках электрических машин и оборудования (85) и компонентов атомных электростанций (84). Однако максимальные 5% ИСЭ в этих товарных отраслях (между Россией и Китаем в 2010 г.) с учетом повышения уровня присутствия (к концу 2014 г. Бразилия импортировала до 40% электрического оборудования из стран БРИКС, Россия – 37%, Китай – 23%)[22], на мой взгляд, может быть обусловлено сдвигом в сторону технологичного содержания экспорта. За последнее десятилетие

[17] Рассчитано автором по International Trade Centre Trade Map по итогам 11 месяцев 2014 г. Режим доступа: http://www.trademap.org/Index.aspx (дата обращения: 20.03.2015).

[18] Там же.

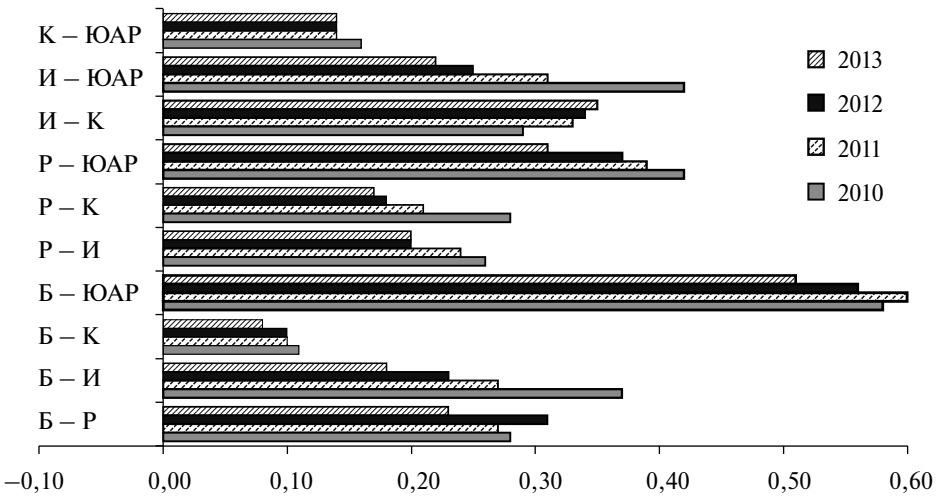
[19] Здесь и далее коды товаров приводятся в соответствии с Гармонизированной системой описания и кодирования товаров (номенклатура ГС), 3-е изд. Всемирная таможенная организация, 2002 г.

[20] Рассчитано автором по International Trade Centre Trade Map. Режим доступа: http://www.trademap.org/Index.aspx (дата обращения: 20.03.2015).

[21] Там же.

[22] Рассчитано автором по International Trade Centre Trade Map. Режим доступа: http://www.trademap.org/Index.aspx (дата обращения: 20.03.2015).

доля технологических товаров в экспорте Китая достигла 30%, а китайская составляющая стоимости импорта стран АТР уже в 2009 г. достигла 50% [IMF, 2011].



Б – Бразилия, Р – Россия, И – Индия, К – Китай.

* Общий уровень Индекса сходства экспорта (ИСЭ) для 99 товарных групп номенклатуры ГС (3-е изд. 2002 г.) для БРИКС на двусторонней основе.

Рис. 1. Сходство структур экспорта стран БРИКС, 2010–2013 гг.

Источник: Рассчитано автором на основе данных МТЦ ЮНКТАД (ВТО).

Китайские компании закупают во всех странах – членах БРИКС минеральное топливо (27), продукцию горнорудной промышленности (26) у Бразилии, Индии и ЮАР, притом что их влияние на общие объемы торговли КНР малозначимо (табл. 1). И наоборот, у партнеров КНР по БРИКС отмечается укрупнение структуры торговли с КНР. У всех членов объединения совместный удельный вес 84 и 85 товарных групп близок к 50% импорта из Китая.

В сентябре 2014 г. железнодорожный гигант КНР China Railway Corporation (CRC) анонсировал намерение совместно с индийской корпорацией Indian Railways (IR) разработать проект самой протяженной в мире высокоскоростной магистрали между Нью-Дели и Ченнаи. Совместно с China Rail Eryuan Engineering Group Company (CREEGC) началась работа по улучшению скоростных параметров пассажирских поездов [Thakur, 2014]. В июле того же года CRCC и бразильская инжиниринговая компания Camargo Corrêa учредили совместное предприятие для участия в тендерах на строительство железных дорог в Бразилии[23]. Практически синхронно еще одна крупная инжиниринговая компания Бразилии Progen подписала с CRCC и «РЖД» меморандум о взаимопонимании (июль 2014 г.), обозначая договоренности о совместных инфраструктурных проектах на территории трех стран[24].

[23] Chinese-Brazilian group ready for rail concession tender. Association of equipment manufacturers, 22 July, 2014. Режим доступа: http://aem.org/News/CINN/Articles/Category.asp?C=29&offset=340 Рассчитано автором по International Trade Centre Trade Map. Режим доступа: http://www.trademap.org/Index.aspx (дата обращения: 20.03.2015).

[24] Business insight in Latin America. Режим доступа: http://www.bnamericas.com/company-profile/en/china-railway-construction-corporation-crcc. Рассчитано автором по International Trade Centre Trade Map. Режим доступа: http://www.trademap.org/Index.aspx (дата обращения: 20.03.2015).

В экспорте РФ в Китай концентрация минерального топлива выросла с 45% в 2009 г. до 74% в 2014 г.; у Бразилии совместная доля масличных семян и плодов (12) и горнорудной продукции (26) превысила 72%, а у ЮАР доля тех же руд (26) и черных металлов (72) – 78%. Причем все перечисленные позиции. Причем обе последние позиции можно отнести к высокочувствительным и к сезонным факторам, и к внешним шокам – с начала 2012 г. до конца сентября 2014 г. изменения размеров поставок масличных культур из Бразилии в Китай достигали шестикратных значений[25]. Среди крупнейших статей экспорта Индии в Китай также преобладают сырьевые товары, а удельный вес первых четырех товарных групп («Хлопок» (52), «Медь и изделия из нее» (74), «Руды, шлак и зола» (26), «Органические химические соединения» (29)) составляет 58%. В товарной же номенклатуре китайского импорта в Индии преимущественно готовые изделия с высоким уровнем добавленной стоимости (табл. 1) – все ту же долю занимают уже первые три товарные группы (85, 84, 99)[26]. Более того, к концу 2014 г. более половины всей импортной продукции тяжелого машиностроения (группа 85) в Индию поставлялось из Китая, а каждая третья сделка на покупку электротехнического оборудования или химической продукции заключалась с китайскими компаниями. Безусловно, к дани традициям и ремесленного мастерства можно отнести натуральный шелк или предметы жокейской оснастки на индийском рынке исключительно китайского производства (из Китая импортируется 97% шелка). Однако сегодня доля китайской составляющей в более чем 60% товарных линий импорта Индии превышает треть.

Таблица 1. Матрица товарной структуры взаимной торговли Китая с БРИКС (на 31.12.2013 г.)

	Китай			
	Экспорт		***Импорт***	
	Товарные группы по НГС	**Доля, %**	**Товарные группы по НГС**	**Доля, %**
Бразилия	12, 26, 27	**82**	85, 84, 29, 87, 73, 39, 72, 62, 90, 54, 95, 40, 61, 31, 94	**80**
Россия	27, 44	**77**	85, 84, 64, 87, 62, 39, 95, 61, 73, 94, 90, 42, 29, 40	**76**
Индия	52, 74, 26, 29, 27, 25, 39, 84, 72, 15	**79**	85, 84, 29, 99, 31, 73, 39, 90, 72, 87, 71, 89, 28	**79**
ЮАР	26, 72, 27	**76**	85, 84, 64, 61, 62, 73, 39, 94, 87, 72, 29, 95, 40, 90	**76**

Примечание. Товарные группы приведены в порядке убывания их удельного веса в экспорте (импорте).

Источник: Составлено автором по данным МТЦ ЮНКТАД (ВТО).

Таким образом, укрупнение статей импорта БРИКС из Китая сопровождается его активной межгрупповой и внутристатейной диверсификацией с повышением технологического содержания, что в русле общемировых процессов перемещения китайских производителей вверх по глобальным стоимостным цепочкам [IMF, 2011, p. 21]. В свою

[25] Рассчитано автором по International Trade Centre Trade Map. Режим доступа: http://www.trademap.org/Index.aspx (дата обращения: 20.03.2015).

[26] Там же.

очередь, основанная на добавленной стоимости доля Китая в мировой торговле растет в тех странах и их объединениях, в стоимостные цепочки которых встроены его производители [Unteroberdoerster et al., 2012, p. 40–41]. Следовательно, можно с уверенностью говорить об активном встраивании китайской продукции в стоимостные цепочки БРИКС. Заметим, что чем выше импортная составляющая в товарах низкой степени переработки, тем более чувствителен такой экспорт к ослаблению обменного курса валюты обязательств по внешнеторговым контрактам, и наоборот [Bayoumi et al., 2013, p. 16].

В свою очередь, углубление экспортных потоков при торговой интеграции сопряжено с сокращением барьеров в торговле и минимизацией транзакционных издержек [Хмелевская, 2015]. По мнению Делового совета БРИКС, меры торговой политики среди трех основных «барьеров и узких мест» во взаимной торговле, ведении бизнеса и инвестиций объединения [BRICS Business Council, 2014, p. 34]. В вышеперечисленных сырьевых отраслях все страны БРИКС относительно схожи по условиям взаимной торговли (по адвалорному эквиваленту тарифной нагрузки).

Влияние же мер валютной политики Китая на экспорт стран-партнеров выражается в том, что, например, 30%-е укрепление реального эффективного обменного курса юаня к доллару США в 2000–2008 гг. ассоциировалось с 4,5–6%-м ростом экспорта развивающихся стран в США [Mattoo et al., 2012, p. 18], причем у наиболее близких ему конкурентов. Объясняется это, на мой взгляд, тем, что при неизменных других условиях торговли (уровень тарифной защиты и мировые цены) обесценение юаня активизировало экспорт, прежде всего, сырья и полуфабрикатов, а затем массовых и высокоэластичных по цене товаров. Расширенное таким образом производство генерировало новый спрос на те же товары из других стран, тем самым стимулируя их внутреннее производство и экспорт.

Рассмотрим в этой связи, каковы проекции распределения торговых потоков между БРИКС (удельный нормированный вес стран в товарообороте попарно) и их структурно-экономических различий (среднегодовые темпы инфляции по ИПЦ) на процессы курсообразования в терминах реального эффективного обменного курса (РЭОК), рассчитываемого по следующей формуле:

$$REER^{*}=100^{*}\Pi_{i}(S_{i^{*}}(P^{d}/P^{f}))^{w},$$

где w_i – удельный вес i-й страны из группы БРИКС в товарообороте БРИКС, нормализованный с учетом предыдущего года; P – уровень цен в сравниваемых странах; S_i – текущий обменный курс валюты БРИКС.

Расчеты проведены в логарифмах НОЭК и разницы уровней цен.
Тест Дикки – Фуллера на единичный корень временных рядов (ADF) подтвердил, что все ряды переменных являются нестационарными в уровнях. РЭОК систематически отклоняется от долгосрочного среднего значения по причине разных уровней цен в странах БРИКС. Оценки уровня конкурентоспособности каждой из стран относительно группы получены через нормализацию значений РЭОК по удельному весу БРИКС в агрегированном товарообороте каждой из стран-участниц

Полученные показатели обменных курсов валют БРИКС, с моей точки зрения, во-первых, артикулируют различия в макроэкономической политике стран группы (отражены на марже между НОЭК и РОЭК), а значит и ценовые преимущества на-

циональных товаропроизводителей (маржа между НОК и РЭОК). Укреплявшийся в режиме инфляционного таргетирования с начала 2000-х годов бразильский реал, тем не менее, по валютам БРИКС приносил национальным экспортерам положительную курсовую разницу и был переоценен (РЭОК значительно ниже НОК (табл. 2)), притом что снижение доли промышленных товаров в бразильском экспорте в 2000-х годах проходило на фоне последовательного укрепления реала [Nassif et al., 2013, p. 22–23]. И наоборот, воспроизводя динамику развития экономики КНР, де-факто фиксированный китайский юань, единственный среди валют БРИКС, стабильно недооценивался (исключение в бразильском реале (табл. 2)).

Заметим, что переход к прямым обменным курсам российского рубля и китайского юаня (с конца 2010 г.) ассоциируется с расширением диапазона колебаний рыночного курса первого (НОК) на фоне роста покупательной способности второго (в терминах РЭОК (табл. 2)). Массовые девальвации валют БРИКС в 2012–2013 гг. атрибутируются их дисперсным обесценением, например, к концу 2013 г. в рублевом эквиваленте реал стал на 25 б.п. дешевле (маржа между РЭОК и НЭОК (среднее гармониз.)), чем в 2010–2011 гг., ранд – на 16 б.п. дешевле, рупия – всего на 1 б.п.)[27]. В то же самое время относительно российского рубля внешнее ослабление бразильского реала (приросты НЭОК) двукратно отставало от реального, у остальных же валют серьезно отклонялось от траектории движения близких к равновесным РЭОК (табл. 2).

Следовательно, внешнее обесценение некоторых валют БРИКС опережало их внутреннюю инфляцию (ИПЦ), создавая условия для спорадического демпинга, например, индийских компаний на российском рынке в 2011 г., а южноафриканских – в 2013 г. Отсюда и различия эффектов девальваций на структуру взаимного экспорта БРИКС. Притом что относительно 2009 г. значительнее всего вырос российский и бразильский экспорт в БРИКС (без учета КНР в среднем на 46%), у российских экспортеров он на 80% восходил к сырой нефти и нефтепродуктам (более половины всех поставок в БРИКС). Бразильские компании наращивали объемы поставок в БРИКС, и расширяя торговые отношения (экстенсивная составляющая роста экспорта), и диверсифицируя товарную структуру экспортных потоков (интенсивный рост). Экспорт Бразилии в КНР вырос более чем в 2 раза при 18%-м среднегодовом приросте, в РФ – в 1,3 раза, Индию – в 1,4 раза. С нулевых значений стартовали поставки животных и растительных пищевых жиров, штукатурных материалов в Россию, а также беспрецедентно выросли объемы поставок соков и растительных экстрактов (с 17 млн долл. США в 2010 г. до 3,5 млрд долл. США по итогам 2014 г.)[28]. На индийском рынке впервые в 2010 г. появился шоколад бразильского производства, расширился ассортимент хлопчатобумажных тканей и химического волокна, а на рынке ЮАР обновился перечень бразильских алкогольных напитков. Будучи временными, в значениях ИСЭ такие ценовые преимущества росли синхронно с РЭОК (табл. 2). Значит, в той степени, в какой они не были трансформированы в новые товарные структуры, не схожие с экспортом других партнеров по БРИКС, они и снижались в кризисные 2012–2014 гг. (табл. 2). В свою очередь, это служит признаком все еще слабой ориентации рассматриваемых стран на рынки БРИКС – доля БРИКС в экспорте РФ, например, выросла всего на 2% за 2009–2014 гг.[29]

[27] Рассчитано автором на основе данных МТЦ ЮНКТАД (ВТО), World Bank Data Base. Режим доступа: http://data.worldbank.org/country/ (дата обращения: 25.01.2015).

[28] Рассчитано автором по International Trade Centre Trade Map. Режим доступа: http://www.trademap.org/Index.aspx (дата обращения: 20.03.2015).

[29] Там же.

Таблица 2. Показатели курсообразования между БРИКС

		Россия				Индия				Китай				ЮАР			
		2010	**2011**	**2012**	**2013**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**
Бразилия	РЭОК БРИКС	0,0121	0,0136	0,0186	0,0156	0,0075	0,0097	0,0082	0,0105	0,0044	0,0050	0,0081	0,0047	0,0804	0,1242	0,0883	0,0475
	НЭОК БРИКС	0,0167	0,0173	0,0175	0,0171	0,0143	0,0140	0,0155	0,0161	0,6687	0,7925	1,0060	1,2044	0,0692	0,0941	0,0932	0,0444
	Индекс РЭОК*	100	104,6	94,6	90,4	100	104,6	94,6	90,4	100	104,6	94,6	90,4	100	104,6	94,6	90,4
	НОК	0,0579	0,0569	0,0629	0,0676	0,0385	0,0358	0,0365	0,0368	0,2598	0,2589	0,3094	0,3480	0,2403	0,2304	0,2379	0,2233
	ИСЭ, %	28	27	31	23	37	27	23	18	11	10	10	8	58	60	56	51
		Бразилия				**Индия**				**Китай**				**ЮАР**			
		2010	**2011**	**2012**	**2013**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**
Россия	РЭОК БРИКС	2,5563	2,2194	1,3311	1,3416	0,0748	0,0674	0,0382	0,0598	9,5256	8,0968	11,99	17,62	0,8417	1,1913	0,6254	0,9006
	НЭОК БРИКС	1,8524	1,7438	1,4094	1,2232	0,1030	0,0763	0,0764	0,0835	4,5557	5,2051	6,1140	6,7370	0,5245	0,7091	0,6990	0,7682
	Индекс РЭОК*	100	103,7	105	107,1	100	103,7	105	107,1	100	103,7	105	107,1	100	103,7	105	107,1
	НОК	17,267	17,572	15,91	14,798	0,6642	0,6298	0,5809	0,5442	4,4867	4,5492	4,9228	5,1497	4,1491	4,0482	3,7849	3,3046
	ИСЭ, %	28	27	31	23	26	24	20	20	28	21	18	17	42	39	37	31
		Бразилия				**Россия**				**Китай**				**ЮАР**			
		2010	**2011**	**2012**	**2013**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**
Индия	РЭОК БРИКС	7,6870	6,5769	9,0456	7,0769	0,2617	0,2007	0,3694	0,2632	26,07	17,01	39,65	37,40	26,75	24,41	21,28	16,02
	НЭОК БРИКС	4,0458	4,5692	4,7888	4,6186	0,1901	0,1774	0,1847	0,1884	9,0567	9,6670	10,11	10,23	12,11	12,85	11,89	9,78
	Индекс РЭОК*	100	99,9	93,8	89,6	100	99,9	93,8	89,6	100	99,9	93,8	89,6	100	99,9	93,8	89,6
	НОК	26,00	27,90	27,39	27,19	1,5057	1,5877	1,7215	1,8375	6,7556	7,2231	8,4746	9,4627	6,2472	6,4276	6,5158	6,0723
	ИСЭ, %	37	27	23	18	26	24	20	20	29	33	34	35	42	31	25	22

		Бразилия				Россия				Индия				ЮАР			
		2010	2011	2012	2013	2010	2011	2012	2013	2010	2011	2012	2013	2010	2011	2012	2013
Китай	РЭОК БРИКС	0,5358	0,7609	0,3980	0,2997	0,0202	0,0312	0,0261	0,0186	0,0001	0,0002	0,0001	0,0001	0,0070	0,0144	0,0076	0,0071
	НЭОК БРИКС	0,8118	0,9300	0,8267	0,7147	0,0422	0,0486	0,0512	0,0487	0,0003	0,0003	0,0002	0,0002	0,0091	0,0133	0,0166	0,0158
	Индекс РЭОК*	100	102,5	108,6	115,9	100	102,5	108,6	115,9	100	102,5	108,6	115,9	100	102,5	108,6	115,9
	НОК	3,8484	3,8626	3,2320	2,8736	0,2229	0,2198	0,2031	0,1942	0,1480	0,1384	0,1180	0,1057	0,9247	0,8899	0,7689	0,6417
	ИСЭ, %	11	10	10	8	28	21	18	17	29	33	34	35	16	14	14	14
		Бразилия				Россия				Индия				Китай			
		2010	2011	2012	2013	2010	2011	2012	2013	2010	2011	2012	2013	2010	2011	2012	2013
ЮАР	РЭОК БРИКС	0,7920	0,6955	0,9474	0,9357	0,0089	0,0059	0,0141	0,0172	0,0425	0,0504	0,0583	0,0794	13,22	11,54	31,45	37,47
	НЭОК БРИКС	0,9210	0,9180	0,8975	1,0002	0,0143	0,0098	0,0126	0,0202	0,0940	0,0957	0,1043	0,1301	10,15	12,46	14,35	16,80
	Индекс РЭОК*	100	98	92,3	82,4	100	98	92,3	82,4	100	98	92,3	82,4	100	98	92,3	82,4
	НОК	4,1616	4,3406	4,2036	4,4780	0,2410	0,2470	0,2642	0,3026	0,1601	0,1556	0,1535	0,1647	1,0814	1,1238	1,3006	1,5583
	ИСЭ, %	58	60	56	51	42	39	37	31	42	31	25	22	16	14	14	14

*Индекс РЭОК БМР по отношению к базовому 2010 г.

Примечания.

РЭОК – реальный эффективный обменный курс, НЭОК – номинальный эффективный обменный курс, НОК – номинальный обменный курс, ИСЭ – Индекс сходства экспорта.

Курсы валют рассчитаны через кросс-курс доллара США и приводятся в прямых котировках (т.е. единиц национальной валюты за единицу валюты БРИКС).

Источник. Рассчитано автором на основе данных МТЦ ЮНКТАД (BTO), World Economic Outlook (IMF, October 2014), World Bank Data Base[a] .

[a] World Bank Data Base. Режим доступа: http://data.worldbank.org/country/ (дата обращения: 25.01.2015).

Таким образом, структурная и валютная составляющая (ИСЭ и РЭОК) конкурентоспособности экспорта БРИКС внутри объединения могут служить дополняющими ориентирами транзакционных издержек ВЭД – их синхронная динамика прежде всего отражает пропорции межстранового обмена БРИКС, которые будучи производными от условий взаимной торговли, затем проецируют внешнеторговые риски и рыночные ожидания на процессы курсообразования. Следовательно, прибегая к использованию мер курсовой политики для защиты своих товаропроизводителей на пространстве БРИКС, его членам следовало бы руководствоваться, во-первых, тем, встраиваются ли их производители в стоимостные цепочки БРИКС. Эконометрическая модель «интегрального эффективного обменного курса» (ИЭОК, integrated effective exchange rate) для разных стадий глобальных стоимостных цепочек О. Антеробердерштера, А. Мохомада и Ж. Вичянон, например, показала, что обменный курс страны-экспортера в большей степени транслируется в тарифы поставщиков по сравнению с ценами промежуточных товаров в валюте страны-экспортера конечного продукта. В итоге эффект укрепления валюты экспортера на совокупные затраты, номинированные в валюте экспортного рынка, слабее в сравнении с валютой тарифов поставщиков [Unteroberdoerster et al., 2012, p. 41].

Во-вторых, для того чтобы выявленная пока еще слабая внутриблоковая конкуренция БРИКС не осталась лишь признаком слабости текущих экспортных позиций БРИКС, а придала импульс нарождающимся силам бизнес-инициатив, необходима многоплановая работа по минимизации издержек ВЭД – от упрощения торговых и административных барьеров до создания инфраструктур перехода в торговых расчетах на национальные валюты или, по меньшей мере, их использования в качестве номинала обязательств по внешнеторговым контрактам. На фоне резкой девальвации российского рубля в декабре 2014 г. правительство Индии совместно с Федерацией индийских экспортных организаций (ФИЭО) предложило перейти в расчетах с Россией на рубли и рупии[30], что, на мой взгляд, в первую очередь продиктовано структурой взаимной торговли – в российском импорте Индии постоянно значимы первичные товары (сырая нефть, драгоценные металлы и камни, удобрения и сталелитейная продукция), в то время как в экспорте Индии в РФ повышается технологическая составляющая – фармацевтические товары, комплектующие для тяжелой техники и части летательных аппаратов (по итогам 2014 г. их совместная доля достигла 38%)[31].

Предложение индийской стороны использовать для этих целей эскроу-счета (англ. Escrow, использовались СССР и в настоящее время Ираном) как альтернативу аккредитивам продиктовано еще и тем соображением, что депонированные на эскроу-счете активы (в РФ это счет условного депонирования) остаются в собственности владельца до момента их перевода в пользу выполнившей свои обязательства по сделке стороны эскроу-агентом (банком) [Maurer, Harl, 1992, p. 5–6], в роли которого может выступить Новый банк развития БРИКС как межгосударственное образование, не попадающее под санкционные и иные действия недружественных сторон. Иран, например, после прекращения расчетов через Азиатский платежный союз в 2010 г. из-за угрозы замораживания средств вынужден был трижды сменить расчетный банк (в 2011 г. использо-

[30] Business Standard, 24 December 2014. Режим доступа: http://www.business-standard.com/article/economy-policy/government-mulls-rupee-payment-deal-with-russia-114122400071_1.html (дата обращения: 20.03.2015).

[31] Рассчитано автором по International Trade Centre Trade Map. Режим доступа: http://www.trademap.org/Index.aspx (дата обращения: 20.03.2015).

вался Europaische-Iranische Handelsbank со штаб-квартирой в Гамбурге, затем турецкий банк Halkbank, с 2012 г. UCO Bank (г. Калькутта)).

И поскольку сегодня формирование рынков прямых котировок и обеспечивающих его инфраструктур, как между Россией и Китаем, скорее отдаленная перспектива для остальных БРИКС, то наиболее реалистичен переход к расчетам в валютах стран группы, с моей точки зрения, через механизмы межгосударственных взаимозачетов или их включения в национальный клиринг. Первый вариант вскоре может получить институциональное обеспечение в лице Нового банка развития БРИКС и уже имеет материальную основу в виде Пула условных валютных резервов стран БРИКС. Однако технологически – поскольку такие расчеты замкнуты на корсчетах в центральных банках – это потребует взаимной настройки каналов межбанковских связей и сближения нормативов требований к банкам-агентам. Например, Китайская национальная система межбанковских платежей CNAPS не поддерживает формат SWIFT MT202/202COV и коды ее банков отличаются от БИК-кодов остальных БРИКС.

Другой вариант, двусторонние трансграничные расчеты по аналогии с системами между центральными банками Бразилии и Аргентины (Sistema de Pagos en Moneda Local, SML (СМЛ)) и центральными банками Бразилии и Уругвая (с 1 декабря 2014 г.), может быть основан на национальном клиринге и индикативных курсах[32], не требующих прямых обменных операций, а значит, без обязательств ЦБ обеспечивать ликвидность [Banco Central do Brasil, 2008]. С учетом того, что во всех национальных расчетно-платежных системах БРИКС сегодня имеется универсальный модуль валовых расчетов в режиме реального времени (у Китая это система платежей на основе взаимозачета (Bulk-Entry Payment System (BEPS)), а их центральные банки являются организаторами и владельцами таких систем (с незначительными свободами в системе электронных платежей Резервного банка Индии), то технологически это потребует заключения двусторонних рамочных операционных регламентов, адаптированных к практике каждой из систем и последующих корректировок процедур обработки обязательств, номинированных в новых валютах [Banco Central do Brasil, 2008]. Вместе с тем, принимая во внимание курсовые соотношения между валютами БРИКС, заметим, что привлекательность таких расчетов для участников ВЭД и цели макроэкономической стабильности могут разойтись. Например, более 99% платежей в СМЛ Бразилии и Аргентины (к 1 января 2015 г. накопленный объем превысил 10,6 млрд по 35683 торговым сделкам)[33] проводились бразильскими импортерами в аргентинских песо, «навес» избыточной ликвидности из которых подстегивал инфляционные ожидания в Аргентине. Следовательно, уже сегодня целесообразно начать работу над механизмами совместной или общей компенсации курсовых искажений.

Литература

Гнидченко А.А. (2014) Декомпозиция роста экспорта на экстенсивную и интенсивную составляющие с учетом сравнительных преимуществ // Журнал новой экономической ассоциации. № 4 (24). С. 38–64.

Хмелевская Н.Г. (2012) Валютное партнерство БРИКС: условия создания и инструментарий сближения интересов // Восходящие государства-гиганты БРИКС: роль в мировой политике и стратегии модернизации: сборник научных трудов. М.: МГИМО-Университет. С. 144–157.

[32] ЦБ Бразилии фиксирует курс реала ежедневно по итогам рыночных торгов, ЦБ Аргентины устанавливает курс песо исходя из кросс-курса к доллару США.

[33] Рассчитано автором по данным ЦБ Бразилии.

Хмелевская Н.Г. (2015) Торговая интеграция в Mercosur VS инфраструктурная интеграция в Тихоокеанском альянсе // Латинская Америка. № 2. С. 48–58.

ALADI (2015) Compensaciones y Evaluación. Режим доступа: http://www.aladi.org/nsfaladi/convenio.nsf/documentos/$file/TercerCuatri2014.pdf (дата обращения: 10.02.2015).

Banco Central do Brasil (2008) Convênio do Sistema de Pagamentos em Moeda Local Entre a República Argentina e a República Federativa do Brasil, 8 de Setembro de 2008. Режим доступа: http://www.bcb.gov.br/rex/sml/convenio-sml-pt.pdf (дата обращения: 10.02.2015).

Bayoumi T., Saito M., Turunen J. (2013) Measuring Competitiveness: Trade in Goods or Tasks? IMF Working Paper. No. 13/100. May.

Besedes T., Prusa T.J. (2007) The Role of Extensive and Intensive Margins and Export Growth. NBER Working Paper/ No. 13628. November.

BRICS Business Council (2014) Annual Report 2013/2014. Fortaleza, 9 July.

CFETS (2015) Public Announcement of China Foreign Exchange Trade System on Launching the Trading between RMB and Ruble in the Interbank Foreign Exchange Market. Режим доступа: http://www.chinamoney.com.cn/fe/Info/2819345 (дата обращения: 05.03.2015).

Finger J.M., Kreinin M.E. (1979) A Measure of Export Similarity and Its Possible Uses // Economic Journal. No. 89. P. 905–912.

IMF (2011) Changing Patterns of Global Trade. IMF Policy Paper, Washington DC, 15 June.

IMF (2013) *Anchoring Growth: The Importance of Productivity-Enhancing Reforms in Emerging Market and Developing Economies*. Washington, DC: International Monetary Fund, December. Available at: https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2013/sdn1308.pdf (accessed 15 February 2015).

IMF (2015) *World Economic Outlook: Uneven Growth: Short- and Long-Term Factors*. Washington, D.C.: International Monetary Fund. Available at: http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/01/pdf/text.pdf (accessed 30 April 2015).

Khmelevskaya N. (2012) La Arquitectura Financiera Subnacional en América Latina: los éxitos para Estabilidad Económica en la Era de Globalización // America Latina, Globalidad e Integracion. Vol. 2 (A. Colomer Viadel (ed.)). Madrid: Ediciones del Orto – Ediciones Clásicas. P. 993–1001.

Ma G., McCauley R.N. (2011) The Evolving Renminbi Regime and Implications for Asian Currency Stability // Journal of the Japanese and International Economies. Vol. 25. Issue 1. P. 23–38.

Mattoo A., Mishra P., Subramanian A. (2012) Spillover Effects of Exchange Rates: A Study of the Renminbi. IMF Working Paper. WP/12/88. March.

Maurer T.M., Harl N.E. (1992) Using Escrow Accounts and Letter of Credit to Assure Payment under Credit Sales Agreements // Journal of Agriculture and Law. Vol. 14. No. 1. P. 3–24.

McMillan M.S, Rodrik D. (2011) Globalization, Structural Change and Productivity Growth. NBER Working Paper. No. 17143. June 2011.

Nassif A., Feijó C., Araújo E. (2013) Structural Change and Economic Development: is Brazil Catching up or Falling Behind? Discussion Paper. No. 211. Geneva. October.

Thakur R. (2014) India and China Sign High-speed MoU // National Railway Journal. 22 September.

Unteroberdoerster O., Mohommad A., Vichyanond J. (2012) Chapter 4. Is China Rebalancing? Implications for Asia // Regional Economic Outlook. Asia and Pacific. April. Washington, D.C.: International Monetary Fund.

The Real Contours and Targets for the BRICS Monetary Partnership to Facilitate Trade and Investments

N. Khmelevskaya

Natalia Khmelevskaya – Ph.D, Associate professor, Moscow State Institute of International Relations of Ministry of Foreign Affairs of Russia; 76 Vernadskogo av., 119454 Moscow, Russian Federation; E-mail: Khmelevskaya@mgimo.ru

Abstract

The article focuses on the evolution of monetary cooperation among BRICS members and on testing the bilateral trade and exchange rate indicators to target transaction costs as they drive export growth. It starts with the formal arrangements to ensure the settlement of trade among BRICS in local currencies. An analysis of the export structures of BRICS members reveals benefits from shifts in export structure from 2009 to 2013, first from China's role in vertical trade integration and then, second, as a growing source of demand for BRICS economies. With regard to the exchange rate indicators, most trade responses to exchange rate deviations were found to depend on the overall structure of exports. Some BRICS currency devaluations that anticipate inflation are attributed to exchange rate discrepancies and dumping. With regard to the divergent effects on export, Russia's export grew largely through mineral fuel and Brazil has gained from its deepened trade relationships. Therefore, transaction costs may be reduced via common trade settlement arrangements and trade facilitation. The author introduces ideas for designing BRICS payment and settlement mechanisms. One suggestion is to build a clearing union on the platform of BRICS conditional currency reserves similar to the reserve tranche mechanism used by the International Monetary Fund. Another addresses cross border local currency payment systems with fine-tuning transactions among national clearing systems and banks.

Key words: BRICS interbank mechanism, BRICS conditional currency reserve pool, export similarity index, real effective exchange rate, clearing payments, currency swap agreement, escrow account, local currency payments and settlements

References

ALADI (2015) *Compensaciones y Evaluación*. Available at: http://www.aladi.org/nsfaladi/convenio.nsf/documentos/$file/TercerCuatri2014.pdf (accessed 10 February 2015).

Banco Central do Brasil (2008) *Convênio do Sistema de Pagamentos em Moeda Local Entre a República Argentina e a República Federativa do Brasil*, 8 de Setembro de 2008. Available at: http://www.bcb.gov.br/rex/sml/convenio-sml-pt.pdf (accessed 10 February 2015).

Bayoumi T., Saito M. and Turunen J. (2013) Measuring Competitiveness: Trade in Goods or Tasks? *IMF Working Paper*, no 13/100. May.

Besedes T., T.J. Prusa (2007) The Role of Extensive and Intensive Margins and Export Growth. *NBER Working Paper*, no 13628. November.

BRICS Business Council (2014) *Annual Report 2013/2014*. Fortaleza, 9 July.

CFETS (2015) *Public Announcement of China Foreign Exchange Trade System on Launching the Trading between RMB and Ruble in the Interbank Foreign Exchange Market*. Available at: http://www.chinamoney.com.cn/fe/Info/2819345 (accessed 10 February 2015).

Finger J.M. and Kreinin M.E. (1979) A Measure of Export Similarity and Its Possible Uses. *Economic Journal*, no 89, pp. 905–912.

Gnidchenko A.A. (2014) Dekompozicija Rosta Jeksporta na Jekstensivnuju i Intensivnuju Sostavljajushhie s Uchetom Sravnitel'nyh Preimushhestv [Decomposing Export Growth into Extensive and Intensive Margins with the Emphasis on Comparative Advantages]. *Journal of the New Economic Association*, no 4 (24), pp. 38–64.

IMF (2011) Changing Patterns of Global Trade. *IMF Policy Paper*, Washington DC, 15 June.

IMF (2013) *Anchoring Growth: The Importance of Productivity-Enhancing Reforms in Emerging Market and Developing Economies*. Washington, DC: International Monetary Fund. Available at: https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2013/sdn1308.pdf (accessed 15 February 2015).

IMF (2015) *World Economic Outlook: Uneven Growth: Short- and Long-Term Factors*. Washington, DC: International Monetary Fund. Available at: http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/01/pdf/text.pdf (accessed 30 April 2015).

Khmelevskaya N. (2012) La Arquitectura Financiera Subnacional en América Latina: los éxitos para Estabilidad Económica en la Era de Globalización. *America Latina, Globalidad e Integracion*, vol. 2 (ed. A. Colomer Viadel). Madrid: Ediciones del Orto – Ediciones Clásicas, pp. 993–1001.

Khmelevskaya N.G. (2012) BRICS Monetary Partnership: Prerequisites and Reproaching Interests. The BRICS, Giants of Emerging Markets: Role in Global Policy and National Modernization Strategies. *Compendium of Research Papers*. MGIMO University, pp. 144–157.

Khmelevskaya N.G. (2015) Torgovaja Integracija v Mercosur VS Infrastrukturnaja Integracija v Tihookeanskom Al'janse [Trade Integration in Mercosur VS Infrastructural Integration in Pacific Alliance]. *Latin America*, no 2, pp. 48–58.

Ma G., McCauley R.N. (2011) The Evolving Renminbi Regime and Implications for Asian Currency Stability. *Journal of the Japanese and International Economies*, vol. 25, issue 1, pp. 23–38.

Mattoo A., Mishra P. and Subramanian A. (2012) Spillover Effects of Exchange Rates: A Study of the Renminbi. *IMF Working Paper. WP/12/88*. March.

Maurer T. M., Harl N. E. (1992) Using Escrow Accounts and Letter of Credit to Assure Payment under Credit Sales Agreements. *Journal of Agriculture and Law*, vol. 14, no 1, pp. 3–24.

McMillan M. S, Rodrik D. (2011) Globalization, Structural Change and Productivity Growth. *NBER Working Paper*, no 17143, June 2011.

Nassif A., Feijó C., Araújo E. (2013) Structural Change and Economic Development: is Brazil Catching up or Falling Behind? *Discussion Paper*, no 211. Geneva. October.

Thakur R. (2014) India and China Sign High-Speed MoU. *National Railway Journal*, 22 September.

Unteroberdoerster O., Mohommad A. and Vichyanond J. (2012) Chapter 4. Is China Rebalancing? Implications for Asia. *Regional Economic Jutlook. Asia and Pacific*. April. Washington D.C.: International Monetary Fund.

Новый банк развития в глобальной финансово-экономической архитектуре

А.К. Морозкина

Морозкина Александра Константиновна – аспирант НИУ ВШЭ, руководитель направления «Структурные реформы» Экономической экспертной группы; Российская Федерация, 109012, Москва, Ветошный пер., 5/4; E-mail: a.k.morozkina@gmail.com

Статья посвящена поиску ответов на вопрос, будет ли Новый банк развития способствовать повышению роли группы БРИКС в глобальной финансовой архитектуре и развитию стран-членов. На основе сравнения с ключевыми многосторонними институтами развития (Всемирный банк, Азиатский, Африканский и Межамериканский банки развития, Европейский банк реконструкции и развития) и национальными банками развития стран БРИКС делается вывод о том, что цель создаваемого банка по мобилизации ресурсов для проектов в области инфраструктуры и устойчивого развития в некоторой степени дублирует работу существующих институтов. Однако создаваемый Банк может дополнить их функции и стать значимым институтом развития для стран-членов, в первую очередь путем реализации именно многосторонних проектов стран БРИКС в указанных областях. Также в статье анализируется текущая роль стран БРИКС в мировой финансовой архитектуре и потенциал ее повышения, который заложен в Новом банке развития. Во-первых, в новом финансовом институте страны БРИКС будут совместно определять размер и направление финансовой помощи третьим странам, а во-вторых, страны БРИКС смогут самостоятельно определять условия предоставления кредитов, в отличие от Бреттон-Вудских институтов, в которых роль стран БРИКС не соответствует их положению в мировой экономике. Делается вывод о том, что страны БРИКС с созданием банка создали потенциал изменения текущей системы финансирования развития, в частности, условий предоставления финансирования и контроля результатов и, таким образом, повышения роли стран БРИКС в глобальной финансовой архитектуре.

Ключевые слова: БРИКС, Новый банк развития, финансирование развития, глобальная финансовая архитектура, устойчивое развитие

С первой встречи Группы БРИК (позднее – БРИКС) финансовые и экономические вопросы, в том числе реформирование и изменение глобальной финансовой архитектуры, были одним из важнейших пунктов повестки встреч представителей этих стран. Под финансовой архитектурой понимается нестрогий набор многосторонних соглашений и договоренностей между ключевыми странами о правилах и нормах, которые управляют, или должны управлять, трансграничными денежными или кредитными операциями всех видов [Armijo, 2002]. Существующая система международных финансовых институтов является частью глобальной финансовой архитектуры, и создание Нового банка развития (далее – НБР) – пока банка развития БРИКС – окажет влияние на нее.

Решение об организации НБР было принято на саммите БРИКС в Дурбане – в «Этеквинской декларации и Этеквинском плане действий»[1] закреплено соглаше-

[1] eThekwini Declaration and Action Plan // Официальный интернет-портал пятого саммита БРИКС. Режим доступа: http://www.brics5.co.za/fifth-brics-summit-declaration-and-action-plan/ (дата обращения: 02.12.2014).

ние о его создании. На саммите в Форталезе было подписано «Соглашение о создании Банка» [NDB, 2014]. Это, безусловно, стало значимым решением, показывающим, что страны БРИКС могут создать некий совместный продукт, имеющий потенциал изменения глобальной финансово-экономической архитектуры. Остается открытым вопрос о том, будет ли НБР способствовать повышению роли Группы в глобальной финансовой архитектуре, развитию стран-членов и принесет ли реальные результаты. Особый акцент ранее делался на том, что создаваемый банк не должен конкурировать с существующими институтами или дублировать существующие механизмы кооперации [Central Asia Monitor, 2013], хотя многие действующие институты рассматривают его именно как конкурента. Таким образом, для ответа на этот вопрос нужно сравнить функции НБР, указанные в соглашении о создании Банка, с функциями существующих институтов и механизмов, а также с ролью стран БРИКС в них, и посмотреть, в каких конкретно сферах деятельности возможно дублирование, а в каких НБР может стать институтом, дополняющим существующую систему.

В Соглашении о создании НБР [NDB, 2014] указано, что целью создания Банка является мобилизация ресурсов для проектов в области инфраструктуры и устойчивого развития в странах БРИКС и других развивающихся странах, а также дополнение усилий существующих мультинациональных и региональных институтов развития. Для этого Банк будет предоставлять кредиты, гарантии и вложения в собственный капитал компаний, а также использовать другие финансовые инструменты, работать с другими международными институтами, предоставлять техническую помощь для подготовки проектов, которые будут поддерживаться Банком. Для сравнения в соглашениях о создании Азиатского, Африканского и Межамериканского банков развития целью является устойчивое экономическое и социальное развитие региона в целом и отдельных стран, входящих в него [AfDB, 2011; ADB, 1965; IADB, 1996]. В уставе Европейского банка реконструкции и развития в качестве цели указано содействие переходу стран-членов к рыночной экономике, а также развитию частного сектора и предпринимательской инициативы и демократии [EBRD, 2013].

Многосторонние финансовые институты являются важной частью существующей глобальной финансовой архитектуры, предоставляя как финансирование для развития и поддержки финансовой стабильности, так и консультативные и аналитические услуги странам-клиентам. Ключевые существующие многосторонние финансовые институты – это Всемирный банк, Азиатский (АзБР), Африканский (АфБР), Межамериканский банки развития (МАБР), Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР). Основными направлениями их финансирования являются энергетика (26,8% всех кредитов в АзБР, 16% в АфБР, 21% в ЕБРР), государственное управление (26,2% во Всемирном банке), транспортная инфраструктура и коммуникации (24,5% в АзБР, 33,2% в АфБР, 17,6% во Всемирном банке, 20% в ЕБРР, 20,2% в МАБР), здравоохранение и социальная защита занимают 14,3% кредитов во Всемирном банке, 16,4% в МАБР (табл. 1). Это в целом соответствует национальным приоритетам большинства стран пятерки – например, среди общих для стран БРИКС приоритетов можно назвать следующие: развитие человеческого капитала (образование, здравоохранение, социальная поддержка), сельского хозяйства, инфраструктуры, государственное управление, охрана природы и энергоэффективность, инновации. Таким образом, финансирование проектов в важных для развития стран БРИКС секторах возможно и осуществляется в рамках существующей системы. При этом дополнением именно НБР к существующей системе может стать то, что в случае финансирования проекта Новым банком развития страны БРИКС могут задействовать своих экспертов, поставить свое оборудование,

в отличие от ситуации с аналогичным проектом, финансируемым МВФ или Всемирным банком, когда в качестве исполнителя будут выступать западные страны, контролирующие работу.

Таблица 1. Направления кредитования ключевых многосторонних банков развития по секторам, %, 2013 г.

	АзБР	**АфБР**	**ВБ**	**ЕБРР**	**МАБР**
Сельское хозяйство и природные ресурсы	5,0	12,3	6,9	16,0	4,2
Образование	3,7	5,2	8,9	–	5,4
Энергетика	26,8	16,0	7,5	21,0	3,8
Финансы	14,2	8,1	6,7	28,0	14,9
Здравоохранение и социальная защита	2,6	4,2	14,3	–	16,4
Промышленность и торговля	0,3	0,0	4,7	15,0	8,8
Государственное управление	5,7	–	26,2	–	16,7
Транспорт и коммуникации	24,5	33,2	17,6	20,0	20,2
Водоснабжение и другие муниципальные услуги	9,1	8,4	7,3	–	9,5
Мультисектор	8,0	12,6	–	–	–
Всего	100	100	100	100	100

Источник: Составлено автором на основе годовых и финансовых отчетов банков и [Grigoriev, Morozkina, 2012a].

Клиентами и членами региональных банков являются не только страны БРИКС, поэтому вопрос в том, получают ли именно страны БРИКС помощь от данных участников мировой финансовой архитектуры. Например, страны БРИКС активно пользуются возможностью получать средства во Всемирном банке на финансирование проектов в приоритетных областях. Из стран пятерки Индия и Китай в этом смысле наиболее активны и являются его крупнейшими клиентами (8,3% и 9% кредитного портфеля Всемирного банка в 2013 г. соответственно). Бразилия немного отстает (8%), Россия и Южная Африка занимают во Всемирном банке значительно меньше, однако также имеют такую возможность и пользуются ей, кредиты этим странам составили в 2013 г. соответственно 1% и 0,9% кредитного портфеля Всемирного банка (табл. 2).

Таблица 2. Кредитование Всемирным банком по странам, %, 2013 г.

Аргентина	**Бразилия**	**Китай**	**Колумбия**	**Египет**	**Индия**	**Индонезия**	**Казахстан**	**Мексика**	**Марокко**	**Перу**	**Филиппины**	**Польша**	**Румыния**	**Россия**	**Южная Африка**	**Турция**	**Украина**	**Другие**	**Всего**
4,1	8,0	9,0	5,3	2,3	8,3	7,3	1,9	10,4	2,4	1,3	2,3	4,7	2,4	1,0	0,9	9,0	2,3	17,4	100

Источник: Отчет о кредитном портфеле Всемирного банка.

Китай и Индия, две страны группы, входящие в Азиатский банк развития, являются его крупнейшими клиентами. Кредиты Китаю составляют 26,2% кредитного портфеля банка в 2013 г., кредиты Индии – 22,8% кредитного портфеля банка в 2013 г. (табл. 3). В 2013 г. АзБР одобрил 12 проектов в Китае общим объемом 1,54 млрд долл. Среди них проекты в секторе природных ресурсов и сельского хозяйства, в секторе энергетики, транспорта, городской и социальной инфраструктуры. Таким образом, АзБР способствует реализации национальных приоритетов Китая, сформулированных в «12-м пятилетнем плане на 2011–2015 гг.»[2]. Среди них: экономический рост, переориентация на внутренний спрос, инновации, охрана природы и чистая энергия, сельское хозяйство, жизнедеятельность, социальная поддержка, государственное управление. Действительно, АзБР финансирует в Китае проекты и в секторе энергетики, и в сельском хозяйстве, и в социальном секторе.

Таблица 3. Кредиты Азиатского банка развития по странам, %, 2007–2013 гг.

	2007	**2008**	**2009**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**
Китай	24,4	23,6	23,1	23,5	24,4	24,9	26,2
Индия	16,5	18,0	18,7	20,4	21,1	21,8	22,8
Индонезия	31,2	28,3	24,0	22,5	20,1	18,1	16,2
Пакистан	9,2	12,1	11,3	11,4	11,0	9,9	9,3
Филиппины	11,1	10,9	11,9	10,7	9,9	10,0	7,7
Вьетнам	0,6	0,5	2,0	2,2	2,8	3,1	4,1
Бангладеш	1,3	1,4	2,9	3,0	2,9	3,1	3,1
Другие	5,7	5,1	6,0	6,3	7,7	9,2	10,7
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Источник: Годовые отчеты АзБР 2007–2013 гг.

В Индии 67% кредитного портфеля АзБР составляют крупные проекты в области энергетики и транспорта (например, проект объемом 800 млн долл. на развитие сельских дорог). Они направлены на решение вопросов бедности и неравенства. Это соответствует национальным приоритетам Индии, изложенным в «12-м пятилетнем плане (на 2012–2017 гг.)»: развитие человеческого потенциала, институтов и инфраструктуры[3]. Проекты в области энергетики и транспорта способствуют реализации третьего приоритетного направления.

Южная Африка является крупнейшим клиентом Африканского банка развития, в 2013 г. ее займы составили 26,7% кредитного портфеля банка (табл. 4). В ЮАР реализуются проекты в финансовом секторе (около двух третей объема всех кредитов) и в секторе инфраструктуры (около пятой части всех кредитов), что соответствует двум

[2] Twelfth Five-year Plan 2011–2015 // Официальный интернет-портал китайско-английского делового совета. Режим доступа: www.britishchamber.cn/sites/default/files/full-translation-5-yr-plan-2011-2015.doc (дата обращения: 02.12.2014).

[3] Twelfth Five-year Plan 2011–2017 // Официальный интернет-портал Комиссии по планированию правительства Индии. Режим доступа: http://planningcommission.gov.in/plans/planrel/12thplan/welcome.html (дата обращения: 02.12.2014).

долгосрочным приоритетам страны, содержащимся в «Национальном плане развития до 2030 г.»: снижение уровня бедности и снижение неравенства[4].

Таблица 4. Кредиты Африканского банка развития по регионам, %, 2007–2013 гг.

	2007	**2008**	**2009**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**
Северная Африка	23,1	26,1	14,1	35,2	44,1	48,9	40,2
Западная Африка	9,8	19,3	16,2	16,6	5,9	3,4	13,2
Южная Африка, кроме ЮАР	7,4	8,6	22,1	2,7	20,6	1,2	10,9
Центральная Африка	16,8	2,4	3,7	7,0	4,2	2,8	2,2
Восточная Африка	22,5	18,1	6,9	16,8	3,8	2,1	2,2
ЮАР	13,0	6,5	23,2	12,1	14,9	36,5	26,7
Мультинациональные	7,5	19,0	13,8	9,6	6,5	5,1	4,5
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Источник: Годовые отчеты АфБР 2007–2013 гг.

Проекты в финансовом секторе реализуются в значительной степени для поддержки малых и микропредприятий в ЮАР, что способствует повышению доходов населения, а проекты в секторе инфраструктуры (энергетика, транспорт, коммуникации, водоснабжение) напрямую направлены на повышение уровня жизни населения.

Россия, в свою очередь, является крупнейшим получателем кредитов ЕБРР – 21,4% кредитного портфеля банка в 2013 г. (табл. 5). Проекты, финансируемые ЕБРР, относятся к различным секторам, в том числе: сельскохозяйственный (кредит производителю свежих салатов ЗАО «Белая дача», доля в кондитерской компании ОАО «Хлебпром»), банковский (синдицированный кредит Росбанку), энергетика (финансирование проекта по усовершенствованию системы обогрева в республике Саха (Якутия)), частный сектор (инвестиции в фонды по поддержке проектов в России и в странах СНГ, основанные фондом Baring Vostok[5]), транспорт (кредит компании по предоставлению сервисных и ИТ-услуг ООО «Сервисная холдинговая компания», софинансирование западного скоростного диаметра в Санкт-Петербурге), наука и образование (синдицированный кредит технопарку Пулково), здравоохранение (кредит фармацевтической компании ОАО «ГЕРОФАРМ-Био»). Некоторые из данных проектов соответствуют национальным приоритетам России, которые были названы еще в 2005 г. на выступлении президента Российской Федерации на встрече с членами правительства, руководством Федерального Собрания и членами президиума Государственного совета: жилье, здравоохранение, образование и развитие АПК[6]. Некоторые мероприятия

[4] National Development Plan 2030 // Официальный интернет-портал Национальной комиссии по планированию. Режим доступа: http://www.npconline.co.za/pebble.asp?relid=25 (дата обращения: 02.12.2014).

[5] Имеются в виду следующие фонды: Private Equity Fund V L.P. (основной фонд), Baring Vostok Private Equity Fund V Supplemental Fund L.P. (дополнительный фонд).

[6] Выступление президента Российской Федерации на встрече с членами правительства, руководством Федерального Собрания и членами президиума Государственного совета // Официальный интернет-портал Президента Российской Федерации. Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2005/09/05/1531_type63374type63378type82634_93296.shtml (дата обращения: 02.12.2014).

в рамках данных проектов финансируются из государственного бюджета, в то же время проекты по данным направлениям могут кредитоваться их средств банков развития, как региональных, так и национальных.

Таблица 5. Кредитование Европейского банка реконструкции и развития по регионам и странам, %, 2007–2013 гг.

	2007	**2008**	**2009**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**
Центральная Азия	11,1	11,3	7,2	10,8	5,2	9,8	6,5
Центральная Европа и государства Балтии	9,8	6,4	21,0	16,5	15,3	13,6	18,9
Восточная Европа и Кавказ	20,1	25,8	18,4	17,4	20,5	16,8	17,8
Россия	41,1	35,7	30,1	25,6	32,4	28,9	21,4
Юго-Восточная Европа	17,9	20,8	21,4	24,2	16,9	17,1	19,4
Турция	Н. д.	Н. д.	1,9	5,5	9,8	11,8	10,8
Южное и Восточное Средиземноморье	Н. д.	Н. д.	Н. д.	Н. д.	Н. д.	2,0	5,3
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Источник: Годовые отчеты ЕБРР 2007–2013 гг.

Бразилия уже долгое время является крупнейшим клиентом Межамериканского банка развития, кредиты этой стране составляют 19,5% кредитного портфеля МАБР в 2013 г. (табл. 6). Наибольший объем кредитов за последние пять лет был направлен на проекты в области строительства инфраструктуры (транспорта) и составил 5,2 млрд долл., модернизация и реформирование в области государственного управления на втором месте – 3,1 млрд долл., 2,5 млрд долл. были направлены на проекты в области водоснабжения и санитарии, 1,7 млрд долл. – в области финансовых рынков, 1,1 млрд долл. – в области энергетики. Это в значительной степени способствует решению 11 Национальных вызовов Бразилии, объявленных в «Многолетнем плане на 2012–2015 гг.»[7], в их числе: национальные проекты развития, искоренение крайней бедности, развитие науки, технологий и инновационной деятельности, образование, знания, культура и спорт, здравоохранение, социальное обеспечение и социальная помощь, гражданство, инфраструктура, демократия и социальное участие, целостность и национальный суверенитет, общественная безопасность и государственное управление.

Таким образом, можно сказать, что страны БРИКС имеют возможность финансирования некоторых национальных проектов в приоритетных областях и не только, и пользуются ей. При этом существующие финансовые институты развития являются устойчивыми и эффективными организациями, много лет работающими на рынке оказания финансовых и консультационных услуг в области развития. Многие из них прибыльные (в 2012 г. – за исключением Всемирного банка, хотя и для него за период 2007–2013 гг. средняя прибыль была положительной и составила 0,55 млрд долл.), хотя финансовая эффективность не является приоритетом для институтов развития. Все

[7] The 2012–2015 Pluriannual Plan // Официальный интернет-портал Министерства планирования Бразилии. Режим доступа: http://www.planejamento.gov.br/ministerio.asp?index=10&ler=s1086 (дата обращения: 02.12.2014).

Таблица 6. Кредиты Межамериканского банка развития по странам, %, 2007–2013 гг.

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Бразилия	25,4	24,6	24,2	23,7	21,8	23,0	19,5
Мексика	9,0	8,6	11,4	13,5	14,1	15,0	18,6
Аргентина	16,6	15,7	15,6	15,4	15,2	16,1	16,9
Колумбия	9,4	10,5	10,2	9,9	9,8	10,4	11,0
Эквадор	3,8	3,6	3,4	3,3	3,5	3,2	3,7
Доминиканская республика	2,6	2,4	2,7	3,1	3,3	3,1	3,6
Гватемала	2,8	2,8	2,9	3,2	3,2	3,0	3,3
Перу	7,8	7,9	6,5	5,9	5,6	5,9	3,1
Эль Сальвадор	3,0	3,3	3,3	3,0	3,0	2,7	3,0
Другие	19,6	20,6	19,8	19,0	20,4	17,7	17,5
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Источник: Годовые отчеты МАБР 2007–2013 гг.

организации достаточно финансово устойчивы, заимствования составляют менее 80% источников финансирования, что является нормой для банковского сектора. Кредиты более чем на четверть финансируются из собственного капитала банка, все имеют высокий надежный рейтинг AAA (табл. 7). Таким образом, цель создаваемого банка по мобилизации ресурсов для проектов в области инфраструктуры и устойчивого развития в некоторой степени дублирует работу существующих институтов, поэтому НБР может для ее реализации сотрудничать с существующими банками развития, уже имеющими опыт деятельности в этой сфере. Кроме того, дополнение НБР к существующей системе может заключаться именно в самостоятельности осуществления процесса мобилизации ресурсов, в том числе поставке собственного оборудования для реализации проектов, а также предоставлении площадки для обмена экспертными оценками на межрегиональном уровне между развивающимися странами и, наконец, в реализации многосторонних проектов стран БРИКС. Составлением перечня последних занимается Деловой совет БРИКС, и результаты его работы за последний год[8] включают перечень отраслей для каждой страны, в стимулировании которых и в реализации совместных проектов в которых она заинтересована. В частности, предполагаются проекты в таких сферах, как инфраструктура, финансы, энергетика и «зеленая экономика», развитие человеческого капитала, обрабатывающая промышленность.

Другой функцией существующих институтов является предоставление консультаций и аналитических услуг странам-членам. Например, Бразилия, Индия, Китай и Россия имеют свои стратегии партнерства со Всемирным банком. Стратегии сотрудничества Всемирного банка с отдельными странами учитывают национальные стратегии данных стран, а также консультации с государственными органами (в частности, регио-

[8] BRICS Business Council Annual Report (2013/2014) // Официальный интернет-портал промышленности Бразилии. Режим доступа: http://arquivos.portaldaindustria.com.br/app/conteudo_18/2014/07/15/6862/BRICSBusinessCouncilAnnualReportDRAFT6-11JulySignature.pdf (дата обращения: 02.12.2014).

Таблица 7. Финансовые и операционные показатели многосторонних банков развития стран БРИКС, млрд долл. (если не указано иное), 2013 г.

	АзБР	**АфБР**	**ВБ**	**ЕБРР**	**МАБР**
Активы	116	21	324	64	97
Собственный капитал	17	6	39	19	24
Уставный капитал	164	67	278	40	171
Выпущенный капитал	163	65	223	39	129
Оплаченный капитал	17,1	5,0	13,4	8,2	4,9
Кредиты	53	12	205	25	71
Долгосрочные заимствования	62	13	22	41	67
Чистая прибыль (убыток)	0,57	0,07	0,22	1,21	0,88
Коэффициент рентабельности активов, %	0,49	0,35	0,07	1,88	0,91
Коэффициент рентабельности собственного капитала, %	3,30	1,25	0,55	6,20	3,74
Отношение собственного капитала к кредитам, %	32	50	28	79	33
Леверидж, %	78	69	36	68	74
Год основания	1966	1964	1944	1991	1959
Рейтинг	AAA	AAA	AAA	AAA	AAA
Головной офис	Манила, Филиппины	Абиджан, Кот д'Ивуар, временный – Тунис, Тунис	Вашингтон, США	Лондон, Великобритания	Вашингтон, США

Источник: Годовые и финансовые отчетов банков, расчеты автора.

нальными) для идентификации текущих вызовов и проблем, не нашедших отражения в данных стратегиях. Текущая стратегия сотрудничества Индии со Всемирным банком предусматривает следующие три направления деятельности: устойчивый, включенный и интегрированный рост. Стратегия взаимодействия с Китаем предусматривает «зеленый рост», региональную интеграцию и развитие международных отношений. Стратегия взаимодействия с Бразилией предусматривает решение вопросов второго поколения (энергоэффективность, борьба с изменением климата). Стратегия взаимодействия с Россией предусматривает модернизацию, реформирование системы управления. Таким образом, сотрудничество со Всемирным банком решает некоторые из приоритетных вызовов стран БРИКС, однако НБР, реализуя функции, указанные в Соглашении, может дополнить существующий механизм, предоставляя консультации и техническую помощь не только отдельным странам, но и группам стран для решения совместных проблем. Например, это могут быть варианты выхода из ловушки среднего уровня дохода [Григорьев, Морозкина, 2013b; Grigoriev, Morozkina, 2012a], решение проблемы неравенства [Григорьев, Морозкина, 2013a], разработка механизма поддержки малого и среднего предпринимательства [Унгер, 2013].

Частью глобальной финансовой архитектуры являются и существующие механизмы взаимодействия между национальными банками развития. С 2010 г. между национальными банками развития БРИКС наблюдается активное взаимодействие, развитие которого уже сейчас позволяет делиться опытом в финансировании национальных проектов развития и проводить расчеты в национальных валютах. На встрече в Санье (Китай) в апреле 2011 г. банки развития стран БРИКС подписали рамочное соглашение «О финансовой кооперации в рамках межбанковского механизма кооперации» [Financial Cooperation Agreement, 2014]. На встрече в Нью-Дели (Индия) в 2012 г. банки развития БРИКС подписали генеральное соглашение «О предоставлении кредитов в национальных валютах» [Ibid.] и многостороннее соглашение «О подтверждении аккредитивов» [Ibid.]. В 2013 г. на саммите в Дурбане (ЮАР) было подписано многостороннее соглашение «О кооперации и софинансировании устойчивого развития» [Ibid.], например, проектов в области «зеленого роста» и энергоэффективности. В 2014 г. банки развития подписали еще одно соглашение – о кооперации в области инноваций [Ibid.], включающее возможность совместного финансирования проектов в областях общих интересов. Все это означает, что в рамках БРИКС уже создан механизм взаимного кредитования проектов и, соответственно, получения финансирования от партнеров по группе. Поскольку целью создаваемого Банка является привлечение ресурсов для проектов в области инфраструктуры и устойчивого развития, он может в некоторой степени опираться на уже работающий в рамках БРИКС механизм финансирования. Например, члены правления национальных банков развития БРИКС могли бы войти в состав Совета директоров НБР.

Направления кредитования национальных банков развития стран пятерки соответствуют основным приоритетам национальных стратегий развития. Ключевыми отраслями инвестирования Экспортно-импортного банка Индии (ЭксИмБ), который представляет эту страну в межбанковском механизме кооперации, являются инфраструктура, энергетика, строительство. При этом следует помнить о том, что более крупным банком развития является Банк индустриального развития Индии, который поддерживает такие сектора, как промышленность и торговля, а также финансы. В Банке развития Китая (БРК) приоритетными стали отрасли энергетики (в том числе повышение энергоэффективности), муниципальных услуг. Ключевыми направлениями финансирования Банка развития Южной Африки (БРЮА) являются энергетика, транспорт и коммуникации. Наибольшая часть средств Банка экономического и социального развития Бразилии (БЭСРБ) направляется на развитие промышленности и торговли, а также транспорта и коммуникаций. Ключевым направлением инвестирования Внешэкономбанка (ВЭБ) стали промышленность и торговля, строительство и недвижимость, финансы (табл. 8).

Национальные банки БРИКС обладают значительным потенциалом кредитования (табл. 9). Крупнейшим является Банк развития Китая – объем кредитов по состоянию на конец 2013 г. составил более 1 трлн долл. На втором месте – Банк развития Бразилии, его объем кредитов в 2013 г. составил 271 млрд долл. и также превышает объем кредитов Всемирного банка. Таким образом, в Группе БРИКС уже существует механизм многостороннего финансирования национальных проектов в странах пятерки, поэтому создаваемому банку развития БРИКС нужно задействовать уже существующие механизмы кооперации, тем более что национальные банки развития уже сотрудничают в одной из целевых сфер НБР – устойчивого развития.

Таблица 8. Направления кредитования национальных банков развития стран БРИКС по секторам, %, 2013 г.

	ЭксИмБ	**БРК**	**БРЮА**	**БЭСРБ**	**ВЭБ**
Сельское хозяйство и природные ресурсы	17,7	2,8	–	8,9	6,1
Образование, здравоохранение и социальная защита	–	0,6	14,4	–	1,1
Энергетика	26,7	17,9	31,0	7,9	7,3
Финансы	–	29,1	–	–	18,8
Промышленность и торговля	–	1,5	–	54,2	28,9
Строительство и недвижимость	38,9	6,1	4,9	1,2	22,7
Транспорт и коммуникации	12,3	27,3	40,9	26,4	12,8
Водоснабжение и другие муниципальные услуги	–	14,8	8,8	1,3	0,0
Мультисектор	4,4	–	0,03	–	2,3
Всего	100	100	100	100	100

Источник: Составлено автором на основе годовых и финансовых отчетов банков.

Таблица 9. Финансовые и операционные показатели национальных банков развития стран БРИКС, млрд долл. (если не указано иное), 2013 г.

	ЭксИмБ	**БРК**	**БРЮА**	**БЭСРБ**	**ВЭБ**
Активы	14	1 334	51	353	90
Собственный капитал	1,4	528	16	29	16
Уставный капитал	1,7	49,71	0,02	17,79	12,60
Кредиты	12	1 164	40	271	58
Заимствования	11	1 242	35	324	74
Чистая прибыль	0,06	13,02	–0,78	3,46	0,23
Коэффициент рентабельности активов, %	0,39	0,98	–1,53	0,98	0,26
Коэффициент рентабельности собственного капитала, %	3,92	14,22	–4,94	12,02	1,47
Отношение собственного капитала к кредитам, %	11,59	7,86	39,20	10,63	26,97
Леверидж, %	89	93	69	92	83
Год основания	1982	1994	1983	1952	1922*
Кредитный рейтинг	BBB–	AA–	BBB+	BBB+	BBB

* Преобразован в банк развития в 2007 г.

Источник: Годовые и финансовые отчеты банков, расчеты автора.

Итак, в текущей глобальной финансовой архитектуре существуют институты и механизмы, позволяющие финансировать проекты в странах БРИКС в области инфраструктуры и устойчивого развития, которые названы в качестве целевых в Соглашении о создании Нового банка развития. Однако создаваемый Банк может дополнить их функции и стать значимым институтом развития для стран-членов. В первую очередь это касается реализации многосторонних проектов по созданию технологий в актуальных для всех стран областях устойчивого развития, например, городская инфраструктура (переработка мусора, водоснабжение, создание концепции «разумный город» или так называемого смарт-сити в удобной для стран БРИКС форме) [Рогатных, 2013]. Также страны БРИКС могут использовать финансирование НБР для строительства инфраструктуры, которая относительно неразвита в странах БРИКС по сравнению с передовыми странами (табл. 10) и которая является приоритетным направлением деятельности НБР.

Таблица 10. Показатели инфраструктуры из рейтинга глобальной конкуренции, 2013–2014 гг., значения 1–7 (7 – наиболее желательный исход)

	Общее качество инфраструктуры	**Качество дорог**	**Качество ж/д инфраструктуры**	**Качество портовой инфраструктуры**	**Качество инфраструктуры воздушного транспорта**	**Качество поставки э/э**
БРИКС						
Бразилия	3,4	2,8	1,8	2,7	3,3	4,8
Индия	3,9	3,6	4,8	4,2	4,8	3,2
Китай	4,3	4,5	4,7	4,5	4,5	5,1
Россия	3,8	2,5	4,2	3,9	3,9	4,5
ЮАР	4,5	4,9	3,4	4,7	6,1	3,8
memo						
Великобритания	5,4	5,3	5,0	5,7	5,6	6,7
Германия	6,2	6,0	5,7	5,8	6,1	6,1
США	5,7	5,7	4,9	5,7	5,9	6,2
Южная Корея	5,6	5,8	5,7	5,5	5,8	5,7
Япония	6,0	6,0	6,7	5,2	5,4	6,0

Источник: Глобальный рейтинг конкурентоспособности 2013–2014 гг., Всемирный экономический форум.

Проекты в странах БРИКС в области устойчивого развития могут включать создание и внедрение высоких технологий. Расходы на НИОКР в странах БРИКС находятся на достаточно низком уровне относительно развитых стран (табл. 11). Совместное развитие технологий в актуальных для всех стран БРИКС областях (нанотехнологии, энергосбережение) может происходить более быстрыми темпами, чем в каждой из стран по отдельности, поэтому работа Банка в данном направлении может принести пользу всем странам-членам.

Таблица 11. Ключевые индикаторы развития технологий для стран БРИКС и некоторых развитых стран, 2007 г.

	Расходы на НИОКР к ВВП, %	**Занятые в НИОКР, % населения**	**Экспорт высокотех. продукции, % от пром. экспорта**	**Патенты, тыс.**
БРИКС				
Бразилия	1,1	0,1	11,9	21,8
Китай	1,4	0,1	26,7	245,2
Индия	0,8	0,0	6,4	28,9
Россия	1,1	0,4	6,9	39,4
Южная Африка	0,9	0,1	5,6	10,8
memo				
Япония	3,4	0,6	18,4	396,3
Германия	2,5	0,5	14,0	61,0
Южная Корея	3,2	0,5	30,5	172,5
Великобритания	1,8	0,5	18,9	25,0
США	2,7	0,5	27,2	456,2

Источник: [Григорьев, Морозкина, 2013а].

Еще одним полезным для стран-членов направлением деятельности Банка может стать выполнение аналитических и консультативных функций по решению общих проблем стран БРИКС, к которым, в частности, относятся: ловушка среднего уровня дохода, ведение сельского хозяйства в тропическом климате, развитие малого и среднего предпринимательства. Л.М. Григорьев и А.К. Морозкина [2013а] отмечают, что страны группы объединены проблемой внутреннего неравенства, социального и регионального, а в работе «БРИКС: социальное неравенство в развивающихся странах» [Silvério, 2012] подробно рассматриваются общие для стран БРИКС вопросы социального неравенства.

В качестве интегрирующего института для стран БРИКС, центра поиска и решения проблем и вопросов, актуальных для всех стран-членов, НБР будет дополнять существующую систему институтов и механизмов. Осуществляя эту функцию, Банк БРИКС будет способствовать повышению роли стран-членов в мировой финансовой архитектуре, и в первую очередь стран-основателей. В настоящее время роль стран-членов пятерки в мировой финансовой архитектуре считается несоответствующей их роли в глобальной экономике [Прексин, 2013; Armijo, Roberts, 2014] и будет расти [О'Нил, 2013]. В качестве одного из индикаторов можно привести роль стран БРИКС в Бреттон-Вудских институтах (МВФ, Всемирный банк), где доля их голосов намного меньше доли развитых стран и зачастую меньше их доли в мировой экономике (табл. 12). Страны БРИКС настаивают на проведении реформ управления и расчета квот, однако проведение новой реформы не имеет смысла, пока еще даже не ратифицирована всеми странами-членами предыдущая (2010 г.), в соответствии с которой увеличиваются доли голосов всех стран пятерки, за исключением Южной Африки. Таким образом, страны БРИКС фактически не могут в значимой степени влиять на деятельность данных организаций.

Таблица 12. Доля стран БРИКС в мировом ВВП по ППС (2013 г.), распределение голосов в МВФ и Всемирном банке

	Доля в мировом ВВП по ППС	**Квота после реформы 2008 г.**	**Доля голосов после реформы 2008 г.**	**Квота после реформы 2010 г.**	**Доля голосов после реформы 2010 г.**	**Доля голосов во Всемирном банке, 2013 г.**
Китай	15,84	4,00	3,81	6,39	6,10	5,43
Индия	6,65	2,45	2,34	2,75	2,63	2,90
Россия	3,43	2,50	2,39	2,71	2,59	2,35
Бразилия	2,96	1,79	1,72	2,32	2,22	1,75
ЮАР	0,65	0,79	0,77	0,64	0,63	0,80

Источник: МВФ, Всемирный банк.

В результате создания собственного института стран БРИКС ситуация может измениться. Во-первых, страны БРИКС будут совместно определять размер и направление финансовой помощи третьим странам (доля стран БРИКС в Банке, в соответствии с соглашением о создании, не может быть ниже 55%), в отличие от других многосторонних финансовых институтов, где они являются членами. При этом равное распределение голосов между странами БРИКС (которое может сохраниться и в дальнейшем) позволит учитывать в равной степени мнения всех учредителей.

Во-вторых, страны БРИКС смогут самостоятельно определять условия предоставления кредитов, в отличие от названных выше МВФ и Всемирного банка, и создать свою систему финансирования развития. Все чаще звучит критика в адрес Бреттон-Вудских институтов и высказывается мнение, что они своими условиями предоставления кредита углубили азиатский кризис и европейский долговой кризис. Страны БРИКС, создав Банк, создали потенциал изменения текущей системы финансирования развития, изменения условий предоставления финансирования и контроля результатов. Однако вопрос, реализуется ли данный потенциал или страны пятерки будут следовать устоявшимся традициям, пока остается без ответа.

Таким образом, НБР обладает потенциалом повышения роли стран БРИКС в глобальной финансовой архитектуре. В качестве интегрирующего института для стран БРИКС, центра поиска и решения проблем и вопросов, актуальных для всех стран-членов, НБР будет дополнять существующую систему институтов и механизмов. В первое время можно остановиться на следующих вопросах: выход из ловушки среднего уровня доходов, развитие городов. В области финансирования инфраструктурных проектов создаваемый финансовый институт в некоторой степени дублирует существующие институты и механизмы, однако может способствовать повышению роли стран БРИКС путем задействования ресурсов преимущественно стран БРИКС для реализации проектов и учета в первую очередь интересов стран пятерки. НБР имеет все шансы стать не политической инициативой, а действующим инструментом, направленным на совместное преодоление вызовов в странах БРИКС.

В ходе анализа автором были использованы отчеты банков:

Годовые отчеты Внешэкономбанка 2007–2013 // Официальный интернет-портал Внешэкономбанка. Режим доступа: http://www.veb.ru/ifi/rep/annual/ (дата обращения: 02.12.2014).

AfDB Group Annual reports 2007–2013 // Официальный интернет-портал Африканского банка развития. Режим доступа: http://www.afdb.org/en/documents/publications/annual-report/ (дата обращения: 02.12.2014).

ADB Annual Reports 2007–2013 // Официальный интернет-портал Азиатского банка развития. Режим доступа: http://www.adb.org/documents/series/adb-annual-reports (дата обращения: 02.12.2014).

BNDES Annual Reports 2007–2013 // Официальный интернет-портал Банка экономического и социального развития Бразилии. Режим доступа: http://www.bndes.gov.br/SiteBNDES/bndes/bndes_en/Institucional/The_BNDES_in_Numbers/Annual_Report/ (дата обращения: 02.12.2014).

CDB Annual Reports 2007–2013 // Официальный интернет-портал китайского банка развития. Режим доступа: http://www.cdb.com.cn/english/Column.asp?ColumnId=91 (дата обращения: 02.12.2014).

DBSA Annual Reports 2007–2013 // Официальный интернет-портал банка развития Южной Африки. Режим доступа: http://www.dbsa.org/EN/About-Us/Publications/Pages/DBSA-Annual-Reports.aspx (дата обращения: 02.12.2014).

EBRD's Annual Reports 2007–2013 // Официальный интернет-портал Европейского банка реконструкции и развития. Режим доступа: http://www.ebrd.com/news/publications.html (дата обращения: 02.12.2014).

Exim Bank Annual Reports 2007–2013 // Официальный интернет-портал экспортно-импортного банка Индии. Режим доступа: http://www.eximbankindia.in/annual-report (дата обращения: 02.12.2014).

IDBI Annual Report 2007–2013 // Официальный интернет-портал банка индустриального развития Индии. Режим доступа: http://www.idbi.com/idbi-bank-anual-report.asp (дата обращения: 02.12.2014).

Inter-American Development Bank Annual Reports 2007–2013 // Официальный интернет-портал Межамериканского банка развития. Режим доступа: http://publications.iadb.org/handle/123456789/2/discover?scope=123456789/1&thumbnail=true&rpp=5&page=0&group_by=none&etal=0 (дата обращения: 02.12.2014).

WB Annual Report on Portfolio Performance (2013) // Официальный интернет-портал Всемирного банка. Режим доступа: http://siteresources.worldbank.org/CFPEXT/Resources/299947-1339676789554/FY13_BNPP_Annual_Report.pdf (дата обращения: 02.12.2014).

Литература

Григорьев Л.М., Морозкина А.К. (2013a) «БРИКС: экономики разные, проблемы общие» // Россия в глобальной политике. № 2. С. 26–40.

Григорьев Л.М., Морозкина А.К. (2013b) Банк развития // Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты / под ред. В.А. Никонова, Г.Д. Толорая. М.: РУДН. С. 273–286.

Рогатных Е.Б. (2013) Industrial, agricultural and service sectors of BRICS countries: innovation and mutual reinforcement, presented at International Conference "Complementarity of BRICS National Economies and Mutual Cooperation". 18 October 2013. Moscow.

О'Нил Дж. (2013) Доказательство перемен // BRICS Business Magazine. № 2. С. 32–29.

Прексин О. (2013) Большая финансовая стройка // BRICS Business Magazine. № 3. С. 50–51.

Унгер Р.М. (2013) Перестройка на пятерых // BRICS Business Magazine. № 3. С. 34–37.

ADB (1965) Agreement Establishing the Asian Development Bank // Официальный интернет-портал Азиатского банка развития. Режим доступа: http://www.adb.org/documents/agreement-establishing-asian-development-bank-adb-charter (дата обращения: 02.12.2014)

AfDB (2011) Agreement Establishing the African Development Bank // Официальный интернет портал Африканского банка развития. Режим доступа: http://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Legal-Documents/Agreement%20Establishing%20the%20ADB%20final%202011.pdf (дата обращения: 02.12.2014)

Armijo L.E. (ed.) (2002) Debating the Global Financial Architecture. Albany, N.Y.: SUNY Press.

Armijo L.E., Roberts C. (2014) The Emerging Powers and Global Governance: Why the BRICS Matter, for the Inclusion // Handbook of Emerging Economies / R. Looney (ed.). N.Y.: Routledge.

Central Asia Monitor (2013) Влияние стран БРИКС усиливается: пять «пальцев» – в кулак. Режим доступа: http://old.camonitor.com/archives/8543 (дата обращения: 02.12.2014).

EBRD (2013) Basic Documents of the European Bank for Reconstruction and Development // Официальный интернет-портал Европейского банка реконструкции и развития. Режим доступа: http://www.ebrd.com/documents/comms-and-bis/pdf-basic-documents-of-the-ebrd.pdf (дата обращения: 02.12.2014).

Financial Cooperation Agreement (2014) Framework Agreement on Financial Cooperation within the BRICS Inter-Bank Cooperation Mechanism // Официальный портал шестого саммита БРИКС. Режим доступа: http://brics6.itamaraty.gov.br/images/pdf/BRICSINNOVATION.doc (дата обращения: 02.12.2014).

Grigoriev L., Morozkina A. (2012a) BRICS Instruments: Specifics of Objectives // In search of Stability, Security and Growth BRICS and a New World Order / H.H.S. Viswanathan, Nandan Unnikrishnan (eds). ORF, New Delhi. P. 125–134.

IADB (1996) Agreement Establishing the Inter-American Development Bank // Официальный интернет-портал Межамериканского банка развития. Режим доступа: http://www.iadb.org/leg/Documents/Pdf/Convenio-Eng.pdf (дата обращения: 02.12.2014).

NDB (2014) Articles of Agreement of the New Development Bank // Официальный интернет-портал шестого саммита БРИКС. Режим доступа: http://brics6.itamaraty.gov.br/media2/press-releases/219-agreement-on-the-new-development-bank-fortaleza-july-15 (дата обращения: 02.12.2014).

Silvério M. (2012) BRICS: desigualdades sociais nos países emergentes. Режим доступа: http://observatorio-das-desigualdades.cies.iscte.pt/ (дата обращения: 02.12.2014).

The New Development Bank in Global Finance and Economic Architecture

A. Morozkina

Alexandra Morozkina – Doctoral student, National Research University Higher School of Economics; Head of structural reforms division, Economic Expert Group; Vetoshny per., 5/4, 109012 Moscow, Russian Federation; E-mail: a.k.morozkina@gmail.com

Abstract

The article addresses the question whether the New Development Bank (NDB) will promote the role of the BRICS countries in the global financial architecture and foster their development. It begins by comparing the key multilateral development banks (World Bank, Asian Development Bank, African Development Bank and Inter-American Development Bank, European Bank for Reconstruction and Development) and national development banks of the BRICS countries with the newly established institution. The NDB's purpose is to mobilize resources for infrastructure and sustainable development projects in the member countries. This purpose, as author concludes on the base of the analysis, partly duplicates the work of the existing institutions. However, the NDB could add to the functions of the existing institutions and become a significant development bank for its members. The best way to achieve this significance is to implement multilateral projects in the areas mentioned above. The article also examines the current role of the BRICS countries in the global financial architecture and the potential for an increased role, brought by the establishment of the BRICS bank. The founding countries of the NDB will jointly determine the volume and directions of its financial aid. In addition, in contrast to the Bretton Woods institutions, the BRICS countries can change the rules of the development financial aid, particularly the conditions and system for monitoring results. The article concludes that the BRICS countries have created a possible way to change the current system of development finance and therefore to increase the role of the BRICS countries in the global financial architecture.

Key words: BRICS, New Development Bank, development finance, global financial architecture, sustainable development

References

ADB (1965) *Agreement Establishing the Asian Development Bank*. Official Web Portal of the Asian Development Bank. Available at: http://www.adb.org/documents/agreement-establishing-asian-development-bank-adb-charter (accessed 02 December 2014).

AfDB (2011) *Agreement Establishing the African Development Bank*. Official Web Portal of the African Development Bank. Available at: http://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Legal-Documents/Agreement%20Establishing%20the%20ADB%20final%202011.pdf (accessed 02 December 2014).

Armijo L.E. (ed.) (2002) *Debating the Global Financial Architecture*. Albany, New York: SUNY Press.

Armijo L.E., Roberts C. (2014) The Emerging Powers and Global Governance: Why the BRICS Matter, for the Inclusion. *Handbook of Emerging Economies* / R. Looney (ed.). New York: Routledge.

Central Asia Monitor (2013) *The Impact of the BRICS Countries Increases: Five "Fingers" – in a Fist.* Available at: http://old.camonitor.com/archives/8543 (accessed 02 December 2014).

EBRD (2013) *Basic Documents of the European Bank for Reconstruction and Development.* Official Web Portal of the European Bank for Reconstruction and Development. Available at: http://www.ebrd.com/documents/comms-and-bis/pdf-basic-documents-of-the-ebrd.pdf (accessed 02 December 2014).

Financial Cooperation Agreement (2014) *Framework Agreement on Financial Cooperation within the BRICS Inter-Bank Cooperation Mechanism*. Official Web Portal of the Sixth BRICS Summit. Available at: http://brics6.itamaraty.gov.br/images/pdf/BRICSINNOVATION.doc (accessed 02 December 2014).

Grigoriev L., Morozkina A. (2012a) BRICS Instruments: Specifics of Objectives. *In Search of Stability, Security and Growth BRICS and a New World Order* / H.H.S. Viswanathan, Nandan Unnikrishnan (eds.). ORF, New Delhi. P. 125–134

Grigoriev L., Morozkina A. (2013b) Bank Razvitija [Development Bank]. *Strategija Rossii v BRIKS: Celi Instrument* [*Russia's Strategy in BRICS: Goals and Instruments]* / Nikonov V., Toloraya G. (eds). Moscow: PFUR (RUDN), pp. 273–286.

Grigoriev L., Morozkina A. (2013a) "BRICS: Different Economies, Similar Problems". *Russia in Global Affairs*, no 2, pp. 26–40.

IADB (1996) *Agreement Establishing the Inter-American Development Bank*. Official Web Portal of the Inter-American Development Bank. Available at: http://www.iadb.org/leg/Documents/Pdf/Convenio-Eng.pdf (accessed 02 December 2014).

NDB (2014) *Articles of Agreement* of the *New Development Bank*. Official Web Portal of the Sixth BRICS Summit. Available at: http://brics6.itamaraty.gov.br/media2/press-releases/219-agreement-on-the-new-development-bank-fortaleza-july-15 (accessed 02 December 2014).

O'Neil J. (2013) Five Surprises Ahead. *BRICS Business Magazine*, no 2, pp. 28–33.

Preksin O. (2013) The Great Financial Construction Site. *BRICS Business Magazine*, no 3, pp. 44–45.

Rogatnykh E. (2013) *Industrial, Agricultural and Service Sectors of BRICS Countries: Innovation and Mutual Reinforcement*, Presented at International Conference "Complementarity of BRICS National Economies and Mutual Cooperation" 18 October 2013, Moscow.

Silvério M. (2012) *BRICS: Desigualdades Sociais Nos Países Emergentes*. Available at: http://observatorio-das-desigualdades.cies.iscte.pt/ (accessed 02 December 2014).

Unger R.M. (2013) Gearing Up for a New Global Order. *BRICS Business Magazine*, no 3, pp. 30–33.

Вклад БРИКС в глобальное управление: направления политики

Альтернативные многосторонние банки развития и глобальное финансовое управление[1]

Г. Рейзен

Рейзен Гельмут – доктор, профессор, Немецкий институт развития, Бонн, Германия; 9, rue de l´Asile F 78400 Chatou, France; E-mail: hr@shiftingwealth.com

Каким будет будущее влияние Нового банка развития (НБР) и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), двух многосторонних банков, созданных в 2014 г. вне сложившейся Бреттон-Вудской системы, на структуру многостороннего кредитования? Будут ли эти новые институты, ведомые Китаем и БРИКС, способствовать достижению баланса в многостороннем финансировании развития и снижению доминирования Запада? В данной статье ответ на эти вопросы дается в три этапа. Во-первых, рассматриваются стимулы для БРИКС к «выходу» из существующей системы, которые возрастают на фоне прошлого, настоящего и ожидаемого будущего провала реформ прав голоса в существующих международных финансовых институтах (МФИ). Во-вторых, избыточный спрос на многостороннее льготное кредитование и, в-третьих, потенциальные объемы кредитов НБР и АБИИ оцениваются количественно, чтобы понять, какую относительную долю деятельности, а значит и политического влияния, существующие МФИ могут уступить в пользу новых конкурентов. По имеющимся оценкам, НБР и АБИИ совместно привлекут достаточное софинансирование, чтобы конкурировать с существующими многосторонними банками развития по объемам ежегодного кредитования. В статье делается вывод о том, что финансирование инфраструктуры получит дополнительный стимул от создания НБР и АБИИ за счет использования значительных ресурсов сбережений Китая и других стран БРИКС. Таким образом, западным правительствам и донорам следует поддерживать деятельность новых институтов, а не препятствовать ей. Поскольку новые многосторонние банки представляют потенциальным заемщикам альтернативу с точки зрения стоимости и механизмов финансирования, в интересах заемщиков как можно быстрее присоединиться к новым институтам. Конкуренция в системе многосторонних банков развития может оказать негативное влияние на механизмы, обеспечивающие погашение кредитов. МФИ в рамках существующей Бреттон-Вудской системы и новые банки развития должны совместно принять оговорку о перекрестном неисполнении обязательств в целях обеспечения собственного статуса привилегированных кредиторов.

Ключевые слова: многостороннее кредитование развития, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый банк развития, Бреттон-Вудс, БРИКС, глобальная дипломатия Китая

Оглядываясь на прошлое, 2014 г. вполне может быть отмечен как период, когда возникла серьезная конкуренция в системе многосторонних банков развития, с которой прежде всего столкнулись Всемирный банк и Азиатский банк развития (АБР). Новый

[1] Перевод выполнен м.н.с. Центра исследований глобального управления Института международных организаций и международного сотрудничества НИУ ВШЭ А.В. Шелеповым.

банк БРИКС, официально называемый Новым банком развития (со штаб-квартирой в Шанхае), был официально создан на шестом саммите стран БРИКС, состоявшемся в Бразилии в июле 2014 г. Банк будет иметь первоначальный капитал, равный 50 млрд долл. США, при этом Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР внесут по 10 млрд долл. В конце октября 2014 г. более 20 стран Азии (включая Индию и, спустя месяц, Индонезию) подписали в качестве членов-учредителей Меморандум о взаимопонимании по созданию Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), расположенного в Пекине, согласно которому разрешенный капитал АБИИ составит 50 млрд долл. США, из которых половина будет оплачена Китаем. При создании НБР в качестве основной сферы его деятельности было определено кредитование развивающихся стран. АБИИ ориентирован на Азию. Оба новых института намерены сосредоточить усилия на финансировании проектов в области инфраструктуры. (На саммите лидеров АТЭС в ноябре 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин также объявил о создании нового Фонда Шелкового пути для улучшения взаимосвязанности в Азии, 40 млрд долл. в капитал которого также внесет Китай.)

В более широком контексте создание многосторонних банков развития вне существующей Бреттон-Вудской системы можно рассматривать как теневую глобальную дипломатию Китая, направленную на ослабление структур управления под руководством США, сложившихся после Второй мировой войны. Внешняя политика Китая систематически работает над перестройкой международного порядка путем создания параллельных структур для широкого круга международных институтов [Heilmann et al., 2014]. Ведет ли это к усилению конкуренции с существующей Бреттон-Вудской системой, характеризующейся доминированием Запада? Министерство финансов США пыталось противостоять китайской идее АБИИ, призывая Австралию, Индонезию и Южную Корею не становиться членами нового банка и указывая на то, что он не сможет соответствовать экологическим стандартам, требованиям к закупкам и иным мерам защиты, принятым Всемирным банком и АБР [Perlez, 2014].

Могут ли Китай и другие страны БРИКС достичь успеха в обеспечении баланса многостороннего финансирования развития и ослабить доминирование Запада за счет создания НБР и АБИИ? Во-первых, согласно антиномии выхода и протеста Хиршмана [Gehlbach, 2006; Hirschman, 1970], издержки выхода снижаются с учетом прошлого, настоящего и ожидаемого будущего провала реформы голосов в существующих международных финансовых институтах (МФИ). Во-вторых, избыточный спрос на многосторонние льготные кредиты и потенциальные возможности кредитования НБР и АБИИ будут определять масштаб относительной доли деятельности, а значит и политического влияния, которое существующие МФИ могут потерять в пользу новых конкурентов. В-третьих, репутация и издержки рефинансирования будут определять, смогут ли, и если смогут, то как быстро, новички преуспеть в привлечении средств дополнительно к оплаченному капиталу с использованием глобального рынка облигаций. На основании этих ответов в данной статье делается вывод о том, что институты существующей Бреттон-Вудской системы, вероятно, потеряют определенную долю рынка и статус привилегированных кредиторов.

Неравномерное представительство

Изменения в мировой экономике [OECD, 2010; Quah, 2011], центр тяжести которой смещается в сторону Восточной Азии, до сих пор не отражены в исполнительных органах многосторонних банков развития. Дисбаланс долей капитала и прав голоса в суще-

ствующей многосторонней банковской системе не в пользу стран с формирующимися рынками и развивающихся стран хорошо проиллюстрирован в работе Вестергарда и Уэйда [Vestergaard, Wade, 2014], которые также показывают, что масштабы и темпы реформ управления в традиционных МФИ были удручающими. Кроме того, странам с формирующимися рынками и развивающимся странам не стоит питать надежды, что развитые страны откажутся от контроля над Азиатским банком развития и Всемирным банком, в частности, проводя значимые реформы голосов [Ibid.].

Чем более несбалансирована система с точки зрения представительства и голосов, тем выше стимул к достижению баланса и справедливого представительства за счет создания институтов, параллельных традиционным многосторонним банкам. Создание АБИИ и НБР соответствует ситуации выхода в антиномии Хиршмана [Hirschman, 1970]. Как выход, так и протест связаны с определенными издержками. Издержкой выхода является фрагментация многосторонности. Издержки протеста в несбалансированной системе заключаются в неспособности влиять на приоритеты, принципы и процедуры многостороннего кредитования развития. Если странам БРИКС удастся организовать теневые институты для традиционной Бреттон-Вудской системы, ценность выхода стран с формирующимися рынками и развивающихся стран может сделать опцию протеста в сложившейся системе относительно менее привлекательной, хотя эффективность протеста, вероятно, увеличится. Протест и выход дополняют друг друга, если выход уже был осуществлен (за счет создания новых теневых институтов), при этом являясь субститутами в том случае, если ситуация рассматривается с точки зрения принятия первоначального решения о протесте или осуществлении выхода [Gehlbach, 2006]. Концепция Хиршмана о лояльности страны сложившейся системе (например, для обеспечения военной защиты со стороны США) отражается в увеличении издержек выхода.

На долю БРИКС приходится 46% мирового населения, 21,6% мирового ВВП в текущих ценах и почти 30% ВВП по ППС согласно результатам Программы международных сопоставлений Всемирного банка 2011 г.[2] В отличие от долей в численности населения и доходах, пять стран БРИКС в совокупности имеют лишь 13–14% акций и голосов во Всемирном банке, согласно Отчету МБРР о подписке на акционерный капитал и количестве голосов (табл. 1). На группу развитых стран «семерки» приходится лишь 15% мирового населения. При использовании для расчета текущих цен в долларах их доля в мировом ВВП (46,2%) примерно соответствует доле голосов в МБРР. Однако при расчете по паритету покупательной способности с использованием весов, согласно результатам Программы международных сопоставлений Всемирного банка 2011 г., на «Группу семи» приходится лишь 32,8% мирового ВВП – по этому критерию количество акций и голосов стран «семерки» во Всемирном банке явно завышено.

Система квот МВФ, определяющая взносы каждой страны и количество голосов, которые она получает, еще более очевидно не отражает реальность меняющегося мира. Страны БРИКС имеют только 10,3% квот. Европейские страны, напротив, имеют 27,5% при доле в общемировом ВВП, равной всего 18%. Усугубляет проблему то, что должность главы МВФ «зарезервирована» за европейцами, в то время как аналогичный пост во Всемирном банке традиционно занимает американец. В 2010 г. были согласованы реформы по увеличению капитала МВФ в 2 раза до 720 млрд долл. США

[2] Economic Data and Trade Statistics // VI BRICS Summit. 2014. Режим доступа: http://www.brics6.itamaraty.gov.br/about-brics/economic-data (дата обращения: 25.03.2015). Данные по ВВП актуализированы в соответствии с Бюллетенем перспектив развития мировой экономики МВФ. World Economic Outlook (WEO). July 2014. Режим доступа: http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/update/02/ (дата обращения: 25.03.2015).

Таблица 1. Отчет МБРР о подписке на акционерный капитал и количестве голосов, октябрь 2013 г.

Группа стран	Доля в капитале, %	Доля голосов, %
БРИКС	13,87	13,23
G7	43,71	41,49

Источники: [World Bank Group Finances, 2015], расчеты автора.

и перераспределении 6% квот развивающимся странам. Реформы не были ратифицированы США – в 2014 г. планам реформирования международной финансовой системы и имиджу «Группы двадцати» был нанесен серьезный удар отказом Конгресса США ратифицировать увеличение капитала МВФ, согласованное четыре года назад.

Европа также была камнем преткновения на пути реформ вследствие своего чрезмерного представительства в Исполнительном совете МВФ, Советах директоров Всемирного банка и региональных банков развития. Несмотря на это, голоса европейских стран не едины и, следовательно, общеевропейская позиция слабее, чем это необходимо. Между тем США сохраняют блокирующее меньшинство в МВФ (и, неофициально, совместно с союзниками, в других международных финансовых институтах). Развитые страны не выполнили обещание поддержать перераспределение голосов и увеличение представительства государств БРИКС и других развивающихся экономик в механизмах глобального управления. Таким образом, для БРИКС существует мало стимулов к тому, чтобы взять на себя бо́льшую ответственность в качестве важных участников глобальных экономических процессов и финансировать создание глобальных общественных благ.

Азиатский банк развития, который прочно контролируется Японией и США, представляет собой особенно яркий пример несбалансированного представительства. На членов АБР, которые также являются членами ОЭСР, приходится 64,6% от общего объема подписного капитала и 58,5% от общего числа голосов. В отличие от них, Китай и Индия (остальные три страны БРИКС не являются членами АБР) совместно имеют лишь 10,9% голосов (табл. 2). Япония и США являются самыми крупными акционерами АБР, имея доли 15,7% и 15,6% соответственно. Китай, чья экономика в долларовом выражении превзошла по размеру японскую в 2010 г., имеет только 5,5% голосов; Индия, которая в скором времени станет самой густонаселенной страной Азии и всего мира, имеет 5,4%. Нет нужды пояснять, что АБР до настоящего момента всегда возглавлялся японцами. Политика АБР обычно формируется в рамках параметров, определяемых США и Японией, что фактически ограничивает увеличение представительства и финансирование со стороны, в том числе Китая и Индии.

Таблица 2. Подписной капитал и доли голосов в АБР, на конец 2013 г.

Группа стран	Доля в капитале, %	Доля голосов, %
БРИКС (Китай + Индия)	12,8	10,9
G7	45,0	37,8

Источники: [Asian Development Bank, 2013], расчеты автора.

Непосредственным негативным последствием неравномерного представительства является ограничение капитала (который мог бы быть значительно увеличен Китаем) и, следовательно, потенциала кредитования. Финансовые ограничения как на льготное кредитование стран с низким уровнем дохода из Азиатского фонда развития (ADF), так и на займы из обычных капитальных ресурсов (OCR) для стран со средним уровнем дохода серьезно ограничивают потенциал АБР[3]. Если АБР стремится поддерживать значимый уровень участия в проектах в бедных странах через Азиатский фонд развития, он должен найти оригинальный способ наращивания финансовых ресурсов или изменить структуру представительства стран-членов. Хотя Япония является крупнейшим источником финансовых ресурсов для АБР, ее фискальные возможности ограничены в силу быстрого старения населения, что создает риск превращения страны в «среднего донора» [Sawada, 2014].

Появлению новых параллельно действующих банков также способствовали и низкие ожидания относительно сбалансированности структуры управления традиционных институтов в обозримом будущем. В то время как развивающиеся экономики и страны с низким уровнем дохода недостаточно представлены в финансовых институтах, созданных странами Запада, перспективы улучшения ситуации в будущем крайне туманны [Vestergaard, Wade, 2013]. Реформа голосов не способствовала прогрессу в деле достижения соглашения по критериям перераспределения голосов в будущем. Для Всемирного банка, в силу «принципа преимущественных прав»[4], реформа голосов может быть реализована, только если на это согласятся все страны-члены. Очевидно, что трудно согласовать существенное перераспределение голосов, когда все страны-члены, которые, как предполагается, потеряют часть своих голосов, имеют право вето. Вот почему реформа голосов в конечном счете основывается на слабо регулируемой «системе квот», а не на основанной на правилах формуле. Таким образом, страны БРИКС правы в том, что развитые страны не намерены уступать свое право голоса в традиционных многосторонних институтах.

Дефицит финансирования многосторонних льготных кредитов

За последние 20 лет 3,8% мирового ВВП было потрачено на (экономическую) инфраструктуру. Ежегодные расходы на инфраструктуру демонстрируют тенденцию к снижению в странах с развитой экономикой с 3,6% ВВП в 1980 г. до 2,8% в 2008 г., при этом отмечается их рост в странах с формирующимися рынками с 3,5 до 5,7%. Последняя

[3] АБР недавно представил предложение по увеличению потенциала финансирования за счет изменения механизмов управления финансовыми ресурсами. Предложение состоит в прекращении в значительной степени субсидируемых долговых операций Азиатского фонда развития и переводе кредитов Фонда (а также части его ликвидных активов, прогнозируемых на уровне 35,3 млрд долл.) на баланс OCR в январе 2017 г. Это позволит увеличить капитал OCR с прогнозируемых 17,9 млрд долл. до 53,2 млрд. С этого момента Азиатский фонд развития будет предоставлять исключительно помощь в форме грантов, тогда как АБР продолжит предоставление льготного кредитования из обычных капитальных ресурсов.

[4] Статьи соглашения Всемирного банка предусматривают, что увеличение капитала Банка может быть осуществлено при одобрении квалифицированным большинством – 75% голосов. Однако в то же время каждый член Банка имеет право в случае принятия такого решения «подписаться на пропорциональную долю увеличения капитала» [Vestergaard, Wade, 2013].

цифра обусловлена, в частности, высоким уровнем инвестиций в основной капитал в Азии, особенно в Китае [McKinsey, 2010].

Потенциальный будущий спрос на льготное кредитование со стороны НБР и АБИИ и их относительный потенциал кредитования будут определять, какую долю этой деятельности, а значит и политического влияния, существующие Бреттон-Вудские институты и региональные банки развития под руководством стран Запада могут уступить новым банкам-конкурентам. Большая часть этого спроса возникает вследствие инвестиционных потребностей в сфере инфраструктуры, которые весьма нелегко поддаются количественной оценке. Йепес [Yepes, 2008] оценил потребность в инфраструктурных инвестициях развивающихся стран в среднем на уровне 6,6% ВВП со значительными различиями в зависимости от уровня дохода (табл. 3). Обновление «Перспектив развития мировой экономики» МВФ 2014 г. оценивает совокупный ВВП стран с формирующимися рынками и развивающихся стран в 2013 г. как 39,2% от общемирового ВВП в тот же период, который составил примерно 74 трлн долл. США. Номинальный ВВП группы стран с формирующимися рынками и развивающихся стран, таким образом, был равен 29 трлн долл. Следовательно, их ежегодные потребности в инвестиционных расходах на инфраструктуру составляют, согласно оценкам Йепеса [Yepes, 2008], примерно 2 трлн долл. США.

Таблица 3. Текущая ежегодная потребность в расходах на инфраструктуру, % ВВП

Группа стран	Инвестиции	Эксплуатация	Всего
С низким уровнем доходов	7,0	5,5	12,5
С доходами ниже среднего уровня	4,9	3,3	8,2
С доходами выше среднего уровня	1,3	1,0	2,3
Развивающиеся страны, всего	2,7	4,3	7,0

Источники: [Yepes, 2008; World Bank, 2015].

Что означают эти цифры с точки зрения текущего дефицита финансирования инфраструктуры в развивающихся странах и странах с формирующимися рынками? Дефицит может быть определен как разница между инвестиционными потребностями и ресурсами, или средствами, необходимыми для поддержания экономического роста, и имеющимися средствами. Если трудно оценить потребности в инфраструктурных инвестициях, то судить об их дефиците еще сложнее. Следует иметь в виду, что подобные оценки, как правило, представляют собой «базовые показатели», необходимые для поддержания ожидаемого экономического роста, а не достижения какого-либо «общественного оптимума». Они, несомненно, очень сложны для подсчета и неопределенны, и часто подвергаются уточнению и критике. В настоящее время ежегодные расходы на инфраструктуру в развивающихся странах и странах с формирующимися рынками оценены на уровне 0,8–0,9 трлн долл. Гриффит-Джонсом [Griffith-Jones, 2014], который приводит свидетельства дефицита долгосрочного финансирования, особенно инвестиций в инфраструктуру, в развивающихся странах и странах с формирующимися рынками.

Таблица 4. Валовые ежегодные объемы кредитования основных МБР, млрд долл. США, 2012 г.

Банки	Концессионное	Неконцессионное	Всего
АфБР	1,9	3,5	5,4
АБР	1,9	6,8	8,7
МАР-ЕБРР	10,3	15,1	24,5
МАБР	1,6	6,5	9,1
Всего	15,6	31,9	47,6

Источник: [OECD, 2014].

Существующие многосторонние банки развития предоставляют лишь 40–60 млрд долл. из этой суммы (табл. 4), в то время как основная часть финансируется из государственных бюджетов (500–600 млрд долл.). Ежегодные расходы на инфраструктуру в развивающихся странах, включая водоснабжение, электричество и транспорт, а также иную инфраструктуру, необходимую для борьбы с бедностью, лишением базовых благ, по результатам опроса оцениваются в 1,8–2,3 трлн долл. США [Bhattacharya, Romani, 2013]. В результате дефицит финансирования составляет около 1,0–1,4 трлн долл. Как отмечает Айхенгрин [Eichengreen, 2014], Китай, возможно, не испытывает дефицита инфраструктуры, но имеет другую особенность: крупные строительные компании, которые приветствуют возможности осуществления дополнительных проектов за рубежом. «Таким образом, стимулы перспективных кредиторов и заемщиков Банка БРИКС удачным образом объединяются» [Ibid.].

Потенциальные кредитные возможности АБИИ и НБР

Какую часть указанного дефицита финансирования смогут удовлетворить новые институты? НБР будет иметь первоначальный разрешенный капитал в размере 100 млрд долл. США и первоначальный подписной капитал в размере 50 млрд долл. (также будет существовать Пул условных валютных резервов (CRA) объемом 100 млрд долл.). АБИИ будет иметь первоначальный разрешенный капитал в размере 100 млрд долл. США, а подписной капитал также составит около 50 млрд долл. Как будет показано ниже, потенциальное воздействие этих параллельных институтов на многостороннее кредитование развития может оказаться очень значительным, и ими может быть достигнут примерно тот же годовой уровень кредитования, какой демонстрировали традиционные многосторонние банки развития в последние годы.

Новые банки первоначально станут работать как фонды развития; как и «окна льготных кредитов» традиционных банков развития [Reisen, Garroway, 2014], такие фонды, как правило, опираются на налоговую базу стран-членов. Им еще предстоит превратиться в полноправные банки развития, имеющие также «окна рыночных кредитов». Как правило, они используют ресурсы глобальных рынков облигаций, где, благодаря рейтингам ААА, они могут привлекать средства с очень низкой стоимостью заимствования, а затем ссужать их (не предоставлять безвозмездно) заемщикам.

При этом и НБР, и АБИИ, вероятно, получат преимущество облегченного доступа к финансированию со стороны государственных банков развития стран БРИКС, в частности, Бразильского банка развития (BNDES) и Банка развития Китая. Эти национальные банки развития предоставят, помимо своего опыта и навыков управления,

очень большой потенциальный источник софинансирования. Валютные резервы также могут стать источником финансирования.

Учитывая, что НБР и АБИИ будут предоставлять кредиты на развитие инфраструктуры, а не гранты, доходность таких инвестиций может быть выше, чем текущая доходность валютных резервов стран БРИКС, значительная доля которых в настоящее время вкладывается в низкодоходные государственные облигации США. В конце 2013 г. суммарные валютные резервы пяти стран БРИКС составили 5,1 трлн долл., из которых на Китай приходилось 3,9 трлн. Очевидно, что Китай будет играть важнейшую роль в обоих банках в качестве ключевого источника капитала. Он обладает достаточной финансовой «огневой мощью», чтобы покрыть значительную часть дефицита финансирования инфраструктуры при условии наличия надлежащих стимулов и институтов.

Для привлечения НБР и АБИИ дополнительных средств помимо оплаченного капитала из государственных источников решающее значение будут иметь хорошая репутация и низкая стоимость рефинансирования. Сколько времени потребует создание репутации (повышение осведомленности о своей деятельности и доказательство высоких стандартов работы), аналогичной той, которую уже приобрели существующие международные финансовые институты? В целом выбор объектов, контроль и обеспечение погашения кредитов являются основополагающими для формирования репутации многосторонних банков развития [Buiter, Fries, 2002]. Смогут ли и в каких масштабах новые банки привлечь дополнительный частный капитал, будет зависеть от комбинации факторов: устойчивой финансовой позиции; статуса привилегированного кредитора; технической квалификации; разумной политики управления рисками; надлежащего применения понятных стандартов разработки проектов, их исполнения и корпоративного управления; долгосрочных перспектив; межстранового опыта [Chelsky et al., 2013].

Можно утверждать, что все пять стран БРИКС могут столкнуться по крайней мере с одним из препятствий, которое приведет к повышению стоимости заимствований на международных рынках капитала и, следовательно, к росту стоимости кредитования выше уровня, предлагаемого традиционными банками развития: неконвертируемые валюты; закрытые счета движения капитала; непрозрачные и неликвидные национальные финансовые рынки; слабые и ненадежные правовые системы; и неактивно торгуемые валюты, курсы которых в настоящее время находятся в стадии циклического падения. Тем не менее тесная связь с государственным капиталом, который в любое время может быть использован в качестве источника финансирования, делает эти факторы относительно менее значимыми как для АБИИ, так и для НБР. Кроме того, уровни доходов стран БРИКС стали сближаться с показателями более богатых стран вследствие высоких темпов роста, что в результате приведет к структурному укреплению их валют (и снижению стоимости финансирования по сравнению с развитыми странами) за счет эффекта Балассы – Самуэльсона, до тех пор пока спреды суверенных облигаций не компенсируют преимущества низкой стоимости финансирования.

Рейтинги и спреды суверенных облигаций подробно анализировались в различных эмпирических исследованиях. В ранних работах анализ суверенных рейтингов показывал, что одними из самых важных факторов, влияющих на них, являются уровень дохода на душу населения и уровень экономического развития, что, возможно, отражает привилегии в отношении операций со странами ОЭСР, предусмотренные в системе взвешенного по риску расчета регулятивного капитала в рамках Базель I. Согласно исследованию, основанному на последних данных (в период действия Базеля II, в котором не предусматривается привилегий в отношении кредитов странам ОЭСР), наиболее значимыми факторами, влияющими на суверенные рейтинги, в случае Standard and

Poor's (S&P) являются отношение баланса бюджета к ВВП, рост ВВП на душу населения, показатели качества государственного управления, а также отношение резервов к ВВП [Erdem, Varli, 2014]. Кроме того, их модель позволила предсказать до 93% всех кредитных рейтингов на ежеквартальной основе с 2002 по 2011 г. Применительно к Китаю, неофициальному гаранту АБИИ и НБР, эти факторы должны воплотиться в конкурентоспособных спредах и, следовательно, низкой стоимости рефинансирования. Действительно, Китай имеет преимущество перед США, неофициальным гарантом Всемирного банка и других многосторонних банков развития, с точки зрения темпов роста ВВП и отношения резервов к ВВП.

Однако издержки рефинансирования определяются не только пассивами банковского баланса. Не менее важно иметь портфель активов, который состоит из кредитов платежеспособным заемщикам, что сводит к минимуму вероятность просрочки платежа и банкротства. МБРР и МАР не очень прозрачны в отношении предоставления информации по просроченной задолженности; последний доступный источник приводил сумму в 2,1 млрд долл. (1,37 млрд СДР) как просроченную задолженность на 2011 г., причем основная ее часть приходилась на семь стран [IDA, 2010]. Для того чтобы результаты АБИИ и НБР были лучше (или, по крайней мере, сравнимы с показателями МАР), новым банкам можно порекомендовать следовать примеру Китая и использовать принципы обусловленности проекта (а не политики), которые, как представляется, в меньшей степени способствуют коррупции и ненужным тратам, чем фрагментарный подход стран Запада [Saidi, Wolf, 2011]. Было бы разумно, с точки зрения репутации и стоимости рефинансирования, сосредоточиться на устойчивом финансировании инфраструктурных проектов (а не масштабных мерах по сокращению бедности). Это сфера, где Китай и другие страны БРИКС имеют сравнительное (а порой и абсолютное) преимущество перед развитыми кредиторами.

Для оценки потенциального ежегодного уровня кредитования двух новых банков я использовал процедуру оценивания, предложенную Гриффит-Джонсом [Griffith-Jones, 2014] для НБР. Исходя из данных по Латиноамериканскому банку развития (CAF), два новых банка должны быть в состоянии сформировать кредитное плечо, равное 1:2,4. Нужно обратить внимание, что Латиноамериканский банк развития (пока) не имеет рейтинга ААА, довольствуясь АА– (S&P, Fitch) и Aa3 (Moody's), и что Китай обладает весьма значительными средствами для софинансирования проектов новых банков из государственных источников. Следовательно, фактический уровень кредитного плеча для АБИИ может оказаться выше. Подписной капитал АБИИ и НБР составит 50 млрд долл. в течение следующих 20 лет для каждого. Если использовать для расчета уровень кредитного плеча Латиноамериканского банка развития (2,4), общий портфель кредитов двух институтов составит 240 млрд долл. США. Приняв средний срок кредита равным десяти годам, получим, что ежегодный потенциальный объем кредитования АБИИ и НБР составит 24 млрд долл. Эта сумма равна примерно половине текущего объема кредитов, предоставляемых традиционными банками развития (табл. 4). Следовательно, в будущем треть глобальных многосторонних кредитов на развитие может выдаваться нетрадиционными кредиторами. Таким образом, АБИИ и НБР, вероятно, смогут оказывать ощутимое влияние на глобальное управление.

Прогноз

Создание многосторонних банков развития с лидирующей ролью стран БРИКС будет содействовать глобальному развитию, поскольку эти банки смогут частично покрыть существующий дефицит финансирования инфраструктуры. Кроме того, новые банки

помогут организованно выразить «голос» стран с формирующимися рынками и развивающихся стран и сбалансировать представительство стран, не являющихся членами ОЭСР, в многостороннем кредитовании развития. Это, вероятно, будет способствовать ускорению реформ голосов и в традиционных многосторонних институтах. Новые банки станут конкурировать с существующей Бреттон-Вудской системой.

Так почему же США пытаются выступать против этих банков? Перлез [Perlez, 2014] цитирует высокопоставленного представителя администрации Обамы: министерство финансов США пришло к выводу, что Новый банк не в состоянии соответствовать экологическим стандартам, требованиям по закупкам и иным мерам защиты, принятым Всемирным банком и АБР, в том числе направленным на предотвращение принудительного переселения уязвимых групп населения с их земель. В то же время, как отметил чиновник, АБР настолько обременен ограничениями, что период от предложения и утверждения до завершения проекта составляет в среднем до семи лет.

Еще одно опасение, которое, насколько мне известно, еще публично не обсуждалось, заключается в том, что создание альтернативного источника многостороннего финансирования приведет к ослаблению механизма обеспечения погашения кредитов существующих международных банков развития. Они могут также потерять статус привилегированных кредиторов, который в конечном счете зависит от ожиданий заемщиков относительно возможности получения дальнейшего финансирования из конкретного института. Когда заемщики могут выбирать между многосторонними банками развития, функционирующими по-разному (с лидирующей ролью США или Китая), они меньше опасаются санкций в случае банкротства по обязательствам, например, перед Бреттон-Вудскими институтами. Этот вопрос обсуждался после создания Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР): основной механизм для содействия соблюдению сроков и условий кредитования международными банками развития государственного сектора заключается в динамических стимулах, которые возникают в процессе повторяющегося взаимодействия правительств-заемщиков и МБР. Возможность получения новых кредитов и реальная угроза отказа в кредитовании в будущем при условии невыполнения сроков и условий могут использоваться как инструмент, помогающий обеспечить исполнение заемщиком своих обязательств.

Механизм стимулирования на основе повторяющегося взаимодействия является более эффективным, если доступ заемщиков к альтернативным источникам финансирования ограничен. Таким образом, действительно нужно учитывать, что стимулы для стран-заемщиков по соблюдению условий кредитования, например МАР, будут снижаться с приближением момента завершения кредитных отношений и замещением кредитов МАР займами у АБИИ или Банка БРИКС. Потеря статуса привилегированного кредитора определенно является потенциальной угрозой для обоих типов многосторонних банков развития: как традиционных, так и новых. Таким образом, для этих двух групп существует стимул к сотрудничеству по внесению в кредитные договоры и последующему применению оговорок о перекрестном неисполнении обязательств.

Литература

Asian Development Bank (2013) ADB Annual Report. Режим доступа: http://www.adb.org/documents/adb-annual-report-2013 (дата обращения: 25.03.2015).

Bhattacharya A., Romani M. (2013) Meeting the Infrastructure Challenge: The Case for a New Development Bank. Washington, DC: G24. Режим доступа: http://g24.org/wp-content/uploads/2014/03/Session-4_2.pdf (дата обращения: 25.03.2015).

Buiter W., Fries S. (2002) What Should the Multilateral Development Banks Do? // EBRD Working Paper. No. 74. L.: European Bank for Reconstruction and Development.

Chelsky J., Morel C., Kabir M. (2013) Investment Financing in the Wake of the Crisis: The Role of Multilateral Development Banks // Economic Premise. No. 121. Washington DC: World Bank.

Eichengreen B. (2014) Banking on the Brics // Project Syndicate. 13 August. Режим доступа: http://www.project-syndicate.org/commentary/barry-eichengreen-is-bullish-on-the-group-s-new-development-bank--but-not-on-its-contingent-reserve-arrangement (дата обращения: 25.03.2015).

Erdem O., Varli Y. (2014) Understanding the Sovereign Credit Ratings of Emerging Markets // Emerging Markets Review. Vol. 20. DOI:10.1016/j.ememar.2014.05.004.

Gehlbach S. (2006) A Formal Model of Exit and Voice // Rationality and Society. No. 18 (4). P. 395–418. DOI: 10.1177/1043463106070280.

Griffith-Jones S. (2014) A Brics Development Bank: A Dream Coming True? // UNCTAD Discussion Papers. No. 215. Geneva: UNCTAD.

Heilmann S., Rudolf M., Huotari M., Buckow J. (2014) China's Shadow Foreign Policy: Parallel Structures Challenge the Established International Order // MERICS China Monitor. No. 19. Berlin: Mercator Institute for China Studies.

Hirschman A.O. (1970) Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge, MA: Harvard University Press.

IDA (2010) Updated IDA16 Financing Framework and Key Financial Variables. Washington DC: International Development Association, IDA Resource Mobilization Department (CFPIR).

McKinsey (2010) Farewell to Cheap Capital? The Implications of Long-term Shifts in Global Investment and Saving. New York City, N.Y.: McKinsey Global Institute.

OECD (2010) Shifting Wealth, Perspectives on Global Development. Paris: OECD.

OECD (2013) The Where of Development Finance. Paris: OECD.

OECD (2014) Development Co-operation Report 2014. Mobilising Resources for Sustainable Development. Режим доступа: http://www.oecd-ilibrary.org/development/development-co-operation-report-2014_dcr-2014-en (дата обращения: 25.03.2015).

Perlez J. (2014) U.S. Opposing China's Answer to World Bank // The New York Times. 9 October. Режим доступа: http://www.nytimes.com/2014/10/10/world/asia/chinas-plan-for-regional-development-bank-runs-into-us-opposition.html?_r=0 (дата обращения: 25.03.2015).

Quah D. (2011) The Global Economy's Shifting Centre of Gravity // Global Policy. No. 2.1. P. 3–9. DOI: 10.1111/j.1758-5899.2010.00066.x

Reisen H., Garroway C. (2014) The Future of Multilateral Concessional Finance. Berlin: BMZ/GIZ.

Saidi M., Wolf C. (2011) Recalibrating Development Co-operation: How Can African Countries Benefit from Emerging Partners? // OECD Development Centre Working Paper. No. 302. Paris: OECD.

Sawada Y. (2014) Japan's Strategy for Economic Cooperation with Asian Countries // Public Policy Review. No. 10.1. P. 53–76. Tokyo: Policy Research Institute, Ministry of Finance.

Vestergaard J., Wade R.H. (2013) Protecting Power: How Western States Retain the Dominant Voice in The World Bank's Governance // World Development. No. 46. P. 153–164.

Vestergaard J., Wade R.H. (2014) Still in the Woods: Gridlock in the IMF and the World Bank Puts Multilateralism at Risk // Global Policy. Vol. 6. DOI: 10.1111/1758-5899.12178. Режим доступа: http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1758-5899.12178/abstract (дата обращения: 25.03.2015).

World Bank (2015) Investment Needs for Infrastructure in Developing Countries 2008–15. Washington, D.C.

World Bank Group Finances (2015) IBRD Statement of Subscriptions to Capital Stock and Voting Power. Режим доступа: https://finances.worldbank.org/Shareholder-Equity/IBRD-Statement-of-Subscriptions-to-Capital-Stock-a/rcx4-r7xj (дата обращения: 25.03.2015).

Yepes T. (2008) Investment Needs for Infrastructure in Developing Countries 2008–15. Washington, D.C.: World Bank.

Alternative Multilateral Development Banks and Global Financial Governance

H. Reisen

Helmut Reisen – PhD, Professor, German Development Institute, Bonn, Germany; 9, rue de l´Asile F 78400 Chatou, France; E-mail: hr@shiftingwealth.com

Abstract

What will be the future impact on multilateral lending shares of the New Development Bank (NDB) and the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), two multilateral banks created in 2014 outside the established Bretton Woods system? Will these new institutions led by China and the BRICS help rebalance multilateral development finance away from western dominance? The answer comes in three parts: first, increasing pressure for the BRICS to exit´ rises with past, present and expected failure for ´voice´ reform in the established international financial institutions (IFIs); second, excess demand for multilateral soft loans; and, third, a quantification of the potential lending capacity by the NDB and AIIB to assess how much relative business – hence political influence – the existing IFIs might lose in favour of the new competitors. The NDB and AIIB combined will likely attract sufficient co-financing to rival the established multilateral development banks in terms of annual lending. This article concludes that infrastructure finance will benefit from the creation of the NDB and AIIB by tapping the considerable saving potential in China and other BRICS members. The new institutions should therefore be supported, not discouraged, by western governments and donors as well. As the new multilateral development banks introduce choice in terms of funding cost and modalities, borrowers are well advised to join these new institutions rapidly for their own benefit. Competition in multilateral development banking may have a negative impact on loan enforcement mechanisms. The IFIs of the existing Bretton Woods system and the new development banks will have to unite by imposing cross-default clauses to safeguard their preferred creditor status.

Key words: multilateral development banks, Asian Infrastructure Investment Bank, New Development Bank, Bretton Woods, BRICS, China global diplomacy

References

Asian Development Bank (2013) *ADB Annual Report*. Available at: http://www.adb.org/documents/adb-annual-report-2013 (accessed 25 March 2015).

Bhattacharya A., Romani M. (2013) *Meeting the Infrastructure Challenge: The Case for a New Development Bank*. Washington, DC: G24. Available at: http://g24.org/wp-content/uploads/2014/03/Session-4_2.pdf (accessed 25 March 2015).

Buiter W., Fries S. (2002) What Should the Multilateral Development Banks Do? *EBRD Working Paper*, no 74. London: European Bank for Reconstruction and Development.

Chelsky J., Morel C. and Kabir M. (2013) Investment Financing in the Wake of the Crisis: The Role of Multilateral Development Banks. *Economic Premise*, no 121. Washington DC: World Bank.

Eichengreen B. (2014) Banking on the Brics. *Project Syndicate*. 13 August. Available at: http://www.project-syndicate.org/commentary/barry-eichengreen-is-bullish-on-the-group-s-new-development-bank--but-not-on-its-contingent-reserve-arrangement (accessed 25 March 2015).

Erdem O. and Varli Y. (2014) Understanding the sovereign credit ratings of emerging markets. *Emerging Markets Revie*w, vol. 20. DOI:10.1016/j.ememar.2014.05.004.

Gehlbach S. (2006) A Formal Model of Exit and Voice. *Rationality and Society*, no 18 (4), pp. 395–418. DOI: 10.1177/1043463106070280.

Griffith-Jones S. (2014) A Brics Development Bank: A Dream Coming True? *UNCTAD Discussion Papers*, no 215. Geneva: UNCTAD.

Heilmann S., Rudolf M., Huotari M. and Buckow J. (2014) China's Shadow Foreign Policy: Parallel Structures Challenge the Established International Order. *MERICS China Monitor*, no 19. Berlin: Mercator Institute for China Studies.

Hirschman A.O. (1970) *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

IDA (2010) *Updated IDA16 Financing Framework and Key Financial Variables*. Washington DC: International Development Association, IDA Resource Mobilization Department (CFPIR).

McKinsey (2010) *Farewell to cheap capital? The implications of long-term shifts in global investment and saving.* New York City, NY: McKinsey Global Institute.

OECD (2010) *Shifting Wealth, Perspectives on Global Development*. Paris: OECD.

OECD (2013) *The Where of Development Finance*. Paris: OECD.

OECD (2014) *Development Co-operation Report 2014. Mobilising Resources for Sustainable Development*. Available at: http://www.oecd-ilibrary.org/development/development-co-operation-report-2014_dcr-2014-en (accessed 25 March 2015).

Perlez J. (2014) U.S. Opposing China's Answer to World Bank. *The New York Times*. 9 October. Available at: http://www.nytimes.com/2014/10/10/world/asia/chinas-plan-for-regional-development-bank-runs-into-us-opposition.html?_r=0 (accessed 25 March 2015).

Quah D. (2011) The Global Economy's Shifting Centre of Gravity. *Global Policy*, no 2.1, pp. 3-9. DOI: 10.1111/j.1758-5899.2010.00066.x

Reisen H., Garroway C. (2014) *The Future of Multilateral Concessional Finance*. Berlin: BMZ/GIZ.

Saidi M. and Wolf C. (2011) Recalibrating Development Co-operation: How Can African Countries Benefit from Emerging Partners? *OECD Development Centre Working Paper*, no 302. Paris: OECD.

Sawada Y. (2014) Japan's Strategy for Economic Cooperation with Asian Countries. *Public Policy Review*, no 10.1, pp. 53–76. Tokyo: Policy Research Institute, Ministry of Finance.

Vestergaard J., Wade R.H. (2013) Protecting Power: How Western States Retain the Dominant Voice in The World Bank's Governance. *World Development*, no 46, pp. 153–164.

Vestergaard J., Wade R. H. (2014) Still in the Woods: Gridlock in the IMF and the World Bank Puts Multilateralism at Risk. *Global Policy*, vol. 6. DOI: 10.1111/1758-5899.12178. Available at: http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1758-5899.12178/abstract (accessed 25 March 2015).

World Bank (2015) *Investment Needs for Infrastructure in Developing Countries 2008–15*. Washington, D.C.

World Bank Group Finances (2015) I*BRD Statement of Subscriptions to Capital Stock and Voting Power*. Available at: https://finances.worldbank.org/Shareholder-Equity/IBRD-Statement-of-Subscriptions-to-Capital-Stock-a/rcx4-r7xj (accessed 25 March 2015).

Yepes T. (2008) *Investment Needs for Infrastructure in Developing Countries 2008–15*. Washington D.C.: World Bank.

Проблемы безопасности и перспективы саммита БРИКС в Уфе[1]

В.В. Панова

Панова Виктория Владимировна – к.и.н., доцент кафедры международных отношений и внешней политики России, МГИМО Университет, МИД России; старший советник по стратегическому планированию, НКИ БРИКС; Российская Федерация, 119454, Москва, просп. Вернадского 76; E-mail: panova@nkibrics.ru

Группа БРИКС возникла сравнительно недавно и перспективы ее развития в качестве сообщества стран-единомышленников все еще продолжают вызывать весьма бурные споры. И хотя наличие общих целей в области реформ международной финансовой и экономической системы не вызывает сомнений у наблюдателей, вопросы безопасности для БРИКС пока остаются чем-то весьма неопределенным. Между тем Россия, которая в 2015 – начале 2016 г. председательствует в БРИКС, в первую очередь стремится к тому, чтобы наконец-то превратить эту группу из просто платформы для дискуссий в полноценный механизм экономического и политического сотрудничества. При этом проблемы мира и безопасности вызывают определенные разногласия между государствами-членами. Это обусловлено самыми разными факторами – географическим и геополитическим расположением, различными политическими традициями, разным политическим статусом на международной арене, тесными экономическими и политическими связями и сложными формами сотрудничества/соперничества с развитыми странами Запада, а также различиями в понимании и продвижении собственных глобальных целей и приоритетов. В данной статье рассматривается эволюция взглядов России на важность БРИКС и ее место в иерархии российской внешней политики, а также уделяется более пристальное внимание проблемам политической безопасности, международного права и глобального управления. Одновременно автор показывает, что хотя некоторым из этих проблем будет уделяться меньше внимания в силу того, что они являются актуальными лишь для некоторых участников группы (например, борьба с наркотиками, морская безопасность или региональные конфликты), а к другим следует подходить с точки зрения наименьшего общего знаменателя (например, реформа Совбеза ООН или нераспространение оружия массового поражения), страны БРИКС по-прежнему находят все новые сферы для сотрудничества и предпринимают небольшие, но уверенные шаги по направлению к созданию полноценного механизма для координации своих действий. Дополнительную ответственность на БРИКС возлагает тот факт, что взаимодействие между ее членами и их достижения в сфере реформы глобального политического и экономического управления большинством развивающихся стран рассматриваются как альтернатива доминированию государств с развитой экономикой и как новая модель равноправного и взаимовыгодного сотрудничества.

Ключевые слова: БРИКС, реформа глобального управления, проблемы мира и безопасности, кризисное управление на региональном уровне, управление Интернетом и кибербезопасность, борьба с терроризмом, нераспространение ядерного оружия, суверенитет, многополярность

Введение

В последнее время аббревиатура БРИКС стала очень модной. При этом особо значительный всплеск внимания экспертов и политиков к этой группе, ее потенциалу и пер-

[1] Перевод выполнен В.А. Гончаровым.

спективам развития наблюдается в России, которая готовится принять саммит «пятерки» в Уфе в июле 2015 г. Подобный интерес еще больше подогревается продолжающейся конфронтацией между Россией и Западом, а также сохраняющимися расхождениями в их взглядах на мировой порядок. В данной ситуации Россия рассматривает государства БРИКС и прочие развивающиеся страны как своих естественных союзников в реформировании этого порядка, направленном на то, чтобы сделать его более справедливым, инклюзивным и учитывающим интересы всех участников, а не только старых «хозяев мира». В то же время государства «золотого миллиарда» все еще смотрят на БРИКС с определенной долей скептицизма и осторожности (в зависимости от политических пристрастий и государственной принадлежности аналитиков их отношение к рассматриваемой группе колеблется от неприкрытого сарказма вроде «БРИКС? А что это вообще такое?» до понимания необходимости сотрудничества, хотя приоритет при этом все равно отдается двусторонним контактам с каждой из пяти стран).

Общие цели стран БРИКС

Нет смысла еще раз вспоминать о том, как возник клуб стран БРИКС, однако при этом очень важно взглянуть на истоки существующих в России концепций и стратегических выкладок, связанных с рассматриваемой схемой сотрудничества. Только таким образом можно понять, какую роль отводит БРИКС ее будущий председатель.

Хотя аббревиатура БРИКС зажила собственной жизнью практически сразу же после того, как была первый раз озвучена придумавшим ее Джимом О'Нилом, сама эта группа изначально рассматривалась лишь как объединение нескольких стран исключительно по экономическому признаку. На концептуальном уровне начало диверсификации российской внешней политики, направленной на отход от характерного для 1990-х годов стремления быть исключительно членом «западного клуба», можно усмотреть в идеях Е.М. Примакова, выдвинувшего идею стратегического треугольника «Россия – Индия – Китай», а также в расширении сотрудничества со странами Латинской Америки, импульсом для которого послужил Хайлигендаммский процесс[2].

Хотя интересы пяти стран, входящих в состав БРИКС, по-прежнему довольно существенно расходятся, между ними существует и ряд важных точек соприкосновения, позволяющих активизировать сотрудничество и продолжить поиск общих подходов.

Начнем с того, что все страны БРИКС не особенно довольны существующим мировым порядком. Хотя мир не был строго биполярным и раньше, но после распада Советского Союза и социалистического блока единственной реальной силой на планете остались западные державы, которые сохранили доступ в свой «клуб» открытым и для других стран (и бывших членов социалистического содружества, и развивающихся стран с иным государственным и экономическим устройством), но только на своих условиях. В результате возникла система, предоставляющая основные преимущества не всем, а только тем, кто устанавливает правила.

Конечно же, все страны БРИКС в первую очередь заботят моменты, связанные с экономической и финансовой системой, однако в сфере политического и экономического управления их интересы тоже переплетены очень тесно, что приводит к постепенному осознанию важности вопросов безопасности, обсуждаемых в рамках «пятерки».

При этом государства БРИКС особо выделяют тот факт, что они не хотят никакой революции и стремятся лишь к реформам, направленным на благо всего человечества.

[2] Подробнее о возникновении группы БРИКС см.: [Панова, 2013a; Панова, 2013b].

То есть они не хотят разрушать существующую систему или отказываться от правил, которые столь тщательно разрабатывались в течение второй половины XX в., особенно от тех, которые были разработаны совместно всеми сторонами. По этой причине страны БРИКС являются убежденными сторонниками соблюдения международного права и правового регулирования и высказываются против действий, предпринимаемых на ситуативной основе. Все члены «пятерки» нередко именуются «ястребами суверенитета», придерживающимися курса защиты суверенитета и невмешательства во внутренние дела других стран в четком соответствии с Уставом ООН. Кроме того, членство в рассматриваемой группе дает России возможность воспользоваться преимуществами «сетевой дипломатии» с ее «правилом непересечения красных линий», которое резко контрастирует с «принципами обусловленности, типичными для большинства западных институтов» [Roberts, 2010]. Дополнительной функцией группы БРИКС является то, что она представляет собой яркий пример демократического международного объединения, в рамках которого страны с различными политическими системами, экономическими традициями и культурно-цивилизационными характеристиками мирно и на равных сотрудничают друг с другом. Данная позиция явно противоречит постулату о том, что только либерально-демократические государства, являющиеся полноценными членами мирового сообщества, имеют преимущественное право голоса в решении международных вопросов. Данный взгляд отражен в Концепции внешней политики Российской Федерации.

Организация Объединенных Наций рассматривается странами БРИКС как центральный и единственный легитимный орган глобального управления. Все члены «пятерки» согласны с тем, что законные полномочия в сфере поддержания мира и безопасности имеет только Совет Безопасности ООН (СБ ООН) и, соответственно, отвергают меры, принятые в одностороннем порядке, в обход данного органа. Как совершенно верно отметил глава российского Национального комитета по исследованию БРИКС, депутат Государственной думы В.А. Никонов, «... все пять стран заинтересованы в максимальном увеличении роли ООН, в совершенствовании механизмов функционирования организации и в ответах на глобальные вызовы и угрозы путем многосторонней дипломатии» [Nikonov, 2013].

В то же время осознание уникальности формата ООН подталкивает страны БРИКС к последовательным усилиям, направленным на проведение в жизнь реформы данной организации. Призывы к ней содержатся в заключительных документах каждого саммита БРИКС, где Китай и Россия постоянно подчеркивают, что «*придают важное значение статусу и роли Бразилии, Индии и Южной Африки в международных делах и поддерживают их стремление играть большую роль в ООН*»[3]. Хотя политические обозреватели пытаются обратить внимание на то, что два постоянных члена Совбеза не торопятся бороться за предоставление таких же постоянных мест в этом органе остальным трем странам и имеют разные представления относительно права вето в СБ ООН, совершенно очевидно, что концепция сотрудничества в рамках БРИКС и соответствующая модель постепенных изменений путем реформ, а не революции, не предусматривает поспешных шагов. Более того, хотя в России и растет осознание того, что реформа СБ ООН представляет собой насущную необходимость и что при этом нужно в первую очередь принимать во внимание своих партнеров из развивающихся стран, прежде всего – государства БРИКС, позиция прочих постоянных членов Совбеза и отсутствие

[3] Форталезская декларация (принята по итогам шестого саммита БРИКС) в г. Форталеза, Бразилия, 15 июля 2014 г. Режим доступа: http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d4f1dd674176325 2a8.pdf (дата обращения: 25.03.2015).

общего согласия среди всех государств – членов ООН весьма существенно осложняет проведение подобной реформы.

Гораздо больше взаимопонимания между государствами БРИКС, а впрочем, и большинства прочих, в первую очередь развивающихся стран, можно обнаружить в недвусмысленной поддержке многополярного мира. Данная позиция уже одним фактом своего существования вызывает беспокойство США, которые стремятся оставаться единственной сверхдержавой и постоянно пытаются воспрепятствовать возвышению всех потенциальных соперников. Это в различных формулировках отражено в официальных доктринах Национальной безопасности США. В самом начале этого века, когда президентом США стал Дж. Буш-младший, был опубликован документ, в котором провозглашалось, что США обладают «беспрецедентной – и непревзойденной – силой и влиянием в мире», причем эта «великая сила» должна использоваться для того, чтобы «поддерживать баланс сил, способствующий сохранению свободы»[4]. Восемь лет спустя, в первые годы правления Б. Обамы, была принята новая Национальная стратегия безопасности, в которой говорится, что «поскольку мы сталкиваемся с многочисленными угрозами – со стороны других государств и негосударственных образований – мы будем поддерживать военное превосходство, которое десятилетиями обеспечивало безопасность нашей страны и легло в основу глобальной безопасности»[5].

Если отложить в сторону официальные документы, то, возможно, наилучшее описание рассматриваемой позиции мы найдем в блестящем аналитическом исследовании, опубликованном компанией Stratfor в 2011 г., а затем еще раз – в 2014 г. Авторы данного исследования весьма проницательно утверждают, что хотя США и не угрожают враждебные действия со стороны большинства стран мира уже благодаря их географическому положению, два региона все же могут послужить источником беспокойства: это Южная Америка (или, скорее, «Южный конус», включающий Бразилию, Аргентину, Уругвай и Парагвай) и Евразия (здесь, прежде всего, имеется в виду ее северная часть, т.е. европейские страны, Россия (или, скорее, страны бывшего Советского Союза) и Китай). США видят в объединении данных стран потенциальную угрозу и стремятся не допустить этого. Как результат, американская политика направлена на то, чтобы вышеупомянутые регионы были «разделены между максимально большим количеством различных (предпочтительно – враждебных друг другу) держав» [Stratfor, 2014]. Это прекрасно объясняет, почему США изначально должны были отнестись к БРИКС как к весьма нежелательному явлению – ведь данное объединение одним своим существованием бросает вызов основным принципам американской стратегии[6].

Чтобы внести полную ясность, отметим, что ни Россия, ни кто-либо из остальных четырех стран – членов БРИКС не стремится к конфронтации с США, НАТО или так называемым Западом. Единственной целью этих стран в рамках рассматриваемой схемы сотрудничества является построение более справедливого мирового порядка, а также обеспечение многосторонних подходов и общего признания равенства различных цивилизационных моделей. Более того, они будут только рады, если Вашингтон

[4] US National Security Strategy. September, 2002. Washington DC. Режим доступа: http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/index.html (дата обращения: 25.03.2015).

[5] US National Security Strategy. May 2010. Washington DC. Режим доступа: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (дата обращения: 25.03.2015).

[6] Феномен «Евро-БРИКС» на данный момент представляет собой совершенно незначительное движение, представленное второстепенными европейскими силами, поддерживающими истинное сотрудничество между Европой и БРИКС на объединительной, а не двусторонней платформе. Если данное партнерство перерастет в серьезный процесс, поддерживаемый европейскими правительствами, то оно будет представлять непосредственную угрозу североамериканскому гегемону.

присоединится к этим попыткам. В частности, автор этих строк еще два года назад в Центре ведения политики БРИКС в Рио-де-Жанейро обосновывала желательность подобного развития событий для достижения мирного, инклюзивного и взаимовыгодного мирового порядка. Впрочем, еще тогда была сделана оговорка о неготовности крупнейшей державы к сотрудничеству с восходящими центрами силы в лице БРИКС. К сожалению, глобальная и справедливая демократическая система не укладывается в стратегическое в*и*дение крупнейшей сверхдержавы, тогда как страны БРИКС стремятся к созданию «многополярного и многоцивилизационного мира, который будет основан на силе закона, а не на законе силы» [Nikonov, 2013].

Взгляд на БРИКС в российской внешней политике

Даже несмотря на то, что Россия довольно долго переходила к практической реализации своей внешнеполитической концепции, один из второстепенных векторов российской внешней политики постепенно все же эволюционировал в процесс первостепенной важности[7]. Впервые с идеей диверсификации РФ открыто выступила в середине 1990-х годов, когда Е.М. Примаков заговорил о развитии сотрудничества в рамках стратегического треугольника «Россия – Китай – Индия» и о многовекторной дипломатии. В первой половине 1990-х годов Россия покинула ряд регионов, отказавшись от стратегии глобального присутствия, характерной для Советского Союза. В это время внешняя политика РФ и в теории, и на практике была сосредоточена на попытках полной интеграции со странами Запада и с институтами, в которых эти страны играли главную роль. Но международная ситуация складывалась для России неблагоприятно, и в стране начали смотреть на вещи более реалистично – так, в Послании Президента к Федеральному Собранию 1997 г. уже заметно довольно существенное отклонение от предшествующего курса, в частности – провозглашается направленность на диверсификацию внешней политики. Среди наиболее важных целей, сформулированных в данном Послании, следует упомянуть защиту национальных интересов России без конфронтации, но с опорой на усиление стабильности и сотрудничества в международных отношениях, а также создание системы международных отношений, основанной на том, что «*наш мир – многополюсный, в нем не должно быть доминирования какого-то одного центра силы*» и что «*мир XXI в. должен меньше опираться на военную силу и гораздо больше – на силу права*»[8].

Первым практическим проявлением попыток России способствовать формированию многополярного мира, вероятно, была серия визитов тогдашнего министра иностранных дел Е.М. Примакова в Латинскую Америку, в ходе которых был подписан ряд соглашений о «стратегическом партнерстве» с ведущими государствами континента (см. подробнее [Мартынов, 2009]).

Далее, в Концепции внешней политики РФ 2000 г. было провозглашено, что Россия должна добиваться «*формирования многополярной системы международных отношений*», отражающей реальное многообразие современного мира и его интересов

[7] Здесь следует отметить, что подобная ситуация была характерна не только для сотрудничества России с развивающимися странами. С самого начала существования РФ в качестве независимого государства в ее внешнеполитических документах говорилось о первостепенной важности сотрудничества со странами постсоветского пространства, однако в реальности было сделано очень немногое.

[8] Послание Президента России Б.Н. Ельцина к Федеральному Собранию «Порядок во власти – порядок в стране». 6 марта 1997 г. Режим доступа: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rosii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_porjadok_vo_vlasti__porjadok_v_strane_1997_god.html (дата обращения: 25.03.2015).

и основанной на «*механизмах коллективного решения ключевых проблем*», на приоритете международного права и «*демократизации международных отношений*»[9]. В следующей Концепции внешней политики РФ, принятой в 2008 г., был сделан еще больший упор на усиление экономического потенциала «*новых центров глобального роста, связанное в том числе с более равномерным распределением ресурсов*» и являющееся результатом либерализации мировых рынков. На этой основе был сделан совершенно логичный вывод о том, что экономическая мощь этих стран и регионов обязана привести к увеличению их политического влияния и к постепенному формированию полицентрического мирового порядка.

Также в Концепции 2008 г. был поднят ряд проблем, связанных с тем, что «*традиционные громоздкие военно-политические союзы уже не могут обеспечить противодействие всему спектру современных вызовов и угроз, являющихся трансграничными по своему характеру*», что в свою очередь обуславливает более широкое использование «*сетевой дипломатии*» и гибких форм участия в многосторонних структурах для защиты национальных интересов.

Здесь мы имеем дело с официальным признанием того, что «*глобальная конкуренция впервые в новейшей истории приобретает цивилизационное измерение, что предполагает конкуренцию между различными ценностными ориентирами и моделями развития в рамках универсальных принципов демократии и рыночной экономики*». В том же самом документе Россия также критикует Запад за «*реакцию на перспективу утраты... своей монополии на глобализационные процессы*», в числе прочего находящую выражение в инерционном «*сдерживании России*». Кроме того, согласно рассматриваемой Концепции, «*стратегия односторонних действий дестабилизирует международную обстановку, провоцирует напряженность и гонку вооружений, усугубляет межгосударственные противоречия, разжигает национальную и религиозную рознь, создает угрозу безопасности других государств, ведет к росту напряженности в межцивилизационных отношениях*». При этом во всех официальных заявлениях и документах также явным образом провозглашается центральная роль ООН, т.е. тот принцип, который наряду с многополярностью, суверенитетом и верховенством закона недвусмысленно разделяется всеми странами БРИКС[10]. Наконец, более значительное внимание придается «культурно-цивилизационному многообразию современного мира».

Как уже упоминалось ранее, по мере того как группа БРИКС превращалась во все более зрелое объединение, российское правительство ценило ее все больше. В.В. Путин, будучи президентом, еще в рамках российского председательства в «Группе восьми» в 2006 г. активно продвигал идею налаживания более тесных связей с Бразилией, Китаем, Индией и другими динамично развивающимися странами. Во время президентства Д.А. Медведева состоялась первая встреча лидеров рассматриваемого клуба. Сегодня же переоценить важность БРИКС для российской элиты просто невозможно.

В одной из статей, опубликованных В.В. Путиным в преддверии нового президентского срока, говорится, что Россия должна «*придавать приоритетное значение взаимодействию с партнерами по БРИКС. Эта уникальная структура, созданная в 2006 г., нагляднее всего символизирует переход от однополярности к более справедливому мироустройству*» [Путин, 2012]. Несколько позднее данная точка зрения была подкреплена

[9] Концепция внешней политики Российской Федерации // Независимая газета. 2000. 11 июля. Режим доступа: http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html (дата обращения: 25.03.2015).

[10] Концепция внешней политики Российской Федерации. 15 июля 2008 г. Режим доступа: http://kremlin.ru/acts/785 (дата обращения: 25.03.2015).

заявлением российского министра иностранных дел С.В. Лаврова о том, что создание БРИКС оказалось «*одним из самых значительных геополитических событий с начала нового столетия*» [Lavrov, 2012].

Согласно последней на данный момент Концепции внешней политики РФ, Россия придает огромную важность «обеспечению устойчивой управляемости мирового развития, что требует коллективного лидерства ведущих государств мира» – представленного в географическом и цивилизационном отношении. Именно для обеспечения подобной устойчивости Россия будет и дальше расширять сотрудничество с другими странами «*в таких форматах, как "Группа двадцати", БРИКС..., ШОС, РИК, а также с другими структурами и в рамках различных площадок для договора*»[11].

Данный механизм рассматривается как новая модель глобальных связей поверх старых барьеров, разделяющих Восток и Запад, Север и Юг, и соответственно он просто должен постепенно трансформироваться в «*многостороннее стратегическое партнерство по широкому комплексу экономических и политических вопросов*». Кроме того, Россия смотрит на будущее БРИКС с довольно существенными амбициями и верит в идею «моста» между Севером и Югом или в то, что если группа будет действовать только в рамках Юга, то это довольно существенно ограничит ее возможности в качестве независимой силы на мировой арене [Lavrov, 2012]. С точки зрения российского руководства, если развал Советского Союза стал «величайшей геополитической трагедией» XX в., то БРИКС, наоборот, представляет собой «*одно из наиболее значимых геополитических событий начала нового столетия*» и «*отражает объективную тенденцию мирового развития к формированию полицентричной системы международных отношений и усилению экономической взаимозависимости государств*»[12].

Взаимодействие стран БРИКС в сфере мира и безопасности

Исходная идея, лежащая в основе саммитов БРИКС, выросла из необходимости координации позиций стран БРИК (ЮАР присоединилась к группе в 2011 г.) в рамках «Большой двадцатки» по вопросам реакции на мировой финансовый и экономический кризис. Даже несмотря на то, что БРИКС никогда не позиционировали себя как политический блок и уж тем более как альянс, направленный на обеспечение безопасности, сотрудничество между странами «пятерки» по экономическим и финансовым вопросам довольно быстро переросло в обсуждение довольно широкого спектра политических и глобальных проблем. Подобное взаимодействие имело место как в формате БРИКС, так и в рамках иных многосторонних платформ типа «Группы двадцати», ООН и т.п.

Трансформация БРИКС из форума или механизма неформального сотрудничества лидеров пяти стран в четко оформленную организацию едва ли будет быстрой. Основная причина этого заключается в том, что внутреннее экономическое развитие каждой из стран БРИКС (на данный момент, вероятно, за исключением России, которая делает очень высокие политические ставки в период экономических трудностей и неопределенностей, частично вызванных структурными ошибками двух прошлых десятилетий, а частично – враждебным давлением извне) приоритетнее политической повестки. При этом, однако, всего за семь лет БРИКС превратилась в полноценную

[11] Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 февраля 2013 г. Режим доступа: http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f!OpenDocument (дата обращения: 25.03.2015).

[12] Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС. 9 февраля 2013 г. Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/D23D45D62C00F78E44257B35002ACD50 (дата обращения: 25.03.2015).

платформу взаимодействия по вопросам глобального управления, в рамках которой наряду с традиционными экономическими и финансовыми, а также глобальными, социальными, гуманитарными и культурными вопросами все активнее рассматриваются проблемы политики и безопасности. В настоящее время в повестку дня БРИКС включены все наиболее острые проблемы политической безопасности – от традиционных угроз в сфере управления конфликтами и их предотвращения, тенденций к односторонним действиям, отказа от многостороннего подхода и универсальной роли ООН и замены международного права национальным законодательством для борьбы с терроризмом, противостояния незаконному обороту наркотиков, международной преступности, морской безопасности и пиратства, а также новых вызовов, связанных с вепонизацией космоса, киберпреступлениями и управлением Интернетом. По всем этим проблемам – а приведенный выше список является далеко не исчерпывающим – страны БРИКС демонстрируют различную степень единодушия. Поскольку объем данной статьи ограничен, мы вкратце рассмотрим лишь несколько вопросов, которые, правда, совсем не обязательно являются наиболее важными или получающими наиболее широкое одобрение со стороны пяти стран.

Глобальное управление

О реформе Совбеза ООН мы уже кратко упоминали выше. Две страны БРИКС являются постоянными членами этого органа, тогда как остальные три стремятся найти способ быть представленными в нем на постоянной основе. Россия на протяжении многих лет настаивала на том, что основной целью Совбеза должно стать повышение эффективности и усиление представительности для того, чтобы принять во внимание изменившиеся международные условия, а также «*адекватно и быстро реагировать на возникающие кризисы и проблемы*»[13]. При этом, принимая во внимание тот факт, что ни одна из моделей рассматриваемой реформы не получает поддержки подавляющего большинства, Москва пыталась занять очень осторожную позицию, указывая на неэффективность радикального продвижения какой-либо одной идеи, поскольку это должно «*неизбежно поляризовать Генеральную Ассамблею*», и на то, что вместо этого нужно продолжать «*кропотливую работу по сближению позиций без навязывания искусственных сроков*»[14]. Недавние события показывают, что Россия все больше склоняется к необходимости включения новых кандидатов в постоянные члены Совбеза, прежде всего – своих партнеров по БРИКС.

На протяжении некоторого времени Индия и Бразилия вместе с Германией и Японией входили в состав так называемой «Большой четверки». Однако сдвиги в политических связях и схемах сотрудничества привели к тому, что вперед в рассматриваемой гонке может вырваться другая группа – три страны БРИКС. Проведению анализируемой реформы препятствует то, что разные стороны видят ее конечный результат совсем по-разному, несмотря на общее согласие по поводу ее необходимости как таковой. До настоящего времени страны БРИКС не осмеливались заходить дальше регулярных заявлений о «*необходимости проведения всесторонней реформы ООН, включая Совет Безопасности*» и о той важности, которую Китай и Россия придают международному статусу остальных трех стран. При этом драматизм данной ситуации коренится в весьма

[13] О позиции России на 66-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Министерство иностранных дел РФ, 2011 г. Режим доступа: http://www.mid.ru/bdomp/ns-dmo.nsf/66d11ad1c1bc0a7bc32576790039c04a/b1d0994f63c95f86c32578ce0039986b!OpenDocument (дата обращения: 25.03.2015).

[14] Там же.

ограниченных возможностях БРИКС. Конечно, с течением времени все больше людей понимают, что вхождение всех пяти стран в состав Совета Безопасности будет весьма положительным достижением, и члены БРИКС совместными усилиями действительно могут заложить первый камень в фундамент будущей реформы, но завершить строительство этого здания им не под силу. Наглядным примером этого является тупиковая ситуация, сложившаяся вокруг реформы МВФ, число противников которой гораздо меньше, чем изменения состава Совбеза ООН.

До определенной степени разницу во взглядах пяти стран демонстрирует реформа глобального управления и подходы к ней. В то время как на мировой арене стремления Бразилии, Индии и ЮАР в основном ограничиваются повышением своего статуса в рамках ООН, прочие проблемы, с которыми они имеют дело, в основном имеют лишь региональное значение (возможно, за исключением режима нераспространения ядерного оружия для Индии, являющейся неофициальным членом клуба ядерных держав). При этом будет вполне справедливым сказать, что самым «региональным» государством из упомянутых выше трех стран является Южная Африка. Для ЮАР БРИКС представляет собой «возможность позиционировать себя как экономического лидера на африканском континенте и извлекать выгоду из своей связи с престижным клубом активно развивающихся держав» [Wasserman, 2015], а вовсе не шанс расширить свою вовлеченность в систему глобального управления.

Чтобы продемонстрировать стремление остальных держав к повышению своей глобальной роли и ответственности, мы можем вспомнить об активной международной позиции Бразилии и Турции в 2009 г. на переговорах по иранской проблеме, а также об их провале из-за того, что западные державы отвергли инициативу, выдвинутую развивающимися странами. По словам непосредственного участника рассматриваемых переговоров, «санкции против Ирана были введены Советом Безопасности в тот же самый день, когда так называемая Венская группа представила МАГАТЭ свои замечания по Тегеранской декларации, и соответственно у Ирана просто не оказалось времени для ответа»[15]. Некоторые эксперты также усматривают проявление глобальных устремлений Бразилии в том, что эта страна председательствовала на проходившей в 2005 г. Обзорной конференции по выполнению Договора о нераспространении ядерного оружия, а также участвовала в попытках повторного введения «тринадцати шагов к разоружению» в 2010 г., а также в ее деятельности по восстановлению мира на Восточном Тиморе [Amorim, 2010; Kwang Ho Chun, 2013]. При этом внешняя политика Бразилии, конечно, в значительной степени направлена и на решение региональных вопросов. Так, например, когда эта страна председательствовала в БРИКС, ее представители немало говорили о распространении деятельности группы на Латинскую Америку. Кроме того, Бразилия является основной движущей силой Союза южноамериканских наций (UNASUR). При этом, в отличие от Китая и России, она вовсе не заинтересована в выработке новых формулировок и политических правил международных отношений, за исключением упомянутого выше включения в состав Совбеза ООН с повышением статуса для будущих новых членов.

Что касается Индии, то, по мнению некоторых экспертов, ее внешняя политика остается «сбивчивой и довольно неопределенной». При этом индийское правительство, конечно, в основном ориентировано на внутренние проблемы, но в то же время осознает, что экономическое развитие невозможно без более активного взаимодействия с другими странами [Kwang Ho Chun, 2013]. Наконец, если говорить о Китае и России – их амбиции распространяются на множество глобальных проблем и в основном

[15] Подробнее о бразильско-турецкой инициативе и ее результатах см. [Amorim, 2010].

именно на них и сориентированы. Все это в свою очередь предполагает не расхождение интересов отдельных стран БРИКС, а, скорее, характерный для некоторых ее членов недостаток интереса к всестороннему обсуждению определенных проблем глобального характера или же различия при определении приоритетных тем для переговоров внутри группы[16].

Правительства стран БРИКС (и Россия здесь не исключение), как правило, признают, что для группы жизненно важно рассматривать на своих встречах прежде всего различные идеи консенсуального характера. Все страны знают «красные линии» друг друга, которые нельзя пересекать. Даже если одна из пяти стран выскажет мнение, отличное от мнения остальных, на нее не будет оказано давление, чтобы не ослабить всю группу. Впрочем, это не означает, что между членами «пятерки» не может быть разногласий. Все страны нередко демонстрируют разные интересы и несовместимые подходы, однако это вовсе не препятствует поиску взаимного согласия. И наоборот, исследование расхождений – вопреки надеждам многих западных аналитиков – приводит к более глубокому взаимопониманию и позволяет найти еще больше точек соприкосновения.

«Горячие точки»

Конечно, сотрудничество в рамках ООН и по вопросу о ее реформе далеко не всегда демонстрирует полное совпадение взглядов пяти стран, однако, несмотря на это, многие политические обозреватели, а также сами политики признают, что присутствие всех пяти стран БРИКС на заседаниях Совета Безопасности ООН в 2011 г. весьма существенно поспособствовало диалогу между членами группы по вопросам мира и безопасности. Эти моменты рассматриваются членами группы как прочная основа для их спокойного и успешного развития в предсказуемом и безопасном мире. Группа БРИКС не считает себя политическим и тем более военным блоком, однако со временем она стала играть все более значительную политическую роль. Если на первом саммите БРИКС упоминалась лишь одна проблема, связанная с политикой и международной безопасностью (борьба с терроризмом), а на втором к ней добавилось обсуждение проблемы Гаити, то в Форталезской декларации уже говорится практически обо всех «горячих точках» всех регионов современного мира, вне зависимости от того, насколько они удалены от стран БРИКС в географическом или политическом плане.

Клуб развивающихся стран координировал свои позиции в начале кризисов в Ливии и Сирии, а также выступил единым фронтом при принятии решения о переносе голосования по роли ООН и Генеральной Ассамблеи, а также при рассмотрении вопросов о Кот-д'Ивуаре и Судане.

Что касается Ливии, то четыре страны БРИК вместе с Германией воздержались при голосовании по вопросу о принятии Резолюции № 1973 о бесполетной зоне (2011 г.). ЮАР изменила свою позицию по рассматриваемому вопросу в связи со своим вступлением в клуб БРИКС в том же году. После саммита БРИКС в Санье (Китай) в 2011 г. тогдашний президент России Д.А. Медведев вновь заявил о поддержке общей позиции относительно исключительного использования политических и дипломатических средств, а также поблагодарил южноафриканского президента Дж. Зуму за уси-

[16] Данный вывод также основан на личном опыте автора, который активно участвует в обсуждении «второго направления дипломатии» с экспертами и учеными пяти стран с 2011 г.

лия, предпринятые им в качестве главы посреднической миссии Африканского союза в ходе рассматриваемого конфликта[17].

В случае с Сирией, даже несмотря на расхождения в процессе голосования в Совбезе по предложенной странами Запада Резолюции в феврале 2012 г. (против нее выступили только две страны из 15 – Россия и Китай, выдвинувшие иной проект, исключавший угрозы интервенции и обеспечивавший участие всех политических сил в процессе переговоров), по существу позиция всех членов БРИКС совпала по основным параметрам. Ключевым моментом в подходе БРИКС к решению вопроса о Сирии было стремление к участию в переговорном процессе всех политических сил. Кроме того, страны «пятерки» выступили за то, чтобы призвать к прекращению насилия все стороны конфликта, а не только президента Асада. При этом все члены БРИКС выразили твердую уверенность в том, что процессом политического урегулирования должны руководить сами сирийцы, а иностранное вмешательство допускать ни в коем случае нельзя. Частично именно общей позиции БРИКС обязана своим успехом инициатива В.В. Путина относительно международного надзора за уничтожением химического оружия в Сирии, которая помогла предотвратить иностранную интервенцию в эту страну. Политики, отстаивавшие необходимость военного вмешательства, при этом столкнулись не только с позицией России, но и с общественным мнением в своих государствах, а также с твердой приверженностью разрешению конфликта дипломатическим путем со стороны ключевых развивающихся стран, чью точку зрения уже было сложно игнорировать.

Помимо вышесказанного, все пять стран БРИКС сумели сформулировать общий подход к урегулированию кризиса на Украине, надо сказать, к большому разочарованию наших западных партнеров. Хотя единственной страной БРИКС, чьи официальные лица не побоялись выступить с открытой поддержкой России, стала Индия, осторожная реакция остальных членов группы тоже вполне понятна. Например, у Китая есть внутренние (Синцзян-Уйгурский район) и внешние (Южно- и Восточно-Китайское море) проблемы в сфере безопасности, благодаря которым этой стране безопаснее всего отстаивать необходимость в рассмотрении истории вопроса перед тем, как высказывать какие-либо суждения или вырабатывать решения, вместо того чтобы оказывать явную поддержку какой-либо из сторон. Подобный подход был очень хорошо заметен, когда все четыре страны воздержались от голосования при принятии резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по Крыму в марте 2014 г. При этом, однако, вновь вразрез с надеждами стран Запада, никто из членов БРИКС не попытался провозгласить Россию страной, недостойной принимать участие в международной политике вообще или в урегулировании рассматриваемого конфликта, все они активно высказались против заявлений представителей австралийских властей по возможностям проведения саммита «двадцатки» в 2014 г. без российского президента. Более того, на проходившем в Китае накануне «двадцатки» саммите форума АТЭС принимающая сторона всячески демонстрировала отношение к российскому лидеру как к приоритетному и почетному участнику встречи. В Форталезской декларации БРИКС все страны «пятерки» призвали «*к широкому диалогу, деэскалации конфликта и проявлению сдержанности всеми его участниками в целях нахождения мирного политического решения в полном соответствии с Уставом ООН и общепризнанными правами человека и основными свободами*», что,

[17] Несколько позднее, в январе 2012 г., Дж. Зума выступил от лица Африканского союза с заявлением, в котором говорилось, что НАТО серьезно нарушила Резолюцию Совбеза ООН № 1973 и должна понести за это ответственность.

по сути дела, отражает основные моменты российской позиции по украинскому вопросу[18].

Терроризм

Борьба с терроризмом – первая проблема, связанная с политической безопасностью, которая была включена в повестку дня БРИКС. Более того, этот вопрос упоминается уже в документах первого саммита БРИК в Екатеринбурге, на котором лидеры четырех стран осудили «терроризм во всех его формах и проявлениях» и особо подчеркнули, что террористическим актам не может быть никакого оправдания, а также призвали к срочному принятию проекта Всеобъемлющей конвенции по международному терроризму, представленного на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН[19].

Второй саммит БРИК в Бразилиа (Бразилия) был осложнен тем фактом, что от террористических атак пострадали сразу два члена блока – Россия (серия терактов в марте 2010 г. – на станциях московского метро «Лубянка» и «Парк культуры» и двумя днями позже – в Кизляре, а затем, в начале апреля, в Дагестане и Ингушетии) и Индия (серия терактов в феврале 2010 г. в Пуне и ряд трагедий в Кашмире в марте и апреле). Это побудило Бразилию и Китай «выразить сочувствие и солидарность» с народом и правительствами этих стран.

Любопытно, что в следующем году страны БРИКС (ЮАР на тот момент уже входила в состав группы) добавили в раздел, относящийся к противостоянию международному терроризму, новый пункт. Текст заявления остался таким же, как и прежде, но при этом в нем появилось упоминание о важности международной информационной безопасности и о необходимости противостоять киберпреступности[20]. В общем и целом внимание БРИКС к проблеме терроризма было постоянным, но довольно поверхностным. Каждый год лидеры группы повторяли одну и ту же мантру, обвиняя террористов и не находя их действиям никакого оправдания, но при этом практически не предлагали собственных идей или инициатив, направленных на решение рассматриваемой проблемы, предпочитая оставлять ее на рассмотрение ООН[21]. В ходе последнего на данный момент саммита БРИКС в Форталезе «пятерка» вновь выразила серьезную озабоченность данной проблемой и призвала обратить основное внимание на конфликт в Сирии, который является лидером по количеству террористических атак.

Хотя у нас нет практически никаких сомнений в том, что опасность терроризма для разных стран БРИКС является совершенно различной, столь же верно и то, что данная проблема постепенно приобретает все более широкий характер[22]. Так, в 2013 г.

---

[18] Форталезская декларация (принята по итогам шестого саммита БРИКС). Форталеза, Бразилия, 15 июля 2014 г. Режим доступа: http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d4f1dd6741763252a8.pdf (дата обращения: 25.03.2015).

[19] Совместное заявление лидеров стран БРИК. 1-й саммит БРИК, 16 июня 2009 г., Екатеринбург.

[20] Саньянская декларация. 3-й саммит БРИКС, 14 апреля 2011 г., Санья, Китай.

[21] Так, единственным новшеством, появившимся на Дурбанском саммите, было выражение поддержки «реализации Глобальной контртеррористической стратегии Генеральной Ассамблеи ООН». В остальном же текст декларации вновь остался неизменным.

[22] Помимо рассмотрения проблемы терроризма как такового, члены БРИКС высказывают критику в адрес «двойных стандартов» при истолковании «причин» террористической активности. Например, хотя Китай полностью осудил теракт в редакции газеты Charlie Hebdo, он призвал своих западных коллег воздерживаться от лицемерия и двойных стандартов. Так, китайское издание Global Times опубликовало статью, в которой говорилось, что «осуждение странами Запада террористических атак в России и Китае никогда не было таким активным, как быстрая и единая реакция на напа-

количество стран, в которых в результате терактов погибло более 50 человек, достигло рекордной отметки с начала столетия (24 из 162 государств, где проводились соответствующие исследования)[23]. Если еще недавно ЮАР и Бразилия рассматривались как страны с нулевым количеством террористических актов (111-е и 116-е место из 156 стран) и были серьезно обследованы на предмет наличия территорий, на которых могла осуществляться подготовка террористов[24], в прошлом году позиции этих стран в данном печальном рейтинге несколько повысились. На данный момент, согласно Глобальному индексу терроризма, по количеству людей, погибших и пострадавших от терактов, Индия занимает 6-е место, Россия – 11-е, Китай – 25-е, ЮАР – 28-е и Бразилия – 72-е)[25].

При этом по-прежнему никто не спорит с тем, что «пояс» нестабильности и терроризма представляет собой наибольшую проблему для трех стран БРИКС, и именно поэтому данные вопросы с большей вероятностью координации усилий и практических шагов обсуждаются ими в формате других международных групп, членами которых являются Россия, Индия и Китай, – например, РИК и ШОС.

Так, Шанхайская организация сотрудничества уже в 2001 г. – т.е. тогда же, когда была опубликована Декларация о ее создании, – подписала Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, которая может рассматриваться как один из ее учредительных документов. В этой конвенции задача борьбы с упомянутыми угрозами выступает как одна из основных задач ШОС. Для ее выполнения лидеры ШОС приняли решение о создании постоянного органа – Региональной антитеррористической структуры (РАТС), обеспечивающей регулярное сотрудничество между соответствующими инстанциями. В рассматриваемом отношении 2012 г. заслуживает особого внимания, поскольку именно тогда была принята Программа сотрудничества между государствами – членами ШОС в сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2013–2015 гг., в которой предусматриваются определенные способы повышения эффективности данного сотрудничества.

При этом следует упомянуть, что саммит ШОС должен пройти в Уфе сразу же после саммита БРИКС и, судя по всему, некоторым образом повторит екатеринбургский опыт 2009 г. Единственным отличием будет лишь то, что Индия в этом году, вероятно, повысит свой статус и из наблюдателя превратится в полноценного члена ШОС.

В то время как в состав ШОС входят и страны Средней Азии, формат РИК сужен только до крупнейших государств Евразии. На последней на данный момент встрече на уровне министров иностранных дел три страны подтвердили свое стремление к более тесному сотрудничеству во всех соответствующих сферах. После ухода США и их союзников из Афганистана ситуация в регионе стала обостряться, и активизация сотрудничества между членами РИК на данный момент является жизненно важной для их

дение на редакцию газеты *Charlie Hebdo* во Франции» и что «даже после того, как Китай официально признал террористический характер этих кровавых событий, западные СМИ все равно продолжают закавычивать слово “террористические” при их описании, ссылаясь на то, что именно на этом якобы настаивает китайское правительство». См.: Chinese Media Slams the Wests Hypocrisy in ChirlieHebdo Reaction // The BRICS Post. 9 January, 2015. Режим доступа: http://thebricspost.com/chinese-media-slams-the-wests-hypocrisy-in-charliehebdo-reaction/#.VNezSZ2sX9v (дата обращения: 25.03.2015).

[23] Global terrorism index, 2014. Figure 4, p. 14. Режим доступа: http://www.visionofhumanity.org/sites/default/files/Global%20Terrorism%20Index%20Report%202014.pdf (дата обращения: 25.03.2015).

[24] Более подробно о дискуссиях по поводу разделения стран БРИКС на жертв терроризма и его «спонсоров» см.: [Старчак, 2014].

[25] Global terrorism index, 2014. Figure 4, p. 14. Режим доступа: http://www.visionofhumanity.org/sites/default/files/Global%20Terrorism%20Index%20Report%202014.pdf (дата обращения: 25.03.2015).

национальной безопасности – особенно после того, как в этой стране прошли выборы [Лавров, 2015].

Вполне естественно, что в рамках таких форматов, как ШОС и РИК, проблема борьбы с терроризмом будет обсуждаться с большей степенью эффективности, но БРИКС тоже не следует сбрасывать со счетов в этом отношении. Террористическая активность затрагивает страны «пятерки» очень по-разному, в большей степени от нее страдают Россия, Индия и Китай. При этом, однако, за те годы, что прошли с начала нового века, всем стало ясно, что от терроризма нельзя отгородиться стеной, он проникает через границы, растекается по разным странам мира, в том числе и достаточно удаленным от «горячих точек» – более никто не застрахован от атак со стороны международного терроризма. Процесс глобализации не только приводит к позитивным изменениям, но равным образом может принести и определенный вред. Это очень хорошо демонстрирует общее увеличение количества и жестокости терактов в ЮАР и Бразилии, которые за последнее время довольно значительно поднялись в Глобальном индексе терроризма. Еще один фактор, который следует принять во внимание, – это то, что страны, желающие играть более значительную роль в международных отношениях, должны быть готовы нести и бо́льшую ответственность – в частности, в плане борьбы с глобальными угрозами.

Управление Интернетом и кибербезопасность

Управление Интернетом и кибербезопасность представляют собой новейшие проблемы политической безопасности, которые, правда, уже весьма активно и эффективно обсуждаются в рамках БРИКС. Действительно, хотя страны «пятерки» БРИКС демонстрируют самые высокие темпы роста количества интернет-пользователей, они пока в основном играют пассивную роль в сфере глобального управления Интернетом. На данный момент в государствах БРИКС в общей сложности проживает 37,73% всех интернет-пользователей мира[26]. При этом данные страны имеют весьма существенный потенциал для дальнейшего роста данной категории в геометрической прогрессии. Для сравнения – в Индии Интернетом охвачено 19,9% граждан, тогда как общая численность ее населения составляет почти 1,3 млрд человек, а в США распространение Интернета составляет 86,75%, однако население этой страны в 4 раза меньше[27]. Хотя остальные члены БРИКС демонстрируют намного более высокие показатели, чем Индия (от 46,03% в Китае до 59,27% в России), их потенциал тоже остается весьма значительным. По словам ведущего российского эксперта в рассматриваемой сфере – президента ПИР-Центра В. Орлова, «общий вклад интернет-сектора в экономику БРИКС в 2013 г. превысил 500 млрд долл., а к 2015 г., согласно имеющимся прогнозам, он должен увеличиться еще в 2 раза. В ближайшем будущем страны БРИКС будут представлять собой самую многочисленную и активную часть “цифрового общества” XXI в.» [Orlov, 2014].

Россия и Китай, к которым после откровений Э. Сноудена присоединилась и Бразилия, выступают за радикальную реформу существующей системы управления Интернетом. Конечно, дискуссии по рассматриваемому вопросу начались раньше, но многие

[26] Расчеты произведены автором статьи на основании информации, приведенной на сайте: Internet Users by Country (2014) // Internet Live Stats. Режим доступа: http://www.internetlivestats.com/internet-users-by-country/ (дата обращения: 25.03.2015).

[27] Средний показатель распространения Интернета в мире в 2014 г. составлял 42,3%. Подробнее см.: World Internet Users and 2014 Population Stats // World Internet Stats. Режим доступа: http://www.internetworldstats.com/stats.htm (дата обращения: 25.03.2015).

эксперты рассматривают международную конференцию по телекоммуникациям, прошедшую в 2012 г. в Дубае под эгидой МСЭ (Международного союза электросвязи), как начало «цифровой холодной войны», поскольку на данном мероприятии коалиция, в состав которой в общей сложности вошли 89 стран (в том числе Китай, Россия, Иран, государства Персидского залива), предложила и приняла обновленный реестр международных телекоммуникаций, который включал определение «Интернет», понятие суверенитета над Интернетом и информационным пространством, требование расширения роли МСЭ в управлении Интернетом по сравнению с частной американской корпорацией ICANN. США же, а также другие англосаксонские страны и европейские государства (в общей сложности – 55 стран), выступили против нового реестра и представили соответствующие расхождения во взглядах как борьбу между свободой слова и цензурой[28]. Индия и еще несколько стран предпочли воздержаться и не присоединились ни к одной из коалиций[29].

Даже несмотря на то, что у стран БРИКС нет единой позиции по всем аспектам управления Интернетом и подходам к обеспечению кибербезопасности, все члены «пятерки» однозначно озабочены собственной информационной безопасностью. На саммите в Дурбане лидеры БРИКС вновь заявили о том, что признают «исключительно важную позитивную роль, которую играет Интернет в мире в плане содействия экономическому, социальному и культурному развитию». При этом они четко высказались по поводу того, что считают «важным вносить вклад и участвовать в мирном, безопасном и открытом киберпространстве» и подчеркнули, что «безопасность при использовании информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) с применением универсально признанных норм, стандартов и практик имеет первостепенную важность»[30]. Двумя годами ранее было решено, что БРИКС должна начать реализацию проекта по соединению всех пяти стран, а также ряда других государств трансконтинентальными оптоволоконными кабельными линиями – для повышения интернет-безопасности и диверсификации глобальной сети. Эта идея выглядела весьма желанной и многообещающей. Использование кабеля планировалось уже в 2015 г., однако, к нашему разочарованию, работы по проекту так и не начались, что, к сожалению, в некоторой степени подрывает веру в прочные основания БРИКС.

На последнем на данный момент саммите БРИКС в Форталезе лидеры «пятерки» не особенно останавливались на вопросе о реализации предшествующих обязательств, однако все же довольно широко обсуждали проблемы управления Интернетом и кибербезопасности. При этом была особо подчеркнута важность выработки «универсального и имеющего обязательную юридическую силу международно-правового документа» в области ИКТ под руководством ООН. Кроме того, лидеры БРИКС выразили абсолютное согласие «с тем, что необходимо сохранять ИКТ, и в частности Интернет, как инструмент мира и развития и не допускать их использования в качестве оружия». Для дальнейших совместных усилий в данном направлении было принято решение о «создании группы экспертов стран БРИКС, которая будет заниматься выра-

[28] Детальный анализ ситуации приведен в: Демидов О.В. Международная безопасность в области использования ИКТ // Кибербезопасность и управление Интернетом / под ред. М. Касенова. М.: Статут, 2013. С. 77–79. Режим доступа: http://pircenter.org/media/content/files/12/13969745490.pdf (дата обращения: 25.03.2015).

[29] Не исключено, что Индия решила занять очень удобную «нейтральную» позицию, поскольку на нее и так уже постоянно указывали как на главного нарушителя спокойствия и единственную страну, сорвавшую недавние переговоры с ВТО, что затрагивало ее интересы гораздо больше, чем рассматриваемая сфера.

[30] Этеквинская декларация. 5-й саммит БРИКС. 27 марта 2013. г. Дурбан, ЮАР.

боткой практических предложений, касающихся основных областей сотрудничества, и будет координировать наши позиции на международных форумах». Россия также предложила совместно выработать в рамках БРИКС соглашение о сотрудничестве в области управления Интернетом и кибербезопасности, с чем согласились и остальные четыре страны. Хотя на саммите БРИКС в Форталезе упоминалась конференция NETMundial, проведенная в апреле 2014 г. в Сан-Паулу в Бразилии, и была отмечена ее блестящая организация, итоговые документы данного мероприятия в Форталезской декларации не цитируются по причине несогласия России с некоторыми из позиций, которые в них изложены[31], а как мы помним, БРИКС представляет собой механизм, основанный на консенсусе, и члены этой группы стараются не оказывать давления друг на друга.

Нераспространение ядерного оружия

Проблема ядерного разоружения еще более многослойна, чем проблема реформирования Совбеза ООН и демонстрирует различия не только между «богатыми» и «бедными», но и между «официальными членами ядерного клуба» и «незаконными обладателями», между теми, кто обладает потенциалом к гарантированному уничтожению, и теми, чья ядерная мощь не так велика, и т.д.

Позиция России как страны, подписавшей Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), предполагает признание конечной целью полное избавление планеты от ядерных вооружений. Эту же позицию активно продвигает Бразилия, а также ЮАР, которая в 1989 г. добровольно отказалась от обладания ядерным оружием, хотя до этого владела ядерными устройствами на протяжении десяти лет, но в 1991 г. присоединилась к ДНЯО в качестве неядерного государства. Подписав в апреле 2010 г. двусторонний договор СНВ-III с США, Россия сделала еще один шаг по направлению к вышеупомянутой цели, однако дальнейшему сокращению ядерных вооружений воспрепятствовало нежелание прочих «официальных членов ядерного клуба» присоединиться к переговорам, в то время как «неофициальные члены», согласно весьма распространенной точке зрения, должны присоединяться к ДНЯО как неядерные государства. Кроме того, очень важно, что Россия не желает уничтожать свой ядерный потенциал на односторонней основе и все еще полагается на него как на средство сдерживания. Данный подход сохраняет силу и в ходе нынешнего усиления конфронтации со странами Запада, когда ядерное оружие рассматривается как гарантия защиты национального суверенитета от возможных посягательств со стороны противников.

Поскольку существующий режим нераспространения вызывает много вопросов, а все страны БРИКС имеют различные подходы к этой проблеме, данный вопрос вновь рассматривается на основании принципа «непересечения красных линий». Так, Россия предпочитает сосредотачиваться (внутри группы или на двустороннем уровне) на более мелких, но в то же время очень важных аспектах, в которых можно нащупать точки соприкосновения – сюда относится, к примеру, вопрос о ядерной безопасности, инициирование переговоров по поводу подписания Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия на конференции в Женеве или совместное российско-китайское предложение по поводу заключения договора о за-

[31] Страны БРИКС признали центральную роль международного права в использовании Интернета в борьбе с киберпреступлениями. Редакционная статья Экспертного центра электронного государства. 16 июля 2014 г. Режим доступа: http://d-russia.ru/strany-briks-priznali-centralnuyu-rol-mezhdunarodnogo-prava-v-ispolzovanii-interneta-i-borbe-s-kiberprestupleniyami.html (дата обращения: 25.03.2015).

прете на размещение оружия в космосе [Ульянов, 2012]. При этом все страны БРИКС активно сотрудничали друг с другом в рамках ООН в деле продвижения данной инициативы, выступая с единой позиции, предполагающей неприменение силовых методов в отношении космических объектов [Медведев, 2010].

Перспективы БРИКС

БРИКС уже не считается молодым объединением. Определенные черты упадка и поверхностности, которые некоторые аналитики усматривают в заявлениях последних саммитов пяти стран, скорее указывают на то, что рассматриваемый блок вступил в пору взросления. Мы больше не должны рассматривать БРИКС как «младенца» в сфере глобального управления – это уже не новичок в международных делах, не знающий правил игры или не способный повлиять на них, а также не имеющий возможностей заявить претензии на обладание собственными легитимными интересами. Группа БРИКС уже прошла первый цикл встреч и не только успешно пережила «период наладки», но и сумела весьма существенно углубить взаимодействие на всех уровнях правительственного и неправительственного сотрудничества, что позволило создать довольно солидную «матрицу» для диалога.

Группа БРИКС зарекомендовала себя как структурный элемент и прочное основание меняющейся архитектуры нашего мира. За свою пока недолгую жизнь она сумела достичь очень многого и стала вызывать у западных политиков и экспертов, а также у своей собственной общественности уже не пренебрежение и покровительственную иронию, а неохотное признание и осторожную похвалу. Кроме того, группа постепенно превращается из объединения государств-недополучателей, лишенных желанного высокого статуса, в орган с общими интересами и взглядами на широкий спектр экономических и политических проблем. При этом мы не должны недооценивать расхождения и нередко весьма различные цели рассматриваемых стран на международном уровне, и нам еще не совсем ясно, эволюционирует ли БРИКС в прочный и единый механизм сотрудничества. При этом результаты, достигнутые на данный момент в рамках других многосторонних институтов, в дву-/пятисторонних форматах, а также устоявшаяся широкая структура встреч лидеров, министров, должностных лиц, экспертов, бизнесменов, представителей гражданского общества и молодежи, позволяют делать довольно оптимистические прогнозы относительно дальнейшего развития БРИКС в качестве важного или, по крайней мере, созидательного фактора мировой политики.

Автор сохранила приверженность тезису относительно того, что наименее важная возможная роль БРИКС может состоять в том, что объединение послужит своеобразным «бульдозером», ломающим дефективную экономическую и финансовую систему, у руля которой стоит лишь несколько одряхлевших держав. «Пятерка» уже принесла с собой этот «ветер перемен», и этот процесс необратим, хотя пока еще не совсем ясно, насколько длительным, болезненным и катастрофическим он будет. Нежелание ведущих стран Запада идти навстречу переменам и их попытки обратить ход истории вспять дают больше оснований к озабоченности относительно мирного и безболезненного перехода к справедливому и инклюзивному миропорядку.

Впрочем, это не означает, что странам «пятерки» следует подчиниться и забыть о наличии собственных легитимных интересов в рамках существующего миропорядка. Ключом к успеху реформ, несомненно, являются продолжающиеся совместные действия всех членов БРИКС. Мы уже стали свидетелями рождения первых институтов БРИКС – например, Нового банка развития и Пула условных валютных резервов.

Страны «золотого миллиарда» тоже постепенно начинают признавать успехи и дальнейшее сближение государств БРИКС, а также их привлекательность для других развивающихся стран. Недавние международные кризисы и шумиха вокруг некоторых членов «пятерки», а также попытки разделить их, предлагая некоторым из них определенные преимущества, а других наказывая в одностороннем порядке (что, конечно, неправомерно), все это хорошо демонстрируют. Объединение БРИКС является видимым и перспективным элементом современной международной системы. Более того, БРИКС представляет собой весьма привлекательную альтернативу для большей части стран мира, а также реальный центр власти, очень быстро приближающийся к своей цели, которая заключается в том, чтобы не только подчиняться правилам существующего глобального порядка, но и участвовать в их формулировке. Это, в свою очередь, позволяет надеяться на условно благоприятный вариант развития событий, предполагающий истинное сближение и согласованность действий по жизненно важным международным вопросам, характерные для пяти стран, которые при этом будут выступать в качестве своеобразного ядра, притягивающего другие государства своим авторитетом и несиловыми методами, и успешно вести их к построению более справедливого и демократичного мира путем эволюции и консенсуса, а не хаоса и революции.

Таким образом, российская инициатива оказалась довольно удачной и не только пошла на благо мировой политике в целом и развивающимся странам в частности, но и привела к определенным изменениям в ментальности жителей самой России, которые веками считали своим единственным достойным партнером и/или соперником Европу, а затем – страны евроатлантического региона. Реальная диверсификация и реальное налаживание дружеских отношений с другими цивилизациями, культурами и континентами должны в конечном итоге весьма существенно повысить политические и экономические показатели России и помогут осознать историческую и культурную самобытность страны, а также способны привести к положительным внутриполитическим сдвигам.

Как мы знаем, этот год важен для России не только в связи с председательством в «пятерке», но в большей степени по причине серьезнейших проблем, с которыми она столкнулась на внутренней и международной арене – в экономической и политической сферах соответственно. Председательство в БРИКС дает России прекрасную возможность заручиться поддержкой своих партнеров в трудные времена, а также показать себя надежным партнером и ответственным глобальным игроком. Если вспомнить председательство Бразилии в рассматриваемом клубе, то Д. Русеф приложила огромные усилия, направленные на достижение группой успеха и прогресса по наиболее важным вопросам. В частности, создание Нового банка развития является ее личным успехом, а также несомненным достижением бразильской команды, работавшей над сложной схемой переговоров и пытавшейся примирить очень разные подходы и интересы сторон. Успех же России можно будет впоследствии оценить по тому, сможет ли она обеспечить дальнейшую институционализацию группы (конечно, мы говорим не о ее превращении в официальную организацию, а, скорее, об углублении и расширении существующих связей внутри БРИКС) и получить молчаливое одобрение других членов в процессе превращения объединения в полноценный механизм международной политико-экономической координации и взаимодействия. Для достижения этой цели необходимо уделить значительное внимание проблемам безопасности, международного права и реформы глобального управления, поскольку это позволит БРИКС претендовать на то, чтобы их позиция принималась во внимание во всех разрезах международной политики. БРИКС в качестве серьезного игрока необходим большинству

развивающихся стран, недовольных безраздельным доминированием «золотого миллиарда», чтобы увидеть свет в конце туннеля. «Пятерка» должна продемонстрировать им возможность мирных изменений, что возлагает на нее дополнительное бремя – не просто встречаться и улыбаться для общих фотографий, а достигать реальных результатов, причем не время от времени, а на регулярной основе, на каждой из встреч.

Литература

Лавров С. (2015) Позиции России, Индии и Китая совпадают по взаимодействию в современных условиях // ИТАР-ТАСС – Информационное агентство России. 2 февраля. Режим доступа: http://itar-tass.com/politika/1738861 (дата обращения: 25.03.2015).

Мартынов Б. (2009) Многополярный или многоцивилизационный мир? // Международные процессы. № 3 (21). Режим доступа: http://www.intertrends.ru/twenty-first/014.htm (дата обращения: 25.03.2015).

Медведев Д. (2010) Страны БРИК: общие цели – общие действия. 13 апреля. Режим доступа: http://kremlin.ru/news/7443 (дата обращения: 25.03.2015).

Панова В.В. (2013a) БРИКС: проблемы взаимодействия и потенциал сотрудничества // Обозреватель. № 1 (276).

Панова В.В. (2013b) БРИКС: место России в Группе, видение и практические результаты, совместная деятельность «пятерки» в многосторонних институтах // Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты / под. ред. В. Никонова, Г. Толорая. М.: РУДН.

Путин В.В. (2012) Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27 февраля. Режим доступа: http://mn.ru/politics/20120227/312306749.html (дата обращения: 25.03.2015).

Старчак М.В. (2014) БРИКС – общие и частные угрозы международной безопасности // Вестник международных организаций. Т. 9. № 4. С. 163–164. Режим доступа: http://iorj.hse.ru/data/2014/12/24/1104128423/Страницы%20из%20Вестник_2014_04_для_типогр-11.pdf (дата обращения: 25.03.2015).

Ульянов М. (2012) Дальнейшее разоружение вряд ли возможно в формате только России и США. По материалам Интерфакс. 16 февраля. Режим доступа: http://www.atomic-energy.ru/interviews/2012/02/16/30994 (дата обращения: 25.03.2015).

Amorim (2010) Celso Amorim, Brazilian Foreign Policy under President Lula (2003 – 2010): An Overview // Revista Brasiliera de Politica Internacional. No. 53. P. 214–240.

Kwang Ho Chun (2013) The BRICs Superpower Challenge: Foreign and Security Policy Analysis. P. 50. Ashgate.

Lavrov S. (2012) BRICS: A New-Generation Forum with a Global Reach // BRICS: the 2012 New Delhi Summit / J. Kirton, M. Larionova, Y. Alagh (eds). Newsdesk Media.

Nikonov V. (2013) BRICS: Analysing the Security Dimension // BRICS Information Centre. Режим доступа: http://www.brics.utoronto.ca/newsdesk/durban/nikonov.html (дата обращения: 25.03.2015).

Orlov V. (2014) Global Internet Governance as a New Common Agenda for the BRICS States. Speech at the BRICS Academic Forum. 16-19 March. Rio-de-Janeiro, Brazil. Режим доступа: http://www.pircenter.org/media/content/files/12/13951542070.pdf (дата обращения: 25.03.2015).

Roberts C. (2010) Polity Forum: Challengers or Stakeholders? BRICs and the Liberal World Order // Polity. Vol. 42. No. 1. P. 10.

Stratfor (2014) The Geopolitics of the United States: The Inevitable Empire // Stratfor. 4 July. Режим доступа: https://www.stratfor.com/analysis/geopolitics-united-states-part-1-inevitable-empire (дата обращения: 25.03.2015).

Wasserman H. (2015) South Africa and China as BRICS Partners: Media Perspectives on Geopolitical Shifts // Journal of Asian and African Studies. Vol. 51 (1). P. 109–123.

BRICS Security Agenda and Prospects for the BRICS Ufa Summit

V. Panova

Victoria Panova – Associate professor, Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, Moscow State Institute of International Relations; Chief Strategy Planning Advisor, NCR BRICS; 76 Vernadskogo Prospekt, 119454 Moscow, Russian Federation; E-mail: panova@nkibrics.ru

Abstract

As a recent phenomenon, the BRICS continues to provoke heated discussions about its prospects and its sustainability as a community of like-minded actors. While observers can recognize common goals regarding international financial and economic architecture reform, the BRICS security agenda occupies a grey area of uncertainty. Meanwhile, as host of the BRICS in 2015–16, Russia sees as its main priority the transformation of the group from a loose forum into a full-fledged mechanism for economic and political coordination and cooperation. Peace and security issues are thus included, and at least lead to a limited conversion at the level of lowest common denominator. This limited conversion derives from a variety of factors – geographical and geopolitical positions, diverse political historic tradition, different international political status within current political governance system, close economic and political ties and complicated form of cooperation/competition with the established western powers, as well as differences in understanding and promoting their own global ambitions and priorities. In this article, the evolution of Russia's approaches toward the importance of the BRICS and its place within Russian foreign policy priorities is considered, with attention given to political security, international law and global governance. While a number of problems would receive only minor attention and are more relevant to only some participants (such as fighting illegal drugs or maritime security or certain regional conflicts), other issues need to be handled at the lowest common denominator (such as reform of the United Nations Security Council or non-proliferation). BRICS members continue to find new areas of possible cooperation and take small but sure steps toward a mechanism of coordination among the five countries. The BRICS are vested with additional responsibility given that their cooperation and achievements in global political and economic governance reform offer an alternative to the domination of the advanced economies and a new model of equal and mutually beneficial cooperation by the majority of developing countries.

Key words: BRICS, global governance reform, peace and security, regional crisis management, internet governance and cyber security, counter-terrorism, non-proliferation, sovereignty, multipolarity, Russian foreign policy

References

Amorim (2010) Celso Amorim, Brazilian Foreign Policy under President Lula (2003 – 2010): an overview. *Revista Brasiliera de Politica Internacional*, no 53, pp. 214–240.

Kwang Ho Chun (2013) *The BRICs Superpower Challenge: Foreign and Security Policy Analysis*. P. 50. Ashgate.

Lavrov S. (2015) Lavrov: Pozicii RF, Indii I Kitaja Sovpadajut po Vzaimodejstviju v Sovremennyh Uslovijah [Lavrov: Position of Russia, India And China Coincide in Cooperation in Current Conditions]. *Tass. Russian News Agency*. 2 February. Available at: http://itar-tass.com/politika/1738861 (accessed 25 March 2015).

Lavrov S. (2012) BRICS: a New-Generation Forum with a Global Reach. *BRICS: the 2012 New Delhi Summit* / J. Kirton, M. Larionova, Y. Alagh (eds). Newsdesk Media.

Martynov B. (2009) Mnogopoljarnyj ili Mnogocivilizacionnyj Mir [Multipolar or Multicivilizational World?]. *International Trends*, no 3 (21). Available at: http://www.intertrends.ru/twenty-first/014.htm (accessed 25 March 2015).

Medvedev D. (2010) *Strany BRIK: Obshhie Celi – Obshhie Dejstvija* [BRICS: Common Goals – Common Actions]. 13 April. Available at: http://kremlin.ru/news/7443 (accessed 25 March 2015).

Nikonov V. (2013) BRICS: Analysing the Security Dimension. *BRICS Information Centre*. Available at: http://www.brics.utoronto.ca/newsdesk/durban/nikonov.html (accessed 25 March 2015).

Orlov V. (2014) *Global Internet Governance as a New Common Agenda for the BRICS States*. Speech at the BRICS Academic Forum. 16–19 March. Rio-de-Janeiro, Brazil. Available at: http://www.pircenter.org/media/content/files/12/13951542070.pdf (accessed 25 March 2015).

Panova V.V. (2013a) BRIKS: Problemy Vzaimodejstvija i Potencial Sotrudnichestva [BRICS: Problems of Interaction and Potential for Cooperation]. *Obozrevatel'*, no 1 (276).

Panova V.V. (2013b) *BRIKS: Mesto Rossii v Gruppe, Videnie i Prakticheskie Rezul'taty, Sovmestnaja Dejatel'nost' «Pjaterki» v Mnogostoronnih Institutah* [BRICS: Russia's position in the Group, the Vision and the Practical Results, activity of "five" in Multilateral Institutions]. Strategija Rossii v BRIKS: celi i instrument (eds. V. Nikonov, G. Toloraja). Moscow: RUDN.

Putin V.V. (2012) *Rossija i Menjajushhijsja Mir* [Russia and the Changing World]. Moskovskie novosti. 27 February. Available at: http://mn.ru/politics/20120227/312306749.html (accessed 25 March 2015).

Roberts C. (2010) Polity Forum: Challengers or Stakeholders? BRICs and the Liberal World Order//Polity, vol. 42, no 1. P. 10.

Starchak M. (2014) BRICS: General and Particular Threats to International Security. *International Organisations Research Journal*, vol. 9, no 4. Available at: http://iorj.hse.ru/data/2014/12/24/1104128423/Страницы%20из%20Вестник_2014_04_для_типогр-11.pdf (accessed 25 March 2015).

Stratfor (2014) The Geopolitics of the United States: The Inevitable Empire. *Stratfor*. 4 July. Available at: https://www.stratfor.com/analysis/geopolitics-united-states-part-1-inevitable-empire (accessed 25 March 2015).

Ul'janov M. (2012) *Dal'nejshee razoruzhenie vrjad li vozmozhno v formate tol'ko Rossii i SShA* [Further disarmament is hardly possible in "only Russia and the United States" format]. 16 February. Available at: http://www.atomic-energy.ru/interviews/2012/02/16/30994 (accessed 25 March 2015).

Wasserman H. (2015) South Africa and China as BRICS Partners: Media Perspectives on Geopolitical Shifts. *Journal of Asian and African Studies*, vol. 51 (1), pp. 109–123.

Перспективы сотрудничества стран БРИКС в области науки, технологий и инноваций[1]

М. Кан

Кан Майкл – PhD, экстраординарный профессор, Стелленбосский университет, директор, “Research and Innovation Associates”, Кейптаун, ЮАР; Private Bag X1 Matieland, 7602 Stellenbosch University, Stellenbosch, South Africa; E-mail: mjkahn@sun.ac.za

Создание Банка развития БРИКС стало свидетельством зрелости финансовых отношений между партнерами по клубу. Их значимость повысилась с принятием Кейптаунской декларации, в которой министры науки и технологий стран БРИКС выразили приверженность сотрудничеству в сфере науки, технологий и инноваций (НТИ). Декларация освещает интересные вопросы, в частности, состояние сотрудничества по НТИ внутри БРИКС, обоснование выбора конкретных областей взаимодействия, а также преимущества стран в этих областях. Как эти области соотносятся с приоритетами внутренних стратегий по НТИ каждой из стран? Какие двусторонние соглашения по НТИ уже существуют и каковы их результаты? Каким образом Кейптаунская декларация дополняет или препятствует процессу сотрудничества Индии, Бразилии и ЮАР (ИБСА)? Будет ли рост геополитической напряженности (например, в Черном и Южно-Китайском море) ограничивать масштабы сотрудничества в сфере НТИ? Вторая цель работы состоит в демонстрации важного значения ЮАР для БРИКС.

Рассмотрение этих вопросов требует изучения геополитики, финансов, торговли и других сфер взаимодействия, включая НТИ. Удобной рамкой для исследования является макроуровневый PESTEL-анализ с более детальным рассмотрением компонента «Т» (технологии), под которым понимается сфера НТИ в целом. Анализ документов, а также экономических, социальных показателей и индикаторов НТИ наряду с библиометрическими данными обеспечивает эмпирическую основу аргументации. Этот анализ, а также определение национальных императивов, позволяет изучить потенциал Кейптаунской декларации. Утверждается, что ЮАР не только является «воротами в Африку», но и демонстрирует самый высокий уровень научного сотрудничества среди стран БРИКС.

Ключевые слова: БРИКС, Кейптаунская декларация, сотрудничество в сфере науки, технологии и инноваций, библиометрия, ЮАР, «ворота в Африку»

Введение

Чуть более десяти лет назад Джим О’Нил, бывший глава Goldman Sachs Asset Management, дал меткое определение БРИК как влиятельного экономического блока. С того времени, несмотря на рецессию, экономическое значение стран БРИК возросло в значительно большей степени, чем ожидалось. В 2011 г., когда ЮАР, уже бывшая членом «Группы двадцати» и важнейшим государством – представителем Африки, присоединилась к семье БРИК, форум, соответственно, трансформировался в БРИКС. О’Нил сухо отметил, что ЮАР не место в БРИК, учитывая ее скромные размеры, и, напротив, Индонезия, Мексика и Турция имеют более обоснованные претензии на присоедине-

[1] Перевод выполнен м.н.с. Центра исследований глобального управления Института международных организаций и международного сотрудничества НИУ ВШЭ А.В. Шелеповым.

ние. Недавний спад благосостояния в России и Бразилии заставил О'Нила поставить под сомнение саму сущность объединения БРИК, которое, по его мнению, может в перспективе сузиться до «ИК». Сказанное предполагает, что настало подходящее время для более глубокого исследования базовых тенденций, характеризующих отношения между пятью странами БРИКС, в ходе которого не следует ограничиваться узким экономическим взглядом.

Основной целью данной работы является рассмотрение зачастую игнорируемого аспекта этих отношений путем исследования риторики и реальных действий в рамках сотрудничества стран БРИКС в области науки, технологий и инноваций (НТИ). Эта сфера взаимодействия приобрела особую значимость после публикации 10 февраля 2014 г. Кейптаунской декларации, в которой министры науки и технологий стран БРИКС выразили приверженность программе сотрудничества в области НТИ.

Вторая цель данной работы – показать, почему О'Нил неправ в своем утверждении о незначительной роли ЮАР. Такое опровержение требует изучения геополитического, финансового, торгового и других видов взаимодействия, включая сотрудничество в области НТИ.

Кейптаунская декларация признает ведущую роль науки и технологий в обеспечении долгосрочного развития и предлагает конкретные обязательства для каждой страны. Декларация должна была быть утверждена на саммите БРИКС, состоявшемся в июле 2014 г. в бразильском городе Форталеза, однако основной темой этой встречи стало создание Нового банка развития (со 100 млрд долл. капитализации) и Пула условных валютных резервов (также составляющего 100 млрд долл.) [Scidev, 2014]. Ожидается, что Кейптаунская декларация будет ратифицирована в начале 2015 г. на встрече министров науки и технологий БРИКС.

Наука – в силу своей универсальности – создает видимость политической нейтральности и имеет долгую историю, как до, так и после эпохи Просвещения, когда она играла роль канала для диалога между городами-государствами и народами. Наука является неотъемлемой составляющей мягкой дипломатии, что наилучшим образом иллюстрируется турнирами по настольному теннису 1975 г. в рамках установления дружественных отношений между Никсоном и Мао Цзэдуном, а также недавним конкурсом на проведение исследований европейской культурной и научной дипломатии в рамках программы ЕС «Горизонт 2020», в том числе по изучению потенциала культуры и науки для развития внешних связей ЕС.

Технологии и их передача в этом смысле сильно отличаются в силу существования проблем конкуренции и безопасности. Инновации в бизнесе тесно связаны с экономической конкуренцией и распространяются через различные механизмы связей между фирмами. Это проявляется в копировании, обратной разработке (воспроизведении аналога под другим наименованием), адаптации, креативности и секретности. В сфере безопасности секретность имеет первостепенное значение, а обмен технологиями ограничен и преследуется по закону. Таким образом, раскрытие потенциала Кейптаунской декларации, которая будет в скором времени ратифицирована, а также отделение риторики от реальности представляет не только академический интерес.

Выдающийся экономический рост стран БРИКС в первом десятилетии XXI в. сопровождался быстрым ростом их вклада в мировой запас знаний. В частности, за 2002–2007 гг. Бразилия, Китай и Индия в 2 раза увеличили валовые расходы на НИОКР, при этом их доля в глобальных расходах возросла с 17 до 24%. Более того, доля Китая в мировых расходах на НИОКР в настоящее время находится на одном уровне с его долей в мировом ВВП, а доля в общемировом количестве научных публикаций

в период между 2004 г. и 2010 г. выросла в 2 раза. Это дает представление о существенных изменениях в географии научных публикаций и формировании новой триады США, Европы и Азии, в которой, как ожидается, Азия будет доминировать в среднесрочной перспективе [Hollanders, Soete, 2010; Nascimento, 2014]. Как мы покажем далее, количество международных совместных публикаций также резко возросло за этот период.

Международное научное сотрудничество является частью новой глобализации знаний, и Кейптаунская декларация стремится направить этот импульс на благо БРИКС. В декларации предлагается следующая страновая специализация: Бразилия – изменение климата и ограничение последствий стихийных бедствий; Россия – водные ресурсы и борьба с их загрязнением; Индия – геопространственные технологии и приложения; Китай – новые и возобновляемые источники энергии и энергоэффективность; ЮАР – астрономия.

Чтобы оценить жизнеспособность сотрудничества БРИКС в области НТИ, необходимо ответить на ряд вопросов. Для этого нужно сначала определить текущее состояние сотрудничества в этой сфере между странами БРИКС. Затем необходимо найти объяснение выбора пяти приоритетных областей и понять, соответствуют ли эти области страновым стратегиям в сфере НТИ. Это позволит перейти к исследованию межстранового сотрудничества: какие двусторонние соглашения в сфере НТИ уже существуют и каковы результаты их реализации? в какой степени Кейптаунская декларация соответствует или противоречит процессу сотрудничества Индии, Бразилии и ЮАР (ИБСА)? будет ли рост геополитической напряженности (в регионе Черного моря и Южно-Китайского моря) ограничивать масштабы сотрудничества в области НТИ? Эти вопросы и ответы на них тесно связаны с пониманием роли, а возможно, и легитимности участия в БРИКС самой маленькой страны – ЮАР.

Удобной организационной основой для изучения данных вопросов является использование PESTEL-анализа[2] на макроуровне. Вследствие ограниченного объема настоящей работы основное внимание уделено процессам, происходящим на макроуровне, и более детально рассматривается в первую очередь аспект технологий, под которым понимается вся сфера НТИ. Анализ других документов, экономических и социальных показателей, индикаторов НТИ, а также библиометрия обеспечивают эмпирическую основу исследования. Статья организована следующим образом. В следующем разделе рассматриваются политические, экономические, социальные, экологические и правовые аспекты. «Технологические» аспекты описываются в отдельном разделе, где анализируется состояние науки, технологий и инноваций в каждой из стран БРИКС. Затем следует анализ научной активности с использованием в качестве приблизительного индикатора количества публикаций. Этот подход также позволяет оценить уровень сотрудничества между странами БРИКС в области НТИ. Такой анализ, наряду с определением национальных императивов, позволяет изучить потенциал Кейптаунской декларации. В следующем разделе сотрудничество в области НТИ рассматривается в гораздо более широком контексте геополитики, с учетом российско-китайского энергетического соглашения; новой жесткой внешней политики Индии; ЮАР, играющей роль «ворот в Африку»; и роли Бразилии в Африке в качестве потребителя ресурсов и предпринимателя. Последняя задача состоит в опровержении утверждений О'Нила.

[2] PESTEL (Political, Economic, Social, Technological, Environmental and Legal) – инструмент выявления политических, экономических, социальных, технологических, экологических и правовых аспектов внешней среды.

Обзор внешней среды – PESTEL-анализ

PESTEL-анализ, иногда также называемый PESTLE, является инструментом, который разработан для информационного обеспечения стратегического менеджмента и основывается на более ранней концепции PEST, которая первоначально трансформировалась в PESTE. PESTEL-анализ используется для схематического описания макросреды, в рамках которой осуществляется стратегический выбор, и следом за ним часто применяется подробный анализ сильных и слабых сторон, возможностей и угроз (SWOT). PESTEL-анализ основан на эмпирических данных, приведенных в табл. 1[3]. Анализ начинается с политико-правовых аспектов. Общим для стран БРИКС является то, что все они за последние 30 лет прошли через значительные политические преобразования. Все страны проходили периоды авторитарного правления, когда у власти находились либо военные, либо всеохватывающая правящая элита. В результате страны БРИКС и по сей день демонстрируют элементы того, что Норт, Уоллис и Вайнгаст называют «зрелыми естественными государствами» [North et al., 2009]. В политическом (и правовом) смысле страны БРИКС, за исключением Китая, являются многопартийными «демократиями», но они еще не стали полноценными открытыми обществами. Их относительно низкие показатели развитости институтов в рамках индекса глобальной конкурентоспособности подтверждают это утверждение. В 1991–1994 гг., отчасти по причине окончания «холодной войны», значительные преобразования произошли в Бразилии, России, Индии и ЮАР. После перехода Бразилии с 1986 г. к демократии в 1994 г. была принята программа структурной перестройки в рамках Плана «Реал». Это помогло взять инфляцию под контроль, тем самым стабилизировав валюту. Приватизация государственных активов также входила в число мер, предусмотренных программой. Россия после распада Советского Союза прошла через радикальную экономическую трансформацию путем быстрого перехода к свободной рыночной экономике и приватизации государственных активов. Индия, под руководством Манмохана Сингха, начала демонтаж системы «царства лицензий», однако по-прежнему придерживалась политики жесткого протекционизма по отношению к иностранному проникновению. Китай, следом за земельной и аграрной реформами, которые осуществлялись с 1949 г. по 1960-е годы, в 1978 г. начал второй «долгий путь», на этот раз по капиталистической тропе [Studwell, 2013]. ЮАР, выступая резко против политики ушедшего в отставку правительства меньшинства, ускорила неолиберальные реформы на фоне возвращения страны на мировые рынки. В значительной степени ЮАР сохраняет сочетание государственной собственности на командные высоты в экономике с активным частным сектором, который быстро породил новые транснациональные корпорации. Африканское большинство, получив политические права, отправилось во второй «долгий путь» к экономической свободе.

Эти резкие изменения имели серьезные внутренние и внешние последствия, а становление Китая как новой «мировой фабрики» стало решающим фактором в мировой торговле и финансах. Непоколебимый рост экономической мощи Китая сделал его второй после США экономикой мира. При прочих равных условиях, в течение десяти лет Китай станет крупнейшей мировой экономикой. Этот сдвиг с Запада на Восток, на фоне выхода Индии на третье место в мире по размеру экономики, является проявлением нового мирового многополярного порядка. После короткого периода существования США в качестве единственной сверхдержавы в настоящее время появились

[3] Все данные приведены на 2012 г., за исключением Индекса глобальной конкурентоспособности (данные за 2013–2014 гг.).

многочисленные центры силы: США, Европейский союз, Япония, Россия, Китай, Индия, Бразилия, ЮАР. Индонезия, Мексика и Турция стоят рядом, ожидая своей очереди войти в число тех, кто влияет на ситуацию в соответствующих регионах мира. Индия и Китай участвуют в космической гонке и, наряду с Японией, наращивают свой военный, особенно военно-морской, потенциал. В этом многополярном мире формируются новые политические союзы и вновь обостряются замороженные конфликты. Форма нового равновесия в этой системе неясна. *Pax Americana* становится основой для возникновения *Pax Fragile*, причем некоторые эксперты даже говорят о новой «холодной войне» [Trenin, 2014].

Переходя к экономическим аспектам, стоит отметить, что в период военного правления структура бразильской промышленности углубилась и расширилась, несмотря на ухудшение ситуации с дефицитом счета текущих операций. Примерами такой диверсификации являются производство этанола из сахарного тростника, добыча нефти на шельфе, крупномасштабное развитие земледелия в высокогорных регионах Серрадо и производство авиационной техники. Однако затем ухудшение финансовой ситуации вынудило военных передать власть гражданскому правительству, что позволило развиться демократическим процессам. Бразилия смогла войти в 1990-е годы в роли крупного экспортера сельскохозяйственных товаров и минерального сырья, а также промышленных товаров и услуг. Стоит отметить, что ориентированная на Африку внешняя политика Бразилии восходит ко времени правления военных. Например, когда марксистское правительство МПЛА пришло к власти в Анголе в 1975 г., Бразилия стала второй страной, признавшей его. Затем эта политическая легитимность была использована для усиления торговых связей как в португалоязычной Африке, так и за ее пределами.

Таблица 1. Индикаторы PESTEL (2012 г. или ближайший доступный год)

	Бразилия	**Россия**	**Индия**	**Китай**	**ЮАР**
Индекс глобальной конкуренто-способности	56	64	60	29	53
Базовые требования	79	47	96	31	95
Институты	80	121	72	47	41
Усилители эффективности	44	51	42	31	34
Развитие финансового рынка	50	121	19	54	3
Инновации и модернизация	46	99	41	34	37
Расходы на оборону / ВВП, %	1,5	4,0	2,5	2,0	1,2
Валовые расходы на НИОКР / ВВП, %	1,2	1,12	0,88	1,98	0,76
Расходы бизнеса на НИОКР / валовые расходы на НИОКР, %	45	26	30	74	47
Число исследователей на 1000 занятых	1,4	6,2	0,4*	1,8	1,6

	Бразилия	**Россия**	**Индия**	**Китай**	**ЮАР**
Число публикаций в Web of Science на 1 млн населения	180	191	38	136	181
Основные предметные области публикаций (Web of Science)	Клиническая медицина, биология, биомедицинские технологии	Физика, химия, инженерное дело	Химия, клиническая медицина, инженерное дело	Химия, инженерное дело, физика	Клиническая медицина, биология, химия
Число патентов Бюро по регистрации патентов и торговых марок США / на 1 млн населения	1,3	2,4	1,4	4,0	3,1
Культивируемые сорта растений / на 1 млн населения	8,6	29,3	н/д	2,6	48
Место в Глобальном индексе инноваций	67	52	87	46	51
Коэффициент Джини	51,9	42,0	36,8	47,3	63,1
Дециль 10 / дециль 1	54	7	9	18	43
Индекс развития человеческого потенциала	85	55	136	101	121
Выбросы CO_2, в год, тонн на душу населения	2,15	12,18	1,64	6,18	9,18

* Оценка автора.

Источники: CIA Factbook, World Bank, World Economic Forum, OECD Main S&T Indicators, RICYT, Web of Science, US Patent and Trademark Office, Union of Plant Varieties, INSEAD.

В 1990-е годы правительство России передало многие государственные горнодобывающие, металлургические и энергетические предприятия в частные руки. Россия открыла свою экономику для западного капитала и позволила иностранным компаниям развиваться и выходить на свои потребительские рынки. Российские компании отставали в плане активности инноваций [Kuznetsova, 2014], вследствие чего иностранное доминирование продолжалось. Экономика России крайне зависит от экспорта нефти, газа и других полезных ископаемых, и вкупе с санкциями, наложенными на нее в результате кризиса на Украине, это вызвало серьезные финансовые проблемы. Россия поддерживает значительный потенциал в оборонной и аэрокосмической промышленности, тратя 4% ВВП (100 млрд долл. по ППС) на оборону, что является самым высоким показателем среди стран БРИКС. Россия без сомнения была важнейшим международным актором в Африке в период «холодной войны», и эти отношения продолжаются в настоящее время, позволяя новым негосударственным российским субъектам принимать участие в проектах развития инфраструктуры и добычи полезных ископаемых, в том числе и в Африке.

Индия не поспевала за изменениями проблем и возможностей многополярного мира и глобализации. Политика Индии осложняется широким этническим разно-

образием, существованием остатков системы централизованного планирования, продолжающейся напряженностью в отношениях с Пакистаном и обеспокоенностью в отношении намерений Китая, с которыми ранее она вела открытые боевые действия. Индия запоздало расширяет свое дипломатическое присутствие и собственный военно-морской флот, а ее расходы на оборону в настоящее время составляют 2,5% ВВП (121 млрд долл. по ППС). Частный сектор Индии демонстрирует значительные успехи в осуществлении сложных сделок слияния и поглощения, тем самым делая Tata, Mittal, Reliance и Unisys глобальными брендами. Присутствие Индии в Африке растет, но медленно.

Китай в своем роде уникален – в стране правит коммунистическая партия, при этом свободный рынок способствует процветанию. По словам Дэн Сяопина, «не имеет значения, какого цвета кошка – белая или черная, – если она может ловить мышей». Следствие такой позиции – становление на путь государственного капитализма и постоянно растущее число особых экономических зон. По утверждению Стадвелла, политические свободы в Китае слабо сопряжены с экономическим ростом, поэтому экономический рост и внешняя экспансия продолжаются. В 2006 г. правительство Китая приняло недвусмысленное решение об усилении присутствия по всему миру, и страна стала крупнейшим источником ПИИ в приграничных государствах, а в настоящее время и в Африке.

Китай был главным сторонником присоединения ЮАР к БРИК, и в ответ Южная Африка политически и морально поддерживает позиции Китая в международных политических форумах, примером чего стал недавний отказ в визе Далай-ламе для участия в саммите лауреатов Нобелевской премии в Кейптауне. Эта поддержка является несколько неожиданной, поскольку правящая партия ЮАР, начав вооруженную борьбу в 1961 г., обращалась за военной помощью к Советскому Союзу; Китай сыграл гораздо меньшую роль в кампании по борьбе с апартеидом, чем СССР. На фоне собственной экономической мощи в качестве основного кредитора западных потребителей Китай в настоящее время заявляет о себе в дипломатическим и военном плане, стремясь отстоять территориальные претензии в Южно-Китайском море. Следствием этого стало укрепление флота страны и расходы на оборону в 2% ВВП (245 мдрд долл. по ППС).

Что касается экономической сферы, то данные по ВВП подтвердили первоначальную гипотезу О'Нила о том, что размер имеет значение: Китай превзошел Японию и стал второй по величине экономикой мира после США. Соответственно с экономической точки зрения БРИКС состоит из Китая и остальных членов – БРИС. Китай имеет тесные, но при этом однобокие отношения с БРИС, характеризующиеся крайне выгодным для него торговым балансом за счет потока полезных ископаемых, энергетического и сельскохозяйственного сырья на восток, а промышленных товаров и финансируемых государством инфраструктурных проектов в противоположном направлении. На сложившуюся ситуацию оказывает влияние емкость внутренних рынков и покупательная способность, отраженная в доходах на душу населения. Россия имеет низкую оценку по показателям, наиболее тесно связанным с рыночными свободами, и, как утверждает Городникова, в России трудно создать инновационную фирму и добиться ее процветания [Gorodnikova, 2013].

ЮАР является, вероятно, основным политическим игроком на континенте. Она играет центральную роль в Южноафриканском таможенном союзе, который включает Ботсвану, Лесото, Намибию и Свазиленд, а также занимает доминирующую позицию в состоящем из 15 стран Сообществе развития Юга Африки. Более того, она способствовала формированию Нового партнерства в интересах развития Африки и превраще-

нию слабеющей Организации африканского единства в Африканский союз, руководителем которого в настоящее время является гражданка ЮАР Нкосазана Дламини-Зума. Южная Африка внесла свой вклад в функционирование миротворческих сил в Южном Судане, Центральноафриканской Республике и Конго, играла роль посредника в процессе урегулирования конфликта в районе Великих озер и выступала в период правления Нельсона Манделы в качестве посредника по возвращению Ливии в мировое сообщество. Крайне монополистический капитализм периода 1960–1990 гг. затем уступил место более разнообразной структуре собственности на акции, которые находятся в руках иностранных портфельных менеджеров, а также государственных пенсионных и инвестиционных фондов. Одновременно ведущие компании, чьи акции размещены на Йоханнесбургской фондовой бирже, пересекли реку Лимпопо в рамках второго Великого трека, в котором на этот раз участвовали коммерческие бренды, а не фермеры-животноводы. Многие из этих компаний провели вторичный листинг за границей и получают до половины своих доходов на глобальном уровне.

Объединяющей силой для БРИКС служит общее стремление к достижению баланса глобальных политических отношений и институтов таким же образом, как глобальные рыночные силы способствовали перераспределению экономической мощи. Внутренние и двусторонние вопросы стран БРИКС – совсем другая сфера, где страны стараются воздерживаться от публичной критики друг друга. Текущие российско-китайские отношения характеризуются положительно на фоне подписания крупнейшего газового соглашения, рассчитанного на 30 лет. Между Китаем и Индией, напротив, существует риск роста напряженности и возможность возникновения конфликта в среднесрочной перспективе с учетом бурного развития отношений между Нью-Дели и Токио. Бразилия спокойно утверждает свое господствующее положение в Южной Атлантике, а ЮАР пытается выступать в качестве «африканского полицейского». Из пяти стран БРИКС ЮАР имеет наибольший непрерывный опыт главенствования норм «свободного рынка» и верховенства закона (за исключением ситуации с африканским большинством до 1994 г.).

Далее целесообразно взглянуть на данные Доклада о глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума (ВЭФ) [WEF, 2014], которые представляют собой сочетание количественных и субъективных показателей, причем сбор последних осуществляется посредством опроса представителей бизнеса. Индекс глобальной конкурентоспособности (GCI) ставит Китай на наиболее высокое среди стран БРИКС 29-е место, а Россию на самую низкую в БРИКС 64-ю позицию. Такое расположение становится очевидным уже при рассмотрении параметра «институты», по которому ЮАР является лидером, занимая 41-е место, в то время как Россия находится на 121-й позиции. ЮАР сохраняет свои лидирующие позиции по показателю развития финансового рынка, занимая третье место в мире. Это позволяет стране занимать уникальное положение на глобальном уровне и особенно в Африке. Лучшее место, чтобы начать бизнес в Африке, – это финансовый центр ЮАР. До 2014 г. ЮАР имела наибольший среди стран Африки ВВП, однако затем ее превзошла Нигерия, чей ВВП в результате корректировки методики расчета удвоился.

Для оценки «социальных» аспектов необходимо обратиться к трем показателям, составляющим «базовые требования» Индекса глобальной конкурентоспособности, которые оценивают качество управления, состояние здравоохранения и начального образования. Бразилия, Индия и ЮАР имеют низкие показатели в отношении базовых требований по сравнению с Россией и Китаем. Оценки ВЭФ можно сравнить с индексом развития человеческого потенциала ПРООН (ИРЧП), коэффициентом Джини

и новым показателем dX/d1. ИРЧП является приблизительной оценкой уровня человеческого развития на основе данных о продолжительности жизни, уровне образования и дохода. Он является альтернативой показателю ВВП на душу населения при измерении относительного социально-экономического прогресса. ИРЧП ЮАР значительно снизился вследствие эпидемии ВИЧ/СПИДа, которая к 2005 г. привела к сокращению продолжительности жизни почти на 10 лет. С введением масштабной государственной поддержки антиретровирусной терапии продолжительность жизни к 2012 г. увеличилась до 61 года. Россия с учетом сравнительно более развитых систем здравоохранения и образования имеет наивысший ИРЧП среди стран БРИКС. Этот усредненный показатель, однако, скрывает существование значительного гендерного неравенства ожидаемой продолжительности жизни, в результате которого женщины живут более чем на 10 лет дольше мужчин.

Коэффициент Джини ЮАР, равный 63,1, является одним из самых высоких в мире. Индия демонстрирует самый низкий показатель среди стран БРИКС, равный 36,8, что, однако, выше среднего уровня по ЕС, который составляет 30,6. Бразилия и ЮАР имеют высокие коэффициенты Джини по доходам и внедрили масштабные системы социальной поддержки для искоренения абсолютной бедности. Если бы эти социальные выплаты включались в подсчет общих доходов домохозяйств, коэффициент Джини оказался бы ниже, хотя и по-прежнему на недопустимо высоком уровне.

Альтернативная мера оценки неравенства – индекс Пальма [Cobham, Sumner, 2013], который измеряет распределение доходов по децилям. Упрощенный индекс Пальма рассчитывается как отношение доходов десятого (наиболее богатого) дециля населения к показателю первого дециля. Я называю этот показатель dX/d1. Простота этого индекса обусловлена тем, что необходимые для расчета данные доступны в библиотеке CIA Factbook. Расчет dX/d1 показывает, что Бразилия имеет более высокий уровень неравенства, чем предполагает коэффициент Джини, и, напротив, неравенство доходов в России и Индии относительно невелико. Однако, как и другие критерии неравенства, dX/d1 все же является довольно грубым инструментом. Доходы, полученные 1% наиболее богатого населения, вероятно, являются наиболее подходящей мерой оценки снижения неравенства доходов, поскольку к их числу принадлежат миллиардеры, олигархи и плутократы (а также медийные персоны).

Прежде чем перейти к более подробной дискуссии о науке и технологиях, необходимо кратко упомянуть экологические аспекты в рамках PES(T)EL-анализа. Простейший сопоставимый экологический показатель – это выбросы углекислого газа на душу населения. Россия, ЮАР и Китай являются крупными потребителями ископаемых видов топлива и имеют одни из самых высоких показателей выбросов углекислого газа в мире. Благодаря наличию гидроэнергетики Бразилия имеет меньшие показатели. Низкие объемы выбросов в Индии являются следствием ее относительно низкого уровня экономического развития и индустриализации. При этом отдельно нужно упомянуть токсичный смог, который загрязняет многие крупные города Китая и, согласно имеющимся оценкам, приводит к сокращению продолжительности жизни, в частности на 5,5 года в Пекине [Financial Times, 2013].

(Наука), технологии (и инновации)

Традиции университетов и академических исследований «по западному образцу» насчитывают в странах БРИКС более столетия. Все страны БРИКС сравнительно поздно совершили индустриальные революции и имели возможность получать выгоды от

импорта технологий. Наука была важным компонентом модернизационной и военной повестки дня стран БРИКС на фоне значительных объемов передачи технологий из тогдашнего Советского Союза в Китай и Индию.

Сегодня страны БРИКС имеют уникальные инновационные системы разных масштабов, сложности и с различными акцентами, в зависимости от пути развития каждой из стран [World Bank, 2010]. Российская и китайская академии наук выполняют как образовательные, так и научные функции, в то время как университеты в этих странах играют меньшую роль в исследованиях; научно-исследовательские советы и университеты ЮАР имеют одинаковые уровни финансирования научно-исследовательской деятельности, при этом последние единолично занимаются присуждением дипломов и ученых степеней; всемирно известные Индийский технологический институт и Технологический институт Тата набирают студентов посредством крайне избирательного процесса и работают параллельно масштабной системе университетов, дополняемой государственными научно-исследовательскими центрами в рамках Совета научных и промышленных исследований; бразильская Embrapa является мировым лидером в области сельскохозяйственных исследований, как и фонд Освальдо Круза в области медицинских наук. Университет Сан-Паулу – лидер академических исследований и находится на вершине системы финансируемых государством университетов.

Текущий характер и специализация этих инновационных систем во многом обязаны более ранним периодам авторитарного, а иногда и военного правления, в течение которых производство вооружения было важным приоритетом. Россия, Китай и Индия обладают ядерным оружием; Бразилия отказалась от его развития; ЮАР в 1994 г. ликвидировала свой ядерный арсенал. Китай, Индия и Россия имеют межконтинентальные баллистические ракеты и возможности для запуска спутников, при этом Россия и Китай освоили технологии пилотируемых космических полетов, а Индия намерена сделать это к 2016 г. Запуск индийского зонда на Марс поставил страну практически на один уровень с Китаем. Бразильская Embraer заняла нишу производства самолетов среднего размера для местных авиалиний, а также начала производство собственных космических ракет. На протяжении многих лет Бразилия и ЮАР разрабатывали и производили спутники, которые запускались другими странами. Они также сотрудничают в сфере технологий производства ракет класса «воздух – воздух». Индия осуществляет масштабный обмен технологиями с Россией. ЮАР по-прежнему конкурентна на мировых рынках легких вооружений и артиллерии, а также компактных радиолокационных систем и военного транспорта, что является следствием разработки соответствующих программ после эмбарго на поставку оружия, введенного ООН в 1977 г.

Все страны БРИКС обладают значительным промышленным потенциалом и высоким уровнем самодостаточности, за исключением сферы потребительских товаров (поступающих из Китая) и передовых технологий (импортируемых из ЕС, США и Японии). Их граждане демонстрируют передовые медицинские, научные и технические навыки и вносят вклад в глобальное накопление знаний. Частный сектор играет различную роль в этих инновационных системах в зависимости от степени участия государственных предприятий и сохранения остатков централизованного планирования. В Глобальном индексе инноваций Китай занимает первое место в БРИКС, находясь на 46-й позиции, а Индия – последнее среди стран БРИКС 87-е место.

Страны БРИКС регулярно обновляют стратегии в области науки, технологий и инноваций и имеют специализированные учреждения, разрабатывающие и публикующие соответствующие индикаторы. Китай, Россия и ЮАР поддерживают активное

взаимодействие с Директоратом ОЭСР по науке, технологиям и инновациям. На фоне смещения производственного потенциала Китая в сторону разработки технологий его валовые расходы на исследования и разработки возросли до 1,98%, причем все более высокая доля этой исследовательской деятельности осуществляется в рамках китайских компаний. Параллельно эти фирмы склонялись к необходимости защищать свою интеллектуальную собственность с учетом распространения китайских брендов по всему миру. Для Китая будущий рост, как ожидается, в значительной степени будет основан на инновационном развитии [Xinhua, 2013]. Интенсивность регистрации Китаем патентов в США также выросла и является самой высокой среди стран БРИКС – на уровне 4 на миллион жителей страны. Это относительно недавнее достижение, как и рост количества статей китайских авторов, включаемых в базу данных Web of Science. Бразилия, Россия и ЮАР имеют сравнимую интенсивность публикаций, при этом ЮАР занимает второе среди стран БРИКС место по регистрации патентов в США. Индия отстает по обоим ключевым показателям результатов деятельности в сфере НТИ. Еще один важный результат такой деятельности – это регистрация новых сортов растений. По данному показателю ЮАР почти в 2 раза превосходит Россию и значительно опережает Бразилию и Китай, что отражает разнообразие ее сельскохозяйственной базы и соответствующего экспорта.

При рассмотрении данных по количеству публикаций (табл. 1) нужно традиционно учитывать, что библиографические базы данных являются неполными, в них преобладают публикации на английском языке, и они недостаточно глубоко покрывают социальные и гуманитарные науки. Это особенно важно для Бразилии, Китая и России, которые имеют многочисленные научные публикации на национальных языках, многие из которых не были адекватно представлены в базах Web of Science и Scopus до недавнего времени. Начиная с 2006 г. Web of Science стала предпринимать шаги по исправлению этого дисбаланса, и количество национальных журналов, например, Бразилии, индексируемых в этой базе данных, значительно увеличилось. Показатели четырех других стран БРИКС увеличились в разной степени. В частности, для ЮАР данное число утроилось. Несмотря на указанные недостатки, библиометрия не может функционировать без использования этих баз данных. Страны БРИКС имеют некоторое сходство в основных предметных областях научных публикаций (табл. 1). Три ведущих области для Китая и России совпадают; Бразилия и ЮАР специализируются на клинической медицине и биологии. Индия находится на пересечении двух групп с особым акцентом на инженерной области. Гланзель [Glanzel, 2001] предложил типологию, согласно которой Китай и Россия демонстрируют «социалистическую» модель, Бразилия и Южная Африка – «западную», а Индия – сочетание «западной» и «японской». Эта типология не является статичной и должна меняться в соответствии с тем, как экономика диктует развитие науки в новых направлениях. Публикации в области наук о космосе также многочисленны и составляют 10% от общего показателя в России и ЮАР и около 5% в Бразилии, Китае и Индии. Однако рассмотренные немногочисленные показатели результатов в сфере НТИ не могут адекватно отразить всю сложность широкого спектра деятельности, способствующей и возникающей в процессе инноваций.

Полезно сравнить различные акценты баз Web of Science и Scopus. В табл. 2 приведены суммарные показатели количества и три основные тематические области публикаций стран БРИКС в Scopus, начиная с 1995 г. Позиции предметных областей в Web of Science указаны рядом жирным шрифтом.

Таблица 2. Основные предметные области в Scopus: общее количество публикаций с 1995 г.

	Количество публикаций, тыс.	**Количество публикаций на 1 млн населения**	**Предметная область 1, тыс. публикаций**	**Предметная область 2, тыс. публикаций**	**Предметная область 3, тыс. публикаций**
Бразилия	597,2	3,2	Медицина (162,2) **I**	Биология (107,8) **II**	Биохимия/генетика/ микробиология(69,6) **III**
Россия	709,9	5,0	Физика/ астрономия (246,6) **I**	Инженерное дело (121,3) **III**	Химия (118,8) **II**
Индия	1001,2	0,91	Медицина (192,8) **II**	Инженерное дело (170,4) **III**	Химия (142,1) **I**
Китай	3612,3	2,76	Инженерное дело (1500) **II**	Физика/ астрономия (571) **III**	**Материаловедение (558)**
ЮАР	167,6	3,5	Медицина (40,3) **I**	Биология (31,5) **II**	**Социальные науки (21,2)**

Данные показывают, что три ведущих предметных области Scopus для Бразилии, России и Индии в Web of Science остаются неизменными, хотя их порядок меняется. Для Китая и ЮАР важные изменения проявляются в том, что на третьей позиции в Scopus оказываются области материаловедения и социальных наук соответственно. Рост числа публикаций по материаловедению в Китае менее удивителен, чем резкое улучшение позиции социальных наук в ЮАР, доля которых в общем количестве публикаций увеличилась в 2007–2012 гг. в 2 раза по сравнению с 1995–1999 гг. и достигла 14%.

Выявленное различие в акцентах между базами Web of Science и Scopus не является неожиданным: первая первоначально включала в основном англоязычные публикации в области естественных и технических наук; вторая создавалась в значительной степени, чтобы извлечь выгоду из «ущемленности» других дисциплин и языков [De Bellis, 2009]. Борьба за господство на рынке индексирования научных публикаций продолжается.

Возможно, наиболее важным индикатором активности научной деятельности является отношение валовых расходов на НИОКР к ВВП. И Индия, и ЮАР еще не достигли уровня в 1%; показатель Китая в настоящее время близок к 2%. Данный показатель является «индикатором вклада», поскольку расходы на НИОКР приносят результаты только в будущем. Около половины этих расходов представляют собой стоимость рабочей силы исследователей и вспомогательного персонала. Традиционная мера накопленного исследовательского потенциала – это отношение количества исследователей (в эквиваленте полной занятости) к общему числу занятых. По этому показателю Россия на сегодняшний день является лидером в БРИКС, Индия имеет самый низкий показатель. Это указывает на отсутствие явной связи между двумя рассмотренными показателями. Без учета России число исследователей в странах БРИКС ниже среднего показателя по ЕС [OECD, 2014].

К сожалению, данные по валовым расходам на НИОКР с разбивкой по стандартным научным областям, как правило, недоступны для широкой общественности. Сайты Статистического института ЮНЕСКО и Директората ОЭСР по науке, технологиям

и инновациям показывают, что незначительное количество публикуемых данных ограничено отдельными областями науки.

ЮАР является исключением в плане публикации таких данных. Ради интереса упомянем, что тремя основными областями по объемам расходов являются инженерное дело и технологии (26,5%), медицина (17,2%), а также ИКТ (12,8%). Социальные науки находятся на четвертом месте с показателем 12,0%. Расходы по научным областям суммированы по всем секторам, так что не удивительно, что этот индикатор слабо коррелирует с распределением публикаций, которые, как правило, являются результатом деятельности сектора высшего образования. В системе высшего образования одна треть расходов идет на социальные и гуманитарные науки, что подтверждает заключение Scopus о «значимости» социальных наук.

Следующая тема для рассмотрения – сотрудничество, показателем которого является подготовка совместных публикаций, анализируемая по данным Web of Science и Scopus.

Совместные публикации исследователей стран БРИКС

По состоянию на 2011 г. соавторами из разных стран было написано около 35% научных статей в Web of Science и Scopus, что на 10% выше, чем 15 лет назад [National Science Board, 2012; Royal Society, 2011]. В табл. 3 приведены данные о совместных публикациях исследователей из страновых пар по данным Web of Science.

Таблица 3. Количество и процент совместных публикаций стран БРИКС, 2012 г.

	Бразилия	**Россия**	**Индия**	**Китай**	**ЮАР**
Бразилия	**36 111**	533 (2,0)	373 (0,8)	623 (0,3)	266 (2,9)
Россия	533 (1,5)	**27 303**	393 (0,8)	898 (0,5)	237 (2,6)
Индия	373 (1,0)	393 (1,4)	**46 348**	699 (0,4)	262 (2,8)
Китай	623 (1,7)	898 (3,3)	699 (1,5)	**183 760**	325 (3,5)
ЮАР	266 (0,7)	237 (0,9)	262 (0,6)	325 (0,2)	**9217**

Источник: Science Citation Index-Extended, Social Science and Humanities Index and Arts &Humanities Citation Index.

Данные по диагонали (выделенные жирным шрифтом) представляют собой общее количество публикаций страны; по столбцам приведено количество совместных публикаций страновых пар; отношение этого количества к общему количеству публикаций соответствующей страны – процент, приведенный в скобках. Очевидно, что ЮАР имеет самую высокую интенсивность совместных публикаций в БРИКС, которая значительно выше медианного уровня 1,4%. Россия занимает второе место, а Китай – последнее. Лишь 4609 (1,5%) из общего количества научных публикаций стран БРИКС (302 739) подготовлены с участием авторов из другой страны БРИКС. Реальность такова, что сотрудничество в подготовке научных публикаций между странами БРИКС находится на низком уровне.

Сотрудничество – это улица с двусторонним движением. Оценка 7 Рамочной программы ЕС, проведенная Thomson-Reuters [2010], предполагает, что «значительное» межстрановое взаимодействие требует, чтобы по крайней мере 7,5% публикаций

страны-партнера публиковалось в области, представляющей взаимный интерес. По этому критерию существенное научное сотрудничество между страновыми парами в рамках БРИКС отсутствует.

В то же время гораздо более высоки уровни совместных публикаций между странами БРИКС и США: Бразилия имеет 5 320 таких публикаций (14,7%); Россия[4] – 3020 (11,1%), Индия – 4270 (9,2%); Китай – 23 829 (13,0%); и ЮАР – 2250, или 24,4%. Уровень совместных публикаций Thomson Reuters в 7,5% превышается в целом ряде областей, представляющих интерес для стран БРИКС. Однако такое сотрудничество крайне однонаправленно. Оно представляет собой весьма значительный источник приобретения знаний с точки зрения БРИКС и намного менее важный для США и ЕС.

Такова реальность совместных публикаций: США являются средоточием передовой науки, следовательно, ученые стремятся готовить совместные публикации с представителями этой страны. ЕС является еще одной важной точкой притяжения. Доли совместных публикаций с ЕС составляют для Бразилии 13,6%; России – 20%; Индии – 11%; Китая – 18,6%, ЮАР – 25%. То, что Вагнер [Wagner, 2008] назвал «новым невидимым научным колледжем», имеет два виртуальных кампуса – США и ЕС. Мировое сообщество ученых осуществляет деятельность через этот незримый колледж вопреки, а не благодаря политике правительства.

Южноафриканская наука, как и экономика страны в целом, является открытой, и число международных совместных публикаций достигло почти 50% от всех публикаций с наличием соавтора. Расходы на НИОКР в области инженерного дела и технологий снизились, в то время как финансирование исследований в области медицинских наук в целом и инфекционных заболеваний в частности возросло. Медицинские науки действует как очень мощный фактор для развития международного сотрудничества [Kahn, 2011]. ЮАР наиболее плодотворна среди стран БРИКС в области подготовки совместных публикаций, и импакт-фактор публикаций ученых из этой страны выше, чем показатель Китая и Бразилии [SAccess, 2011].

Отмечается успех южноафриканских астрономов и астрофизиков в получении права на размещение большей части радиоинтерферометра Square Kilometre Array (SKA), который станет крупнейшим из когда-либо созданных научных инструментов[5]. Основное количество антенн для высоких и средних частот будет построено внутри страны, в то время как другие антенны будут расположены в восьми африканских странах. В Австралии разместится дополнительная антенная решетка для низких частот. Ожидается, что полностью SKA заработает в 2024 г. [SKA, 2014]. О'Нил неправ. ЮАР имеет значение.

В будущее

Двусторонние соглашения в сфере науки и технологий – обычное явление для стран БРИКС, а также для их сотрудничества с другими странами – производителями научных знаний. Соглашения, история которых насчитывает многие десятилетия, способствовали реализации совместных проектов и обмену кадрами, хотя данные по совместным публикациям не являются в полной мере обнадеживающими. Здесь нужно уточнить, что в таких сферах, как космос и оборона, осуществляются интенсивные обмены научными знаниями и технологиями, однако правила секретности могут препятствовать открытой публикации данных.

[4] Число совместных российско-германских публикаций в тот же период составило 2934.

[5] SKA Project. Режим доступа: www.ska.ac.za (дата обращения: 20.03.2015).

А что можно сказать о трехстороннем соглашении Индии, Бразилии и ЮАР (ИБСА) 2003 г. и последующем Соглашении по НТИ 2010 г.? В 2013 г. было отмечено, что «торговля внутри ИБСА – это четкое подтверждение потенциала и успеха формата, и первоначальная цель по объему торговли в 25 млрд долл. США к 2015 г., вероятно, будет превышена, учитывая текущий объем торговли, составляющий 23 млрд долл. ИБСА также сотрудничают с развивающимися странами, особенно наименее развитыми (НРС) и находящимися в процессе постконфликтного восстановления и развития (PCRD), через Фонд ИБСА по борьбе с голодом и нищетой, реализуя проекты в сфере развития на благо этих стран» [IBSA, 2014]. Таким образом, ответственные за сотрудничество в рамках ИБСА удовлетворены «достижением» своей цели, хотя не существует контраргументов, на противопоставлении которым можно проверить их правоту. Без существования ИБСА, скорее всего, был бы достигнут тот же результат. Соглашение ИБСА по НТИ 2010 г. [DIRCO, 2014] направлено на содействие «краткосрочному обмену учеными, исследователями, техническими специалистами и преподавателями», трехсторонним семинарам по науке и технологиям, обмену информацией, а также «подготовке и осуществлению трехсторонних программ исследований и разработок». Каждая из сторон соглашения, как ожидается, будет вносить 1 млн долл. США в год для содействия этим целям. На сегодняшний день имеется мало свидетельств реальной деятельности в этом направлении, хотя, возможно, слишком рано говорить об этом, как о проблеме. При этом, несмотря ни на что, предусмотренные объемы финансирования все равно слишком малы, чтобы привлечь внимание ведущих исследователей.

Приведенные выше соображения позволяют рассмотреть целесообразность специализации по пяти тематическим областям Декларации, а именно:

– Бразилия – изменение климата и смягчение последствий стихийных бедствий;
– Россия – водные ресурсы и борьба с их загрязнением;
– Индия – геопространственные технологии и приложения;
– Китай – новые и возобновляемые источники энергии и энергоэффективность;
– ЮАР – астрономия.

Первым делом нужно проанализировать смысл этого выбора. Помочь в этом может рассмотрение крупнейших по своему значению вызовов в сфере НТИ (Grand Challenges), выделенных каждой из стран (в случае с Бразилией они описаны как стратегические области). Обзор литературы позволяет выделить следующие вызовы такого рода:

– Бразилия: биотехнологии, нанотехнологии, энергетика, ИКТ, здравоохранение, биоразнообразие и проблемы Амазонии, **изменение климата**, космические науки, национальная безопасность [MST, 2007].
– Россия: энергетика, ядерная физика, космические науки, здравоохранение, стратегические ИТ [Meissner et al., 2013].
– Индия: устойчивое сельское хозяйство, здравоохранение, энергетика, транспорт и инфраструктура, окружающая среда, инклюзивность, космические науки и технологии [Hoareau et al., 2014].
– Китай: биотехнологии, продовольственная безопасность, **новые источники энергии** и материалы, чистые транспортные средства, изменение климата и окружающая среда [Ibid.].
– Южная Африка: биотехнологии, возобновляемые источники энергии, изменение климата, **космические науки и технологии**, борьба с бедностью [DST, 2008].

Сравнение с данными табл. 1 показывает прямое совпадение с основными предметными областями для Бразилии, Индии и ЮАР и меньшее число пересечений в случаях Китая и России.

Ключевые сферы исследований для Бразилии, Китая и ЮАР, согласно Кейптаунской декларации, совпадают с выявленными значимыми вызовами или приоритетными областями. Так, Бразилия традиционно проводит исследования по проблематике Амазонии и ее роли в изменении климата и, таким образом, имеет опыт в управлении погодными стихийными бедствиями. Китай, столкнувшись с сильным уровнем загрязнения в крупнейших городах, в настоящее время стал мировым лидером в области создания фотогальванических энергетических систем, а также работает над технологиями экологически чистых транспортных средств. Определение астрономии в качестве приоритетной области для ЮАР соотносится с размещением в стране SKA и осуществлением работы в сфере оптической и радиоастрономии. Китай и Индия также являются участниками проекта SKA.

На первый взгляд, однако, нет четкого совпадения для России и Индии. Но можно предположить, что проблемы России, связанные с загрязнением Байкала и Аральского моря, могут способствовать ее лидирующей роли в исследованиях загрязнения водных ресурсов. Индия имеет преимущество в разработке программного обеспечения, в том числе геоинформационных систем, что способствует ее деятельности в области геопространственных технологий.

Противоречивое соотношение: наука, технологии, инновации и геополитика

БРИКС – мощное объединение стран в плане экономики, политики и развития науки. Гипотеза О'Нила сохраняет свои достоинства, но, вопреки ей, ЮАР, доминирующая держава в Африке, является неотъемлемым членом БРИКС. Последняя четверть XX в. была ознаменована переходом от биполярной системы и «холодной войны» к короткому периоду гегемонии США. Сейчас идет процесс становления нового «мирового беспорядка», в котором различные региональные державы вспоминают давние территориальные притязания, и последствия такого развития событий непредсказуемы. Черное море, Южно-Китайское море, Индийский океан, Южная Атлантика и Северный Ледовитый океан становятся все более милитаризованными. Старыми картами размахивают в спорах по вопросам границ, которые со временем изменились. Возможно, Гэлбрейт был излишне оптимистичен, полагая, что мир вступает в эпоху неопределенности [Galbraith, 1977].

Мировая наука имеет дело с масштабными изменениями. Как отмечают Холландерс и Соэте, «мы, кажется, находимся на грани структурного сдвига в системе вклада знаний в рост на уровне всей мировой экономики. Это также проявляется в выходе на мировую арену крупных транснациональных компаний из развивающихся стран..., (которые) все чаще используют трансграничные слияния и поглощения, чтобы обеспечить быстрое и беспрепятственное распространение технологических знаний» [Hollanders, Soete, 2010]. Китай, в частности, готовится стать крупнейшей экономикой и крупнейшим источником научных публикаций в мире.

Что касается сотрудничества в области науки в рамках БРИКС, данные по публикациям свидетельствуют, что такое сотрудничество – скорее риторика, чем реальность. Каждая из пяти стран БРИКС гораздо более активно «сотрудничает» с центрами производства научных знаний в США и ЕС, чем друг с другом. Тем не менее большая часть такого «сотрудничества» с США и ЕС характеризуется однонаправленностью. Из пяти стран БРИКС ЮАР имеет самый высокий уровень международного соавторства публикаций.

Кейптаунская декларация БРИКС по науке, технологиям и инновациям, безусловно, преследовала благие цели, однако она еще не ратифицирована, и бюджет для ее реализации отсутствует. Вполне возможно, что она повторит судьбу соглашения ИБСА по НТИ – хорошего в теории, но трудно реализуемого на практике.

Подписавшиеся под декларацией БРИКС, возможно, пожелают выйти за рамки риторики и учесть реалии появления нового незримого «научного колледжа». Это потребует признания центральной роли США и ЕС в глобальном создании научных знаний, подтверждаемой масштабами сотрудничества между научными сообществами стран БРИКС, США и ЕС. Имеет смысл открыть деятельность по пяти предложенным тематическим направлениям для участников из США, ЕС и других стран. Вовлечение в нее «невидимого колледжа» укрепит позиции всех участников.

Литература

Cobham A., Sumner A. (2013) Putting the Gini Back in the Bottle? "The Palma" as a Policy-Relevant Measure of Inequality. Режим доступа: https://www.kcl.ac.uk/aboutkings/worldwide/initiatives/global/intdev/people/Sumner/Cobham-Sumner-15March2013.pdf (дата обращения: 20.03.2015).

De Bellis N. (2009) Bibliometrics and Citation Analysis. Lanham: Scarecrow Press.

DIRCO (2014) Multilateral Agreements Signed by South Africa between 01.01.1994 until 15.04.2011. Режим доступа: www.dirco.gov.za/foreign/multilateral0415.rtf (дата обращения: 20.03.2015).

DST (2008) Ten Year Plan for Innovation. Pretoria: Department of Science and Technology.

Financial Times (2013) China Smog Cuts 5.5 Years from Average Life Expectancy. Режим доступа: http://www.ft.com/intl/cms/s/0/eed7c0be-e7ca-11e2-9aad-00144feabdc0.html#axzz3OsvBLDHZ (дата обращения: 20.03.2015).

Galbraith J.K. (1977) The Age of Uncertainty. L.: BBC – Andre Deutsch.

Glanzel W. (2001) National Characteristics in International Scientific Co-authorship // Scientometrics. Vol. 51. No. 1. P. 69–115.

Gorodnikova N. (2013) The Russian Federation // Financing Innovation / M. Kahn, L. De Melo, M. De Matos (eds). L.: Routledge. P. 78–133.

Hollanders H., L. Soete (2010) The Growing Role of Knowledge in the Global Economy // UNESCO Science Report 2010. The Current Status of Science around the World. Paris: UNESCO Publishing.

Hoareau C., Mcgrath V., Horvath B., Baruch S., Gunashekar H., Lu S., Culbertson P., Pankowska J., Chataway J. (2014) The International Dimension of Research and Innovation Cooperation Addressing the Grand Challenges in the Global Context. Brussels: EC DG Research and Innovation.

IBSA (2014) India-Brazil-South Africa Dialogue Forum. Режим доступа: http://www.ibsa-trilateral.org/ (дата обращения: 20.03.2015).

Kahn M.J. (2011) A Bibliometric Analysis of South Africa's Scientific Outputs – Some Trends and Implications // South African Journal of Science. Vol. 107. No. 1/2.

Kuznetsova T. (2014) Innovation, Finance and Funding in the Innovation System of Russia // Financing Innovation / M.J. Kahn, L.M. De Melo, M. Matos (eds). New Delhi: Routledge.

Meissner D.L., Gokhberg L., Sokolov A. (eds) (2013) Science, Technology and Innovation Policy for the Future. Berlin: Springer Verlag.

Nascimento P.A. Meyer (2014) Some Trends in Higher Education and Research in BRICS Countries // Papers of the Fifth BRICS Academic Forum / A. Bawa, N. Bohler-Muller, S. Fikeni, S. Zondi, S. Naidu (eds). Pretoria: Department of International Relations and Cooperation.

MST (2007) Science, Technology and Innovation for National Development. Action Plan 2007–2010. Brasilia: Ministry of Science and Technology.

National Science Board (2012) Science and Engineering Indicators. Washington: National Science Foundation.

North D.C, Wallis J.J., Weingast B.R. (2009) Violence and Social Orders A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge: Harvard University Press.

OECD (2014) Main Science and Technology Indicators 2014/2. Paris: Organization for Economic Cooperation and Development.

Royal Society (2011) Knowledge, Networks and Nations. Global Scientific Collaboration in the 21st Century. L.: Royal Society.

SAccess (2011) Report on South African Research and Innovation Capacity. ACCESS4EU – South Africa Contract Number 243851. Brussels: European Commission.

Scidev (2014) BRICS Summit Makes Little Progress on Science Cooperation. Режим доступа: http://www.scidev.net/global/cooperation/news/brics-summits-make-little-progress-on-science-cooperation.html (дата обращения: 20.03.2015).

SKA (2014) With 40% of the World's Population Involved, the SKA Project is Truly a Global Enterprise. Режим доступа: https://www.skatelescope.org/participating-countries/ (дата обращения: 20.03.2015).

Studwell J. (2013) How Asia works. N.Y.: Grove Press.

Thomson-Reuters (2010) Expert Group for the Interim Evaluation of Framework Programme 7 Bibliometric Analysis – Final Report. L.: Thomson Reuters.

Trenin D. (2014) Welcome to Cold War II. Режим доступа: http://foreignpolicy.com/2014/03/04/welcome-to-cold-war-ii/ (дата обращения: 20.03.2015).

Wagner C. (2008) The New Invisible College. Science for Development. Washington: Brookings Institution Press.

WEF (2014) Global Competitiveness Report 2014. Geneva: World Economic Forum.

World Bank (2010) Innovation Policy in Developing Countries. Washington: World Bank.

Xinhua (2013) Xi Jinping Urges Deepening Reform, Innovation-Driven Development. Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/english/china/2013-11/05/c_132861473.htm (дата обращения: 20.03.2015).

Prospects for Cooperation in Science, Technology and Innovation among the BRICS Members

M. Kahn

Michael Kahn – PhD, Professor Extraordinaire, Stellenbosch University; Director, "Research and Innovation Associates", Cape Town, South Africa; Private Bag X1 Matieland, 7602 Stellenbosch University, Stellenbosch, South Africa; E-mail: mjkahn@sun.ac.za

Abstract

The establishment of the BRICS New Development Bank signals the maturing of the financial relationships among the partners of the "club." This has acquired a heightened profile through the Cape Town Declaration, whereby the BRICS ministers of science and technology committed to cooperation on science, technology and innovation (STI). This article explores some of the questions raised by the declaration, for example regarding the status of intra-BRICS STI cooperation, the rationale for the choice of specific fields of cooperation and the countries' strengths in these fields. How do these fields align with each country's domestic STI strategy? What bilateral STI agreements are already in place, and what have they delivered? How does the Cape Town Declaration align or compromise the India-Brazil-South Africa (IBSA) process? Will rising geopolitical tensions (Black Sea, China Sea) limit the scope of STI cooperation? This article also demonstrates why South Africa is important to the club. Addressing these questions requires a study of geopolitics, finance, trade and other modes of engagement, STI included. One convenient framework is a macro-level PESTEL analysis, with a more detailed look at the 'T' for technology, for which read STI. Other document analysis, and economic, social and STI indicators, together with bibliometric data provide the empirical basis for the arguments. The analysis, together with the identification of national imperatives, allows an interrogation of the potential of the Cape Town Declaration. It is argued that South Africa is not only the "Gateway to Africa," but also that it displays the highest level of intra-BRICS scientific cooperation.

Key words: BRICS, Cape Town Declaration, science, technology and innovation, bibliometrics, South Africa, Gateway to Africa

References

Cobham A. and Sumner A. (2013) *Putting the Gini Back in the Bottle? "The Palma" as a Policy-Relevant Measure of Inequality*. Available at: https://www.kcl.ac.uk/aboutkings/worldwide/initiatives/global/intdev/people/Sumner/Cobham-Sumner-15March2013.pdf (accessed 20 March 2015).

De Bellis N. (2009) *Bibliometrics and Citation Analysis*. Lanham: Scarecrow Press.

DIRCO (2014) *Multilateral Agreements Signed by South Africa between 01.01.1994 until 15.04.2011*. Available at: www.dirco.gov.za/foreign/multilateral0415.rtf (accessed 20 March 2015).

DST (2008) *Ten Year Plan for Innovation*. Pretoria: Department of Science and Technology.

Financial Times (2014) *China Smog Cuts 5.5 Years from Average Life Expectancy*. Available at: http://www.ft.com/intl/cms/s/0/eed7c0be-e7ca-11e2-9aad-00144feabdc0.html#axzz3OsvBLDHZ (accessed 20 March 2015).

Galbraith J.K. (1977) *The Age of Uncertainty*. London, BBC – Andre Deutsch.

Glanzel W. (2001) National Characteristics in International Scientific Co-authorship. *Scientometrics*, vol. 51, no 1, pp. 69–115.

Gorodnikova N. (2013) The Russian Federation. *Financing Innovation* (eds. M. Kahn, L. De Melo, M. De Matos). London: Routledge, pp. 78–133.

Hollanders H. and L. Soete (2010) The Growing Role of Knowledge in the Global Economy. *UNESCO Science Report 2010. The Current Status of Science around the World*. Paris: UNESCO Publishing.

Hoareau C., Mcgrath V., Horvath B., Baruch S., Gunashekar H., Lu S., Culbertson P., Pankowska J. and Chataway J. (2014) *The International Dimension of Research and Innovation Cooperation Addressing the Grand Challenges in the Global Context*. Brussels: EC DG Research and Innovation.

IBSA (2014) *India-Brazil-South Africa Dialogue Forum*. Available at: http://www.ibsa-trilateral.org/ (accessed 20 March 2015).

Kahn M.J. (2011) A Bibliometric Analysis of South Africa's Scientific Outputs – Some Trends and Implications. *South African Journal of Science*, vol.107, no 1/2.

Kuznetsova T. (2014) Innovation, Finance and Funding in the Innovation System of Russia. *Financing Innovation* / M.J. Kahn, L.M. De Melo, M.Matos (eds). New Delhi: Routledge.

Meissner D.L., Gokhberg L. and Sokolov A. (eds.) (2013) *Science, Technology and Innovation Policy for the Future*. Berlin: Springer Verlag.

Nascimento P.A. Meyer (2014) Some Trends in Higher Education and Research in BRICS Countries. *Papers of the Fifth BRICS Academic Forum* / A. Bawa, N Bohler-Muller, S. Fikeni, S. Zondi and S. Naidu (eds). Pretoria: Department of International Relations and Cooperation.

MST (2007) *Science, Technology and Innovation for National Development. Action Plan 2007–2010.* Brasilia: Ministry of Science and Technology.

National Science Board (2012) *Science and Engineering Indicators*. Washington: National Science Foundation.

North D.C, Wallis J.J. and Weingast B.R. (2009) *Violence and Social Orders A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Harvard University Press.

OECD (2014) *Main Science and Technology Indicators 2014/2.* Paris: Organization for Economic Cooperation and Development.

Royal Society (2011) *Knowledge, Networks and Nations. Global Scientific Collaboration in the 21st Century*. London: Royal Society.

SAccess (2011) *Report on South African Research and Innovation Capacity*. ACCESS4EU – South Africa Contract Number 243851. Brussels: European Commission.

Scidev (2014) *BRICS Summit Makes Little Progress on Science Cooperation*. Available at: http://www.scidev.net/global/cooperation/news/brics-summits-make-little-progress-on-science-cooperation.html (accessed 20 March 2015).

SKA (2014) *With 40% of the World's Population Involved, the SKA Project is Truly a Global Enterprise*. Available at: https://www.skatelescope.org/participating-countries/ (accessed 20 March 2015).

Studwell J. (2013) *How Asia works*. New York: Grove Press.

Thomson-Reuters (2010) *Expert Group for the Interim Evaluation of Framework Programme 7 Bibliometric Analysis – Final Report*. London: Thomson Reuters.

Trenin D. (2014) *Welcome to Cold War II*. Available at: http://foreignpolicy.com/2014/03/04/welcome-to-cold-war-ii/ (accessed 20 March 2015).

Wagner C. (2008) *The New Invisible College. Science for Development*. Washington: Brookings Institution Press.

WEF (2014) *Global Competitiveness Report 2014*. Geneva: World Economic Forum.

World Bank (2010) *Innovation Policy in Developing Countries*. Washington: World Bank.

Xinhua (2013) *Xi Jinping Urges Deepening Reform, Innovation-Driven Development*. Available at: http://news.xinhuanet.com/english/china/2013-11/05/c_132861473.htm (accessed 20 March 2015).

Интересы и приоритеты сотрудничества стран – членов БРИКС

Институциональный статус БРИКС и прагматическая модель сотрудничества: на примере стран Южной Америки[1]

Э.П. Контипелли, С. Пиччау

Контипелли Эрнани де Паула – доктор, генеральный директор и один из основателей Центра европейских стратегических исследований, профессор политического и конституционного права на факультете юридических наук Независимого университета Чили и Уночапеко в Бразилии; Calle Perez Valenzuela 1209, dep. 602, Providencia, Santiago, Chile; E-mail: ernani.contipelli@cesr-eu.com

Пиччау Симона – доктор, научный сотрудник, координатор проектов и одна из основателей Центра европейских стратегических исследований, Италия; Via Enzo Loy num. 18, 09134 Cagliari, Italy; E-mail: simona.picciau@cesr-eu.com

БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика) как группа, образованная крупными развиающимися странами, характеризуется наличием прагматической политической стратегии, допускающей противоречивые действия ее участников. БРИКС эволюционировала в своем внутреннем сотрудничестве, повысив уровень институционализации созданием собственных финансовых институтов, Нового банка развития (НБР) и Договора о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС, которые вывели группу на новую ступень ее истории без изменения ее сущности. Новый банк развития был создан с целью мобилизации ресурсов для проектов по строительству инфраструктуры и содействию устойчивому развитию в странах с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся странах, а Договор о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС был заключен для обеспечения ликвидности в странах, сталкивающихся с проблемами в сфере платежного баланса, и предотвращения кризисных явлений в будущем. Многие развивающиеся страны следят за развитием этих институтов с пристальным вниманием. Страны Южной Америки, как представляется, особенно заинтересованы в привлечении инвестиций и получении займов от БРИКС для развития инфраструктуры в своих странах и выстраивания более неформальных, в меньшей степени обремененных политическими обязательствами отношений с зарубежными партнерами. Для стран Южной Америки БРИКС предлагает прагматическую формулу сотрудничества, которая отличается от modus operandi традиционных держав. Другими словами, у бедных стран, нуждающихся в финансовой помощи, появится альтернатива МВФ и Всемирному банку. Отношения между БРИКС и странами Южной Америки характеризуются прагматическим подходом, отражающим «способ действия» группы и потребности в модернизации региона. В данной статье анализируются особые отношения, которые БРИКС устанавливает со странами Южной Америки, используя свой институциональный статус и прагматический подход.

Ключевые слова: БРИКС, быстроразвивающиеся страны, Новый банк развития, страны Южной Америки

[1] Перевод выполнен м.н.с. Центра исследований глобального управления Института международных организаций и международного сотрудничества НИУ ВШЭ А.Г. Сахаровым и м.н.с. Института международных организаций и международного сотрудничества НИУ ВШЭ А.П. Шадриковой.

Введение

Феномен глобализации привел к появлению новых форм сотрудничества, на которые в той или иной степени оказывает влияние экономика спроса (economics of demand). Создание БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) является одним из таких примеров: гетерогенная группа быстроразвивающихся стран действует прагматично в целях развития общих интересов посредством совместных действий. С момента своего создания в 2009 г. БРИКС характеризуется как объединение с неформальной структурой. В дальнейшем поступательное развитие ежегодных саммитов четырех основополагающих стран и присоединение ЮАР придали группе большое политическое влияние. Создание Нового банка развития (New Development Bank, NDB) и подписание Договора о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС (Contingency Reserve Agreement, CRA), состоявшиеся на шестом саммите БРИКС (2014 г.), продолжили процесс «формализации» объединения, направленной на удовлетворение экономических интересов стран-членов и повышение их конкурентоспособности в отношении традиционных ведущих держав. К развитию этих финансовых институтов приковано внимание многих развивающихся стран. Особую заинтересованность в них проявляют страны Южной Америки, в первую очередь с целью привлечения инвестиций и получения займов БРИКС для развития инфраструктуры. Отношения между БРИКС и странами Южной Америки характеризуются прагматическим подходом, отражающим «способ действия» группы и потребности в модернизации региона. В данной статье анализируется прагматическая стратегия БРИКС и способы развития связей с южноамериканскими государствами.

Институциональные модели и прагматическое сотрудничество: подъем крупных развивающихся стран

Как результат исторического развития международный порядок подвержен влиянию многих факторов, охватывающих политические и социальные аспекты от культуры до экономики. Эти факторы обуславливают необходимость адаптации различных структурных форм в соответствии с изменениями в отношениях между государствами. Таким образом, наблюдается непрерывная эволюция институциональных форм сотрудничества, адаптация системы международных отношений и институциональной среды к историческим реалиям. Р. Кокс продемонстрировал стратегическую роль институтов для установления определенного мирового порядка: «Институционализация – это средство стабилизации и закрепления определенного порядка. Институты отражают властные отношения, превалирующие в их происхождении и тенденции, по крайней мере изначально, для поддержания коллективных образов, составляющих таковые властные отношения. В конечном счете институты приобретают свою жизнь; они могут стать полем битвы противоположных устремлений, или конкурирующие институты могут отражать различные устремления. Институты представляют собой особые сочетания идей и материальной власти, которые, в свою очередь, влияют на развитие идей и материальных составляющих (общества)» [Cox, 1981, p. 219].

В историческом контексте эволюция современных институциональных форм международных организаций в значительной степени начинается после Второй мировой войны, когда прослеживается высокий уровень формализма, выразившийся в подписании договоров с целью установить строгие и четкие правила поведения, а также вовлечь как можно большее число стран и поставить их под контроль глобальной системы. Феномен глобализации, начавшейся в 1980-е годы, изменил этот установив-

шийся порядок, предложив новые формы комплексного международного сотрудничества. В некоторых случаях международное сотрудничество затронуло целостность национальных суверенных государств, как в случае развития региональных интеграционных блоков. Самым важным примером является создание Европейского союза, подкрепленное историческими факторами, в частности падением Берлинской стены, активизировавшего интеграционный процесс в качестве одного из ответов на односторонний характер внешней политики США.

В конце XX в. глобализация привела к возникновению или возрождению новых акторов в мировой экономике, известных как «крупные развивающиеся страны» (“emerging powers”). Эти страны бросают вызов политической и экономической гегемонии западных держав, определявших мировой порядок. С подъемом таких стран традиционной модели международного сотрудничества был сделан вызов: возникает неформальная и гибкая многосторонняя модель отношений, определяемая политическим и экономическим прагматизмом, ярким примером чему служит БРИКС. Интенсификации этой тенденции способствовал экономический и финансовый кризис 2008 г., глубоко затронувший США и Европейский союз и продемонстрировавший их слабые места перед развивающимися державами, как странами БРИКС, так и другими государствами, входящими в такие неформальные объединения, как MINT (Мексика, Индонезия, Нигерия, Турция), CIVET (Колумбия, Индонезия, Вьетнам, Египет, Турция) и др.

Новый мировой порядок, или беспорядок, характеризующийся подъемом быстроразвивающихся стран и их сегодняшней архитектурой, привел к появлению такого феномена, как “*forum shopping*”[2]. Иными словами, акторы международных отношений принимают решение об участии в отдельных институтах из большого количества сформировавшихся центров многостороннего диалога, исходя из необходимости реализации собственных интересов [Forman, Segaar, 2006]. Главным последствием такого политического поведения является высокий уровень неэффективности в решении глобальных проблем, таких как изменение климата, обеспечение природными ресурсами, бедность и социальное неравенство, проблема мира и нераспространения вооружения и т.д. [Ruland, 2012, p. 256]. Согласно заявлению, принятому Генеральной Ассамблеей ООН (2002 г.), количество встреч, организуемых межправительственными структурами, значительно возросло, что ведет к перегрузке дискуссии по глобальным проблемам подобными встречами и появлению «усталости от саммитов» (“*summit fatigue*”) [United Nations General Assembly, 2002].

Несмотря на соответствие процесса “forum shopping” концепции идеологического плюрализма, гетерогенность и комплексность этого феномена обуславливают возникновение нестабильности международных отношений, оказывая негативное влияние на систему институтов глобального управления, требующую большей согласованности между национальными интересами, отношениями взаимозависимости и солидарности. Такая форма сотрудничества способствует развитию отношений нового качества между странами, обладающими различными географическими, социальными и политическими характеристиками, но преследующими ряд общих целей. Необходимость совместных многосторонних усилий, особенно в экономической сфере, с установлением неформальных моделей сотрудничества обуславливает перераспределение сил на глобальной арене[3].

---

[2] Термин “forum shopping” в юриспруденции означает выбор оптимальной судебной инстанции, которая, по мнению участника процесса, с наибольшей вероятностью вынесет удовлетворяющий его вердикт (*Примеч. пер.*).

[3] Одним из множества примеров перераспределения сил на мировой арене является создание «Группы двадцати». Если «Группа семи» была основана избранной группой богатейших стран мира, то

Институциональный статус БРИКС

Появление новой парадигмы в глобальном порядке, подкрепленной экономическим и финансовым кризисом, позволяет некоторым странам активнее участвовать в международных процессах. Как уже было упомянуто, это категории быстроразвивающихся государств: БРИКС, MINT и CIVET . Эти акронимы появились в результате группирования стран в соответствии с экономическими показателями и прогнозами развития. На сегодняшний день названия этих объединений являются привычными в международном политическом языке. Они даже были взяты самими государствами в качестве основы для обеспечения общих интересов через совместные действия[4].

Очевидно, что БРИКС играет более значительную роль в глобальной экономике и в политическом развитии мира, чем другие объединения, упомянутые выше[5]. После появления акронима БРИК лидеры этих стран продемонстрировали политическую волю к установлению сотрудничества для согласования общих интересов. На первом саммите БРИК, состоявшемся в Екатеринбурге (Россия) 16 июня 2009 г., это намерение было консолидировано согласованием заявления о совместных действиях в рамках традиционных международных организаций. Годом позже, на втором саммите, прошедшем в г. Бразилиа (Бразилия) 16 апреля, лидеры четырех стран смогли обсудить такие важные темы, как глобальное управление и изменение климата. Третий саммит на о. Хайнань (Китай), состоявшийся 14 апреля 2011 г., был отмечен важным событием: в ряды БРИКС было принято пятое государство – ЮАР. Это означало изменение акронима БРИК на БРИКС. Саммит продемонстрировал политическое и экономическое усиление объединения в связи с принятием нового партнера на африканском континенте.

На четвертом саммите БРИКС в Нью-Дели 29 марта 2012 г. произошло расширение повестки дня форума. Данный саммит отметился значительной критикой современного мироустройства и работы международных организаций, таких как Всемирный банк, МВФ и Совет Безопасности ООН, особенно в том, что касается представительства развивающихся стран. Китайский лидер Ху Цзиньтао (2012 г.) отметил: «Мы обязуемся расширять сотрудничество с другими странами по вопросам реформ мирового экономического управления и увеличения представительства развивающихся стран». Этот саммит также стал первым шагом на пути к созданию Банка развития БРИКС, который стал главной темой пятого саммита в Дурбане (ЮАР) 26–27 марта 2013 г. Четвертый саммит также считается завершением первого цикла встреч по оформлению БРИКС. Дискуссия была сосредоточена на процедурных вопросах создания Банка: со-

---

«Группа двадцати» на сегодняшний день включает главные быстроразвивающиеся страны: Бразилию, Россию (также входила в «Группу восьми»), Китай, Индию, ЮАР и др.

[4] В частности, акроним «БРИК» был введен в оборот экономистом Goldman Sachs Bank Джимом О'Ниллом в аналитической записке «Выстраивание более благоприятной мировой экономики БРИК?» для описания группы быстроразвивающихся государств, включающих Бразилию, Россию, Индию и Китай, которые будут доминировать в экономической системе будущего и реорганизуют мировой порядок. См.: [O'Neill, 2001].

[5] Интересным представляется существование определенных иерархичных отношений между категориями. Группа БРИКС привлекает больше внимания в международных дискуссиях, потому что образована странами, которые обладают значительным политическим весом, большой территорией и населением, а также уже сформированной региональной сферой влияния. Например, Бразилия занимает лидирующую позицию в Южной Америке внутри МЕРКОСУР; Россия пользуется политическим влиянием в республиках бывшего СССР в Евразийском экономическом сообществе; Китай имеет сильное экономическое влияние в Юго-Восточной Азии, а Индия – в Южной Азии. ЮАР продолжает расширять свое влияние в странах к Югу от Сахары. В то же время группы MINT и CIVET претендуют на более активную позицию в международном контексте и на то, чтобы играть более активную роль в своих регионах.

отношении долей стартового капитала, участии каждой страны и определении целей нового института [Fourth BRICS Summit, 2012].

На шестом саммите в г. Форталеза (Бразилия) 14–16 июля 2014 г. были завершены организационные вопросы по созданию Нового банка развития, и институт был официально учрежден. Также был подписан Договор о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС, который можно рассматривать как основу для более формализованного сотрудничества. Бразильский саммит был также местом встречи лидеров стран БРИКС с представителями Союза южноамериканских наций (УНАСУР) и площадкой для обсуждения многих вопросов, представляющих общий интерес [Sixth BRICS Summit, 2014b].

Новая глава сотрудничества БРИКС: Новый банк развития и Договор о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС

Шестой саммит открыл новую главу в отношениях между странами БРИКС, повысив уровень сотрудничества между ними. Объединение постепенно трансформировалось из лоббистской группы в более организованную общность, способную принимать эффективные решения. Фактически результатом этого саммита стало открытие нового пути для быстроразвивающихся экономик под эгидой БРИКС. Причинами решения о создании многостороннего банка развития стало стремление внести вклад в формирование более справедливого миропорядка посредством реализации одного из основных пунктов повестки дня БРИКС – достижения инклюзивной модели экономического роста.

Определенно такой политический выбор можно интерпретировать как намерение стран БРИКС нарастить свое влияние в международном сообществе и представить альтернативу существующим институтам, находящимся под контролем западных стран, посредством реформирования международной валютной и финансовой систем. «Мы разочарованы и серьезно обеспокоены текущим невыполнением реформ Международного валютного фонда (МВФ) 2010 г., что негативно сказывается на легитимности, авторитете и эффективности МВФ», – отмечено в Форталезской декларации [Sixth BRICS Summit, 2014b].

Новый банк развития был создан с целью мобилизации ресурсов для инвестирования в инфраструктурные проекты и проекты устойчивого развития в странах с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся странах[6]. Другой важной инициативой в сфере финансов является Договор о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС, направленный на обеспечение ликвидности в странах, сталкивающихся с проблемами в сфере платежного баланса, и предотвращение кризисных явлений в будущем[7]. Другими словами, у бедных стран, нуждающихся в финансовой помощи, появится альтернатива МВФ и Всемирному банку.

Новый банк развития, штаб-квартира которого находится в Шанхае, будет иметь начальный капитал 50 млрд долл. США, внесенный в равных долях каждой стороной.

[6] Первая статья Соглашения о Банке развития (2014 г.) подтверждает эту концепцию: «Банк должен мобилизовать ресурсы для развития инфраструктуры и проектов устойчивого развития в странах БРИКС, а также в других странах с формирующейся рыночной экономикой и в развивающихся странах. Такой Банк дополнил бы уже прилагаемые усилия международных и региональных финансовых институтов, нацеленные на глобальный рост и развитие». См.: [Sixth BRICS Summit, 2014a].

[7] Договор о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС – это «основа для оказания поддержки через ликвидность и предупреждающие инструменты для реагирования на существующие и потенциальные краткосрочные проблемы платежных балансов» [Sixth BRICS Summit, 2014a].

Пост первого президента займет представитель Индии, первым председателем правления станет представитель Бразилии, и будет учрежден Региональный центр по Африке в ЮАР для гарантии баланса сил между странами. Что касается Договора о создании Пула условных валютных резервов, было предусмотрено, что наибольший вклад, 41 млрд долл. США, сделает Китай, Бразилия, Индия и Россия внесут по 18 млрд долл. США, а ЮАР – 5 млрд долл. США.

Согласно положениям учредительного документа, подразумевается, что Банк будет инструментом активизации экономического сотрудничества стран БРИКС. Несмотря на различия, участники настроены на плодотворное сотрудничество с целью способствовать диверсификации своих инвестиций и повысить внутреннее благосостояние.

С особым вниманием за учреждением таких финансовых институтов наблюдают правительства развивающихся стран, в частности государств Южной Америки. Страны Южной Америки, как представляется, особенно заинтересованы в привлечении инвестиций и получении займов от БРИКС для развития инфраструктуры в своих странах и выстраивания более неформальных, в меньшей степени обремененных политическими обязательствами отношений с зарубежными партнерами. Для стран Южной Америки БРИКС предлагает прагматическую формулу сотрудничества, которая отличается от modus operandi традиционных держав[8].

Влияние БРИКС в странах Южной Америки

Несмотря на то что Бразилия играет особую роль «лидера» в Южной Америке за счет географической близости и вовлеченности в процессы региональной интеграции, Китай и Россия наращивают свое присутствие в регионе. Южная Америка привлекает эти страны богатством природных ресурсов и растущим средним классом, обладающим высокой покупательной способностью, необходимой для поддержания экономического развития. Действительно, страны БРИКС заявляют о Южной Америке как о сфере общих интересов, о чем свидетельствует организованный в рамках шестой встречи объединения в Форталезе саммит БРИКС – Южная Америка. Тем не менее на самом деле каждая страна действует в регионе исходя из собственной стратегии, подчас вступающей в противоречие со стратегиями остальных стран-участниц. Примером тому могут служить обвинения в демпинге, предъявляемые Бразилией в отношении Китая.

Во время саммита БРИКС в Форталезе лидеры Китая и России Си Цзиньпин и В. Путин посетили с визитами некоторые из государств – стратегических партнеров в Центральной и Южной Америке с целью укрепления политических и экономических отношений. Страны Южной Америки, желающие воспользоваться преимуществом такой модели инвестиций, превратились в политических союзников в международных отношениях, в том числе выразив поддержку России по украинскому вопросу.

Так, в отношении кризиса на Украине Резолюцию ГА ООН «О территориальной целостности Украины», принятую 27 марта 2014 г., осуждающую действия России, поддержали Чили, Колумбия и Перу ввиду близости и отношений с США, но отклонили Венесуэла и Боливия. Воздержались Бразилия, Аргентина, Эквадор, Уругвай, Парагвай, Суринам и Гвиана – вследствие заинтересованности в получении финансовых выгод от сотрудничества с Россией и ее экономического присутствия в регионе.

[8] Одним из примеров прагматического подхода к сотрудничеству может служить доклад Найла Фергюсона по заявлению китайского лидера относительно внешнеполитической стратегии Китая в Африке: «... мы построим дороги и определенное оборудование для вас, но вы должны гарантировать, что у нас будет полный доступ к товарам и первичным ресурсам. Что касается вашей внутренней политики и прав человека, то делайте, что считаете нужным». См.: [Ferguson, 2010].

Наиболее активно из стран Южной Америки связи с Россией развивает Аргентина. Во время последнего визита в эту страну В. Путин и президент Аргентины Кристина Фернандес де Киршнер подписали Соглашение о сотрудничестве в сфере энергетики, предусматривающее строительство российским «Росатомом» двух АЭС. Также Аргентина намерена привлекать российские инвестиции, в частности компании «Газпром», по разведке сланцевой нефти и газовых месторождений в регионе Вака Муэрта. Совпадение экономических интересов отражается на политических отношениях. В. Путин рассматривает Аргентину как стратегического партнера для российских инвестиций за рубежом и отмечает важность этого государства не только в регионе Латинской Америки, но и на глобальном уровне, в форматах «Группы двадцати» и ООН.

Китай, вторая по величине экономика в мире, играет центральную роль как в рамках БРИКС, так и в международной политике в целом. Присутствие Китая в Латинской Америке до 1980-х годов практически не отмечалось. В 1990-е годы присутствие этой страны на континенте медленно увеличивалось, пока не достигло достаточно высокого уровня в последнее десятилетие под управлением Ху Цзиньтао. Китайский лидер Си Цзиньпин за последний год дважды посещал страны Южной Америки с официальными визитами, демонстрируя тем самым приоритетность этого региона для внешней политики Китая не только в рамках многостороннего сотрудничества БРИКС, но и по линии двусторонних связей. Так, в январе 2015 г. в Пекине прошло первое заседание форума Китай – СЕЛАК (Сообщество Латинской Америки и стран Карибского бассейна). «Китай будет предпринимать усилия, чтобы обе стороны могли пожинать ранние плоды форума и выстраивать новую модель сотрудничества Юг – Юг», – заявил министр иностранных дел Китая Ван И во время выступления на форуме, подчеркивая растущий интерес Пекина в традиционной сфере интересов США[9]. Си Цзиньпин, открывая форум, анонсировал сумму инвестиций в Латинскую Америку – 250 млрд долл. США в течение следующего десятилетия.

Интерес Китая к Южной Америке основан на четкой стратегии. Эти страны снабжают Китай природными ресурсами: нефтью (Венесуэла), мясом (Аргентина), соевыми бобами (Бразилия и Аргентина), медью (Чили и Перу) в обмен на займы с низкой процентной ставкой. В некоторых случаях такие займы выплачиваются напрямую товарами. Например, с 2007 г. Китай предоставил Венесуэле кредиты на сумму 50 млрд долл. США. Большая их часть была погашена за счет поставок сырой нефти и производных продуктов, отправляемых в Китай ежедневно. Такой тип сотрудничества расценивается некоторыми аналитиками как опасный для экономики Латинской Америки, поскольку увеличивает ее зависимость от экспорта природных ресурсов [Contipelli, Picciau, 2014].

Аргентина является критически важным элементом в политической игре, включающей прагматизм БРИКС в регионе. В настоящее время продолжается дискуссия, инициированная Индией, о возможности расширения членства в БРИКС и присоединения Аргентины. Возникает вопрос, каким, в случае реализации данной идеи, будет новый акроним объединения? Будет ли это БРИКСА или БРИКАС? Аргентина уже принимала участие в качестве специального гостя в работе последнего саммита

[9] Важно понимать влияние Китая в регионе, который исторически находился в сфере политического влияния США. Отношения между США и странами Латинской Америки «охладели» в последние годы, и Китай проявляет себя в качестве альтернативного партнера для региона. Боливия, Венесуэла и Эквадор укрепляют сотрудничество с Китаем и часто обвиняют США в проведении империалистической политики в регионе. Вице-президент Венесуэлы Хорхе Ареаца заявил: «Китай обладает огромным потенциалом и не носит империалистического характера. И этот потенциал способен обеспечить нам достойный уровень жизни» [Venezuelanalysis, 2015]. Внешнеполитические приоритеты США на сегодняшний день ориентированы на Восточную Европу, Азию и Ближний Восток.

БРИКС, будучи приглашенной Россией. Наращивание темпов двустороннего сотрудничества с Китаем, Россией и Индией может предоставить Аргентине возможность присоединения к их влиятельной группе, оставив в прошлом катастрофический финансовый коллапс 2001 г., повлиявший на снижение активности страны на международной арене.

В этом контексте Аргентина, очевидно, позитивно воспринимает подход БРИКС к сотрудничеству, что подтверждается подписанными недавно торговыми соглашениями с Китаем. Рамочное соглашение об экономическом и инвестиционном сотрудничестве (Convenio Marco de Cooperación en Materia Económica y de Inversiones) между Аргентиной и Китаем могло бы повлиять на отношения внутри МЕРКОСУР, особенно с Бразилией. Соглашение направлено на осуществление инфраструктурных проектов в Аргентине. В частности, планируется строительство двух ГЭС в Патагонии за счет заемных средств на сумму 4,7 млрд долл. США. Кроме того, 2,1 млрд долл. США будет вложено в строительство железных дорог, которые свяжут сельскохозяйственные районы Аргентины с портами для повышения эффективности транспортировки зерновых, поскольку Китай является крупнейшим покупателем аргентинских соевых бобов.

Многие аналитики считают, что подписав торговое соглашение с Китаем, Аргентина игнорирует историческое партнерство с Бразилией внутри МЕРКОСУР. Аргентина стремится к удовлетворению собственных интересов и ожидает расширения экономических связей с Китаем и привлечения инвестиций, особенно в организацию производства китайских промышленных товаров в Аргентине, которые могут составить конкуренцию бразильской промышленности в соответствующих отраслях [Passos, 2015]. В то же время Китай не высказывает беспокойства по поводу отношений с Бразилией, еще раз демонстрируя политическую философию БРИКС, режим действия в глобальной экономике: мы вместе, но каждый из нас свободен.

Очевидно, что помимо растущего участия России и значительного влияния Бразилии в регионе, Китай является неоспоримым лидером БРИКС. Лидеры стран Южной Америки, осознающие такое положение вещей, развивают внешнюю политику, которую можно назвать «стратегическим флиртом» с Китаем с целью привлечения инвестиций. Вице-президент Аргентины, Амадо Буду, подтверждает: «... отношения между Китаем и Аргентиной будут продолжать развиваться на благо наших народов... это не просто покупатель или торговый партнер, а стратегический партнер, с которым мы будем работать вместе во имя равноправия в мире» [Latin Post, 2014]. Данное заявление отражает склонность властей южноамериканских стран использовать популистские лозунги для поддержания нового сотрудничества «Юг – Юг» и их потребность в получении финансовой поддержки Китая.

Ожидания в связи с Новым банком развития

Одним из самых больших ожиданий стран Южной Америки в отношении БРИКС является деятельность Нового банка развития в регионе. Учреждение Нового банка развития – это элемент политической стратегии БРИКС, соотносящийся с текущими потребностями развивающихся стран в модернизации посредством строительства национальных систем инфраструктуры.

Как отмечалось ранее, страны БРИКС заинтересованы в предоставлении заемных средств на нужды развития без выдвижения политических условий в обмен на контроль над ресурсами региона и увеличение политического влияния мире. Новый банк развития может стать способом установления прочных и выгодных отношений со странами Южной Америки, без прямого контакта с США. В рамках многих дискуссий создание

Нового банка развития представлялось как возможность подрыва гегемонии американского доллара в финансовой системе. Тем не менее важно учитывать, что в основополагающих документах капитал Нового банка развития и Пула условных валютных резервов номинирован в долларах США.

Наконец, создание этих финансовых институтов БРИКС не может расцениваться в качестве попытки политической конфронтации с США, поскольку это не главный пункт стратегии БРИКС. Времена «холодной войны» прошли, и философия, которая движет поведением политических акторов в современном международном контексте, все больше и больше определяется прагматическими, нежели идеологическими соображениями.

Страны Южной Америки уже имеют опыт создания банка развития в своем регионе. Идея создания Банка Юга (*Banco del Sur*) была предложена бывшим президентом Венесуэлы Уго Чавесом и поддержана Джозефом Стиглицом. Оба были широко известны своей критикой в отношении традиционных финансовых институтов, МВФ и Всемирного банка. Банк Юга был создан в 2006 г. с целями, аналогичными целям Нового банка развития (устойчивые социальные программы и инфраструктура). Но в некотором смысле его создание было идеологически мотивировано. На сегодняшний день, однако, в связи с трудностями по достижению политического и юридического консенсуса между партнерами (Аргентиной, Боливией, Бразилией, Эквадором, Парагваем, Уругваем и Венесуэлой), институт существует лишь на бумаге.

Делать предположения о том, какими будут выгоды от действий Нового банка развития для стран Южной Америки и как будут развиваться отношения между БРИКС и странами региона, пока преждевременно. В настоящий момент большинство лидеров стран Южной Америки рассматривают Банк с точки зрения создания возможностей для их национального развития. Последующие шаги Нового банка развития покажут, в состоянии ли прагматическая политика БРИКС преодолеть затруднения, повлиявшие на работу Банка Юга.

Заключение

БРИКС одновременно представляет ряд взаимопроникающих интересов, а также культурное и политическое разнообразие, демонстрируя особый режим работы группы, основанный на преобразовании гетерогенности в фактор внутреннего сотрудничества в интересах преодоления противоречий и укрепления общих интересов, где структурные и формальные условия не являются существенным компонентом. С учетом очевидного наличия противоречий само существование объединения уже триумф для стран БРИКС. Однако как международный актор БРИКС еще находится в процессе формирования, выстраивая свою собственную прагматическую стратегию.

Таким образом, вплоть до пятого саммита неформальность была основой сотрудничества БРИКС. На шестом саммите группа обрисовала свою политическую концепцию более четко, скрепив институциональные связи между странами-членами посредством учреждения Нового банка развития и подписания Договора о создании Пула условных валютных резервов. Создание этих финансовых институтов способствовало «самоформализации» отношений внутри института с тем, чтобы конкурировать с другими традиционными игроками в международной системе, особенно в качестве противовеса западным финансовым институтам.

Для стран Южной Америки присутствие региональной державы – Бразилии – в группе БРИКС, развитие прочных отношений с Китаем, а также создание Нового банка развития могут стать возможностью получения финансовой помощи для решения

инфраструктурных проблем. Конечно, БРИКС хочет получить нечто равноценное от стран Южной Америки в обмен на предоставление таких займов: контроль над природными ресурсами и завоевание новых рынков сбыта для своих товаров. В этой политической и экономической игре просматривается концепция БРИКС: когда дело касается продвижения своих собственных интересов, страны забывают о коллективных действиях, даже в случае недовольства партнеров по группе.

Такой стиль действий стран БРИКС можно подвергнуть критике с позиций функциональной логики «гомогенности» и «непротиворечивости» международных отношений. Тем не менее в данном случае прагматизм является одним из принципов, поддерживающих существование группы. Как отметил бывший китайский лидер Дэн Сяопин: «Не важно, кошка черная или белая, если она может ловить мышей».

Литература

Contipelli E., Picciau S. (2014) La Influencia de los BRICS en Latinoamérica, 2014 // I Congreso Internacional Interdisciplinario de Pensamiento Crítico: Pensar América en Dialogo. Santiago: Universidad Católica Silva Henríquez.

Cox R. (1981) Social Forces, States and World Order: Beyond International Relations Theory // Millennium Journal of International Studies. L.: SAGE Publications.

Ferguson N. (2010) Global Business: The History Man. A Historical Perspective on the Global Financial Crisis. Режим доступа: HYPERLINK «http://www.bbc.co.uk/iplayer/console/p007qdv5» \hwww.bbc.co.uk/iplayer/console/p007qdv5 (дата обращения: 02.04.2015).

Forman S., Segaar D. (2006) New Coalition for Global Governance: The Changing Dynamics of Multilateralism // Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations. No. 2. Boulder: Lynne Rienner Publishers.

Fourth BRICS Summit (2012) Delhi Declaration. Режим доступа: www.brics5.co.za/about-brics/summit-declaration/fourth-summit/ (дата обращения: 02.04.2015).

Latin Post (2014) China and Latin America: Argentina and China Sign Trade Deals. 19 July. Режим доступа: www.latinpost.com/argentina/china/trade/deals (дата обращения: 02.04.2015).

O'Neill J. (2001) Building Better Global Economic BRICs. Goldman Sachs // Global Economics Paper. No. 66. Режим доступа: HYPERLINK «http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive-pdfs/build-» \h www.goldmansachs.com/our-thinking/archive-pdfs/build- better-brics.pdf (дата обращения: 02.04.2015).

Passos P.L. (2015) Um Drible no Mercosul // Jornal Folha de São Paulo. 30 January. Режим доступа: www1.folha.uol.com.br/colunas/pedropassos/2015/01/1582689-um-drible-no-mercosul (дата обращения: 02.04.2015).

RULAND J. (2012) The Rise of 'Diminished Multilateralism': East Asian and European Forum Shopping in Global Governance // Asia Europe Journal. No. 2. Berlin: Springer Berlin Heidelberg.

Sixth BRICS Summit (2014a) Agreement on the New Development Bank – Fortaleza. 15 July. Режим доступа: http://brics6.itamaraty.gov.br/media2/press-releases/219-agreement-on-the-new-development-bank-fortaleza-july-15 (дата обращения: 02.04.2015).

Sixth BRICS Summit (2014b) Fortaleza Declaration. Режим доступа: http://mea.gov.in/bilateral/documents.htm?dtl/23635/Six+BRICS+Summit++Fortaleza+Declaration (дата обращения: 02.04.2015).

United Nations General Assembly (2002) Strengthening of the United Nations: an Agenda for Further Change. N.Y.: Report of the Secretary-General.

Venezuel analysis (2015) China Commits $20 billion to Venezuela at First Latin America-China Forum in Beijing. 09 January. Режим доступа: www.venezuelanalysis.com/new/11143 (дата обращения: 02.04.2015).

Wilson D., Purushothaman R. (2003) Dreaming with BRICs: The Path to 2050. Goldman Sachs, Global Economics Paper. No. 99. Режим доступа: www.goldmansachs.com/our-thinking/archive-pdfs/brics-dream.pdf (дата обращения: 02.04.2015).

Institutional Status of BRICS and Pragmatic Cooperation: The Case of South America

E.P. Contipelli, S. Picciau

Ernani de Paula Contipelli – PhD, Director General and Founding Member of the Center for European Strategic Research; Professor of Political and Constitutional Law at the Faculty of Juridical Sciences, Universidad Autónoma de Chile and Unochapeco, Brazil; Calle Perez Valenzuela 1209, dep. 602, Providencia, Santiago, Chile; E-mail: ernani.contipelli@cesr-eu.com

Simona Picciau – PhD, Researcher, Project Coordinator and Founding Member of the Center for European Strategic Research (CESR); Via Enzo Loy 18, 09134 Cagliari, Italy; E-mail: simona.picciau@cesr-eu.com

Abstract

As a group formed by emerging powers, the BRICS is characterized by its particular profile: a pragmatic politic strategy that presents contradictory actions between its members. Internal cooperation among the BRICS members is becoming more "institutional" with the creation of its financial institutions, the New Development Bank (NDB) and the Contingency Reserve Agreement (CRA). These have led the group to a next stage in its history without changing its essence. The NDB has been created to mobilize resources for infrastructure and sustainable development projects in emerging and developing countries, and the CRA has been established to provide liquidity to countries experiencing difficulties in their balance of payment and to head off future economic crises. Many developing countries are closely observing these financial institutions. South America appears particularly interested to take advantage of them by attracting investments and obtaining loans from BRICS members in order to develop infrastructure in their countries and to build more informal relationships with foreign partners with reduced political commitments. For South America, the BRICS is an example of a pragmatic formula for cooperation in contrast to the modus operandi of traditional powers. In other words, poor countries would have an alternative to the International Monetary Fund and World Bank. Relations between the BRICS and South America are characterized by a pragmatic approach that reflects the "way of being" of the group and the necessities of modernization of the region. This article analyzes the particular relationship that BRICS is establishing with the countries of South America using its institutional status and pragmatic approach.

Key words: BRICS, pragmatic cooperation, emerging powers, New Development Bank, Contingency Reserve Agreement, South America

References

Contipelli E., Picciau S. (2014) La Influencia de los BRICS en Latinoamérica, 2014. *I Congreso Internacional Interdisciplinario de Pensamiento Crítico: Pensar América en Dialogo*. Santiago: Universidad Católica Silva Henríquez.

Cox R. (1981) Social Forces, States and World Order: Beyond International Relations Theory. *Millennium Journal of International Studies*. London: SAGE Publications.

Ferguson N. (2010) *Global Business: The History Man. A Historical Perspective on the Global Financial Crisis*. Available at: www.bbc.co.uk/iplayer/console/p007qdv5 (accessed 02 April 2015).

Forman S. and Segaar D. (2006) New Coalition for Global Governance: The Changing Dynamics of Multilateralism. *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*, no 2. Boulder: Lynne Rienner Publishers.

Fourth BRICS Summit (2012) *Delhi Declaration*. Available at: www.brics5.co.za/about-brics/summit-declaration/fourth-summit/ (accessed 02 April 2015).

Latin Post (2014) *China and Latin America: Argentina and China Sign Trade Deals*. 19 July. Available at: www.latinpost.com/argentina/china/trade/deals (accessed 02 April 2015).

O'Neill J. (2001) Building Better Global Economic BRICs. Goldman Sachs. *Global Economics Paper*, no 66. Available at: www.goldmansachs.com/our-thinking/archive-pdfs/build-better-brics.pdf (accessed 02 April 2015).

Passos P.L. (2015) Um Drible no Mercosul. *Jornal Folha de São Paulo*. 30 January. Available at: www1.folha.uol.com.br/colunas/pedropassos/2015/01/1582689- um-drible-no-mercosul (accessed 02 April 2015).

RULAND J. (2012) The Rise of 'Diminished Multilateralism': East Asian and European Forum Shopping in Global Governance. *Asia Europe Journal*, no 2. Berlin: Springer Berlin Heidelberg.

Sixth BRICS Summit (2014a) *Agreement on the New Development Bank – Fortaleza*. 15 July. Available at: http://brics6.itamaraty.gov.br/media2/press-releases/219-agreement-on-the-new-development-bank-fortaleza-july-15 (accessed 02 April 2015).

Sixth BRICS Summit (2014b) *Fortaleza Declaration*. Available at: http://mea.gov.in/bilateral/documents.htm?dtl/23635/Six+BRICS+Summit++Fortaleza+Declaration (accessed 02 April 2015).

United Nations General Assembly (2002) *Strengthening of the United Nations: an Agenda for Further Change*. New York: Report of the Secretary-General.

Venezuelanalysis (2015) *China Commits $20 billion to Venezuela at First Latin America-China Forum in Beijing. 09 January.* Available at: www.venezuelanalysis.com/new/11143 (accessed 02 April 2015).

Wilson D. and Purushothaman R. (2003) Dreaming with BRICs: The Path to 2050. *Goldman Sachs, Global Economics Paper*, no 99. Available at: www.goldmansachs.com/our- thinking/archive-pdfs/brics-dream.pdf (accessed 02 April 2015).

Еще один «кирпич»[1] в стене? В поисках места Бразилии в системе глобального управления[2]

М. Ревизорский

Ревизорский Марек – доктор, доцент Института истории и политических наук, Померанский университет в Слупске; ul. Arciszewskiego 22A, 76-200 Słupsk, Poland; E-mail: marcuser@o2.pl

Усиление позиций Бразилии, России, Индии, Китая, Южной Африки и других крупнейших стран с быстрорастущей экономикой ставит вопрос о том, вступает ли мир в эпоху в большей степени многостороннего управления, или, другими словами, возникла ли новая многосторонность? Проанализировав положение Бразилии как одного из членов БРИКС, можно выяснить, что ее высокие экономические показатели в период с начала века все же были ниже, чем у Китая и Индии. Тем не менее экономика Бразилии оставалась отличным объектом для инвестиций в течение первого десятилетия XXI в. И все же возникают вопросы: каково положение Бразилии в сравнении с другими странами БРИКС? какими средствами можно раскрыть потенциал экономического роста Бразилии? Данная статья отражает одну из точек зрения в рамках этой дискуссии. В качестве основного рассматривается вопрос о том, являются ли относительно низкие темпы экономического роста Бразилии в сравнении с головокружительными показателями Индии и Китая, а также значительный дефицит инфраструктуры препятствиями для отнесения этой страны к той же категории, к которой относятся другие члены БРИКС (в первую очередь Китай и Индия). Является ли Бразилия достаточно экономически «зрелой», чтобы повысить свою значимость в институтах глобального управления, таких как ВТО, МВФ и «Группа двадцати», или это просто экономически переоцененная региональная держава с большими амбициями? Имеет ли Бразилия сравнительные преимущества перед западными и незападными конкурентами? Является ли страна «политически недооцененной»? Данная статья включает несколько разделов. В первом разделе кратко представлена история развития БРИКС и описана исследуемая проблема. Во втором разделе автор рассматривает параллельные феномены «внешнего» расширения бразильской экономики и ее «внутреннего» дефицита инвестиций в инфраструктуру, который, вместо того чтобы способствовать раскрытию потенциала экономики Бразилии и ее бурному росту, на самом деле препятствует ему. Третий раздел посвящен анализу «поиска» Бразилией и БРИКС надлежащего места в институтах глобального управления. В заключительном разделе представлены основные выводы.

Ключевые слова: БРИКС, экономика Бразилии, инфраструктура, глобальное управление, институты

Введение

Прошедшее десятилетие ознаменовалось усилением роли стран БРИКС в глобальной экономике. Акроним «БРИК» был впервые упомянут в 2001 г. в докладе Goldman Sachs [O'Neill, 2001]. После того как ЮАР по приглашению Китая стала пятым членом института в 2010 г., процесс его институционализации ускорился, и БРИКС начали

[1] Игра слов, основанная на созвучии акронима BRICS и англ. brick (кирпич) (*Примеч. пер.*).

[2] Перевод выполнен м.н.с. Центра исследований глобального управления Института международных организаций и международного сотрудничества НИУ ВШЭ А.В. Шелеповым.

воспринимать как действительно мощный альтернативный центр силы, с которым в скором будущем предстоит считаться Западу. Термин «БРИК» получил еще большее распространение после того, как был упомянут в докладе 2003 г., расширяющем предыдущий 10-летний прогноз вплоть до 2050 г. Группа экономистов-международников из Goldman Sachs опубликовала работу, названную «Мечтая вместе с БРИК: путь к 2050 году» [Wilson, Purushothaman, 2003]. Основная идея доклада состояла в том, что страны БРИК – Бразилия, Россия, Индия и Китай – могут по многим показателям превзойти большинство богатейших стран к 2050 г. и стать четырьмя ведущими экономиками мира. В данном докладе аналитики Goldman Sachs предсказывали, что Китай и Индия станут крупнейшими мировыми поставщиками промышленных товаров и услуг соответственно, в то время как Бразилия и Россия будут основными поставщиками сырья. Это был весьма ценный анализ, поскольку именно в этот период экономики стран БРИК стали двигателями глобального роста и начали влиять на все – от цены на нефть и железную руду до доходности облигаций министерства финансов США. Согласно анализу в рамках вышеупомянутого доклада, четыре указанные страны обладают потенциалом для того, чтобы войти в число семи крупнейших экономик мира к 2050 г., при этом у экономики Бразилии есть возможность обойти Италию к 2025 г., Францию – к 2031 г., а Великобританию и Германию – к 2036 г. По итогам переоценки прогресса БРИК в 2005 г. эксперты Goldman Sachs заявили, что Китай к 2050 г. может стать крупнейшей экономикой мира, Индия – третьей (после США), Бразилия – пятой (уступая Японии), а Россия – седьмой (после Мексики). Потенциал роста стран БРИКС подтверждается тем фактом, что в 2012 г. на долю Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР приходилось 42% мирового населения, 18% мирового производства и 15% мировой торговли, а их вклад в глобальный экономический рост превысил 50% [Cooper, Thakur, 2013]. Согласно некоторым прогнозам, в 2040 г. государства БРИКС достигнут уровня стран «Группы семи» с точки зрения объемов производства, а уже к 2025 г. порядок расположения стран в списке крупнейших экономик мира изменится [U.S. NIC, 2008].

Стоит отметить, что широкая дискуссия о странах БРИКС началась в 1980-х и 1990-х годах, когда они вступили на путь масштабных реформ, которые привели к трансформации их экономик и помогли добиться успеха в усилении роста, в основном за счет стимулирования активности частного сектора. К концу 1970-х – началу 1980-х годов используемые экономические модели начали давать сбои после периода относительного успеха (Бразилия, Россия), либо появилось понимание того, что они никогда не работали должным образом (Китай, Индия). Экономические и/или политические кризисы действовали в качестве важнейших катализаторов реформ и позволяли политическим лидерам продвигать важные преобразования. Они представляли собой сочетание экономических реформ, направленных на «увеличение доли рынка» и «снижение доли государства» и способствующих повышению темпов роста. Более внимательно рассмотрев пример Бразилии, можно прийти к выводу, что реформы в этой стране, начавшиеся в 1995 г., были менее стремительными и масштабными, однако и экономические показатели с начала XXI в. были ниже, чем у Китая и Индии. Тем не менее экономика Бразилии была прекрасным объектом для инвестиций в первом десятилетии XXI в. Достаточно сказать, что индекс фондового рынка Бразилии Bovespa по темпам роста превзошел показатели четырех других фондовых рынков БРИКС, поскольку Бразилия сумела избежать крупной распродажи активов в 2008 г. Однако существует ряд вопросов: каково положение Бразилии в сравнении с другими странами БРИКС? какими средствами можно раскрыть потенциал роста Бразилии? Данная статья отражает одну из точек зрения в рамках этой дискуссии. В качестве основных

рассматриваются вопросы о том, являются ли относительно низкие темпы экономического роста Бразилии в сравнении с головокружительными показателями Индии и Китая, а также значительный дефицит инфраструктуры препятствиями для отнесения этой страны к той же категории, к котрой относятся другие члены БРИКС (в первую очередь Китай и Индия), а также о том, достаточны ли меры, принимаемые Бразилией, для обеспечения надлежащего положения в институтах глобального управления, таких как ВТО, МВФ и «Группа двадцати». Анализ будет проводиться в контексте финансового кризиса, который привел к ослаблению доминирования Запада на международной арене. Можно сослаться на давнее, но по-прежнему актуальное высказывание Хедли Булла, который в своей знаменитой работе подчеркнул, что экономическое и политическое пробуждение крупнейших развивающихся стран привело к началу «восстания против Запада», направленного на обеспечение равенства и получение независимости участия в международном сообществе [Bull, 1984]. Возникает вопрос, сможет ли Бразилия, проводящая более активную промышленную и финансовую политику, «догнать» Китай и Индию. Является ли Бразилия достаточно экономически «зрелой», чтобы укрепить свою роль в международных институтах, или это просто экономически переоцененная региональная держава с большими амбициями? Имеет ли Бразилия сравнительные преимущества перед западными и незападными конкурентами? Является ли страна «политически недооцененной»?

В поисках ответов на эти вопросы статья начинается с анализа процесса «внешнего» расширения бразильской экономики и одновременного «внутреннего» дефицита инвестиций в инфраструктуру. Следующий раздел посвящен анализу «поиска» Бразилией своего места в институтах глобального управления. В этом разделе также уделено внимание внешней политике Бразилии (рассмотрен пример переговоров между ЕС и МЕРКОСУР и соответствующих интересов Бразилии) и проблеме ее значимости на мировой политической арене. В заключительном разделе представлены основные выводы. Автор использует анализ на основе критической международной политической экономии (CPE), которая сосредоточена на несбалансированности международной системы и вытекающей из нее структурной иерархии распределения неравенства и несправедливости в плане геоэкономической и геополитической мощи. Этот подход особенно полезен для изучения возможностей и перспектив участия государства или государств в деятельности института (либо группы, либо более формальной организации) с учетом текущей конъюнктуры, исторической динамики и процессов социальных изменений. Он также призван анализировать эти явления на основе эмпирических данных и сосредоточиться на конкретном взаимодействии внутренних и международных агентов и структур. Таким образом, анализ в рамках данной статьи направлен на изучение взаимосвязанных переменных и последствий возвышения Бразилии, а также ее интеграции в систему глобального (экономического) управления.

Быстрорастущая или переоцененная экономика?

Бразилия является крупнейшей страной в Южной Америке и пятой в мире по величине территории. Она омывается Атлантическим океаном на востоке и имеет береговую линию протяженностью более чем 4600 миль. На севере страна граничит с Венесуэлой, Гайаной, Суринамом и Французской Гвианой, на северо-западе – с Колумбией, на западе – с Боливией и Перу, а на юго-западе – с Аргентиной и Парагваем. Уругвай граничит с Бразилией на юге. Бразилия является пятой по численности населения страной в мире, в ней проживает более 190 млн человек [Economywatch, 2011]. Эконо-

мика Бразилии по-прежнему растет и имеет шансы стать пятой по величине в мире. Ниже представлен список крупнейших экономик мира, включающий два государства БРИКС – Китай и Бразилию.

Таблица 1. Крупнейшие экономики мира, 2014 г. (по номинальному ВВП в долл. США)

Место	Страна	ВВП, млн долл. США
1	США	16 768 100
2	Китай	9 240 270
3	Япония	4 919 563
4	Германия	3 730 261
5	Франция	2 806 428
6	Великобритания	2 678 455
7	Бразилия	2 245 673
8	Италия	2 149 485

Источник: [World Bank, 2014a].

Как видно из табл. 1, Бразилия, ВВП которой составляет более чем 2,245 трлн долл. США, в 2014 г. обогнала Италию, став седьмой по величине экономикой в мире [World Bank, 2014a, 2014b]. Следует отметить, что доход на душу населения в Бразилии превысил соответствующие показатели Мексики. О хороших перспективах на будущее заявляют высокопоставленные бразильские чиновники. Один из них – министр финансов Гвидо Мантега, говоря о месте Бразилии в мировой экономической системе, упомянул, что его страна в последние несколько лет находилась на пятом месте среди стран «Группы двадцати» по темпам роста, и добавил, что при расчете ВВП по паритету покупательной способности она опередила бы также Великобританию и Францию [The Economist, 2011a]. Тем не менее важно помнить, что конвертацию валют по покупательной способности, а не рыночным курсам, полезно использовать при сравнении уровня жизни в разных странах. По этому параметру Бразилия – далеко не пятая экономика в мире. Основным риском, который может оказать негативное влияние на рост бразильской экономики, является сильное давление профсоюзов, оппозиционных политиков и даже некоторых членов правящей коалиции. Вышеуказанные группы, выступая против «политики охлаждения», начатой президентом Бразилии Дилмой Русеф, не принимают в расчет бурное развитие экономики Бразилии и пытаются добиться значительного повышения минимальной заработной платы. В этом контексте они часто ссылаются на политику бывшего президента Луиса Инасиу Лулы да Силвы (Лулы), который в глазах многих бразильцев стал первым среди равных, поскольку родился в бедной семье, фактически не имел систематического образования и работал на металлопрокатном заводе. С одной стороны, за восемь лет пребывания Лулы в должности минимальная заработная плата увеличилась примерно на 60%. С другой стороны, как бывший президент Союза металлургов, он продолжил использовать умеренный подход своего предшественника Фернандо Энрике Кардоз[3], который подразу-

[3] Реальная экономическая трансформация Бразилии началась с избрания Кардозо президентом в 1994 г. В качестве министра финансов он начал реформы на основе плана по борьбе с гиперинфляцией, которая на протяжении десятилетий была самым разрушительным фактором для экономики

мевал использование плавающего обменного курса, обеспечение профицита бюджета (до выплаты долга), таргетирование инфляции и независимость центрального банка. Первоначально президент Русеф решила усилить контроль над государственными расходами. В феврале 2011 г. она «прошла первую проверку» в Конгрессе Бразилии, успешно выступив против значительного повышения минимальной заработной платы. В итоге она увеличилась с 510 реалов в месяц всего до 545 реалов, едва опередив инфляцию [The Economist, 2011b]. Тем не менее в последующие годы правления Русеф произошло существенное повышение минимальной заработной платы, несмотря на критику многих экономистов, которые считали, что оно опережает уровень роста производительности труда и стимулирует инфляцию. Рост составил 14% в 2012 г., 9% в 2013 г. и 6,8% в 2014 г., в результате чего минимальная заработная плата достигла 724 реалов (310 долл. США) в месяц [Reuters, 2013]. В феврале 2015 г. минимальная заработная плата в Бразилии достигла рекордного уровня в 788 реалов [Trading Economics, 2015]. Повышение минимальной заработной платы оказало дополнительное давление на бюджет Бразилии, при этом правительство также увеличило и государственные пенсии. Однако увеличение государственных расходов не вызвало сокращения социальных программ, таких как Bolsa Familia, денежного пособия, которое получают 12 млн бедных семей, а также расходов на инфраструктуру. Эти «дополнительные расходы» важны для Бразилии, поскольку позволяют избежать социальных трудностей в условиях проведения чемпионата мира по футболу в 2014 г. и Олимпийских игр в 2016 г. и, что еще более важно, способствуют поддержанию экономического роста в долгосрочной перспективе. Следует отметить, что процесс модернизации инфраструктуры Бразилии ускорился в 2012 г., когда правительство запустило ряд инициатив по уменьшению затрат на электроэнергию, перераспределению прибыли от разработки нефтяных месторождений, увеличению объемов инвестиций в инфраструктуру за счет иностранного участия и реформированию субнационального налога на добавленную стоимость. Правительство Бразилии также сотрудничало со многими международными институтами, в частности с Международным банком реконструкции и развития (МБРР). В сентябре 2013 г. в стране было 82 активных проекта, финансируемых МБРР, общий объем обязательств по которым составлял 9,1 млрд долл. США. Осуществлялись еще 23 глобальных проекта в области экологии, углеродного финансирования, предоставления гарантий, а также предусматривающих возмещение расходов исполнителя на общую сумму 320 млн долл. [World Bank, 2014b]. Тем не менее инфраструктура Бразилии, рассматриваемая как «возможность раскрытия потенциала роста», все еще находится в неудовлетворительном состоянии. Это было отмечено в одной из статей, опубликованных The Economist в сентябре 2013 г. В специальном докладе, посвященном инфраструктуре Бразилии, она образно описывается как «дорога в ад». Подчеркивается, что только «1,5% ВВП Бразилии расходуется на инвестиции в инфраструктуру из всех источников, как государственных, так и частных. Долгосрочный средний общемировой показатель

Бразилии. В июне 1994 г. Кардозо представил план «Реал» (предусматривал привязку курса бразильского реала к доллару США). Успех финансовых реформ открыл для Кардозо путь к президентству, и он был избран на этот пост в октябре 1994 г. Кардозо продолжил борьбу с инфляцией, политику снижения расходов государственного сектора, реформы системы социального обеспечения и снижение налогов. В 1998 г. была принята поправка к Конституции, позволяющая президенту избираться на второй срок. Кардозо был переизбран. Все его способности и стойкость потребовались, чтобы пережить последствия кризиса на развивающихся рынках Азии в 1998 г. Жесткая бюджетная дисциплина, драконовские процентные ставки, девальвация национальной валюты на 40% и большой кредит от МВФ помогли Бразилии пережить кризис без объявления дефолта по международным долгам, как в случае соседней Аргентины. См.: [BFC, 2008].

составляет 3,8%», а согласно оценкам Глобального института McKinsey, «общая стоимость инфраструктуры Бразилии равна 16% ВВП. В других крупных экономиках этот показатель составляет в среднем 71%. Чтобы догнать их, Бразилии необходимо утроить ежегодные расходы на инфраструктуру в течение следующих 20 лет» [The Economist, 2013]. Бразилия в этом отношении отстает от таких стран БРИКС, как Индия и Китай, и от стран с переходной экономикой, например, Польши. В этих условиях инфраструктура, которая должна помогать раскрытию потенциала растущей бразильской экономики, де-факто наоборот сдерживает ее.

Несмотря на внутренние факторы, сдерживающие экономический рост, экономика Бразилии является крупнейшей в Южной Америке. В стране хорошо развиты сельское хозяйство, горнодобывающая промышленность, производство и сектор услуг. После 2003 г. Бразилия улучшила показатели макроэкономической стабильности, накопила валютные резервы, снизила внешний долг. Страна смогла удержать под контролем уровень инфляции и стремится к фискальной дисциплине. Стоит отметить, что бразильская экономика процветала в период президентства Лулы. Международные резервы превысили 200 млрд долл. США, а уровень безработицы в сентябре 2008 г. был на самом низком уровне за десять лет: 7,6% в сравнении с 9% в сентябре 2007 г. [Foreign Affairs, 2009]. По данным economywatch.com, общая численность рабочей силы Бразилии на 2009 г. составила 95,2 млн человек [Economywatch, 2011]. Уровень безработицы снизился с 7,4% в 2009 г. до 5,3% в 2013 г. [CIA, 2013a]. Кроме того, ВВП на душу населения в Бразилии вырос с 10 300 долл. в 2008 г. до 12 100 в 2013 г. [CIA, 2013b].

Устойчивое развитие бразильской экономики стало реальностью благодаря, в том числе, кризисам, которые она пережила в прошлом, – «эффекту домино», возникшему вследствие азиатского финансового кризиса 1998 г., снижению доверия инвесторов и массовому оттоку инвестиций после девальвации бразильского реала в январе 1999 г. Финансовый кризис привел к тому, что приоритетом экономической политики стала скорее стабильность, чем высокие темпы роста. В середине 2000-х годов целевой показатель экономического роста составлял 4–4,5%, однако экономика Бразилии демонстрировала более низкие результаты. Так, темп экономического роста в 2006 г. составил 2,9%. Затем темпы роста выросли до более чем 5%, достигнув 5,7% в 2007 г. и 5,1% в 2008 г., но финансовый кризис снова прервал позитивные тенденции в отношении роста ВВП и привел к его снижению до –0,7% в 2009 г. (табл. 2).

Хотя темпы роста экономики Бразилии в первые годы финансового кризиса (2007–2009 гг.) превышали показатели стран Западной Европы, они оставались ниже темпов роста ведущих экономик БРИКС (Китая и Индии) и были сопоставимы с показателями России и ЮАР. В 2010–2013 гг. эта тенденция сохранилась (табл. 3).

Темпы экономического роста Бразилии и остальных страны БРИКС, приведенные в табл. 2 и 3, превышают аналогичные показатели развитых стран. Как отмечает Д. Гаррет, «развивающийся мир во главе с Бразилией и Индией может в один прекрасный день стать, наряду с Китаем, новым центром силы XXI в. Однако Индия по меньшей мере на 15 лет отстает от Китая, и существуют большие сомнения относительно ее способности повторить китайское «инфраструктурное чудо» последних десятилетий. Бразилия стала важным игроком, однако нужно принимать во внимание важность спроса Китая на бразильские товары. В Бразилии сохраняются типичные для Латинской Америки ограничения для развития экономики» [Garret, 2010].

Действительно, несмотря на неплохие экономические показатели, ВВП Бразилии характеризуется существенными колебаниями. С показателем 7,5% в 2010 г. Бразилия заняла третье место по темпу роста ВВП после Китая и Индии, однако он замедлился

Таблица 2. ВВП стран БРИК и отдельных стран «Группы двадцати» (годовое процентное изменение, 2007–2009 гг.).

Страна / год	2007 г.	2008 г.	2009 г.	Замедление в 2007–2009 гг.
Бразилия (Б)	5,7	5,1	–0,7	–6,4
Китай (К)	13,0	9,0	8,5	–4,5
Франция	2,1	0,7	–2,4	–4,5
Германия	2,5	1,3	–5,3	–7,8
Индия (И)	9,3	7,3	5,4	–3,9
Италия	1,6	–1,0	–5,1	–6,7
Япония	2,4	–0,6	–5,4	–7,8
Россия (Р)	8,1	5,6	–7,5	–15,6
Великобритания	3,0	0,7	–4,4	–7,4
США	2,0	1,1	–2,7	–4,7

Источник: [IMF, 2009].

Таблица 3. ВВП стран БРИКС и отдельных стран «Группы двадцати» (годовое процентное изменение, 2010–2013 гг.)*

Страна / год	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Бразилия (Б)	7,5	2,7	1,0	2,5
Китай (К)	10,4	9,3	7,7	7,7
Франция	2,0	2,1	0,3	0,3
Германия	4,1	3,6	0,4	0,1
Индия (И)	10,3	6,6	4,7	5,0
Италия	1,7	0,6	–2,3	–1,9
Япония	4,7	–0,5	1,8	1,6
Россия (Р)	4,5	4,3	3,4	1,3
ЮАР (С)	3,1	3,6	2,5	1,9
Великобритания	1,9	1,6	0,7	1,7
США	2,5	1,6	2,3	2,2

* Годовой процентный прирост ВВП в постоянных рыночных ценах в национальной валюте.

Источник: База данных Всемирного банка.

уже в декабре того же года. В 2011 г. темп роста ВВП Бразилии снизился более чем вдвое – до 2,7%. Низкий уровень экономического роста был связан, в частности, с дефицитом государственных инвестиций. ЦРУ США, сравнив вложения в основной капитал, в том числе фабрики, машины, оборудование, жилье и запасы сырья, в разных странах, поместил Бразилию на 115-е место. В 2012 г. инвестиции составили 18,1%

ВВП Бразилии [CIA, 2012]. Это структурное препятствие для экономического роста становится очевидным при сравнении ее с другими быстроразвивающимися экономиками. В России (занимает 66-е место) инвестиции составляют 22% ВВП, в Индии (23-е место) – 29,9%, в Китае (3-е место) – 46,1%, в Южной Африке (104-е место) – 19,2%. Мексика, Чили и основной региональный конкурент – Аргентина – также инвестируют больше Бразилии [Ibid.]. Недостаток государственных инвестиций препятствует росту международной конкурентоспособности Бразилии. Доля страны в мировой торговле снизилась с 2,2% в 1950 г. до 1% в 2012 г. В 2013 г. доли Бразилии в мировом объеме экспорта и импорта также были относительно низкими, составляя 1,29% и 1,33% соответственно [WTO, 2014]. Страна в основном экспортирует сельскохозяйственную продукцию (37%), топливо и продукцию горнодобывающей промышленности (24,2%), и лишь 35,1% объема экспорта составляют промышленные товары. Основные направления экспорта Бразилии – ЕС (19,7% от общего объема экспорта), Китай (19%) и США (10,3%). Снижение доли бразильских компаний на международных рынках в значительной степени объясняется сильной и жесткой конкуренцией со стороны китайских экспортеров. В объеме импорта основную часть составляют промышленные товары (72,3%), а главными источниками импорта Бразилии, как и в случае с экспортом, являются ЕС (21,2%), Китай (15,6%) и США (15,1%) [Ibid.]. Низкая конкурентоспособность и дефицит государственных инвестиций связаны с негативной тенденцией производительности труда. Согласно данным Всемирного банка, с 1980 г. по 2012 г. ВВП в расчете на одного занятого (в постоянных долларах 1990 г.) в Бразилии вырос всего лишь на 8,45%, в то время как в Китае этот показатель за тот же период увеличился на 821,45%, а в соседних с Бразилией Чили и Аргентине на 61,83% и 24% соответственно [World Bank, 2014c]. Низкая эффективность труда связана с низким качеством бразильской системы образования, которая не обеспечивает большинство работников необходимыми на рынке труда навыками. По данным Национального выборочного обследования домохозяйств (Pesquisa Nacional por Amostra de Domicílios, PNAD), в котором собраны данные о текущем и прошлом посещении образовательных учреждений всеми членами семьи, независимо от возраста [PNAD, 2006], только пятая часть бразильцев, родившихся около 1980 г., посещала университет или другое учреждение высшего профессионального образования на момент проведения исследования в 2006 г.

Самое серьезное из «ограничений» для бразильской экономики уже упоминалось – это недофинансирование инфраструктуры. Менее 25% дорог в Бразилии могут считаться хорошими, ее железные дороги нуждаются в модернизации, также необходимы инвестиции в портовую инфраструктуру, производство и передачу электроэнергии. В настоящее время Бразилия инвестирует 1–1,5% ВВП в инфраструктуру, а должна инвестировать 3,2%, чтобы избежать дальнейшего ухудшения состояния и качества соответствующих услуг [Financial Times, 2007a]. The Financial Times также отмечает, что инвестиции в основной капитал Бразилии, составляющие менее чем 3% ВВП, «гораздо ниже аналогичных расходов растущих более высокими темпами стран Азии (Китая и Индии)» [Ibid]. Между тем Бразилия страдает от «Стокгольмского синдрома» – «любви к государству, которое держит экономику в заложниках», вследствие чего рекомендуется сократить долю государства в экономике, увеличить инвестиции, повысить качество образовательных услуг, обеспечить формальную независимость центрального банка, снизить импортные пошлины и упростить налоговую систему [The Economist, 2006]. Рецепт для выравнивания темпов роста азиатских членов БРИКС и Бразилии был представлен в одном из докладов компании McKinsey [McKinsey, 2007], показавшем, что темп роста экономики Бразилии может быть увеличен до 7% при условии приверженности государства реформам и формирования долгосрочного экономиче-

ского видения с учетом таких вопросов, как размер теневой экономики, сокращение государственного потребления, реформирование судебной системы и системы государственных услуг, а также развития инфраструктуры. Для достижения этой цели 22 января 2007 г. президент Лула да Силва представил Программу ускорения экономического роста страны (известную как ПУР). Она предполагала выделение инвестиций в сумме 504 млрд реалов в 2007–2010 гг. на развитие инфраструктуры, включая дороги, порты, производство электроэнергии и строительство жилья. ПУР также предусматривала принятие следующих мер: предоставление налоговых льгот для стимулирования инвестиций, включая снижение налогов в сферах строительства, инфраструктуры и малого бизнеса; упрощение регистрации бизнеса; упорядочение выдачи экологических лицензий; введение ограничения на рост государственных расходов через установление предела минимальной заработной платы [The Economist, 2007; BBC News, 2007; Financial Times, 2007]. Примечательно, что бразильский пакет мер экономического стимулирования, основанный на ПУР, предусматривал в основном меры фискальной политики, включая, например, налоговые вычеты и возврат налогов на сумму 3,1 млрд долл. в 2007 г., которую предполагалось увеличить до 5,05 млрд в 2011 г. К ним были добавлены меры, направленные на развитие инфраструктуры. Хорошим примером таких мер является выделение инвестиций в размере 221,4 млрд долл. США на строительство объектов инфраструктуры, с особым акцентом на транспортную систему и энергетический сектор. Однако важно иметь в виду, что большинство поставщиков транспортных услуг и услуг связи в Бразилии были приватизированы, однако их тарифы остаются под жестким контролем регулирующих органов. Например, Национальное нефтяное агентство определяет цену авиабилетов и стоимость переработки нефти, что снижает конкурентоспособность бразильской экономики по сравнению с экономикой Индии и Китая.

Принимая во внимание вышеупомянутые недостатки бразильской экономики, ее нельзя приравнивать, несмотря на существенные успехи в развитии, к экономикам Китая и Индии. Гипотеза Goldman Sachs о том, что Китай и Индия станут ведущими мировыми поставщиками промышленных товаров и услуг соответственно, в то время как Бразилия и Россия станут доминирующими поставщиками сырья, кажется, подтверждается. По некоторым аспектам Бразилия может рассматриваться как «растущая мировая экономическая держава», но в целом ее экономике не хватает качества, вследствие чего темпы ее роста замедляются по сравнению с Китаем и Индией. Имея переоцененную, но обладающую значительным потенциалом экономику, Бразилия стремится укрепить свое положение в системе глобального управления, используя БРИКС как механизм выражения собственной позиции.

Бразилия, БРИКС и глобальное управление

Усиление позиций Бразилии, России, Индии, Китая, Южной Африки и других крупнейших стран с быстрорастущей экономикой поднимает вопрос о том, вступает ли мир в эпоху более многостороннего управления, или, другими словами, возникла ли новая многосторонность? Беглого взгляда на ситуацию достаточно, чтобы ответить утвердительно. Бразилия, являющаяся членом ВТО и «Группы двадцати», способствующая продвижению реформ управления и увеличению финансирования МВФ, находится в центре возможных изменений международного политического порядка.

Международный финансовый кризис, начавшийся в 2007 г., вызвал масштабные экономические потрясения в различных областях, в том числе в международной тор-

говле. Один из вопросов, которым задавались специалисты в области торговых переговоров, заключался в том, окажет ли этот кризис негативное влияние на переговоры в рамках Дохийского раунда, в которых наметился прогресс, хотя и медленный. Позиция Бразилии в торговых переговорах была в большей степени реактивна, чем проактивна [Da Conceicao-Heldt, 2013], и особое внимание в ней уделялось сотрудничеству по линии Юг – Юг. Такой подход привел к возникновению противоречий между Севером и Югом в контексте текущего раунда многосторонних торговых переговоров. Основное преимущество, которое Бразилия может получить по результатам этого раунда, – доступ на рынки ЕС и США, а также ослабление защитных мер в сельском хозяйстве, таких как пошлины, субсидии и квоты на товары, в производстве которых Бразилия является конкурентоспособной [Van Loon, 2015]. С другой стороны, Бразилия стремится сохранить статус-кво, не поддерживая дальнейшее снижение тарифных ставок на промышленные товары и услуги в целях защиты молодых отраслей обрабатывающей промышленности и отрасли производства программного обеспечения [Da Conceicao-Heldt, 2013].

Позиция Бразилии в переговорах в рамках Дохийского раунда, подобно другим членам БРИКС, была сосредоточена на сельском хозяйстве и промышленности. В двух словах, позиция БРИКС в рамках ВТО (определяемая в основном Бразилией, Индией и ЮАР) строится вокруг очень специфической коалиции по вопросам сельского хозяйства, сформированной в ходе Дохийского раунда переговоров [Draper, 2012]. Кроме того, страны БРИКС заявляют о поддержке открытой мировой экономики с эффективным распределением ресурсов, свободным перемещением товаров, а также справедливой и упорядоченной конкуренцией. Примеры соответствующих обязательств могут быть легко найдены в каждом из документов саммитов БРИКС. На шестом саммите, состоявшемся в бразильском городе Форталеза 15 июля 2014 г., страны БРИКС заявили о «поддержке открытой, инклюзивной, недискриминационной, транспарентной и подчиняющейся установленным правилам многосторонней торговой системы (...) (и) успешного завершения Дохийского раунда многосторонних торговых переговоров в рамках Всемирной торговой организации (ВТО), опираясь на позитивные итоги 9-й Министерской конференции ВТО, проходившей на Бали (Индонезия) в декабре 2013 г.» [BRICS, 2014a]. После вступления в должность с 1 сентября 2013 г. нового Генерального директора ВТО бразильца Роберто Азеведо члены БРИКС стали выражать свои позиции активнее, чем когда-либо. Успешный выбор первого в истории кандидата на эту должность, представляющего БРИКС, может в долгосрочной перспективе укрепить позитивное восприятие группы, усилить ее позиции на мировой арене и способствовать реализации стремления членов БРИКС к реформе глобального экономического управления, перераспределению в пользу развивающихся стран большего количества голосов и увеличению их представленности в международных институтах. Обращение к опыту коалиции по сельскохозяйственными вопросам развивающихся стран под руководством Бразилии и выбор на должность Генерального директора ВТО представителя этой страны свидетельствуют о ее все более значимой роли в решении широкого круга международных вопросов в экономической и политической сфере [Schirm, 2010]. Стефан Ширм напоминает, что коалиция развивающихся стран по вопросам торговли была создана на Министерской конференции в Канкуне в 2003 г. «в целях укрепления переговорной позиции развивающегося мира относительно развитых стран» [Ibid.]. В ходе этой Министерской конференции группа развивающихся стран выступила против торговых инициатив США и ЕС, что привело к провалу переговоров вследствие раскола по линии Север – Юг в отношении вопросов сельского хозяйства. Что касается

торговли на глобальном уровне, Бразилия занимает лидирующие позиции в ряде многосторонних форумов. Помимо участия в работе «Группы двадцати», Бразилия поддерживает тесные отношения с Кернской группой и другими зарождающимися центрами силы, такими как Индия и Южная Африка в рамках Диалогового форума ИБСА. Она также подписала соглашение о валютных свопах с Китаем с целью укрепления двусторонних торговых отношений [BBC, 2013]. Кроме того, роль Азеведо как главы ВТО была впоследствии признана другими акторами международной торговли в результате подписания Балийского пакета документов на 9-й Министерской конференции ВТО в декабре 2013 г. «Соглашение об упрощении процедур торговли» стало первым глобальным соглашением, заключенным ВТО в рамках Дохийского раунда. Оно повысило уровень доверия членов организации в отношении многосторонних торговых переговоров. Успешное подписание документов Балийского пакета иллюстрирует лидерство Бразилии в рамках ВТО и победу над Мексикой в битве за важное место в этой организации.

Что касается торговли на региональном уровне, Бразилия позиционирует себя как «региональная сверхдержава» [Da Conceicao-Heldt, 2013], которая использует МЕРКОСУР «в качестве инструмента для укрепления базы своего регионального влияния» [Schirm, 2010]. В рамках МЕРКОСУР Бразилия пытается укрепить свою позицию в переговорах по НАМА, противодействуя некоторым требованиям переговорщиков от Аргентины, таким как более высокая степень гибкости в отношении сокращения таможенного тарифа таможенного союза [Ministerio, 2009]. Однако позиция Бразилии может измениться вследствие того, что некоторые недавно принятые меры промышленной политики были восприняты развитыми странами и Китаем как протекционистские. Эти меры включают новые антидемпинговые и компенсационные процедуры, усиление контроля за импортом для борьбы с незаконным ввозом товаров, а также дополнительные бюрократические элементы в процедурах импорта. Политика Китая – крайне важный аспект. Растущий импорт промышленных товаров из Китая вызывает озабоченность бразильских промышленников, вследствие чего высказываются многочисленные просьбы проанализировать его на возможное использование практик демпинга или незаконного ввоза товаров. В качестве ответной реакции рассматривается применение антидемпинговых мер и усиление контроля над китайскими контейнерами, прибывающими в основные порты. Остроты ситуации добавляет факт так называемой «валютной войны», понятие которой было впервые введено в Бразилии в сентябре 2010 г., в основном в результате денежно-кредитной политики США и Китая, которая привела к вызывающему беспокойство удорожанию бразильского реала[4]. С начала 2009 г. стоимость бразильской валюты выросла более чем на 40% по отношению к доллару США. Укрепление национальной валюты вызывало растущую озабоченность

[4] «Валютная война» де-факто ведется между Китаем и США. Китай неизменно поддерживает недооцененность юаня в целях стимулирования своего экспорта. Эта политика оказывает негативное воздействие на другие страны, конкурентоспособность которых в результате снижается. В то же время США, являющиеся основным торговым партнером Китая, сталкиваются с риском дефляции и пытаются повысить уровень потребления. Федеральная резервная система вынуждена ограничивать монетарную политику, которая наполняет рынок дешевыми деньгами и приводит к снижению долгосрочных процентных ставок на казначейские облигации США. К сожалению, стимулирование притока инвестиций в США предполагает серьезные негативные последствия для мировой экономики: низкие процентные ставки подталкивают инвесторов к поиску более высокой прибыли за рубежом, что увеличивает риск спекуляций на развивающихся рынках; это также приводит к обесцениванию доллара, что оказывает негативное влияние на конкурентоспособность экспорта других стран. В результате возникают потрясения на финансовых рынках и, как следствие, усиливаются стимулы к введению протекционистских мер. См.: [Menkes, Znojek, 2011].

национальных экспортеров. В ответ правительство одобрило ряд регуляторных мер. В 2009 г. Бразилия ввела на национальном уровне 2%-й налог на финансовые операции иностранных инвесторов, повышенный в 2 раза в октябре 2010 г., и 6%-й налог на гарантии фьючерсных сделок [Menkes, Znojek, 2011]. Кроме того, Центральный банк Бразилии (BCB) осуществлял интервенции по покупке долларов США. Беспокойство правительства Бразилии было озвучено в рамках «Группы двадцати». Президент Русеф во время саммита «двадцатки» в Южной Корее в ноябре 2010 г. пыталась оказать давление на партнеров с целью заставить Китай и США отказаться от упомянутых мер монетарной политики, а также выработать скоординированный подход в отношении регулирования международного движения капитала. Этот вопрос стал основным пунктом повестки дня последующих саммитов БРИКС. Бразилия попыталась сбалансировать шансы в борьбе по этому вопросу против Китая и США, пригласив МВФ к участию в дискуссии о национальных мерах контроля за движением капитала. Тем не менее экономическое господство Китая ослабляет позиции Бразилии. Китай в последнее время стал не только крупнейшим иностранным инвестором, но и основным торговым партнером Бразилии вследствие роста импорта бразильских сырьевых ресурсов. «Валютная война» и глобальное доминирование Китая и США ставят вопрос: какие альтернативы имеет Бразилия как страна с формирующимся рынком и региональный центр силы для укрепления своей роли в глобальной экономике?

Ответ может быть скрыт в стенах «зеленых комнат», в которых ЕС ведет переговоры с МЕРКОСУР по Соглашению об ассоциации. Переговоры по зоне свободной торговли ЕС – МЕРКОСУР начались в 1999 г., однако в период между 2004 г. и 2010 г. были приостановлены. Диалог был возобновлен в 2010 г. на фоне сильного давления со стороны испанского председательства в Совете Европейского союза [Ministerio de Asuntos Exteriores y Cooperación, 2010]. Успешное завершение переговоров, как ожидают сторонники соглашения, не только принесет долгосрочные экономические выгоды для обоих регионов, но и создаст жизнеспособную альтернативу традиционному доминированию США и усилению экономической роли Китая в Латинской Америке. Тем не менее процесс подрывают усиливающиеся опасения относительно потенциального негативного влияния бирегиональной либерализации торговли. Конфликт интересов в области сельского хозяйства остается главным препятствием на пути быстрого достижения амбициозного соглашения [Znojek, 2011]. В настоящее время МЕРКОСУР не является основным торговым партнером ЕС (занимает восьмое место). Тем не менее, с учетом того, что доля МЕРКОСУР во внешней торговле ЕС составляет 3%, а доля ЕС в торговле этого южноамериканского блока достигает 20%, выработка соглашения будет способствовать появлению совершенно новых возможностей для обеих сторон. Возможное соглашение между ЕС и МЕРКОСУР даст шанс для быстрого развития торговли Бразилии, на которую приходится 75% всей торговли МЕРКОСУР с ЕС и 2,2% от общего объема торговли ЕС. Обе стороны признают выгоды формирования зоны свободной торговли МЕРКОСУР и ЕС. Эта позиция была отражена в словах президента Бразилии Русеф на саммите Бразилия – ЕС в феврале 2014 г.: «... (европейцы) демонстрируют... серьезное стремление к заключению договора... Я считаю, что эта возможность никогда не была так близка... Переговоры очень важны для обеих сторон, (они), безусловно, важны для Бразилии (и) для Европейского союза» [Rousseff, 2014]. Основной интерес Бразилии в заключении соглашения о зоне свободной торговли между ЕС и МЕРКОСУР, возможно, лежит на пересечении экономической и политической сфер, поскольку страны МЕРКОСУР (во главе с Бразилией), вследствие их классификации в качестве государств с доходами выше среднего уровня, с января

2014 г. перестали пользоваться преимуществами Генеральной системы преференций ЕС. Заключение соглашения о свободной торговле может рассматриваться как выход из трудной для них ситуации.

В ближайшем будущем Бразилии, в целях укрепления ее международных позиций, необходимо активно участвовать в реформе модели управления МВФ, уделяя особое внимание перераспределению прав по принятию решений в пользу стран с формирующимся рынком и развивающихся стран. Необходимость реформирования механизмов управления МВФ признана практически всеми государствами-членами. Следует отметить, что вопрос реформирования МВФ с акцентом на перераспределение голосов в пользу БРИКС стал актуальным после азиатского кризиса 1997–1998 гг. Финансовый кризис, отразившийся в основном на экономиках Восточной Азии, также ослабил МВФ. Его крупнейшие заемщики – Южная Корея, Россия, Бразилия и Аргентина – предпочли получать более дорогие кредиты из других источников. В результате доходы МВФ резко упали, приведя к дефициту бюджета института в размере 400 млн долл. в 2010 г. и увольнению некогда мощной организацией 300–400 сотрудников (из общего числа в 2600 человек). Когда теперь уже бывший директор-распорядитель МВФ Доминик Стросс-Кан вступил в должность в ноябре 2007 г., он сразу же заявил, что структуры управления, мандат и финансовая модель института нуждаются в масштабном реформировании для повышения его значимости, легитимности и эффективности. Твердая поддержка реформ была высказана США, призвавшими к серьезным изменениям в механизмах работы и структуре управления МВФ, с тем чтобы отразить растущее влияние динамично развивающихся рынков в мировой экономике. По мнению Найре Вудс, можно выделить три основные движущие силы, склоняющие менеджмент и страны – члены МВФ к необходимости реформирования института [Woods, 2010]:

- внутренний финансовый кризис МВФ и необходимость поиска или новых заемщиков, или нового способа получения дохода для финансирования своей деятельности;
- необходимость подвести черту под кризисом в Восточной Азии и вернуть легитимность и доверие ключевых стран-членов;
- необходимость МВФ приспособиться к масштабному перераспределению влияния в мировой экономике, заключающемуся в превращении США из крупнейшего мирового кредитора на момент создания МВФ в крупнейшего должника в 2009 г. и возвышении Китая и других развивающихся экономик [Ibid.].

Самым важным, однако, представляется тот факт, что МВФ в период между волнами финансового кризиса осознал, что три страны с быстрорастущей экономикой – Китай, Индия и Бразилия – довольно успешно справились с его последствиями. Конечно, эти страны не были полностью застрахованы от мирового экономического кризиса. Влияние на некоторые сектора их экономик, особенно экспортоориентированные, было крайне негативным в краткосрочной перспективе, но восстановление экономики прошло значительно быстрее, чем в других странах, по трем причинам. Во-первых, эти страны проводили экспансионистскую контрциклическую макроэкономическую политику, которая практически полностью соответствовала кейнсианской модели и была самой нетрадиционной среди всех развивающихся стран. В своей занимательной статье Дипак Наяр упоминает масштабное фискальное стимулирование в Китае, значительное расширение программы гарантий занятости сельского населения в Индии и существенное увеличение заработной платы государственных служащих, а также экспансионистскую фискальную и денежно-кредитную политику Бразилии [Nayyar, 2011]. Второй причиной быстрого восстановления экономики Китая, Индии и Бразилии стал

объем их внутреннего рынка. Увеличение совокупного спроса и, следовательно, внутреннего потребления способствовало восстановлению и устойчивому росту экономики. В-третьих, финансовый сектор этих стран, который был менее уязвимым и регулировался жестче, чем в других странах, не поглощал и без того дефицитные ресурсы программ стимулирования в форме рекапитализации или мер по спасению от банкротства, в результате чего мягкая денежно-кредитная политика способствовала финансированию инвестиций в реальном секторе экономики этих стран, а не формированию пузырей на рынке финансовых активов [Nayyar, 2011].

Неудивительно, что руководство МВФ стало воспринимать глобальные амбиции БРИКС как шанс для проведения финансовых реформ, направленных на формирование независимого источника дохода для института. Тем не менее все имеет свою цену. Финансовые реформы были согласованы с реформами в области управления, направленными на повышение легитимности института и доверия к нему за счет перераспределения голосов в пользу стран с формирующимся рынком и развивающихся стран. Процесс усиления роли быстрорастущих экономик начался в апреле 2008 г. В 2009 г. развивающиеся страны – члены «Группы двадцати» начали борьбу против доминирования «государств Триады» и их союзников. Найре Вудс дала ясное представление о выгодах этих изменений и отметила, что крупнейшими их получателями стали Южная Корея, Сингапур, Турция, Китай, Индия, Бразилия и Мексика, хотя с точки зрения этих стран масштабы изменений были незначительными [Woods, 2010]. Доли квот МВФ Китая, Индии, России и Бразилии увеличились с 3,996%, 2,442%, 2,494%, 1,783% в 2008 г. до 6,394%, 2,751%, 2,706% и 2,316% в 2009 г. соответственно [Haibin, 2012]. Эти изменения дались нелегким трудом и вызвали длительное обсуждение между странами «Группы семи». Страны с быстрорастущими экономиками рассматривали реформы 2008 г. как начало масштабного процесса и потребовали более существенного перераспределения влияния, отражающего их роль в качестве основных кредиторов мировой экономики. Бразилия и другие страны БРИКС критиковали, в частности, непропорциональное количество голосов и число европейских представителей в Исполнительном совете МВФ, но ни одна из европейских стран не была готова отказаться от своего привилегированного положения. После долгих дебатов министры финансов и главы центральных банков встретились 23 октября 2010 г. в Кенджу, Южная Корея, для подготовки повестки дня саммита «Группы двадцати» в Сеуле 11 ноября. Страны «двадцатки» достигли соглашения в отношении набора предложений по институциональным реформам, которые стали продолжением договоренностей саммитов «Группы двадцати» 2009 г. в Питтсбурге и Лондоне[5]. В частности, предлагалось [Menkes, 2010]:

• официально утвердить на ежегодных встречах МВФ и Всемирного банка в октябре 2012 г. перераспределение более 6% долей квот странам с недостаточным представительством (при сохранении долей квот и голосов беднейших стран), что означает смещение баланса в системе голосов в пользу Бразилии, Китая, Индии и России;

[5] На саммите «Группы двадцати» в Лондоне страны-члены согласовали реализацию масштабной финансовой программы, направленной на восстановление кредитования и экономического роста и создание рабочих мест в мировой экономике. Они обязались предоставить дополнительно 1,1 трлн долл. США международным институтам, включая МВФ (500 млрд долл. США новых ресурсов для кредитования плюс новое распределение СДР на 250 млрд долл.), а также многосторонние банки развития (100 млрд долл. для кредитования стран с формирующимся рынком и развивающихся стран плюс 250 млрд долл. на поддержку финансирования торговли). Эти ресурсы, в соответствии с решением «двадцатки», были предоставлены, за счет более гибких механизмов помощи, нуждающимся странам. См.: [G20, 2009].

• укрепить представительство динамичных государств с формирующимся рынком и развивающихся стран посредством разработки новой формулы расчета квот к январю 2013 г. и последующего пересмотра квот к январю 2014 г.;

• предоставить недостаточно представленным государствам два места в Исполнительном совете, ранее занимаемых европейцами, и, возможно, ввести должность дополнительного заместителя исполнительного директора для групп, представляющих большое число стран;

• ввести практику выборов исполнительных директоров при согласии государств сохранить численность Исполнительного совета в 24 человека;

• продлить срок полномочий Совета с двух до восьми лет после 14-го Общего пересмотра квот [Menkes, 2010].

Реакцией стран на такое развитие событий стало принятие в июне 2012 г. на саммите «Группы двадцати» в Мексике решения о значительном увеличении ресурсов МВФ с целью предотвращения распространения кризиса в еврозоне на всю мировую экономику. Китай обязался выделить 43 млрд долл., Бразилия и Россия – по 10 млрд, а ЮАР – 2 млрд долл. [Fin24, 2012]. Этот вклад членов БРИКС рассматривался как «инвестиции» с ожиданием того, что в ответ получит дополнительные стимулы буксующая реформа квот и голосов МВФ. Следует отметить, что несмотря на это, на январь 2015 г. указанная реформа так и не была реализована. Беспокойство по этому поводу было высказано на неформальной встрече лидеров БРИКС в преддверии саммита «Группы двадцати» в Брисбене 15 ноября 2014 г., в ходе которой главы стран с динамично развивающейся экономикой обменялись взглядами на основные вопросы повестки дня саммита «двадцатки» и его ожидаемые результаты. Они подвергли открытой критике усилия «двадцатки» по поддержке глобального спроса в краткосрочной перспективе, особенно предпринимаемые развитыми странами, невыполнение реформ МВФ 2010 г., согласованных в 2009 г., и негативное влияние этого фактора на легитимность Фонда и доверие к нему. Вследствие отказа США от ратификации реформ, они призвали «Группу двадцати» запланировать обсуждение вариантов дальнейших действий, которые МВФ обязался представить в январе 2015 г. [BRICS, 2014a].

Сложности в отношении реализации реформы МВФ и других международных финансовых институтов (МФИ) способствовали институционализации БРИКС и развитию его внутренней финансовой архитектуры. На саммите «Группы двадцати» 2013 г. в Санкт-Петербурге лидеры БРИКС договорились о создании Пула валютных резервов в размере 100 млрд долл. США для смягчения краткосрочной нехватки ликвидности и обеспечения стабильности стран с быстроразвивающейся экономикой [Xing, 2014]. Это решение получило дальнейшее развитие на шестом саммите БРИКС, состоявшемся в Форталезе. Члены БРИКС заключили Договор о создании Пула условных валютных резервов (CRA) с первоначальными ресурсами в объеме 100 млрд долл. (Китай вносит 41 млрд, Бразилия, Россия и Индия – по 18 млрд), представляющий собой «самоуправляемый механизм для предотвращения краткосрочного давления на платежный баланс, обеспечения взаимной поддержки и дальнейшего укрепления финансовой стабильности» [BRICS, 2014b]. На этой же встрече члены БРИКС подписали Соглашение о создании Нового банка развития (с первоначальным разрешенным капиталом в 100 млрд долл.), являющегося инструментом финансирования проектов в области инфраструктуры и устойчивого развития как в государствах – членах БРИКС, так и в других странах с формирующимся рынком и развивающихся странах [Ibid, 2014c]. Формирование Нового банка развития БРИКС – если он будет эффективно функционировать – может бросить серьезный вызов важнейшим институтам глобального управления, таким как

МВФ и Всемирный банк. Следует признать, что эта инициатива является очень амбициозной и выходит далеко за рамки существующих форм воздействия членов БРИКС на развивающиеся страны в финансовой сфере[6].

Анализируя поиск Бразилией и другими странами с формирующимся рынком своего места в системе международных отношений, не следует забывать, что нестабильность в системе глобального управления значительно усилилась с началом финансового кризиса осенью 2008 г. Питаемый кризисом ветер перемен изменил существовавшие формы глобального управления, превратив «Группу двадцати» из «низкоклассного» форума министров финансов и управляющих центральных банков в «лигу чемпионов», объединяющую глав государств. «Группа двадцати», в состав которой входят 10 промышленно развитых членов (страны «Группы восьми», Австралия и Европейский союз) и 10 развивающихся стран (Саудовская Аравия, Аргентина, Бразилия, Китай, Индия, Индонезия, Мексика, Республика Корея, ЮАР и Турция), более диверсифицирована географически и экономически, чем «восьмерка», а на ее членов приходится около 90% мирового ВВП и 75% мирового населения [Gradziuk, 2009]. «Двадцатка» постепенно взяла на себя роль основного форума для консультаций и принятия решений по реагированию на глобальный кризис и стала неофициально именоваться «мировым экономическим правительством», которое, как предполагается, должно быть более эффективным в деле международной торговли и инвестиций, чем «Группа восьми», ВТО, ОЭСР и ЮНКТАД [Gradziuk, 2011].

Членство Бразилии в «Группе двадцати» и БРИКС существенно изменило роль страны в глобальной экономике и политике, а также собственное восприятие ее места в мире [Schläger, 2007]. Это означало прекращение восприятия Бразилии в качестве «периферийного игрока» и ее превращение в один из центров глобального управления. Наиболее вероятными причинами этих изменений являются: (1) относительно высокие темпы экономического роста Бразилии между 2003 г. и 2010 г. и (2) неудачная попытка получения постоянного места в Совете Безопасности ООН. Последний факт подтолкнул Бразилию к рассмотрению возможностей укрепления своей позиции в новых, неформальных институтах, которые формируют положение страны «в центре нового мирового порядка» [Stunkel, 2012]. Желание реформировать международные институты, структура которых считается привилегированной по отношению к западным странам и, соответственно, несправедливой, превратило Бразилию в естественного «союзника» Южной Африки и Индии (аналогичный процесс происходил в ВТО), которые, в отличие от Китая и России, находились в поисках своего места в международных институтах. Различия в прошлом и текущем положении и расходящиеся интересы привели к тому, что формирование общей позиции стран БРИКС в рамках «Группы двадцати» едва ли является возможным. Если посмотреть на их участие в процессе работы «двадцатки» с 2008 г., становится очевидно, что каждая из стран выступает с собственной повесткой дня, акцентированной на различных интересах. В то время как Бразилия поддерживает либерализацию торговли сельскохозяйственной продукцией, Россия и Индия выступают против налога на финансовые транзакции, а Китай оправдывает свою денежно-кредитную политику. Касаясь конкретно Бразилии, Оливер Штункель

[6] Это относится, в частности, к Банку Юга – региональному банковскому институту, который является своего рода эквивалентом глобальной системы финансовой помощи / содействия развитию на основе деятельности тандема МВФ и Всемирного банка. Банк Юга был создан в сентябре 2009 г. в целях оказания финансовой помощи странам Южной Америки. Первоначальный капитал банка составил 20 млрд долл. США. Банк должен был обеспечить финансовые потребности стран Южной Америки, решивших проводить социально-экономические реформы. Учредителями Банка Юга были Аргентина, Боливия, Бразилия, Эквадор, Парагвай, Уругвай, Венесуэла. См.: [MercoPress, 2014].

пошел еще дальше, отметив, что «Бразилия не имеет последовательной четкой стратегии в “Группе двадцати”. Отсутствуют подтверждения того, что, например, в 2010 г. Бразилия разделяла позицию какого-либо конкретного блока, будь то «семерка» или БРИКС. Это отчасти объясняется тем, что внешнеполитическая стратегия Бразилии, ее цели и принципы меняются» [Stunkel, 2012]. Действительно, внешняя политика Бразилии находится в процессе постоянного изменения. Страна не всегда имела ясное представление о том, какой стратегии придерживаться в глобальных институтах. Этот нарождающийся центр силы сталкивается с новыми вызовами, но определенно нельзя сказать, что ее политическое значение на глобальной арене игнорируется. Бразилия представляет собой действительно редкий пример – переоценивая свою экономику, которой присущи серьезные внутренние недостатки, не располагая значительной «жесткой силой» и будучи зависимой от многосторонних институтов, эта страна, тем не менее, находится на подъеме.

Выводы

Приведенный выше анализ показывает, что в последнее время экономические показатели Бразилии и других стран БРИКС были выше, чем в развитых странах. Бразилия стала крупным игроком в мировой экономике, но типичные для стран Латинской Америки ограничения в ее национальной экономике сохранились. Тем не менее, несмотря на некоторые «слабые места», Бразилия продолжит играть важную роль в мировой экономике. Формирование коалиции развивающихся стран по сельскохозяйственным вопросам под руководством Бразилии, выбор представителя этой страны Генеральным директором ВТО и даже успех переговоров на Бали в рамках Дохийского раунда означают, что Бразилия играет все более важную роль в решении широкого круга международных проблем не только в экономической, но и в политической сфере. Однако это только часть общей картины. Роль Бразилии в глобальном управлении по-прежнему не очень четко определена. Ее внешнеполитическая стратегия, цели и принципы находятся в процессе постоянного изменения. Более того, укрепление роли Бразилии в международных делах не сопровождается осознанием ее места на мировой политической арене. Хотя Бразилия постепенно приобретает опыт, независимость и проводит самостоятельную внешнюю политику, последняя не всегда является последовательной и проработанной. Успешные для Бразилии переговоры в ВТО сопровождались отсутствием последовательной стратегии в рамках «Группы двадцати». Эта непоследовательность представляется «слабым звеном» в попытках Бразилии найти свое место в системе глобального управления. Повышение согласованности политики в «двадцатке», дальнейшая институционализация БРИКС, укрепление возможностей по формированию коалиций в ВТО и увеличение числа голосов в МВФ должны стать одними из важнейших задач для страны, которая зависит от членства в многосторонних институтах, поскольку не обладает существенным ресурсом «жесткой силы». Акцент на развитии сотрудничества по линии Юг – Юг, формирование стратегических партнерств и «наведение мостов» между развивающимися странами, странами с формирующимся рынком и промышленно развитыми государствами может не только укрепить влияние Бразилии в институтах глобального управления, но и в какой-то степени перевести в другое русло развитие науки о международных отношениях, которая в настоящее время в значительной степени сосредоточена на изучении Китая и Индии, получивших название “Chindia”, а не Бразилии, России и ЮАР. Для некоторых возвышение Китая и Индии рассматривается как «реальный сдвиг в балансе силы», в то время как Россия,

Южная Африка и Бразилия считаются «маргинальными экономиками, поддерживаемыми высокими ценами на сырьевые товары» и ослабляемыми недостатком долгосрочных инвестиций [Lloyd, Turkeltaub, 2006]. Другими словами, согласно этой точке зрения, Индия и Китай являются единственными реальными «кирпичами в стене»[7]. Действительно, члены БРИКС сильно отличаются друг от друга. Майкл Кан указывает, что БРИКС является форумом, который объединяет одного из крупнейших мировых поставщиков сельскохозяйственных товаров (Бразилию), крупнейшую в мире АЗС (Россию), самый большой бэк-офис международной экономики (Индию), крупнейшую в мире фабрику (Китай) и ЮАР, «мирового ювелира» [Kahn, 2011]. Общеизвестно, что Бразилия поставляет сырье для всего мира, и численность ее населения увеличивается. Энергетические запасы России являются жизненно важными для мировых энергетических рынков. Южная Африка считается самой обеспеченной запасами полезных ископаемых страной в мире. При этом два «элитных» члена БРИКС – Китай и Индия – стали источниками наиболее значительных «изменений не только в отношении динамики мировой экономики, но и в отношении глобального баланса сил» и «готовы стать лидерами потенциального нового центра экономической гравитации, охватывающего всю Азию» [City of London, 2006]. Относительно низкие по сравнению с головокружительными показателями Индии и Китая темпы экономического роста Бразилии поставили под сомнение ее право быть членом форума БРИКС наряду с этими странами. Конечно, эти азиатские державы находятся вне досягаемости Бразилии с точки зрения экономической мощи, несмотря на увеличение темпов ее экономического роста в последнее время, снижение процентных ставок, рост управляемости государственного долга и сокращение неравенства доходов и уровня бедности. Однако Бразилия имеет и некоторые преимущества, являясь самой устойчивой страной БРИКС с демократическим устройством и отсутствием серьезных споров с соседними государствами. Более медленный рост ее экономики может объясняться относительным богатством и высоким уровнем урбанизации в сравнении с другими государствами БРИКС. Бразилия несопоставима с Индией или Китаем в плане экономического роста, но с геополитической точки зрения она вполне может быть основным игроком в Латинской Америке и уже рассматривается с этой позиции Всемирным банком, МВФ, фондовыми биржами и крупными инвесторами со всего мира. Даже если Бразилия не может отвечать на вызовы глобализации так же успешно, как Китай и Индия, она должна по-прежнему думать о своем будущем месте в мире.

Литература

BBC (2013) China and Brazil sign $30bn Currency Swap Agreement. 27 March. Режим доступа: http://www.bbc.com/news/business-21949615 (дата обращения: 10.03.2015).

BBC News (2007) Lula Pins Hopes on Economic Plan. 23 January. Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/6289943.stm (дата обращения: 10.03.2015).

BFC (2008) Brazil: The Best Investment in the BRIC Countries? Bradley, Foster and Sargent, Inc. Quarterly Market Commentary. July // Bfsinvest.com. Режим доступа: http://www.bfsinvest.com/resources/investment-commentary/2008/2Q2008.pdf (дата обращения: 10.03.2015).

BRICS (2014a) Media Note on the Informal Meeting of BRICS Leaders on the Occasion of the G20 Summit in Brisbane. 15 November. Режим доступа: http://www.brics.utoronto.ca/docs/141115-brisbane.html (дата обращения: 10.03.2015).

[7] Игра слов, основанная на созвучии акронима BRICS и англ. brick (кирпич) (*Примеч. пер.*).

BRICS (2014b) Treaty for the Establishment of a BRICS Contingent Reserve Arrangement. Fortaleza, Brazil. 15 July. Режим доступа: http://www.brics.utoronto.ca/docs/140715-treaty.html (дата обращения: 10.03.2015).

BRICS (2014c) Agreement on the New Development Bank. Fortaleza, Brazil. 15 July. Режим доступа: http://www.brics.utoronto.ca/docs/140715-bank.html (дата обращения: 10.03.2015).

Bull H. (1984) The Emergence of a Universal International Society // The Expansion of International Society / H. Bull, A. Watson (eds). Oxford: Clarendon Press.

CIA (2012) Country Comparison: Investment (gross fixed). Режим доступа: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2185rank.html (дата обращения: 10.03.2015).

CIA (2013a) Country Comparison: Unemployment Rate. Режим доступа: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2129.html (дата обращения: 10.03.2015).

CIA (2013b) Country Comparison: GDP per capita (PPP). Режим доступа: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2004.html#br (дата обращения: 10.03.2015).

City of London (2006) Scenarios for India and China 2015: Implications for the City of London. SAMI Consulting & Oxford Analytica. October. Режим доступа: http://www.cityoflondon.gov.uk/NR/rdonlyres/227066DC-B1AB-4320-B9CEAAD870D98784/0/BC_RS_IndiaChinaFINALREPORT2.pdf (дата обращения: 10.03.2015).

Da Conceicao-Heldt E. (2013) The Domestic Sources of Multilateral Trade Negotiations: Explaining Brazil's Negotiating Position in the Doha Round // The International Trade Journal. No. 27 (2). P. 173–194.

Draper P. (2012) BRICS Summit 2012: Inching towards a BRICS Trade and Investment Agenda // SAIIA. 16 March. Режим доступа: http://www.saiia.org.za/feature/brics-summit-2012-inching-towards-a-brics-trade-and-investment-agenda.html (дата обращения: 10.03.2015).

Economywatch (2011) Brazil Economy. 15 March. Режим доступа: http://www.economywatch.com/world_economy/brazil/ (дата обращения: 10.03.2015).

Fin24 (2012) Brics Agree to Boost IMF War Chest. 19 June. Режим доступа: http://www.fin24.com/Economy/Brics-agree-to-boost-IMF-war-chest-20120619 (дата обращения: 10.03.2015).

Financial Times (2007) Measures Launched to Boost Brazil‘s Economic Growth. 23 January.

Financial Times (2007a) Brazil "must lift barriers" to new infrastructure // Financial Times. 28 February.

Financial Times (2007b) Left turn ahead? How flaws in Lula‘s plan could condemn Brazil to lag behind its peers // Financial Times. 22 February.

Foreign Affairs (2009) A Giant Awakens Brazil. Vol. 88. No. 1.

G20 (2009) Global Plan for Recovery and Reform. Statement Issued by the G20 Leaders. London. 2 April.

Garret G. (2010) G2 in G20: China, the United States and the World after the Global Financial Crisis // Global Policy. Vol. 1. No. 1. P. 29–39.

Gradziuk A. (2011) The G20 on the Path to Finding Relevance in the New World Economic Order // PISM, Policy Paper. No. 5.

Gradziuk A. (2009) New Role of G20 in the Global Economic Governance// PISM, Bulletin. No. 55 (55). 2 October.

Haibin N. (2012) BRICS in Global Governance: A Progressive Force? Dialogue on Globalisation. N.Y.: Friedrich Ebert Stiftung.

IMF (2009) World Economic Outlook. October.Режим доступа: https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2009/02/weodata/index.aspx (дата обращения: 10.03.2015).

Kahn M. (2011) The BRICs and South Africa as the Gateway to Africa // Journal of the Southern African Institute of Mining and Metallurgy. Vol. 111. Issue 7. P. 493–496.

Lloyd J., Turkeltaub A. (2006) India and China are the Only Real BRICs in the Wall // Financial Times. 4 December.

McKinsey (2007) Five Priorities for Brazil's Economy // McKinsey Quarterly. Special Edition.

Menkes M. (2010) IMF's Governance Reform in the Shadow of Current-accounts Balance Debate // PISM. Bulletin. No. 131 (207). 10 November.

Menkes M., Znojek B. (2011) Brazil and the "Currency War" // PISM. Bulletin. No. 7 (224). 26 January.

MercoPress (2014) South American Leaders Sign Agreement Creating South Bank. 27 September. Режим доступа: http://en.mercopress.com/2009/09/27/south-american-leaders-sign-agreement-creating-south-bank Brazilian http://www.lanacion.com.ar/1370690-avanza-el-proyecto-del-banco-del-sur (дата обращения: 10.03.2015).

Ministerio (2009) Ministério da Receita Federal // Portaria Conjunta RFB / Secex. No. 1. 2 April. Режим доступа: http://www.receita.fazenda.gov.br/legislacao/Portarias/2009/PortariaConjunta/portconjuntaRFBSecex001.htm (дата обращения: 10.03.2015).

Ministerio de Asuntos Exteriores y Cooperación (2010) The Programme for the Spanish Presidency of the Council of the European Union. 1 January – 30 June. Режим доступа: http://jsis.washington.edu/euc//file/Spanish%20Presidency%20Program.pdf (дата обращения: 10.03.2015).

Nayyar D. (2011) The Financial Crisis, the Great Recession and the Developing World // Global Policy. Vol. 2. Issue 1. P. 20–32.

O'Neill J. (2001) Building Better Global Economic BRICs // Global Economics Paper. No. 66. 30 November. Режим доступа: http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/archive-pdfs/build-better-brics.pdf (дата обращения: 10.03.2015).

PNAD (2006) Pesquisa Nacional por Amostra de Domicílios. Режим доступа: http://www.ibge.gov.br/home/estatistica/populacao/trabalhoerendimento/pnad2006/default.shtm (дата обращения: 10.03.2015).

Reuters (2013) Rousseff Says Brazil Raises 2014 Minimum Wage by 6.78 pct. Режим доступа: http://www.reuters.com/article/2013/12/23/brazil-economy-wage-idUSL2N0K21FW20131223 (дата обращения: 10.03.2015).

Rousseff D. (2014) Acordo com a União Europeia está próximo, afirma presidenta Dilma. 24 February. Режим доступа: http://www.sice.oas.org/TPD/MER_EU/negotiations/Close_to_completion_MER_EU_p.pdf (дата обращения: 10.03.2015).

Schirm S.A. (2010) Leaders in Need of Followers: Emerging Powers in Global Governance // European Journal of International Relations. No. 16 (2). P. 197–221.

Schläger C. (2007) New Powers for Global Change? Challenges for International Development Cooperation: The Case of Brasil. Friedrich Ebert Stiftung Briefing Paper. No. 3. Berlin: FES.

Stunkel O. (2012) Can the BRICS Co-operate in the G-20? A View from Brazil, Economic Diplomacy Programme. Occasional Paper, No. 123. December. South African Institute of International Relations.

The Economist (2006) Lula the Political Prizefighter – Brazil's Presidential Election // The Economist. 28 October.

The Economist (2007) Stirred, but not Shaken up – Brazil's Economy. 27 January.

The Economist (2011a) Measuring Brazil's Economy – Very big, but not the World's Fifth-largest Economy Quite Yet // The Economist. 10 March. Режим доступа: http://www.economist.com/node/18333018?story_id=18333018 (дата обращения: 10.03.2015).

The Economist (2011b) The New Government Sets out to Cool an Overheating Economy // The Economist. 17 February. Режим доступа: http://www.economist.com/node/18178315 (дата обращения: 10.03.2015).

The Economist (2013) The Road to Hell. Getting Brazil Moving Again Will Need Lots of Private Investment and Know-how. Режим доступа: http://www.economist.com/news/special-report/21586680-getting-brazil-moving-again-will-need-lots-private-investment-and-know-how-road (дата обращения: 10.03.2015).

Trading Economics (2015) Brazil Minimum Wages 1950–2015. Режим доступа: http://www.tradingeconomics.com/brazil/minimum-wages (дата обращения: 10.03.2015).

U.S. NIC (2008) Global Trends 2025: A Transformed World. Washington: US Government Printing Office.

Van Loon A. (2015) From Interregionalism to Bilateralism: Power and Interests in EU-Brazil Trade Cooperation // The European Union and the BRICS: Complex Relations in the Era of Global Governance / M. Rewizorski (ed). Heidelberg: Springer.

Wilson D., Purushothaman R. (2003) Dreaming With BRICs: The Path to 2050 // Global Economics Paper. No. 99. 1 October. Режим доступа: http://www2.goldmansachs.com/insight/research/reports/99.pdf (дата обращения: 10.03.2015).

Woods N. (2010) Global Governance after the Financial Crisis: A New Multilateralism or the Last Gasp of the Great Powers? // Global Policy. Vol. 1. Issue 1. P. 51–63.

World Bank (2014a) GDP ranking. Режим доступа: http://data.worldbank.org/data-catalog/GDP-ranking-table (дата обращения: 10.03.2015).

World Bank (2014b) Brazil Overview. Режим доступа: http://www.worldbank.org/en/country/brazil/overview#1 (дата обращения: 10.03.2015).

World Bank (2014c) GDP per person employed. Режим доступа: http://data.worldbank.org/indicator/SL.GDP.PCAP.EM.KD (дата обращения: 13.04.2015).

WTO (2014) Trade Profiles: Brazil. Режим доступа: http://stat.wto.org/CountryProfile/WSDBCountryPFView.aspx?Language=F&Country=BR (дата обращения: 10.03.2015).

Xing L. (2014) Introduction. Understanding the Hegemony and the Dialectics of the Emerging World Order // The BRICS and Beyond. The International Political Economy of Emergence of a New World Order / Li Xing (ed.). Farnham: Ashgate.

Znojek B. (2011) EU-Mercosur Negotiations: Towards an Association Agreement? // PISM. Bulletin. No. 32 (249). 31 March.

Another “Brick” in the Wall? Brazil’s Quest for Relevance in Global Governance

M. Rewizorski

Marek Rewizorski – Assistant Professor, Institute of History and Political Science, Pomeranian University; ul. Arciszewskiego 22A, 76-200 Słupsk, Poland; E-mail: marcuser@o2.pl

Abstract

The growing strength of Brazil, Russia, India, China, South Africa and other powerful emerging economies raises the question whether the world is facing the emergence of a more multilateral era of governance. In other words, has a new multilateralism been launched? With regard to Brazil, as one of the BRICS pillars, its strong economic performance since the turn of the century has been overshadowed by China’s and India’s. Yet Brazil has been an excellent place to invest over the first decade of the 21st century. Questions remain, however: How does Brazil stack up against the other BRICS members? What is the key to unlock its growth potential? This article adds a voice to this debate. The fundamental issues here are whether Brazil’s relatively slow rate of economic growth compared with the breakneck growth rates in India and China and its deep infrastructure deficiencies allow for including it in the same category as the other BRICS (especially China and India). Is Brazil economically mature enough to increase its role in global governance institutions such as the World Trade Organization, the International Monetary Fund and the G20, or is it an economically overestimated regional power with high ambitions? Has Brazil any other comparative edge over both western and non-western competitors? Is it “underestimated” politically? This article is divided into several sections. First, it gives an overview of BRICS development and explains the research problem. Second, it points to the simultaneous economic, “external” expansion of the Brazilian economy and the underinvestment in its “internal” infrastructure, which, instead of unlocking the economy and its potential, serve de facto as an impediment. Third, it analyzes the “quest for power” in global governance institutions by both Brazil and the BRICS. The concluding section presents the main findings.

Key words: BRICS, Brazil, Brazilian economy, infrastructure, global governance

References

BBC (2013) *China and Brazil sign $30bn Currency Swap Agreement*. 27 March. Available at: http://www.bbc.com/news/business-21949615 (accessed 10 March 2015).

BBC News (2007) *Lula Pins Hopes on Economic Plan*. 23 January. Available at: http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/6289943.stm (accessed 10 March 2015).

BFC (2008) Brazil: The Best Investment in the BRIC Countries? Bradley, Foster and Sargent, Inc. Quarterly Market Commentary. July. *Bfsinvest.com*. Available at: http://www.bfsinvest.com/resources/investment-commentary/2008/2Q2008.pdf (accessed 10 March 2015).

BRICS (2014a) *Media Note on the Informal Meeting of BRICS Leaders on the Occasion of the G20 Summit in Brisbane*. 15 November. Available at: http://www.brics.utoronto.ca/docs/141115-brisbane.html (accessed 10 March 2015).

BRICS (2014b) *Treaty for the Establishment of a BRICS Contingent Reserve Arrangement. Fortaleza, Brazil.* 15 July. Available at: http://www.brics.utoronto.ca/docs/140715-treaty.html (accessed 10 March 2015).

BRICS (2014c) *Agreement on the New Development Bank*. Fortaleza, Brazil. 15 July. Available at: http://www.brics.utoronto.ca/docs/140715-bank.html (accessed 10 March 2015).

Bull H. (1984) The Emergence of a Universal International Society. *The Expansion of International Society* (eds. H. Bull, A. Watson). Oxford: Clarendon Press.

CIA (2012) *Country Comparison: Investment* (gross fixed). Available at: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2185rank.html (accessed 10 March 2015).

CIA (2013a) *Country Comparison: Unemployment Rate*. Available at: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2129.html (accessed 10 March 2015).

CIA (2013b) *Country Comparison: GDP per capita (PPP)*. Available at: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2004.html#br (accessed 10 March 2015).

City of London (2006) *Scenarios for India and China 2015: Implications for the City of London. SAMI Consulting & Oxford Analytica*. October. Available at: http://www.cityoflondon.gov.uk/NR/rdonlyres/227066DC-B1AB-4320-B9CEAAD870D98784/0/BC_RS_IndiaChinaFINALREPORT2.pdf (accessed 10 March 2015).

Cooper A.F., Thakur R. (2013) *The Group of Twenty (G20)*. London-New York: Routledge.

Da Conceicao-Heldt E. (2013) The Domestic Sources of Multilateral Trade Negotiations: Explaining Brazil's Negotiating Position in the Doha Round. *The International Trade Journal*, no 27(2), pp. 173–194.

Dane F., Schotte S. (2013) *Country Report: Brazil*. Konrad Adenauer-Stiftung. May.

Draper P. (2012) *BRICS Summit 2012: Inching towards a BRICS Trade and Investment Agenda. SAIIA*. 16 March. Available at: http://www.saiia.org.za/feature/brics-summit-2012-inching-towards-a-brics-trade-and-investment-agenda.html (accessed 10 March 2015).

Economywatch (2011) *Brazil Economy*. 15 March. Available at: http://www.economywatch.com/world_economy/brazil/ (accessed 10 March 2015).

Fin24 (2012) *Brics Agree to Boost IMF War Chest*. 19 June. Available at: http://www.fin24.com/Economy/Brics-agree-to-boost-IMF-war-chest-20120619 (accessed 10 March 2015).

Financial Times (2007) *Measures Launched to Boost Brazil's Economic Growth*. 23 January.

Financial Times (2007a) Brazil "must lift barriers" to new infrastructure. *Financial Times*. 28 February.

Financial Times (2007b) Left turn ahead? How flaws in Lula's plan could condemn Brazil to lag behind its peers. *Financial Times*. 22 February.

Foreign Affairs (2009) *A Giant Awakens Brazil*. Vol. 88, no 1.

G20 (2009) *Global Plan for Recovery and Reform*. Statement Issued by the G20 Leaders. London. 2 April.

Garret G. (2010) G2 in G20: China, the United States and the World after the Global Financial Crisis. *Global Policy*, vol. 1, no 1, pp. 29–39.

Gradziuk A. (2011) The G20 on the Path to Finding Relevance in the New World Economic Order. *PISM, Policy Paper*, no 5.

Gradziuk A. (2009) New Role of G20 in the Global Economic Governance. *PISM, Bulletin*, no 55 (55). 2 October.

Haibin N. (2012) *BRICS in Global Governance: A Progressive Force? Dialogue on Globalisation*. New York: Friedrich Ebert Stiftung.

IMF (2009) *World Economic Outlook*. October. Available at: https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2009/02/weodata/index.aspx (accessed 10 March 2015).

Kahn M. (2011) The BRICs and South Africa as the Gateway to Africa. *Journal of the Southern African Institute of Mining and Metallurgy*, vol. 111, Issue 7, pp. 493–496.

Lloyd J., Turkeltaub A. (2006) India and China are the Only Real BRICs in the Wall. *Financial Times*. 4 December.

McKinsey (2007) Five Priorities for Brazil's Economy. *McKinsey Quarterly*. Special Edition.

Menkes M. (2010) IMF's Governance Reform in the Shadow of Current-accounts Balance Debate. *PISM, Bulletin*, no 131 (207). 10 November.

Menkes M., Znojek B. (2011) Brazil and the "Currency War". *PISM, Bulletin*, no 7 (224). 26 January.

MercoPress (2014) *South American Leaders Sign Agreement Creating South Bank*. 27 September. Available at: http://en.mercopress.com/2009/09/27/south-american-leaders-sign-agreement-creating-south-bankBrazilian http://www.lanacion.com.ar/1370690-avanza-el-proyecto-del-banco-del-sur (accessed 10 March 2015).

Ministerio (2009) Ministério da Receita Federal. *Portaria Conjunta RFB/Secex*, no 1. 2 April. Available at: http://www.receita.fazenda.gov.br/legislacao/Portarias/2009/PortariaConjunta/portconjuntaRFBSecex001.htm (accessed 10 March 2015).

Ministerio de Asuntos Exteriores y Cooperación (2010) *The Programme for the Spanish Presidency of the Council of the European Union*. 1 January – 30 June. Available at: http://jsis.washington.edu/euc//file/Spanish%20Presidency%20Program.pdf (accessed 10 March 2015).

Nayyar D. (2011) The Financial Crisis, the Great Recession and the Developing World. *Global Policy*, vol. 2, Issue 1, pp. 20–32.

O'Neill J. (2001) Building Better Global Economic BRICs. *Global Economics Paper*, no 66. 30 November. Available at: http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/archive-pdfs/build-better-brics.pdf (accessed 10 March 2015).

PNAD (2006) *Pesquisa Nacional por Amostra de Domicílios*. Available at: http://www.ibge.gov.br/home/estatistica/populacao/trabalhoerendimento/pnad2006/default.shtm (accessed 10 March 2015).

Reuters (2013) *Rousseff Says Brazil Raises 2014 Minimum Wage by 6.78 pct*. Available at: http://www.reuters.com/article/2013/12/23/brazil-economy-wage-idUSL2N0K21FW20131223 (accessed 10 March 2015).

Rousseff D. (2014) *Acordo com a União Europeia está próximo, afirma presidenta Dilma*. 24 February. Available at: http://www.sice.oas.org/TPD/MER_EU/negotiations/Close_to_completion_MER_EU_p.pdf (accessed 10 March 2015).

Schirm S.A. (2010) Leaders in Need of Followers: Emerging Powers in Global Governance. *European Journal of International Relations*, no 16 (2), pp. 197–221.

Schläger C. (2007) New Powers for Global Change? Challenges for International Development Cooperation: The Case of Brasil. *Friedrich Ebert Stiftung Briefing Paper*, no 3. Berlin: FES.

Stunkel O. (2012) *Can the BRICS Co-operate in the G-20? A View from Brazil, Economic Diplomacy Programme. Occasional Paper*, no 123. December. South African Institute of International Relations.

The Economist (2006) Lula the Political Prizefighter – Brazil's Presidential Election. *The Economist*. 28 October.

The Economist (2007) *Stirred, but not Shaken up – Brazil's Economy*. 27 January.

The Economist (2011a) Measuring Brazil's Economy – Very big, but not the World's Fifth-largest Economy Quite Yet. *The Economist*. 10 March. Available at: http://www.economist.com/node/18333018?story_id=18333018 (accessed 10 March 2015).

The Economist (2011b) The New Government Sets out to Cool an Overheating Economy. *The Economist*. 17 February. Available at: http://www.economist.com/node/18178315 (accessed 10 March 2015).

The Economist (2013) *The Road to Hell. Getting Brazil Moving Again Will Need Lots of Private Investment and Know-how*. Available at: http://www.economist.com/news/special-report/21586680-getting-brazil-moving-again-will-need-lots-private-investment-and-know-how-road (accessed 10 March 2015).

Trading Economics (2015) *Brazil Minimum Wages 1950–2015*. Available at: http://www.tradingeconomics.com/brazil/minimum-wages (accessed 10 March 2015).

U.S. NIC (2008) *Global Trends 2025: A Transformed World*. Washington: US Government Printing Office.

Van Loon A. (2015) From Interregionalism to Bilateralism: Power and Interests in EU-Brazil Trade Cooperation. *The European Union and the BRICS: Complex Relations in the Era of Global Governance* (ed. M. Rewizorski). Heidelberg: Springer.

Wilson D., Purushothaman R. (2003) Dreaming With BRICs: The Path to 2050. *Global Economics Paper*, no 99. 1 October. Available at: http://www2.goldmansachs.com/insight/research/reports/99.pdf (accessed 10 March 2015).

Woods N. (2010) Global Governance after the Financial Crisis: A New Multilateralism or the Last Gasp of the Great Powers? *Global Policy*, vol. 1, Issue 1, pp. 51–63.

World Bank (2014a) *GDP Ranking*. Available at: http://data.worldbank.org/data-catalog/GDP-ranking-table (accessed 10 March 2015).

World Bank (2014b) *Brazil Overview*. Available at: http://www.worldbank.org/en/country/brazil/overview#1 (accessed 10 March 2015).

World Bank (2014c) GDP per person employed. Available at: http://data.worldbank.org/indicator/SL.GDP.PCAP.EM.KD (accessed 13 April 2015).

WTO (2014) *Trade Profiles: Brazil*. Available at: http://stat.wto.org/CountryProfile/WSDBCountryPFView.aspx?Language=F&Country=BR (accessed 10 March 2015).

Xing L. (2014) Introduction. Understanding the Hegemony and the Dialectics of the Emerging World Order. *The BRICS and Beyond. The International Political Economy of Emergence of a New World Order* (ed. Li Xing). Farnham: Ashgate.

Znojek B. (2011) EU – Mercosur Negotiations: Towards an Association Agreement? *PISM, Bulletin*, no 32 (249). 31 March.

Играет ли группа БРИКС роль в делах Азии?[1]

Х. Ню

Ню Хайбинь – заместитель директора Центра американских исследований, заместитель директора Института международных стратегических исследований, Шанхайский институт международных исследований, Китай; 195-15 Tianlin Road, Shanghai 200133, China; E-mail: niuhaibin@siis.org.cn

БРИКС является важной растущей силой в современной системе глобального управления. Ранее, с 2009 г., приоритеты кооперации внутри БРИКС заключались в реформировании ведущих международных финансовых институтов. В последние годы приоритеты расширились и включили вопросы международной безопасности и развития. На региональном уровне лидеры БРИКС провели диалоги со своими партнерами из стран Африки и Южной Америки на двух последних саммитах БРИКС. Тем не менее группа не уделяла должного внимания проблемам Азии, в том числе экономическим вопросам Азии и вопросам безопасности в Восточной Азии. Слабая и несбалансированная повестка дня БРИКС в сфере проблем Азии является необычной, учитывая значимость региона для членов БРИКС, а также то, что в группу входят три важных азиатских члена с глобальными амбициями.

Отсутствие сильной азиатской повестки дня в БРИКС отражает некоторые тенденции в группе и во всем регионе. Во-первых, приоритетом стран БРИКС является продвижение их глобального статуса, что делает для них глобальные вопросы более важными, чем региональные. Во-вторых, азиатские члены группы не были способны справиться с вызовами в области безопасности в Азии на индивидуальной или коллективной основе. В-третьих, Азия не является высокоинтегрированным регионом, таким как Африка или Южная Америка, отчасти из-за конкуренции среди ведущих сил, включая азиатских членов БРИКС. Тем не менее группа не может не исследовать свое влияние в определении будущего Азии, учитывая растущую важность региона и новые вызовы.

Для повышения своей важности в Азии на фоне конкуренции региональных институтов и восстановления интереса США к Азии странам БРИКС следует координировать индивидуальные подходы к Азии, предоставлять больше региональных общественных благ через многосторонние инициативы, предлагать решения или идеи по решению проблем региональной безопасности, а также искать более устойчивые пути взаимодействия с регионом.

Ключевые слова: БРИКС, глобальное управление, Азия, Новый банк развития

Введение

Группа БРИКС первоначально была известна как БРИК – до вхождения в нее ЮАР в 2011 г. Исходно БРИК являлась инвестиционной концепцией, предложенной Дж. О'Нилом в 2001 г., для обозначения Бразилии, России, Индии и Китая как основных растущих экономик [O'Neill, 2001]. С тех пор аббревиатура БРИК широко использовалась для свидетельства перемещения глобальной экономической силы от развитых экономик в сторону развивающихся. Следуя данной логике, международное сообщество, как правило, рассматривало роль БРИК в глобальном управлении с позиций

[1] Перевод выполнен м.н.с. Института международных организаций и международного сотрудничества НИУ ВШЭ, н.с. Лаборатории исследований корпоративных стратегий и поведения фирм РАНХиГС, н.с. Центра отраслевых исследований ИСКРАН Т.А. Ланьшиной.

экономики. Например, страны «Группы восьми» исследовали потенциал экономического сотрудничества с пятью крупнейшими развивающимися странами, в частности с Китаем, Индией, Бразилией, Мексикой и ЮАР, по вопросам устойчивого развития, инициировав процесс «Группа восьми плюс пять». Перевод встреч представителей стран «Группы двадцати» с уровня министров финансов и глав центральных банков на уровень лидеров стран-участниц в 2009 г. в основном был необходим в целях борьбы с глобальным финансовым кризисом 2008 г. за счет мобилизации ресурсов всех основных экономик, особенно экономик стран БРИК.

Важно проанализировать эффекты кооперации стран БРИКС с точки зрения экономики, хотя неэкономические факторы оказали важное влияние на участие этих крупных развивающихся экономик в глобальном управлении. Институционализация процесса неофициальных переговоров «Группа восьми плюс пять», лидерство в котором взяли на себя Германия и Италия, завершился, в первую очередь из-за отсутствия поддержки со стороны Японии, когда эта страна проводила саммит «Группы восьми» после Германии и Италии. Встречи в формате «Группа восьми плюс пять» неожиданно обнаружили коллективные особенности крупнейших развивающихся стран и инициировали создание равного партнерства среди них, поскольку в процессе диалогов в формате «Группа восьми плюс пять» все они чувствовали неравное отношение к себе со стороны стран «Группы восьми». Первый саммит БРИК, проведенный в 2009 г. на фоне начавшегося в 2008 г. международного финансового кризиса, стал предвестником начала коллективного использования экономической силы группы для участия в глобальной системе экономического управления. ЮАР была приглашена на саммит Китаем в 2011 г., что сделало группу более репрезентативной в глобальном плане с точки зрения географического охвата.

Несмотря на то что БРИКС была вовлечена в глобальное экономическое управление с самого начала своего существования, до создания БРИКС большинство членов данной группы были хорошо известны в большей степени как региональные игроки, чем как глобальные. Международная роль Китая в основном начала проявляться, когда Китай стал оказывать помощь странам региона в борьбе с последствиями азиатских финансовых кризисов 1997–1998 гг. ЮАР была принята в БРИКС в целом благодаря своему региональному влиянию, а не благодаря тому, что данная развивающаяся экономика имеет глобальное влияние. Достаточно легко понять, почему на недавние саммиты БРИКС в ЮАР и Бразилии для переговоров с лидерами стран данной группы были приглашены соответственно лидеры африканских и южноамериканских стран. Такие инициативы по проведению диалогов между лидерами БРИКС и региональными партнерами членов данной группы отражали намерения стран БРИКС, в которых проводились саммиты, создать более сильный имидж регионального лидерства. Тем не менее важно отметить, что все три азиатских члена группы не осуществляли подобных действий, когда саммиты проводились на их территории. Причины отсутствия сильной региональной повестки дня в целях взаимодействия с Азией на саммитах БРИКС достойны исследования, учитывая важность региона в сегодняшней международной системе. Также имеет смысл анализ потенциальной роли БРИКС в работе с азиатскими делами.

Азиатские факторы БРИКС

Одной из важных черт группы БРИКС является то, что три ее члена, а именно Китай, Индия и Россия, находятся в Азии, что отражает динамику этого региона в современ-

ной международной системе. Россия и Китай имеют постоянное членство в Совете Безопасности (СБ) ООН, а Индия – один из наиболее конкурентоспособных кандидатов на постоянное место в СБ ООН. Международная роль Китая и Индии как растущих центров силы широко обсуждалась специалистами по международным отношениям на протяжении последних десятилетий. Поэтому для наблюдателей БРИКС была важным инструментом с точки зрения исследования намерений этих растущих центров силы и исследования их выборов при решении региональных и глобальных проблем. Одной интересной особенностью БРИКС является то, что эта группа в основном сфокусировалась на международном экономическом управлении и на реформировании механизмов принятия решений в устоявшихся международных финансовых институтах, включая Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк, за счет участия в борьбе с международными финансовыми кризисами, которые имели место после 2008 г. Азиатские экономические проблемы не были включены в повестку дня саммитов БРИКС, поскольку финансовые кризисы в этот период в основном имели место в развитых странах.

Несмотря на то что азиатские экономические вопросы не включались в повестку дня БРИКС, декларации по шести предыдущим саммитам, прошедшим до 2014 г., все же продемонстрировали некоторое беспокойство группы в отношении безопасности в Азии. Поскольку многие исследователи в дискуссиях об Азии часто сосредотачивали свое внимание на восточной Азии, необходимо пояснить, что Азия здесь представляет собой общую концепцию, охватывающую восточную, западную, центральную и южную Азию. Большинство азиатских проблем, на которые обращает внимание БРИКС, представляют собой проблемы безопасности на Большом Ближнем Востоке, в частности в западной и центральной Азии. После третьего саммита БРИКС, который состоялся в Индии в 2012 г., страны БРИКС выражали свое беспокойство в отношении вопросов безопасности, связанных с иранской ядерной программой, с послевоенным восстановлением Ирака и Афганистана, с ситуацией в Сирии. Также на саммитах БРИКС, начиная с первого, проведенного в России в 2009 г., уделялось значительное внимание проблеме терроризма. Террористические атаки на Россию и Индию подверглись осуждению на саммите группы в 2010 г. На саммите в Китае лидеры БРИКС продемонстрировали намерение оказывать поддержку странам, нуждающимся в восстановлении после природных катастроф, например, после землетрясения в Японии в 2011 г. Это показало, что на саммитах БРИКС уделяется внимание как традиционным, так и нетрадиционным вопросам безопасности.

Учитывая то, что Индия, Бразилия и ЮАР пытались играть более существенную роль в Совете Безопасности ООН, их взгляды на вызовы глобальной безопасности, включая азиатские, важны для остального мира, который примет решение, поддерживать ли получение этими странами постоянных мест в СБ ООН. В период работы администрации бывшего президента Лулы влияние Бразилии распространилось в Африке и на Ближнем Востоке за счет увеличения числа бразильских дипломатических организаций и за счет совместных усилий Бразилии и Турции, направленных на решение иранского ядерного кризиса в 2010 г. Когда лидеры БРИКС говорят о глобальных проблемах, не обязательно азиатских, взгляды азиатских стран, включая Китай, Индию и Россию, частично заметны на мировой сцене. В общих чертах БРИКС является группой с центром силы в Азии, азиатская повестка дня которой при этом пока еще слаба.

Почему азиатская повестка дня БРИКС слаба?

Во-первых, очевидно, что приоритетом для всех стран БРИКС является повышение их глобального статуса, но им не хватает поддержки со стороны влиятельного глобального форума, что делает страны БРИКС более заинтересованными в работе с глобальными, а не с региональными проблемами. В современной международной системе БРИКС представляет собой форум растущих держав, и в этом качестве группа имеет возможности поддерживать стремление своих членов приобрести глобальный статус. К форуму достаточно часто возникали вопросы в отношении логики его развития и его будущего из-за культурных различий стран БРИКС, различий в размере и структуре их экономик, различий в политических системах и ценностях. Тем не менее за прошедшие шесть лет странам БРИКС удалось добиться институционального развития – в частности, был создан Новый банк развития БРИКС. При этом упущенным из виду фактором, стоявшим за созданием новых институтов, является то, что члены БРИКС, будучи растущими державами, имеют общие системные интересы по повышению своего международного статуса через развитие кооперации друг с другом.

И Россия, и Китай являются постоянными членами Совета Безопасности ООН, однако они не являются зрелыми державами, в особенности в системе глобального экономического управления. Остальные члены БРИКС не имеют значимых международных платформ для демонстрации своих международных амбиций. Хотя Индия, Бразилия и ЮАР являются часто избираемыми членами Совета Безопасности ООН, БРИКС все в большей степени становится важной многосторонней платформой для этих растущих держав, с помощью которой они могут практиковать свою международную роль. Учитывая это, все члены БРИКС ценят то, что группа имеет высокое международное значение; оно позволяет им представлять свои подходы к решению глобальных проблем и защищать свои растущие интересы за рубежом. Одной из тем всех предыдущих саммитов БРИКС было продвижение реформы современной системы управления международной экономикой, и это четкий сигнал о том, что страны БРИКС стремятся к выстраиванию своего влияния скорее на глобальном, чем на региональном уровне. Глобальная повестка дня способна помочь членам БРИКС повысить их международный уровень и сгладить различия между ними. Несмотря на то что БРИКС начала процесс взаимодействия с лидерами Африки и Южной Америки, он в основном был направлен на усиление их голосов при формировании повестки дня в сфере международного развития после 2015 г.

Во-вторых, даже если все члены БРИКС имеют интересы в Азии, им сложно разработать качественный общий подход к решению азиатских международных проблем, отчасти из-за их относительно невысоких возможностей и сильно развитого независимого мышления. Экономические связи Бразилии с Азией в последнем десятилетии стремительно росли. Китай является крупнейшим торговым партнером Бразилии с 2009 г. Весь регион Латинской Америки все в большей степени относится к Азии как к важному экономическому партнеру. В частности, об этом говорит создание Тихоокеанского альянса. На фоне украинского кризиса Россия пытается расширить свое взаимодействие с азиатскими странами за пределами Китая. Индийский премьер-министр Нарендра Моди заменяет политику «смотри на Восток» политикой «делай на Востоке» [The Hindu, 2014]. Китай также корректировал свою политику по отношению к периферии на фоне реализации стратегии перебалансировки администрацией Б. Обамы в США. Справедливо сказать, что стабильная и процветающая Азия находится в интересах всех стран БРИКС.

Все страны БРИКС ценят стабильность и процветание Азии, но это не означает, что они имеют возможности добиться этого или делают это одним из своих приоритетов. До последнего времени академический анализ отношения Китая к БРИКС не свидетельствовал о том, что Китай использует БРИКС для выстраивания азиатского порядка [Cheng, 2015]. В порядке, который установился в Азии после Второй мировой войны, доминирующей являлась модель отношений «ось и спицы», а именно система двусторонних отношений США с союзниками. Международный порядок Восточной Азии характеризовался наличием связей с США в сфере региональной безопасности и связей с Китаем в сфере экономики [Ikenberry, 2004]. Это означает, что ни Китай, ни Индия не имели существенного влияния при решении проблем безопасности в Азии. Подъем Китая и Индии может быть выгоден не только с экономической точки зрения – он также может принести региону новые договоренности в сфере безопасности. В 2014 г. на Конференции по мерам взаимодействия и выстраивания доверия в Азии (CICA) лидер КНР Си Цзиньпин заявил, что азиатские проблемы должны решать представители населения Азии. Он также предложил сделать CICA платформой для диалога в сфере азиатской безопасности и выстраивать на ее основе новый каркас сотрудничества в данной области. Такая модель региональной безопасности отличается от модели «ось и спицы» с американским доминированием.

Тем не менее влиятельные члены БРИКС, и Индия, и Китай, не могли бы построить сильную модель региональной безопасности за короткое время, учитывая сложность отношений между ними, а также различия в подходах Китая, Кореи и Японии к решению исторических проблем. Бразилия при президенте Лула в 2010 г. делала попытки решения иранского ядерного вопроса, однако не смогла получить поддержку от всех пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН. При Д. Русеф в бразильской повестке дня по внешней политике уделялось больше внимания экономической кооперации и внутриполитическим проблемам, чем бразильской повестке дня в области международной политики. Более того, и Бразилия, и ЮАР едва ли имеют сильное влияние за пределами своих регионов. Сложные территориальные споры также затрудняют выстраивание стратегического доверия между Китаем и Индией. Обеим странам в ближайшем десятилетии понадобится время для формирования доверия в сфере их сосуществования в Индийском океане. Несмотря на свои относительно небольшие возможности, страны БРИКС четко соблюдают принципы суверенитета в работе по региональным вопросам, что заставляет БРИКС либо принимать исключительно национальные предложения, либо разрабатывать оборонительные позиции [Laidi, 2012]. Недостаточно высокие возможности членов БРИКС позволяют либеральной и сильной модели безопасности во главе с США сохранять высокое влияние в регионе.

В-третьих, очевидно, что Азии не хватает достижений в сфере региональной интеграции, похожих на те, которых добились региональные институты Южной Америки и Африки; это не позволило принять сильную региональную повестку дня по Азии в рамках БРИКС. Роль регионального лидерства для Бразилии и ЮАР в своих регионах имеет более высокое значение, чем роль Индии и Китая в Азии. Скорее, ведущую роль в региональной интеграции Азии играет АСЕАН, а не Китай или Индия. Наблюдается отсутствие тенденции к формированию мирной региональной системы экономической интеграции и отсутствие амбициозных планов по созданию политического союза, подобного ЕС. Как Бразилия, так и ЮАР имеют конкурентов, претендующих на региональное лидерство, но все страны этих регионов объединены общими целями в сфере региональной интеграции в Южной Америке и Африке, что отличается от ситуации в Азии. Сообщалось, что на саммите БРИКС в 2015 г. возможен диалог между лидерами

Центральной Азии, и то же самое возможно на саммите в Индии в 2017 г. Тем не менее на саммитах БРИКС сложно собирать большинство азиатских лидеров или разрабатывать широкую азиатскую повестку дня, подобную африканской.

Ввиду доминирования США в региональной модели безопасности и различий в экономической динамике среди стран региона азиатские члены БРИКС предпочитают самостоятельно выступать с многосторонними инициативами по развитию азиатской модели. Китай предложил несколько идей, таких как программа «Один пояс, одна дорога», а также создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (AIIB). Индия пытается углубить свое участие в Азиатско-Тихоокеанской региональной кооперации (кроме Южной Азии). Существует возможность трехсторонней кооперации между Китаем, Россией и Индией в сфере международных проблем Азии. И Китай, и Индия выступили основателями нового Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (AIIB) в 2014 г. Индия недавно получила поддержку и России, и Китая как член Шанхайской организации сотрудничества (SCO) – очень влиятельной организации, занимающейся продвижением субрегиональной кооперации в сфере экономики и безопасности. На министерской встрече в феврале 2015 г. министры договорились о создании трехстороннего российско-индийско-китайского механизма консультаций по азиатско-тихоокеанским вопросам [FMPRC, 2015]. Это недавно появившееся согласие в отношении координации по азиатским делам среди трех азиатских членов БРИКС может помочь группе сформировать более сильную азиатскую повестку дня.

Возможная азиатская повестка дня для БРИКС

Страны БРИКС накопили существенное материальное благосостояние, однако каждой из них все еще не хватает легитимности или «мягкой силы» для достижения статуса великой державы. Односторонние действия обычно понижают легитимность страны в международных отношениях, в то время как многосторонние меры повышают ее. Будучи важным, подающим надежды форумом, предоставляющим международные общественные блага и продвигающим реформирование международной системы, БРИКС конкурирует с уже устоявшимися многосторонними институтами. Существует большое количество суб- или трансрегиональных институтов и институтов, возглавляемых великими державами, включая Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), региональный форум АСЕАН, Восточно-Азиатский саммит, АТЭС, Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии и шестисторонние переговоры по ядерной программе Северной Кореи. Слабость БРИКС выражается в недостатке легитимности и в нехватке конкретных сфер, в которых группа могла бы работать с азиатскими проблемами. Новый банк развития будет активно финансировать создание региональной инфраструктуры в странах Азии, в то время как эта функция частично совпадает с функциями недавно созданного Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. Пул условных валютных резервов (резервный фонд БРИКС), похожий на Инициативу Чианг Май, в ближайшее время будет в основном служить членам БРИКС. Первый вызов БРИКС при разработке сильной азиатской повестки дня заключается в нахождении подходящей области для кооперации.

В сфере азиатской безопасности, хотя большинство членов БРИКС не имеют сильного и прямого влияния, БРИКС может оказывать воздействие на подходы и меры, направленные на решение проблем в данной области, а также на развитие институтов через представление своих убеждений по этим вопросам. Например, страны БРИКС поддерживают мирное, безопасное, открытое коллективное пространство и сотрудни-

чество в нем, единый и мирный Афганистан, принадлежащий афганскому народу, главную роль в развитии которого играет афганский народ, комплексное и долгосрочное решение иранского ядерного вопроса, урегулирование отношений Израиля и Палестины на основе решения ООН, политическое решение внутреннего конфликта в Сирии, а также стабильный и инклюзивный Ирак и т.д. Эти убеждения важны, поскольку они сформировались в реальных ситуациях, основаны на комплексном видении безопасности, что полезно для поддержания долгосрочной стабильности и безопасности в Азии. Будучи влиятельными растущими силами порядка, сформировавшегося после Второй мировой войны, страны БРИКС имеют общий интерес в поддержании авторитета устава ООН, а также в создании справедливого порядка международной безопасности. В некоторой степени поддержка БРИКС создания новой модели региональной безопасности для Азии повысит легитимность этой модели.

В последнее время наблюдалась некоторая конкуренция за будущий региональный порядок в Азии. Президент Обама упоминал в своем послании 2015 г. о положении в стране о том, что Китай намерен разработать правила для наиболее быстрорастущего региона мира, в то время как эти правила должны разрабатывать США [Obama, 2015]. В действительности эти правила для Азии не могут писать ни США, ни Китай – правила должны быть написаны всеми заинтересованными сторонами в регионе. В то время как процесс Транстихоокеанского партнерства является замкнутым и непрозрачным, группа БРИКС может быть заинтересована в поддержке более открытой и ориентированной на будущее стратегии экономической кооперации в сфере Азиатско-Тихоокеанской свободной торговли. Индия все еще не является членом АТЭС, однако Россия и Китай поддерживали повышение роли Индии в АТЭС. В настоящий момент возможности для членов БРИКС по участию в Транстихоокеанском партнерстве все еще отсутствуют. Все страны БРИКС опасаются оказаться изолированными в экономических правилах следующего поколения через обновленные соглашения об экономической кооперации, такие как Транстихоокеанское партнерство и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство. Учитывая это, страны БРИКС особенно надеются на открытие азиатско-тихоокеанского рынка и на вовлечение в процесс перестройки региональных экономических правил. Для БРИКС эта задача не из простых, поскольку ее члены все еще не имеют соглашения о свободной торговле, и их уровень внутренней экономической кооперации пока невысок. Прежде чем возглавить экономическую кооперацию в Азии, БРИКС необходимо углубить внутреннее экономическое сотрудничество.

Более того, страны БРИКС сталкиваются с вызовами в сфере экономической кооперации со странами Азии – проблема заключается в нахождении устойчивого пути развития этой кооперации. Финансовый кризис 2008 г. не только сказался на модели экономического роста развитых стран, но также бросил вызов и модели экономической кооперации среди стран БРИКС. Несмотря на то что торговые отношения последних затрагивают высокотехнологичные сферы, такие как авиация и спутники, в основном кооперация имеет место в сфере обмена сырьем для промышленных товаров. Важнейшим вопросом здесь является то, как Китай может использовать свои преимущества в сфере высоких технологий и капитала (авиация и спутники) для оказания помощи остальным участникам БРИКС в повышении устойчивости их экономической кооперации. Члены БРИКС, кроме Китая, не вовлечены в производственные цепочки Азии, что препятствует развитию экономической кооперации между БРИКС и Азией на более высоком уровне. Однако БРИКС стремится выстраивать более тесное экономическое партнерство в рамках своей группы. Для углубления экономических связей между

странами БРИКС и странами Азии членам данной группы, с одной стороны, необходимо открыть свои внутренние рынки для азиатского капитала и азиатских товаров, а с другой – необходимо осуществлять более крупные инвестиции в страны Азии, а также ускорять строительство взаимосвязанной инфраструктуры. Новый банк развития может стать полезным инструментом для ускорения развития экономических связей между БРИКС и Азией через предоставление интеллектуальной поддержки, а также через предоставление средств. Помимо финансирования инфраструктуры, Банку следует сделать своим приоритетом устойчивое развитие в Азии, чтобы избежать ненужной конкуренции с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций.

За исключением России, развивающиеся страны сейчас впервые действуют как настоящие глобальные игроки. Доминирующее влияние, которым раньше пользовался Китай, в основном было распространено в регионе Восточной Азии в эру, которая предшествовала формированию современной системы, основанной на суверенитете государств. Китайская стратегия в Азии нуждается в адаптации к сегодняшним условиям, при которых на данный регион оказывают влияние мощные внешние силы, такие как США и Япония. Индия стремится к тому, чтобы ее воспринимали как настоящую азиатскую силу. В отличие от Бразилии и ЮАР, которые отдают предпочтение использованию региональных институтов для решения проблем региональной безопасности, Китай и Индия чаще используют двусторонние меры, чем многосторонние. В последнее время влияние Бразилии и ЮАР в соответствующих регионах также было ограниченным. Национальные дебаты об их глобальной роли, в особенности в Азии, возникают вновь без опоры на зрелую теорию международных отношений. Опасения Бразилии относительно разворота Латинской Америки в сторону Азии и Транстихоокеанского партнерства в основном сосредоточены на том, как этот разворот может отразиться на ослаблении южноамериканской интеграции [Abdenur, 2015]. Учитывая этот исторический фон и современную ситуацию, для выстраивания убедительной и приемлемой азиатской политики БРИКС необходимо выстроить социальную связь на уровне творческих работников, студентов и «мозговых центров». Форум «мозговых центров» БРИКС должен развивать изучение азиатской повестки дня группы.

Такая азиатская повестка дня не станет антиамериканской стратегией. Страны БРИКС все еще ценят роль США в поддержании стабильности и процветании региона. Тем не менее в качестве растущих сил и новых двигателей экономического роста в регионе страны БРИКС могли бы поддержать более независимую региональную политику или предложить больше вариантов решения региональных проблем в Азии. Будучи растущими силами, все азиатские члены БРИКС надеются играть более существенную роль в азиатских международных делах. Председатель КНР Си Цзиньпин специально посетил Южную Корею и Монголию. Индийский премьер-министр Моди сделал приоритетными дипломатические отношения с соседними странами, а также с Японией. Недавнее взаимодействие России и Северной Кореи говорит о геополитических амбициях России в Азии. На своей последней трехсторонней встрече в Пекине в 2015 г. министры иностранных дел Китая, Индии и России подтвердили свою поддержку открытой, инклюзивной, неделимой и прозрачной модели международного сотрудничества и содействия безопасности в Азии [FMPRC, 2015].

Другим важным аспектом является значимость азиатского региона в плане расширения БРИКС. В Азии находится больше развивающихся экономик, чем в других регионах. Высока вероятность того, что в будущем в БРИКС войдут новые азиатские страны, поскольку члены БРИКС рассматривают свое сотрудничество как «кооперацию Юг – Юг», что может способствовать приему в группу лишь развивающихся

стран региона. Кроме Индонезии, БРИКС важно «открыть двери» для Южной Кореи и Мексики, учитывая их роль в продвижении международного сотрудничества в области развития. Более диверсифицированное членство с опытом успешного развития повысит привлекательность БРИКС в Азии и за ее пределами. В долгосрочном периоде для укрепления Нового банка развития также понадобится финансовая поддержка динамичных азиатских экономик.

Литература

Abdenur A.E. (2015) Brazil as a Rising Power: Coexistence through Universalism // The BRICS and Coexistence: An Alternative Vision of World Order / T. Mandrup, L. Odgaard (eds). L.: Routledge. P. 49–74.

Cheng Joseph Y.S. (2015) China's Approach to BRICS // Journal of Contemporary China. No. 24. P. 357–375.

FMPRC (2015) Joint Communiqué of the 13th Meeting of the Foreign Ministers of the Russian Federation, the Republic of India and the People's Republic of China. 2 February. Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t1233638.shtml (дата обращения: 10.02.2015)

Ikenberry G.J. (2004) American Hegemony and East Asian Order // Australian Journal of International Affairs. No. 58 (3). P. 353–367.

Laidi Z. (2012) BRICS: Sovereignty Power and Weakness // International Politics. No. 49. P. 614–632.

O'Neill J. (2001) Building Better Global Economic BRICs. Режим доступа: http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/archive-pdfs/build-better-brics.pdf (дата обращения: 16.01.2015).

Obama (2015) Obama's State of the Union Address // USA Today. 20 January. Режим доступа: http://www.usatoday.com/story/news/politics/2015/01/20/full-text-obama-2015-state-of-the-union/22064089/ (дата обращения: 11.02.2015).

The Hindu (2014) "Look East" Policy Now Turned into "Act East" Policy: Modi. 14 November. Режим доступа: http://www.thehindu.com/news/national/look-east-policy-now-turned-into-act-east-policy-modi/article6595186.ece (дата обращения: 19.01.2015).

Is There a Role for the BRICS in Asian Affairs?

H. Niu

Haibin Niu – PhD, Deputy Director of Center for American Studies, Assistant Director of Institute for International Strategy Studies, Shanghai Institutes for International Studies; 195-15 Tianlin Road, Shanghai 200133, China; E-mail: niuhaibin@siis.org.cn

Abstract

The BRICS is an important rising force in the current global governance system. Since 2009, the priorities for cooperation among BRICS members have been reforming the major international financial institutions. In recent years, those priorities have extended to include international security and development issues. At the regional level, BRICS leaders have held dialogues with their counterparts in Africa and South America at the Durban and Fortaleza summits respectively. However, the BRICS has not paid much attention to Asian economic issues and security issues in East Asia. This weak and unbalanced agenda towards Asian affairs is unusual considering the importance of Asia to BRICS members and the presence in the BRICS of of three prominent Asian members with global ambitions. The absence of a strong Asian agenda reflects some dimensions of the BRICS grouping and the region itself. First, the priority of the BRICS countries is to promote their global status, which makes global issues more attractive than regional issues. Second, the Asian members of the BRICS cannot solve Asian security challenges individually or collectively. Third, as a region, Asia is not a highly integrated similar to Africa and South America, partly because competitions among major powers including the Asian members of the BRICS. However, the BRICS cannot avoid exploring its influence in shaping Asia's future considering the region's rising importance and challenges. In order to improve their influence in Asia against the background of competing regional institutions and the renewed interest of the United States in Asia, BRICS countries need to coordinate their individual approaches to Asia, provide more regional public goods by multilateral means, offer either solutions or ideas to regional security issues, and find a more sustainable way to engage with the region.

Key words: BRICS, global governance, Asia, New Development Bank

References

Abdenur A.E. (2015) Brazil as a Rising Power: Coexistence through Universalism. *The BRICS and Coexistence: An Alternative Vision of World Order* (eds. T. Mandrup and L. Odgaard). London: Routledge, pp. 49–74.

Cheng Joseph Y.S. (2015) China's Approach to BRICS. *Journal of Contemporary China*, no 24, pp. 357–375.

FMPRC (2015) *Joint Communiqué of the 13th Meeting of the Foreign Ministers of the Russian Federation, the Republic of India and the People's Republic of China*. 2 February. Available at: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t1233638.shtml (accessed 10 February 2015).

Ikenberry G.J. (2004) American Hegemony and East Asian Order. *Australian Journal of International Affairs*, no 58 (3), pp. 353–367.

Laidi Z. (2012) BRICS: Sovereignty Power and Weakness. *International Politics*, no 49, pp. 614–632.

O'Neill J. (2001) *Building Better Global Economic BRICs*. Available at: http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/archive-pdfs/build-better-brics.pdf (accessed 16 January 2015).

Obama (2015) Obama's State of the Union Address. *USA Today*. 20 January. Available at: http://www.usatoday.com/story/news/politics/2015/01/20/full-text-obama-2015-state-of-the-union/22064089/ (accessed 11 February 2015).

The Hindu (2014) "*Look East" Policy Now Turned into "Act East" Policy: Modi*. 14 November. Available at: http://www.thehindu.com/news/national/look-east-policy-now-turned-into-act-east-policy-modi/article6595186.ece (accessed 19 January 2015).

Региональная политика БРИКС в Африке

Т.Л. Дейч

Дейч Татьяна Лазаревна – д.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт Африки РАН; Российская Федерация, 123001 Москва, Спиридоновка 30/1; E-mail: tdeich@yandex.ru

В статье анализируются проблемы взаимоотношений нового международного актора – БРИКС – со странами Африки. Автор ставила задачу определить политические и экономические интересы в Африке как БРИКС в целом, так и каждой страны-члена, рассмотреть различные аспекты сотрудничества БРИКС с Африкой и оценить их влияние на африканские экономики и африканское развитие.

Внимание БРИКС к Африке обусловлено важной ролью африканского ресурсного потенциала, успехами африканских экономик и растущим политическим весом Африки в международных отношениях. На примере Африки БРИКС рассчитывает продемонстрировать преимущества сотрудничества в рамках Юг – Юг. Африканская «повестка дня» БРИКС предусматривает содействие странам континента в решении таких проблем, как устойчивое развитие, энергетическая и продовольственная безопасность, взаимовыгодная торговля, развитие инфраструктуры, сельского хозяйства, технологии и инновации, здравоохранение, образование, ответы на кризисы и конфликты. Все эти проблемы жизненно важны для Африки. Торговля Африки с БРИКС растет быстрее, чем ее торговля с традиционными партнерами и чем торговля стран БРИКС друг с другом. Страны БРИКС являются значимыми донорами и инвесторами для стран континента. В фокусе их внимания – африканская инфраструктура. В арсенале методов политики БРИКС важную роль играет «мягкая сила»: БРИКС активно участвует в сферах здравоохранения и образования стран Африки, в передаче им технологий, инноваций и опыта. Китай лидирует в вопросах финансовой помощи и инвестиций. Приоритетная сфера деятельности Индии – новые технологии и услуги. Наращивает сотрудничество с Африкой и Бразилия, использующая в своей политике связи, существующие между португалоязычными странами. Сфера ее особого внимания – сельское хозяйство. Россия уступает другим членам БРИКС по объему сотрудничества с Африкой, однако в последние годы положение меняется. РФ участвует в международных программах помощи Африке; на континенте действуют российские компании. Новый член БРИКС, Южная Африка, позиционирует себя как региональный лидер Африки, «ворота» на континент. Ее преимущества – богатые ресурсы, сильный финансово-банковский сектор, практический опыт региональной экономической интеграции. Страны БРИКС сближает заинтересованность в создании справедливого демократического мирового порядка; они вносят заметный вклад в решение проблем африканской безопасности. Все страны БРИКС участвуют в миротворческих миссиях ООН на континенте. Внимание к нуждам Африки, растущая экономическая помощь, не обремененная политическими условиями, торговый и инвестиционный бум, защита интересов Африки в международных организациях сделали БРИКС привлекательной для африканцев альтернативой Западу. Хотя пока страны БРИКС выступают в Африке в роли конкурентов, они стремятся к налаживанию сотрудничества, а их растущий вклад в развитие африканской экономики находит положительный отклик на континенте.

Ключевые слова: Африка, БРИКС, Китай, Индия, Бразилия, Россия, Южная Африка, политика, ресурсы, экономический рост, торговля, помощь, инвестиции, инфраструктура, безопасность, миротворчество, сотрудничество, соперничество, партнерство, «мягкая сила»

Зачем БРИКС Африка?

В последнее десятилетие Африка стала своего рода «опытным полем» БРИКС, базой для претворения в жизнь усилий по изменению существующего мирового порядка. Африка – кладезь природных ресурсов, в которых особенно заинтересованы Китай, Индия,

Бразилия, но вместе с тем это конгломерат «отстающих» государств, нуждающихся в помощи и инвестициях. На примере этих стран БРИКС демонстрирует способность и готовность сделать то, чего не сумели сделать традиционные партнеры Африки. Позиционируя себя в роли защитников интересов развивающихся стран, «восходящие» государства преследуют двоякую цель: с одной стороны, удовлетворить собственные потребности в ресурсах и товарных рынках, а с другой – помочь Африке решить проблемы устойчивого развития и одновременно повысить свой престиж, показав миру, что означает на практике сотрудничество Юг – Юг.

Далеко не последним мотивом активизации политики БРИКС в Африке стало возросшее влияние стран континента в мировой экономике и системе современных международных отношений. Интерес БРИКС к Африке в немалой степени обусловлен ее экономическими успехами. Если в 1990-е годы рост ВВП Африки оставался на уровне 2,3%, то в первое десятилетие XXI в. он составил в среднем 5%, а шесть стран Африки оказались в числе 10 самых быстрорастущих экономик мира [Ernst & Young, 2011]. По прогнозам МВФ, в 2014–2019 гг. из 22 стран мира, чей ежегодный рост составит по меньшей мере 7%, 14 будут африканскими [Marlier, 2014].

О значимости африканского континента для стран БРИКС свидетельствует включение в состав последнего Южной Африки, чья столица – Дурбан – стала в 2013 г. местом проведения пятого саммита БРИКС. Тема саммита – «БРИКС и Африка: партнерство для развития, интеграции и индустриализации» – говорит о том, что африканский континент находится в сфере приоритетного внимания группы [BRICS Information Centre, 2013]. Африка была широко представлена на саммите. Президент ЮАР Дж. Зума пригласил 15 лидеров государств континента и восемь представителей региональных организаций Африки, в том числе впервые в саммите участвовал представитель Африканского союза. По инициативе ЮАР состоялась встреча глав стран – членов БРИКС с лидерами государств, правительств и региональных организаций Африки, включая председателя Комиссии Африканского союза Нкосазани Дламини-Зуму. Саммит завершился принятием важных для Африки решений: было, в частности, подписано соглашение о софинансировании странами БРИКС инфраструктурных проектов в Африке [Шубин, 2013, с. 65]. На шестом саммите БРИКС в Форталезе (Бразилия) в 2014 г. также говорилось о необходимости укрепления сотрудничества со странами Африки, в первую очередь в сферах инфраструктуры и индустриализации [Fortaleza Declaration, 2014].

Программа действий БРИКС, обозначенная в документах его саммитов, предусматривает содействие в реализации Африкой стратегии устойчивого развития, включая продовольственную безопасность, развитие энергетики, новых технологий, инновационной политики; помощь в создании инфраструктуры, совместный поиск моделей модернизации политических систем, социальных структур. Наряду с этим она включает такие важные для Африки проблемы, как окружающая среда, изменения климата, ответы на кризисы и конфликты.

Растущая торговля БРИКС со странами Африки

В докладе южноафриканского Стэндард Банка за 2011 г. было впервые отмечено, что БРИКС меняет экономический ландшафт африканского континента. Новые партнеры Африки заставили потесниться традиционных партнеров, а объем их товарооборота со странами континента стал расти. Совокупный объем торговли БРИКС с Африкой вырос с 22 млрд долл. в 2000 г. до более чем 200 млрд в 2011 г., 340 млрд в 2012 г. и, по

прогнозам, должен составить 500 млрд в 2015 г. [Africa-BRICS Cooperation, 2013]. При этом торговля Африки со странами БРИКС растет быстрее, чем ее торговля с другими странами мира и чем торговля стран БРИКС друг с другом [African Development Bank, 2013]. Товарооборот с Африкой составил в 2012 г. 1,4% ВВП Индии, 1,6% ВВП Китая, 1,2% ВВП Бразилии, 0,3% ВВП России и 4% ВВП ЮАР (2011 г.) [Trade Law Center, 2013, p. 19].

Китай стал ведущим торговым партнером Африки, обойдя США. Китайско-африканская торговля выросла с 11 млрд долл. в 2000 г. до 210,2 млрд в 2013 г. [China Analyst, 2014]. «Сегодня на Китай приходится 29% африканской торговли. Африка – быстрорастущее направление китайского экспорта и важный торговый партнер Китая», – отмечают экономисты Стэндард Банка [Standard Bank, 2013, p. 19]. Особенно интенсивно растет торговля Китая с ЮАР: за один только год – с 2012 г. по 2013 г. – она выросла на 32% (в 2012 г. – 19,2 млрд долл., в 2013 г. – 25 млрд) [The BRICS Post, 2014].

Объем торговли Африки с Индией вырос с 2005 г. по 2011 г. на 32,4 % – больше, чем ее товарооборот с Китаем, который увеличился за тот же период на 27% [WTO, 2013, p. 18]. В 2010 г. объем индийско-африканской торговли составлял 46 млрд долл., а в 2012 г. – уже 70,3 млрд долл. В 2011 г. Индия поставила цель достичь в 2015 г. объема торговли с Африкой в 70 млрд долл. Поскольку эта цель была достигнута раньше, Индия надеется теперь увеличить товарооборот к 2015 г. до 100 млрд долл. 89% объема африканского экспорта в Индию приходится на шесть стран: Нигерию, ЮАР, Анголу, Египет, Алжир и Марокко. Их положительное сальдо в торговле с Индией, составлявшее в 2012 г. 24,5 млрд долл., может достичь в 2015 г. 67 млрд долл. Однако 40 из 54 африканских стран имеют в торговле с Дели отрицательный баланс [WTO, 2013, p. 5].

Активно растет бразильско-африканская торговля: ее объем увеличился с 4,2 млрд долл. в 2002 г. до 28,5 млрд долл. в 2013 г. [Muggah, 2015]. Две трети торговли приходится на Северную Африку, ЮАР и Нигерию. Ведущие торговые партнеры Бразилии в Африке – также португалоязычные страны, в первую очередь Ангола: на них приходится 12,6% бразильского экспорта и 5,5% – импорта. Ежегодный дефицит Бразилии в торговле с Африкой составлял в последнее десятилетие 2,5 млрд долл. [George, 2014].

Африка – главный поставщик природных ресурсов для стран БРИКС. Минеральное и энергетическое сырье составляет 70% африканского экспорта в Китай, 80% – в Индию, 85% – в Бразилию. На Китай, Индию и Бразилию приходится четверть всего африканского экспорта (в 2005 г. – немногим более 10%).Что касается экспорта БРИКС, то Китай – второй экспортный рынок для Африки после ЕС, Индия – на 4-м месте, Бразилия – на 6-м. На эти три страны приходится почти 22% африканского импорта (в 2005 г. – 13%). Африканский импорт из Индии ежегодно растет на 23,1%, из Китая – на 25,6%, из Бразилии – на 12% [WTO, 2013, p. 20].

Россия отстает от партнеров по БРИКС в сфере торговли с Африкой. По данным таможенной статистики РФ, ее товарооборот со странами континента составил в 2012 г. 9,6 млрд долл. [Korendyasov, 2014, p. 241], по данным Стэндард Банка – 9,4 млрд долл. [Freemantle, Stevens, 2013a]. На африканский экспорт в Россию приходится лишь 1% экспорта Африки в БРИКС. Российский экспорт в Африку за последние годы немного вырос и составляет 7% экспорта БРИКС в страны континента [Nnadozie, 2014]. Основное содержание российского импорта из Африки – продукты питания (какао (16%)), табак (9%), хотя уран и металлы также значимы для российской экономики, поскольку ее собственные ресурсы истощаются. Главные российские партнеры по импорту – ЮАР, Марокко, Египет; главные партнеры по экспорту – Египет, Марокко и Тунис.

Россия ввела преференциальную систему торговли для африканского традиционного экспорта: никаких импортных пошлин и ограничений.

После присоединения ЮАР к группе БРИКС ее торговля со странами континента выросла с 21,4 млрд долл. в 2011 г. (южноафриканский экспорт – 13,811 млрд; импорт – 6,55 млрд) до 24,5 млрд долл. в 2012 г. (экспорт –14,494 млрд, импорт – 10,019 млрд долл.) [Sandrey et al., 2013]. Развитию торговли БРИКС со странами континента способствовало создание в 2012 г. Экспортно-импортного форума БРИКС – Африка.

БРИКС как донор Африки

БРИКС стал важным донором для стран Африки. Лидирует в этой сфере сотрудничества Китай. Пекин предоставляет помощь почти всем африканским государствам, хотя основные объекты его внимания – страны, богатые ресурсами. На 5-й Министерской конференции Форума китайско-африканского сотрудничества (ФОКАК) в Пекине в июле 2012 г. тогдашний председатель КНР Ху Цзиньтао провозгласил на ближайшие три года программу помощи Африке из пяти пунктов, и первым пунктом была названа поддержка устойчивого развития стран континента. Китай обязался предоставить африканским странам кредиты на сумму 20 млрд долл. – вдвое больше, чем на предыдущем заседании Форума в 2009 г. [Hu Jintao, 2012]. А во время визита в Африку в мае 2014 г. премьер Госсовета КНР Ли Кэцян заявил о новых кредитах ее странам в сумме 10 млрд долл. [Reuters, 2014].

Белая книга «Китайско-африканское торгово-экономическое сотрудничество» (2013 г.) сообщает, что с 2010 г. по май 2012 г. Китай одобрил концессионные займы на 92 африканских проекта в сумме не менее 11,3 млрд долл. (4,7 млрд долл. в год)[1]. В 50 африканских странах были реализованы в 2000–2011 гг. 1673 неинвестиционных проекта общей стоимостью 75,4 млрд долл. В сфере особого внимания оказались инфраструктура, транспорт, энергетика [Standard Bank, 2013].

Наращивает помощь развитию африканских стран и Индия. На Африку приходится свыше 60% выделяемых ею кредитов. С 2009 г. до 2014 г. Индия предоставила странам континента кредиты на сумму более 4,2 млрд долл.[2]; 36% были вложены в сельское хозяйство, 23% – в энергетику. Главными получателями помощи стали в 2005–2013 гг. Эфиопия (1004,54 млн долл.), Судан (641,9 млн долл.), Мозамбик (639,44 млн долл.) [IDCR Report, 2013]. В числе реализованных проектов – строительство компанией «Тата Стил» электростанции в Замбии мощностью 120 МВт. В Уганде индийские технологии позволили втрое увеличить энергоснабжение страны: с 300 до 1000 МВт. В 2013 г. министр торговли и промышленности ЮАР Роб Дэвис сказал, что Индия способствует индустриализации Африки, которая поможет ей избавиться от сырьевой ориентации экспорта [South Africa Info, 2013].

В период президентства в Бразилии Лула да Силва Африка оказалась в числе первых получателей бразильской помощи и остается одним из главных ее направлений сегодня. Бразилия списала 900 млн африканских долгов. Помощь координируется Бразильским агентством сотрудничества (Agência Brasileira de Cooperação, ABC); из реализованных им 77 проектов технического сотрудничества более половины –

[1] China-Africa Economic and Trade Cooperation. 2013 // Beijing: Information Office of the State Council. The People's Republic of China. Режим доступа: http://english.gov.cn/ (дата обращения: 23.03.2015).

[2] Third India-Africa Forum Summit 2014 // Core Sector Communique. 31 July. Режим доступа: core-communique.com/third-india-africa-forum-summit (дата обращения: 12.02.2015).

в Африке. Основные направления помощи – сельское хозяйство (21,86%), здравоохранение (16,28%) и образование (12,12%) [Stunkel, 2013]. Особое внимание уделяется сельскохозяйственной сфере. Бразильская корпорация исследований в сфере сельского хозяйства ЭМБРАПА, (The Brazilian Agricultural Research Corporation (EMBRAPA)), имеющая 47 исследовательских центров и 14 центров передачи технологий, оказывает финансовую и кредитную поддержку фермерам. В 2006 г. компания открыла офис в Аккре (Гана), затем вовлекла в проекты более 13 африканских стран; она имеет отделения в Мали, Мозамбике, Сенегале, помогает в производстве сои, сахарного тростника, зерна и хлопка в Танзании, создала в Эфиопии агентство сельскохозяйственных технологий. ЭМБРАПА реализует проект выращивания хлопка «Коттон-4», начатый в Мали, потом распространенный на Бенин, Буркина-Фасо и Чад [Borzova, 2014, p. 285]. Позже было решено присоединить к проекту Того. Новая сфера деятельности Бразилии в Африке – производство биотоплива в Мозамбике, Анголе, Нигерии.

Помощь России Африке осуществляется в основном через международные организации и фонды. Россия списала 20 млрд долл. африканских долгов. В 2009–2012 гг. она выделила 100 млн долл. на помощь наименее развитым странам. Начиная с 2005 г. Россия вносит регулярные платежи в Мировую продовольственную программу, предоставляет помощь для обеспечения продовольственной безопасности (244 млн долл.) [Корендясов, 2013, с. 107–108].

ЮАР позиционирует себя как партнер африканских стран в рамках сотрудничества Юг – Юг. Бывший президент Табо Мбеки был одним из инициаторов Новой программы для развития Африки (НЕПАД). По словам директора Центра китайских исследований Стелленбошского Университета Свена Грима, Южная Африка – международный донор «среднего размера» [Grimm, 2013, p. 39]. ЮАР финансирует региональные организации, в первую очередь Африканский союз и САДК. Она также оказывает гуманитарную помощь наименее развитым странам (Южный Судан, Гвинея, Руанда). Эфрикен Ренессанс энд Интер Кооперейшн Фонд предоставляет в последние годы финансирование в размере 45–75 млн долл. в год на реализацию 10–20 проектов, в частности государствам, пережившим конфликтные ситуации, а также в помощь проведению выборов (ДРК, Судан) [Tjonneland, 2013].

Инвестиционное сотрудничество БРИКС с Африкой

БРИКС заметно активизировал инвестиционное сотрудничество с Африкой в сравнении с ее традиционными партнерами – США и европейскими странами. Приток прямых инвестиций БРИКС на континент в 2003–2009 гг. оценивался в 73 млрд долл. Большая часть накопленных инвестиций пришлась на долю ЮАР (774 млн долл.), Нигерии (131 млн) и Замбии (79 млн), а также стран Северной Африки [Mlachila, Takebe, 2011, p. 15]. В 2010 г. доля БРИКС в накопленных инвестициях и притоке инвестиций в Африку составила соответственно 14% и 25%; в объеме вложений в проекты «зеленой экономики» – 25% в сравнении с 19% в 2003 г. [Ncube, 2014]. В 2011 г. в списке 20 ведущих инвесторов в Африку Китай, Индия и Южная Африка были соответственно на 4-м, 5-м и 17-м местах по объему притока инвестиций, а ЮАР, Китай, Индия и Россия – на 5-м, 6-м, 7-м и 15-м местах по объему накопленных инвестиций. В 2012 г., согласно Докладу ЮНКТАД [UNCTAD, 2013a], инвестиции БРИКС в Африку составили четверть всего притока внешних инвестиций на континент. В то же время накопленные инвестиции в других странах БРИКС насчитывали лишь 3,2% индийских внешних инвестиций, 2,2% китайских, 0,3% российских и бразильских. Впрочем, это не относится к китайско-южноафриканскому инвестиционному сотрудничеству: с января 2013 г. по

январь 2014 г. на китайские ПИ в ЮАР реализованы 38 проектов на 1,24 млрд долл. [The BRICS Post, 2014].

БРИКС порой обвиняют в том, что его интерес к Африке продиктован исключительно стремлением получить доступ к сырьевым ресурсам. Однако, согласно ЮНКТАД, 75% стоимости инвестиционных проектов БРИКС в Африке в 2003–2012 гг. – производство и услуги, 20% – сельское хозяйство и лишь 10% – естественные ресурсы [Ncube, 2014]. А инвестиции в производство и услуги влекут за собой увеличение числа рабочих мест и показателей промышленного роста.

Крупнейший из стран БРИКС инвестор в Африку – Китай. Согласно китайским данным, к концу 2013 г. Пекин увеличил несвязанные прямые инвестиции в целом до рекордных 87,8 млрд долл., причем только за 2012–2013 гг. они выросли на 17%, в то время как объем глобальных ПИИ за этот период сократился [Patlansky, 2014]. На Инвестиционном форуме в Гонконге в ноябре 2013 г. было заявлено о намерении Китая инвестировать до 2025 г. 1 трлн долл. в африканскую инфраструктуру, промышленность и сельское хозяйство [Daily Brief Signup, 2013].

Согласно имеющимся источникам, объем накопленных индийских инвестиций в Африке составляет более 32 млрд долл. [WTO, 2013, p. 18]. На саммите в Нью-Дели в марте 2013 г. обсуждались 477 проектов стоимостью 68,37 млрд долл. Саммит привлек 622 индийских и 893 африканских участников [WTO, 2013, p. 20]. Партнерство Африки с Индией способствует развитию среднего и малого предпринимательства на континенте.

Бразильские инвестиции в Африке концентрируются в горнодобывающей промышленности, строительстве, сельском хозяйстве, производстве биогаза, энергетике. Они направляются в основном в португалоязычные (Ангола, Мозамбик), а также в нефтедобывающие (Нигерия, Алжир) страны. Пример – соглашения с Мозамбиком, предусматривающие инвестиции в 6 млрд долл. в производство биотоплива [UNCTAD, 2013b].

Прямые инвестиции российских компаний, действующих в Африке, оценивались в 2012 г. в 8,5–9 млрд долл. Заявленный объем планируемых капиталовложений на 2013–2020 гг. составляет 17 млрд долл. Накопленные инвестиции России в Африке составляли на 2013 г. примерно 4% ее накопленных ПИИ (362 млрд долл.) и 2–3% всех накопленных прямых инвестиций в Африке (560–570 млрд долл.) [Корендясов, 2013, с. 100]. До 80% российских инвестиций направлялись в разведку и добычу природных ресурсов.

В качестве инвестора в Африке выступает и ЮАР. В стране разработана концепция государственно-частного партнерства (PPP), предполагающая контракты между государственным и частным секторами экономики. Проект охватывает ряд стран континента, включая Бурунди, Джибути, ДРК, Египет, Эфиопию, Кению, Руанду, Судан, Танзанию, Уганду. В 2012 г. ЮАР инвестировала в 75 проектов в Африке – больше, чем любая другая страна.

Компании БРИКС на африканских рынках

На африканском континенте свыше 2500 китайских компаний, действующих в таких сферах, как финансы, энергетика, промышленность, телекоммуникации и др. В их числе крупные корпорации: «Чайна харбор инжиниринг корпорейшн» (строительство портовых сооружений), «Чайна роудс энд бридж инжиниринг корпорейшн» (109-е место в списке 225 крупнейших мировых корпораций; строительство дорог, мостов,

туннелей), реализующая в Африке около 500 проектов, «Чайна рейлуэй констракшн корпорейшн», выигравшая в 2012 г. ряд тендеров на строительство железных дорог в Африке [Дейч, 2014, с. 166–167]. К концу 2013 г. проекты, реализуемые китайскими компаниями, включали строительство более 2200 км железных и 3500 км шоссейных дорог.

Как для китайских, так и для индийских компаний особый интерес представляют африканские ресурсы. В нефтедобывающих странах (Ангола, Нигерия, Судан и др.) активно действуют китайские нефтяные гиганты: «Чайна петролеум энд кемикал корпорейшн» – «Синопек» (Sinopec), входящая в десятку крупнейших азиатских нефтяных корпораций, «Чайна нейшнл петролеум корпорейшн» – CNPC (66% производства Китаем нефти и газа и 42% их переработки), «Чайна нейшнл оффшор ойл корпорейшн» – CNOOC, «Петрочайна» (Petrochina) [Дейч, 2014, с. 185]. На 2012 г. китайские компании завершили контракты на 40,83 млрд долл. При этом, согласно китайским данным, более 85% работников компаний – африканцы. Напомним, что Китай постоянно обвиняли в том, что его компании привозят в Африку своих рабочих, вместо того чтобы нанимать местный персонал [APC Communique, 2012].

В Африке присутствуют индийские компании: государственная нефтегазовая корпорация «Видеш Лимитед» (Videsh Limited), а также компании «Рейл Индиа Текникал энд Экономик Сервисиз», «Конкан Рейлуэйз», «Тата», «Махиндра» и др. Индийская «Видеш» и ангольская «Сонангол» подписали в марте 2014 г. соглашение о совместной разработке нефтяных месторождений на ангольском морском шельфе. Индия участвует в разработке угольных и газовых месторождений Мозамбика. Охотнее, чем Китай, Индия использует местный персонал в своих проектах в Африке, а потому ее политика вызывает меньше критики на континенте.

В Африке расширяют деятельность бразильские компании. В фокусе их внимания нефтегазовый сектор, инфраструктура и горнодобыча. Так, в Анголе более 100 бразильских фирм; работают свыше 30 тыс. бразильцев [Kiala, Ngwenya, 2011]. Горнодобывающая «Вейл» (Vale do Rio Doce) действует в семи африканских странах. Она реализует проект добычи угля в Мозамбике, в 2012 г. вложила 1,7 млрд долл. в строительство дорог в стране. «Вейл» намерена инвестировать в Африку за 5 лет 12 млрд долл., причем на долю Мозамбика должны прийтись 8,2 млрд долл. [Market Watch, 2012].

Нефтяная компания «Петробраз» (Petrobras), действующая в 28 странах, вложила в Африку с 2009 г. по 2013 г. 3 млрд долл. Строительная компания «Одебрехт» (Odebrecht) действует в Анголе, Ливии, Либерии, Мозамбике, Гане, имеет завершенные проекты в Конго, Ботсване, ЮАР, Габоне, Джибути. «Одебрехт» занимается производством в Африке биотоплива, по которому Бразилия занимает второе место в мире после США. Первый завод, производящий этанол, построен в Судане.

Восемнадцать крупных российских компаний реализуют в Африке 40 проектов, в основном в сфере горнодобычи. «Русал», один из ведущих мировых производителей алюминия, действует в Намибии, Гвинее, Южной Африке. «Лукойл» инвестировал в добычу нефти в Кот-д‘Ивуаре, Сьерра-Леоне, Гане [African Economic Outlook, 2011]. Значительные проекты – разработка холдингами «Ренова» и «Евраз» марганца и ванадия в ЮАР, компанией «Северсталь» – железа в Либерии, Республике Конго, Габоне, «АЛРОСОой» – алмазов в Анголе. «Газпром» осваивает нефтяные месторождения в Алжире, Нигерии, Намибии, Экваториальной Гвинее [Корендясов, 2013, с. 100–101].

Южноафриканские фирмы играют важную роль в энергетике, горнодобывающей, продовольственной сферах африканских стран. Компания «Сасол» – глобальный игрок в энергетической и химической промышленности – действует в Мозамбике,

Ботсване, Габоне, Нигерии. «Англо Голд Ашанти», ведущий южноафриканский золотодобытчик, работает в Гане, Мали, Намибии, Танзании [Africa-BRICS Cooperation, 2013, p. 16]. Агробизнес на нигерийском рынке осуществляет «Тайге Брендс», которая приобрела здесь в 2011 г. фирму по производству бисквитов «Дели Фудс Найджириа», а в 2012 г. – долю в 63,5% у нигерийской «Данготе Флауэ Миллс» [Mthembu-Salter, 2013].

Внимание к африканской инфраструктуре

Африка теряет 2% роста ВВП по причине дефицита инфраструктурных объектов. Достаточно сказать, что в 2011 г. в Африке южнее Сахары было проложено 16% дорог, тогда как в Латинской Америке – 26%, в Южной Азии – 65%, в странах ОЭСР – 79%. Лишь один из трех африканцев имеет доступ к электричеству, тогда как в мире – 9 из 10 человек [Marlier, 2014]. Согласно данным Всемирного банка (ВБ), Африка тратит на инфраструктуру 45 млрд долл. в год, а должна тратить около 93 млрд. [KPMG, 2011].

Традиционные доноры обходили стороной эту проблему, тогда как страны БРИКС уделили ей особое внимание. В Этеквинской декларации страны БРИКС выразили готовность «стимулировать инвестиции в африканскую инфраструктуру на базе взаимной выгоды, чтобы поддержать промышленное развитие, создание рабочих мест, повышение квалификации, продовольственную безопасность, устранение бедности и устойчивое развитие в Африке»[3].

В 2012 г. Китай стал главным инвестором в африканскую инфраструктуру, намного опередив Всемирный банк: его инвестиции составили 13 млрд долл., ВБ – 4 млрд [Vibe Ghana, 2014]. Он помог осуществить свыше 500 инфраструктурных проектов. Пекин использует принцип «сырье в обмен на инфраструктуру»; пакетные соглашения предусматривают вложения не только в добычу ресурсов, но и в строительство железных и шоссейных дорог, плотин и ГЭС, телекоммуникаций и т.д. В 2012 г. Ху Цзиньтао говорил о 100 школах, 30 больницах, 30 противомалярийных центрах и 20 центрах сельскохозяйственных технологий, построенных с китайской помощью в Африке [Kingsley, 2013]. Новую штаб-квартиру АС в Аддис-Абебе называют «китайским даром Африке»: ее Пекин построил безвозмездно. Китай получил подряд на восстановление Бенгельской железной дороги, связывающей медный пояс Замбии и месторождения ДРК с ангольским портом Лобито, контракт на строительство железной дороги из внутренних районов Нигерии к побережью. Китайские компании строят железные дороги в ЮАР и Мозамбике, шоссе в столице Руанды – Кигали. Результатом визита в КНР в 2013 г. президентов Нигерии Гудлака Джонатана и Кении Ухуру Кениатты стали займы на развитие инфраструктуры. Так, Кении было предоставлено 3,75 млрд долл. на один из ключевых проектов национальной стратегии развития «Вижн-2030» – строительство железной дороги Момбаса – Найроби – Малабо, призванной связать рынки Кении, Уганды, Руанды и ДРК [Wambui, 2013]. Уганда выразила в 2014 г. намерение пригласить шесть китайских компаний для расширения железнодорожной сети в стране [Mail & Guardian, 2014]. «Проектом века» называли построенную Китаем в 1960-е годы железную дорогу ТАЗАРА, связавшую медный пояс Замбии с Индийским океаном через территорию Танзании. Пекин постоянно вкладывает средства в ремонт этой дороги и намерен соединить ее с Бенгельской железной дорогой, пересекающей Анголу, которую тоже перестраивает. Это позволит создать коридор Восток – Запад через континент, ускорить потоки товаров и помочь интеграции Африки.

[3] The 5th BRICS Summit. 26–27 March, 2013. Durban, South Africa. Режим доступа: http://www.brics5.co.za/ (дата обращения: 23.03.2015).

Наращивает активность в инфраструктурной сфере и Бразилия. Компания «Одебрехт» действует в Анголе, Ливии, Либерии, Мозамбике, Гане; она уже завершила инфраструктурные проекты в Конго, Ботсване, ЮАР, Габоне и Джибути. Африка нуждается не только в дорогах и мостах, но и в трудоустройстве местного населения, а потому компания использует местных рабочих. Так, в Либерии, где она строит железную дорогу и где уровень безработицы составляет 80%, люди в поисках заработка приезжают за сотни миль на стройку из столицы – Монровии [Lewis, 2011].

Южная Африка принимает участие в девяти африканских проектах, реализуемых в рамках Президентской инфраструктурной инициативы (President Infrastructure Initiative (PICI) и полностью финансирует два из них. В числе проектов – терминал в Дар Эс Саламе, порт Дурбана, железная дорога в Зимбабве. Согласно презентованной в 2012 г. стратегии развития, компания «Транснет» (Transnet) намерена в течение семи лет инвестировать 39,1 млрд долл. в развитие портовой и железнодорожной инфраструктуры ЮАР. Стратегия предусматривает рост объемов перевозок с 200 до 350 млн тонн в год, создание 588 тыс. рабочих мест. Южноафриканская «Спурнет» (Spoornet), имеющая акции 80% африканских железных дорог, реконструирует железнодорожную линию, связывающую Эфиопию и Эритрею. Правительство ЮАР выделило 1,5 млрд долл. на строительство железной дороги ЮАР – Свазиленд, которое обойдется в 2 млрд долл. и займет три года: с 2013 г. по 2016 г. [Sudan Division, 2012].

Банковский сектор как координатор финансово-экономического сотрудничества

В финансово-экономическом сотрудничестве БРИКС с Африкой особую роль играет банковский сектор. Китайские компании в Африке поддерживает действующий под эгидой государственного Китайского банка развития (Чайна Девелопмент Бэнк, CDB) Фонд развития Китай – Африка (Чайна-Эфрика Девелопмент Фанд (CADF), созданный в 2007 г. с капиталом в 1 млрд долл., позже увеличенным до 5 млрд долл. В 2013 г. представитель CADF заявил, что Фонд за последние шесть лет потратил 2,4 млрд долл. на 64 проекта в более чем 30 африканских странах [CNV, 2014]. Распределителем китайских займов и инвестиций странам Африки выступает государственный Эксимбанк (Exim Bank), крупнейшее агентство экспортных кредитов. Президент Эфиопии Мулату Тешоме заметил, что китайские банки «играют очень важную роль в африканском экономическом развитии» [China Daily, 2014].

Экспортно-импортный банк (Эксимбанк) Индии также является распорядителем кредитов и инвестиций странам Африки. Азиатские банки работают в тесном контакте с африканскими банками развития: Африканским Эксимбанком, Банком ЭКОВАС, Восточноафриканским банком и др.

Бразильский национальный банк социального и экономического развития (BNDES) в 2009 г. открыл кредитную линию в 265 млн долл., а в 2010 г. – в 360 млн долл. для компаний, ведущих бизнес в Африке[4]. С 2007 г. по 2014 г. BNDES выделил на проекты в Африке 2,9 млрд долл. [Muggah, 2015]. В 2013 г. банк открыл офис в Йоханнесбурге.

Российский Внешторгбанк открыл первый банк в Анголе, затем в Намибии и Кот-д'Ивуаре. «Ренессанс Капитал» имеет долю в 25% в Экобанке, одном из ведущих банков Нигерии [UNCTAD, 2013b]. Пять крупных банков Африки – южноафриканские,

[4] IPEA, World Bank. 2011. Ponte sobre o Atlântico. Brasil e África sub-saariana. Parceria Sul-Sul para o crescimento. Brasília, 2011. P. 7.

и все они финансируют африканские проекты. Важную роль в банковской сфере стран Африки играет южноафриканский Стэндард Банк, осуществляющий финансовую помощь странам континента. ЮАР также инвестирует в Африку при посредничестве Промышленной корпорации развития (Industrial Development Corporation) и Банка развития Южной Африки (Development Bank of Southern Africa (DBSA).

Расширению инвестиционного сотрудничества в реализации инфраструктурных проектов в Африке призван способствовать вновь созданный странами БРИКС Новый банк развития со стартовым капиталом 50 млрд долл., который позже вырастет до 100 млрд долл. Цель Банка – мобилизация ресурсов на проекты инфраструктуры и устойчивого развития в странах БРИКС и других «восходящих» экономиках и развивающихся странах, включая Африку. В ЮАР будет создан Региональный центр Банка. НБР и Управление валютных резервов (УВР) в размере 100 млрд долл. представляют собой альтернативы Всемирному банку и МВФ, где ведущую роль играют страны Севера. В этом смысле БРИКС – система сотрудничества по линии Юг – Юг. Факт создания Нового банка развития демонстрирует изменения, произошедшие в мире в последнее десятилетие: «10 лет назад сама идея подобного банка вызывала смех в Вашингтоне, Лондоне, Париже и других западных столицах. Теперь они больше не смеются» [BRICS Bank, 2014].

«Мягкая сила» как оружие БРИКС

Страны БРИКС активно реализуют свои внешнеполитические цели в Африке с помощью «мягкой силы». В сфере их особого внимания – человеческие ресурсы. Формирование африканских элит, ориентирующихся на сотрудничество Юг – Юг, – долгосрочная цель БРИКС. Его деятельность охватывает такие сферы, как медицина и образование. Подписанная в 2011 г. на первом совещании министров здравоохранения стран БРИКС «Пекинская декларация» предусматривает развитие сотрудничества с международными организациями здравоохранения и между самими странами БРИКС в передаче медицинских технологий и обеспечении развивающихся стран качественными и безопасными медицинскими продуктами и технологиями [Sidibe, 2011]. Правительства и частные предприятия БРИКС расширяют участие в секторе здравоохранения африканских стран, включая строительство больниц, противомалярийных центров, подготовку специалистов-медиков.

На 5-й конференции ФОКАК в Пекине в 2012 г. был сделан упор на «мягкую» инфраструктуру (медицину, образование, человеческие контакты, совместные исследования) [Zhand Chun, 2013]. Китайский телекоммуникационный гигант «Хуавей текнолоджи» заключил контракты на 400 млн долл. по обеспечению мобильной связью Кении, Зимбабве и Нигерии. Компания «ЗетТЕ» (ZTE) вложила средства в модернизацию телевизионной и телефонной сетей в ряде африканских стран. Такие компании, как «Хуавей» и «ЗетТЕ», вытесняют в Африке западные компании телекоммуникационного оборудования. В помощь развитию человеческих ресурсов Китай предложил Африке программу «Африканские таланты», предусматривающую подготовку 30 тыс. профессионалов в различных сферах деятельности[5]. В 2012 г. стипендии для обучения в китайских вузах получали 20 тыс. африканцев. Пекин создал в Африке 39 институтов Конфуция, где преподаются история, культура Китая и китай-

[5] Joint Communique of the Third Round of Political Consultations between Chinese and African Foreign Ministers. N.Y., 2013. Режим доступа: http://www.china-un.org/eng/hyyfy/t1080961.htm (дата обращения: 23.09.2013).

ский язык[6]. Реализуются программы обмена учеными, осуществляются совместные исследовательские проекты.

В Африке действует индийский проект создания единой африканской системы оптоволоконной и электронной связи, связывающей африканские государства – ПАН (Pan-Africa Network). Цель проекта – предоставление африканским странам возможностей в сфере медицины и дистанционного обучения. Руководство проектом осуществляет государственная индийская компания Telecommunications Consultants India Limited – TCIL, выделившая на проект грант в сумме 125 млн долл. На 2013 г. из этих средств было истрачено 30 млн. В 2013 г. проект обеспечивал дистанционные консультации 12 специализированных больниц Индии с 48 африканскими больницами. Было проведено 460 консультаций и свыше 2500 сессий медицинского образования. Наряду с этим программа позволила связать 47 африканских учебных центров с пятью индийскими университетами. Десять тысяч африканских студентов записались на различные дистанционные курсы, были проведены 3500 образовательных сессий [IDCR Report, 2013, p. 14]. Действует индийская технико-экономическая программа, на которую потрачено с момента ее создания в 1964 г. по 2012 г. 2,8 млрд долл., в том числе 1 млрд – на поддержку африканских стран. За годы реализации программы удалось создать в Африке сеть связанных с Индией граждан, в числе которых – политики, гражданские и деловые сообщества и т.д. Число индийских учебных программ в Африке растет. Обучение ведется на английском языке и по более низким ценам, чем это делают традиционные доноры Африки [IDCR Report, 2013, p. 14]. Индия оказывает поддержку африканским научным центрам: Институту Пастера в Тунисе, Бенинскому институту математики и физических наук, Школе науки и технологий в Габоне. В ее планах – создание в Африке более 100 научных, инновационных центров и институтов по развитию человеческих ресурсов [Усов, 2013, с. 243].

В 2011 г. Бразилия имела 53 двусторонних соглашения в области здравоохранения с 23 африканскими странами. Бразилия имеет богатый опыт в сфере тропической медицины, который активно применяет в Африке. Она финансирует несколько специализированных центров здоровья на континенте. При посредничестве Фонда Освалда Круза (FioCruz) – ведущего исследовательского учреждения Бразилии в области медицины – Бразилия помогла создать в Мозамбике, где свыше 10% населения являются носителями ВИЧ-инфекции, фабрику по производству дженериков и антиретровирусных препаратов для лечения ВИЧ/СПИДа, действующую с 2012 г., ассигновав на это 23 млн долл. [African Studies Centre, 2013]. Бразилия предоставляет стипендии африканским студентам. Она создала свой первый институт высшего образования в Кабо-Верде, открыла Федеральный университет афро-бразильской интеграции. Студенты из ДРК, Нигерии, Танзании изучают инновационные сельскохозяйственные технологии компании ЭМБРАПА [Calestous, 2013].

Российская компания «Прогноз» начала в 2010 г. реализацию в Африке проекта создания единой континентальной сети по обмену и распространению статистических данных. К концу 2011 г. она завершила работу над порталом статистики Африканского банка развития и создала 10 приложений для статистических органов стран Африки. В 2011 г. компания выпустила программный комплекс для Мозамбика, в 2012 г. – для Руанды и заключила договор на разработку портала, содержащего данные социально-экономического развития 19 государств – членов КОМЕСА. Как заявил директор ком-

[6] Joint Conference of Confucius Institutes in Africa. 2014. Режим доступа: http://confucius.uonbi.ac.ke/uon_speeches (дата обращения: 25.06.2014).

пании Д. Андрианов, «есть реальная перспектива обеспечить разработками большинство стран континента» [Вся Африка, 2012].

Россия внесла вклад в размере 235 млн долл. в Глобальный фонд борьбы с ВИЧ/СПИДом, туберкулезом и малярией, 20 млн долл. в программу Всемирного банка по борьбе с малярией в Африке, 18 млн долл. на финансирование мер Всемирной организации здравоохранения по борьбе с полиомиелитом [Корендясов, 2013, с. 107–108]. В фонд борьбы против эпидемии лихорадки Эбола в Западной Африке Россия внесла 30 млн долл. Участвует Россия и в образовательных программах в Африке. В 2008–2012 гг. она направила 43 млн долл. во Всемирный банк на выполнение инициированной ею международной программы повышения качества базового образования. В системе высшего образования России обучаются 4,5 тыс. африканцев. В общей сложности 8 тыс. африканских студентов получили образование в российских университетах [Africa – BRICS Cooperation, 2013, p. 16–18]. В 2013 г. Россия предоставила африканцам 750 стипендий для обучения в российских вузах [Васильев, Корендясов, 2014].

Главная южноафриканская компания в сфере телекоммуникаций MTH имеет лицензии на работу в 21 государстве Африки и Ближнего Востока. В Африке весьма активны «Сенлем» (Salam), занимающаяся страхованием, «Насперс» (Naspers) – медийная компания. Южная Африка проявляет озабоченность проблемами здравоохранения стран Африки. Так, фармацевтическая фирма «Аспен» (Aspen Pharmacare) организовала в 2003 г. первое в Африке производство антиретровирусных препаратов. Сегодня «Аспен» – один из ведущих мировых игроков в производстве этих лекарств [Maritz, 2014].

БРИКС и проблемы африканской безопасности

БРИКС проявляет заинтересованность в создании справедливого демократического мирового порядка и в решении проблем безопасности африканского континента. Ратуя за коллективный подход к решению международных проблем и соблюдение основных принципов ООН, страны БРИКС отвергают попытки одной страны или группы стран навязывать свою волю остальному миру. Страны БРИКС осудили использование силы в Северной Африке и Сирии. В Форталезской декларации подтверждается неприятие всеми членами БРИКС односторонней военной интервенции и экономических санкций. «Мы осуждаем односторонние военные интервенции и экономические санкции в нарушение международного права и общепризнанных норм международных отношений... Ни одно государство не должно усиливать свою безопасность ценой нарушения безопасности других», – гласит Декларация. Констатируя ухудшение ситуации в сфере африканской безопасности и выражая беспокойство по поводу кризисов в Южном Судане, ЦАР, ДРК, страны БРИКС заявили в Декларации о поддержке деятельности ООН, АС, ЭКОВАС по стабилизации ситуации в конфликтных регионах Африки и призвали конфликтующие стороны к диалогу в целях достижения мира и стабильности на континенте [Fortaleza Declaration, 2014].

Все страны БРИКС активно участвуют в миротворческих операциях ООН. В октябре 2012 г., по данным ООН, в них участвовали 7899 человек из Индии, 2217 – из Бразилии, 2077 – из Южной Африки, 1931 – из Китая и 85 – из России[7]. Китайские эксперты и полицейские участвовали в конце 2012 г. в шести из семи операций ООН

[7] Monthly Summary of Contributions (Police, UN Military experts on Missions and troops). Contributors to United Nations peacekeeping operations. Режим доступа: http://www.in.org/en/peacekeeping/contributors (дата обращения: 01.12.2012).

в Африке. Вклад в урегулирование кризисной ситуации в Судане в 2011 г. внес 331 китайский миротворец. Миссия ООН в Мали в 2013 г. стала первой, куда Китай направил свои боевые части[8]. А в мае 2014 г. Пекин принял решение направить в Южный Судан, где продолжается конфликт между правительством и мятежными группами, батальон в составе 850 солдат[9].

Индия – третья в мире и первая из членов БРИКС страна по объемам вклада в миротворческую деятельность на африканском континенте. Так, например, в 2010 г. более 9300 индийских миротворцев участвовали в различных миротворческих миссиях [Rooyen, 2010]. Индия и Китай также принимают участие в борьбе с пиратством у берегов Сомали.

Бразилия в 2012 г. имела восемь наблюдателей в миссии ООН в Западной Сахаре, 3 – в Миссии ООН в Абъей, 3 – в миссии ООН в Либерии, 13 – в миссии ООН в Южном Судане и 4 – в Миссии ООН в Кот-д'Ивуаре[10]. Россия не входит в число ведущих участников миротворческих миссий ООН, но ее роль растет. Она также принимает участие в обучении миротворцев. Число африканских миротворцев, ежегодно проходящих подготовку в России, выросло до 400.

ЮАР занимает третье место из стран БРИКС по числу миротворцев. Она также использует дипломатические возможности и политическое влияние, спонсируя мирные переговоры и участвуя в урегулировании конфликтных ситуаций на континенте.

Проблемы и перспективы БРИКС в Африке

2014-й год внес пессимистическую ноту в прогнозы относительно будущего БРИКС и его политики в Африке. В аналитических расчетах банка Goldman Sachs предполагалось, что к 2039 г. страны БРИКС, если не сбавят темпы развития, смогут обойти шесть ведущих промышленных держав, однако в новом десятилетии все страны БРИКС замедлили рост. Больше всех замедлились Бразилия и Россия. Наблюдается спад в китайской экономике, которая в течение трех десятилетий демонстрировала чрезвычайно высокие темпы роста. В 2014 г. китайская экономика выросла на 7,45%, показав самый слабый рост за 24 года. МВФ рассматривает «геополитические риски», а точнее Украину и Ближний Восток, как главную угрозу глобальному экономическому восстановлению [Walker, 2014]. В прогнозах обращается внимание на такие проблемы БРИКС, тормозящие его поступательное движение, как роль сырьевого экспорта в экономиках России и Бразилии, ослабляющие их конкурентоспособность и привлекательность для бизнеса. Однако многие экономисты считают, что БРИКС способен изменить ситуацию, отмечая, в частности, что Китай занят поисками более устойчивой модели экономического развития. Индия сегодня не вызывает особого беспокойства на финансовых рынках и в международных финансовых институтах. Многие инвесторы приветствуют приход к власти в стране в мае 2014 г. нового правительства Нарендра Моди. Как заявил Джим О'Нил из банка Goldman Sachs, «я сейчас смотрю на Индию с большим оптимизмом, чем некоторое время назад» [Walker, 2014].

[8] China's peacekeeping mission in Africa. CCTV Africa. Режим доступа: cctvafrica.cctv-news. net/chinas-peacekeeping-mission-in-africa. (дата обращения: 13.03.2014).

[9] China will send troops to South Sudan // IOl news. 2014. 30 May. Режим доступа: http://www.iol.co.za/news/africa/china-will-send-troops-to-south-sudan-1.1696410 (дата обращения: 30.05. 2014).

[10] UN statistics updated until December 2012 // UN Peacekeeping. Режим доступа: http://www.un.org/en/peacekeeping/contributors (дата обращения: 28.01.2013).

Каждая из стран БРИКС имеет преимущества в Африке. Китай – крупнейший партнер стран континента в торговле, инвестициях и финансовой помощи развитию. Финансовые возможности позволяют ему участвовать в реализации множества проектов, в частности в сфере африканской инфраструктуры. В отличие от китайско-африканского сотрудничества, в котором ведущую роль играют государственные корпорации, сотрудничество Индии с Африкой осуществляется в основном крупным и средним частным бизнесом. Индия предоставляет Африке финансовую помощь в меньшем объеме, чем Китай, вместе с тем она лидирует среди стран БРИКС в передаче высококачественных технологий и услуг.

Уступая Китаю и Индии по объемам финансирования Африки, Бразилия делает упор на техническую помощь, передачу технологий, услуг и опыта, в частности в сельскохозяйственной сфере. С 2012 г. в Бразилии осуществляется национальная программа развития фермерского хозяйства, и свой опыт Бразилия переносит на африканский континент. Успех бразильской сельскохозяйственной модели обусловлен вертикальной интеграцией сектора, поддержкой со стороны государства, высоким уровнем механизации. Преимущество Бразилии – традиционные связи с Африкой; в этой стране проживает больше людей африканского происхождения, чем где-либо за пределами континента. В фокусе внимания Бразилии – португалоязычные страны Африки, отношения с которыми строятся на базе языковой общности. В отношениях с Африкой Бразилия старается избегать ошибок, которые допускают конкуренты. Так, она активно привлекает местный персонал, способствуя решению проблемы занятости: около 90% работников компании «Одебрехт» в Африке – африканцы [The Economist, 2012].

Преимущество России – богатый опыт отношений со странами Африки, накопленный в советский период. Многие бывшие советские студенты занимают ответственные посты в странах Африки и с теплотой вспоминают годы учебы в СССР. Россия может использовать исторические связи с Африкой в целях повышения уровня отношений.

Ставшая в декабре 2010 г. пятым членом БРИКС ЮАР рассматривает членство в группе как возможность консолидировать международное восприятие ее роли как регионального лидера Африки. Прием ЮАР в БРИКС вызвал немало критики. Даже О'Нил, автор аббревиатуры БРИКС, был недоволен присоединением к ней буквы S, считая, что южноафриканская экономика несопоставима с экономиками других членов группы. ЮАР предлагает себя в качестве «ворот» на континент. Однако эта ее способность признается не всеми. Так, немецкий Фонд Бертельсмана заявил в марте 2013 г., что эта страна не является моделью устойчивого развития, поскольку она не добилась прогресса в таких важных сферах, как образование, социальное развитие, безработица, и экономики некоторых других африканских стран растут более успешно. Однако, по мнению южноафриканского посла в Китае Бхеки Ланга, участие Южной Африки в БРИКС вполне оправданно, поскольку эта страна выполняет роль финансовых «ворот» в Африку к Югу от Сахары и имеет более мощный экономический потенциал, чем другие африканские страны [Tang Qinhua, 2013, p. 10]. Хотя ЮАР уступает остальным членам БРИКС по экономическим параметрам, ее преимущества – богатые ресурсы, сильные финансовый и банковский секторы, опыт инициирования и разработки современных экономических стратегий (НЕПАД), практический опыт региональной экономической интеграции (САДК). ЮАР также является единственным государством континента, располагающим технологиями мирового уровня.

Хотя страны БРИКС заявляют о стремлении к сотрудничеству, они пока выступают в Африке в роли конкурентов, а зачастую и соперников. Индия конкурирует

с Китаем за доступ на африканские рынки. Крупные китайские инвестиции в африканскую инфраструктуру, а в последние годы – и в технологическую помощь Африке вынуждают Индию к активному поиску возможностей обойти Китай, в первую очередь в сферах новейших технологий и развития человеческого капитала. Бразилия и Индия стремятся войти в состав постоянных членов Совета Безопасности ООН, что также придает их политике элемент соперничества. Сфера соперничества Китая, Индии и Бразилии – сельское хозяйство стран Африки, где все три государства весьма активны. Наконец, Бразилия пытается противодействовать Китаю и Индии в португалоязычных странах, которые она рассматривает как сферу своего влияния.

Тем не менее существует много проблем, в решении которых интересы стран БРИКС совпадают или близки, и сферы деятельности, в которых они способны плодотворно сотрудничать. При наличии конкуренции между этими игроками имеются и совместные инициативы. Пример – Трастовый Фонд ИБСА (IBSA Trust Fund), который осуществляет финансирование Индией, Бразилией и ЮАР проектов в наименее развитых странах Африки (Бурунди, Кабо-Верде, Сьерра-Леоне, Гвинее-Бисау). На саммите в Форталезе министры науки и технологий подписали меморандум о взаимопонимании в вопросах науки, технологий и инноваций, наметили приоритетные сферы сотрудничества[11]. Деловой Совет БРИКС работает над рядом многосторонних проектов. БРИКС предлагает Африке новую модель софинансирования инфраструктуры. Если ранее, как правило, финансировались проекты в отдельных странах, то новая модель, обозначенная на саммите в Дурбане, способна обеспечить реализацию мультистрановых проектов и активизировать интеграционные процессы на континенте.

Россия подготовила программу многостороннего экономического сотрудничества стран БРИКС, включающую 37 проектов в различных сферах – от высоких технологий до гуманитарных проблем [Mcihone, 2014]. Согласно «Концепции участия Российской Федерации в БРИКС», РФ хочет видеть БРИКС новой моделью глобальных отношений [Paniyev, 2013] и стремится, чтобы страны БРИКС совместно работали в Африке.

БРИКС играет роль своего рода моста между развитыми и развивающимися странами. Он ратует в ВТО за сокращение сельскохозяйственных субсидий США и Евросоюзом, дабы повысить конкурентоспособность африканской сельхозпродукции, оказывает поддержку странам Африки на переговорах по вопросам климатических изменений. БРИКС выступает за создание справедливого, демократического мирового порядка. Уже одно его присутствие в Африке создает баланс традиционному верховенству Запада на континенте. БРИКС не только изменил торгово-инвестиционные отношения африканских стран с внешним миром, но и создал новые возможности для африканских экономик: рост Африки во многом обязан ее отношениям с БРИКС. Африканцы высоко ценят преимущества, которые дает им сотрудничество со странами группы, считая, что Китай, Индия, Бразилия, Россия, и Южная Африка помогают им эффективно решать проблемы устойчивого развития, приближая их к достижению ЦРТ.

Литература

Васильев А.В., Корендясов Е.Н. (2014) Партнерство Россия – Африка: прагматический подход // Аналитический вестник. № 6 (524). С. 40–50.

[11] Africa. BRICS Summits Make Little Progress on Science Cooperation // SciDevNet. Режим доступа: http://www.scidev.net/global/cooperation/news/brics-summits-make-little-progress-on-science-cooperation.html (дата обращения: 24.03.2015).

Дейч Т.Л. (2014) Китай «завоевывает» Африку / под ред. В.Г. Шубина. М.: Институт Африки РАН.

Корендясов Е.Н. (2013) Российские экономические интересы в Африке // БРИКС – Африка: партнерство и взаимодействие / под ред. Т.Л. Дейч, Е.Н. Корендясова. М.: Институт Африки РАН. С. 95–100.

Вся Африка (2012) Российские компании на ИТ-рынке Африки. Режим доступа: http://www.afrocom.ru/news/analytics/21 (дата обращения: 23.04.2012).

Усов В.А. (2013) Деятельность БРИКС по расширению доступа стран Африки к новейшим технологиям // БРИКС – Африка: партнерство и взаимодействие / под ред. Т.Л. Дейч, Е.Н. Корендясова. М.: Институт Африки РАН. С. 236–254.

Шубин В.Г. (2013) Зачем Южной Африке БРИКС и зачем БРИКСУ Южная Африка? // Индекс безопасности. Т. 19. № 2 (105). С. 65.

Africa-BRICS Cooperation (2014) Africa-BRICS Cooperation: Implications for Growth, Employment and Structural Transformation in Africa. United Nations Economic Commission for Africa. Addis-Ababa. P. 16–18.

African Development Bank (2013) Africa and the BRICS: A Win-Win Partnership. Режим доступа: http://www.afdb.org/en/blogs/afdb-championing-inclusive-growth-across-africa/post/africa-and-the-brics-a-win-win-partnership-12098/ (дата обращения: 19.12.2013).

African Economic Outlook (2011) Africa and its Emerging Partners. OECD. Режим доступа: http://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Generic-Documents/Media_Embargoed_Content/EN-AEO_2011_embargo%206%20Juin.pdf (дата обращения: 24.03.2015).

African Studies Centre (2013) Brazil–Africa: Booming Business across the Atlantic. Leiden. Режим доступа: http://www.ascleiden.nl/publications/brazil-africa-booming-business-across-atlantic (дата обращения: 15.05.2014).

APC Communique (2012) China's Africa Envoy Discusses China-Africa Relations. Boston University: African Presidential Center Newsletter. Special Report. Режим доступа: http://www.bu.edu/apc/files/2012/09/Fall-2012-Communique-Amb-Zhong-Jianhua.pdf (дата обращения: 27.03.2013).

Borzova A. (2014) Brazil's Cooperation with Africa (Agricultural Aspect) // Africa's Growing Role in World Politics. Moscow: IAfr. Режим доступа: http://www.histant.ru/sites/default/files/inafran/2014/Africas%20growing%20role.pdf (дата обращения: 24.03.2015).

BRICS Information Centre (2013) BRICS and Africa: Partnership for Development, Integration and Industrialization. eThekwini Declaration. Durban, South Africa. 27 March. Режим доступа: http://www.brics.utoronto.ca/docs/130327-statement.html (дата обращения: 27.03.2013).

Calestous J. (2013). Africa and Brazil at the Dawn of New Economic Diplomacy. Cambridge. Massachusetts: Belfer Center for Science and International Affairs. 26 February. Режим доступа: http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/22793/africa_and_brazil_at_the_dawn_of_new_economic_diplomacy.html (дата обращения: 27.03.2013).

China Analyst (2014) Regional Focus: China-Africa. Режим доступа: www.thebeijingaxis.com/tca/editions/the-china-analyst-apr-2014/236-regional-focus-china-africa (дата обращения: 24.03.2015).

China Daily (2014) Investment from China Beneficial to Africa. 27 January. Режим доступа: http://www.ecns.cn/business/2014/01-27/98750.shtml (дата обращения: 27.01.2014).

CNV (2014) Symbiotic China-Africa relationship expected to grow. Режим доступа: http://www.ecns.c/2014/01-29/00328.shtml (дата обращения: 29.01.2014).

Daily Brief Signup (2013) China Promises Africa $1 Trillion in Financing, but True Sum May Never be Known. Режим доступа: http://qz.com/148520/china-promises-africa-1-trillion-in-financing-but-the-true-sum-never-be-known (дата обращения: 18.11.2013).

Ernst & Young (2011) It's Time for Africa. Africa Attractiveness Survey. Режим доступа: http://www.ey.com/ZA/en/Issues/Business-environment/2011-Africa-attractiveness-survey (дата обращения: 24.03.2015).

Fortaleza Declaration (2014) The 6-th BRICS Summit: Fortaleza Declaration. 15 July. Режим доступа: www.brics.utoronto.ca/docs/leaders.html (дата обращения: 14.03.2015).

Freemantle S., Stevens J. (2013a) BRICS trade is Flourishing and Africa Remains a Pivot. Johannesburg: Standard Bank. Режим доступа: https://m.research.standardbank.com/Research?view=1671-5e15d65cf190 4d22850b65e04864fc94-1 (дата обращения: 20.02.2013).

Freemantle S., Stevens J. (2013b) BRICS – Africa Trade Update. Johannesburg; Standard Bank. Режим доступа: https://research.standardbank.com/api/asset/PrintPDF?docId=1671-CA85B4636AE742A0A4 AE11505DA97E22 (дата обращения: 08.10.2013).

George Ed. (2014) Brazil's Trade with Africa. Sao Paolo: Ecobank. Режим доступа: http://www.ecobank.com/upload/20140617035947280312cgkaDWNv9b.pdf (дата обращения: 09.04.2014).

Grimm S. (2013) South Africa: BRICS Member and Development Partner in Africa // China Monitor. BRICS. Special Edition. P. 39. Режим доступа: http://www.brics5.co.za/assets/AAA3.pdf (дата обращения: 24.03.2015).

Hu Jintao (2012) Open up New Prospects for a New Type of China-Africa Strategic Partnership. Speech at the Opening Ceremony of the Fifth Ministerial Conference of the Forum on China-Africa Cooperation. Beijing. Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/english/china/2012-07/19/c_131725637.htm (дата обращения: 24.03.2015).

IDCR Report (2013) The State of Indian Development Cooperation. Centre for Policy Research, The Asia Foundation. Режим доступа: http://cprindia.org/Spring_2014_IDCR_Report_the_State_of_Indian_Development_Cooperatio.pdf (дата обращения: 24.03.2015).

Kiala C., Ngwenya N. (2011) Angola's Strategic Cooperation with BRICS Countries // SAIIA Occasional Paper 85. Johannesburg: South African Institute of International Affairs. Режим доступа: http://www.saiia.org.za/doc_download/61-angola-s-strategic-co-operation-with-the-bric-countries (дата обращения: 24.03.2015).

Kingsley Ig. (2013) China in the Heart of Africa // Africa Renewal. Режим доступа: http://www.un.org/africarenewal/magazine/january-2013/china-heart-africa (дата обращения: 10.01.2013).

Korendyasov E. (2014) Russia Returns to Africa // Africa's Growing Role in World Politics / T. Deych, E. Korendyasov, O. Kulkova, A. Zhukov (eds). M.: IAfr. P. 239–247.

KPMG (2011) India Investing in South Africa and Africa. Режим доступа: http://www.kpmg.com/Africa/en/IssuesAndInsights/Articles-Publications/Press-Releases/Documents/India%20Desk%20Brochure2.pdf (дата обращения 10.12.2012).

Lewis D. (2011) In Africa Brazil takes a Different Track. Reuters Special Report. February. Режим доступа: http://graphics.thomsonreuters.com/specials/Brazil%20in%20Africa.pdf (дата обращения: 24.03.2015).

Mail &Guardian (2012) Uganda to Invite Chinese Builders for R85-billion Railway Plan (2014). 19 June. Режим доступа: http://mg.co.za/article/2014-06-19-uganda-to-invite-chinese-bidders-for-r85-billion-railway-plan (дата обращения: 24.03.2015).

Maritz J. (2014) Four South African Companies Taking on the World. How we Made in Africa. Режим доступа: www. howwemadeinafrica.com/four-south-african-companies-taking-on-the-world/43690 (дата обращения: 24.03.2015).

Market Watch (2012) Brazil's Africa Relations Now Strategic, Minister. 3 May. Режим доступа: http://www.marketwatch.com/story/brazils-africa-relations-now-strategic-minister-2012-05-03 (дата обращения: 24.03.2015).

Marlier S. (2014) Investing in African Infrastructure // The Economist. 16 September. Режим доступа: http://www.economistinsights.com/infrastructure-cities/opinion/investing-african-infrastructure (дата обращения: 24.03.2015).

Mcihone M. (2014) BRICS Called to Expand Economic Cooperation. 16 July. Режим доступа: http://africanbrains.net/2014/07/16/brics-called-expand-economic-cooperation/ (дата обращения: 24.03.2015).

Mlachila M., Takebe M. (2011) FDI from BRICs to LICs: Emerging Growth Drivers. IMF Working Paper. African Department. July. P. 15. Режим доступа: https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2011/wp11178.pdf (дата обращения: 24.03.2015).

Mthembu-Salter G. (2013) South Africa in Africa. Your Hinterland is there // The Africa Report. 13 February. Режим доступа: http://www.theafricareport.com/News-Analysis/south-africa-in-africa-your-hinterland-is-there.html (дата обращения: 13.02.2013).

Muggah R. (2015) What is Brazil Really Doing in Africa // The World Post. 24 January.

Ncube M. (2014) Africa and the BRICS: a Win-Win Partnership? African Development Bank. Режим доступа: http://eco-opia.org/2013/07/14/africa-and-the-brics-a-win-win-partnership/ (дата обращения: 24.03.2015).

Nnadozie E. (2014) ACBF: Africa-BRICS Partnership is Growing Rapidly // CFI.co. 7 February. Режим доступа: http://cfi.co/africa/2014/02/emmanuel-nnadozie-acbf-africa-brics-partnership-is-growing-rapidly/ (дата обращения: 24.03.2015).

Paniyev Yu. (2013) Russia Reveals its Strategy for BRICS Cooperation // Russia Beyond the Headlines. 26 March. Режим доступа: http://rbth.com/international/2013/03/26/russia_reveals_its_strategy_for_brics_cooperation_24279.html (дата обращения: 24.03.2015).

Patlansky L. (2014) No Reason to Fear Chinese Investment in Africa // BusinessDay. 30 January. Режим доступа: http://www.bdlive.co.za/opinion/2014/01/30/no-reason-to-fear-chinese-investment-in-africa (дата обращения: 24.03.2015).

Qinhua Tang (2013) Special Interview: A Changing World Order // Business Africa. 15 February. Режим доступа: http://www.buzinessafrica.com/index.php?option=com_content&view=article&id=832%3Aa-changing-world-order&catid=10%3Ainterviews&Itemid=13&lang=en (дата обращения: 24.03.2015).

Reuters (2014) China to Extend over $12 bln in Aid to Africa. Beijing. Режим доступа: http://www.reuters.com/assets/print?aid=USBREA4802320140509 (дата обращения: 09.05.2014).

Rooyen F. (2010) Blue Helmets for Africa: India's Peacekeeping in Africa. South African Institute for International Affairs (SAIIA). Occasional Paper. No. 60. Режим доступа: http://www.saiia.org.za/doc_download/85-blue-helmets-for-africa-india-s-peacekeeping-in-africa (дата обращения: 24.03.2015).

Sandrey R., Mpitsa E.M., Vermaak J., de Beer M. (2013) Assessing South Africa's Trading Relationship with China. Stellenbosch: Tralac Trade Centre. Tralac Working Paper D13WPO3/2013. Режим доступа: http://www.tralac.org/wp-content/blogs.dir/12/files/2014/02/D13WP032013-Sandrey-et-al.-Assessing-SAs-trading-relationship-with-China-20131209-fin.pdf (дата обращения: 24.03.2015).

Sidibe M. (2011) BRICS: Seizing a Leadership Role in Global Health. First Meeting of BRICS Ministers of Health. Press Release. Режим доступа: www.unaids.org/sites/default/files/media_asset/BRICS-health-ministers_en1_1.pdf (дата обращения: 07.11.2011).

South Africa info (2013) India Can Help Africa Industrialize. 1 October. Режим доступа: southafrica.info/Africa/India-011013 htm# VRREY 46ZGig (дата обращения: 24.03. 2015).

Standard Bank (2013) China-Africa Ties Deepen as China Eyes New Markets and Moves up Value Chain. Режим доступа: http://www.standardbank.com/Article.aspx?id=-236&src=m2012_34385466 (дата обращения: 24.03.2015).

Stunkel O. (2013) Brazil in Africa. Bridging the Atlantic? KAS International Reports. Режим доступа: www.ras.de/wf/doc/kas_33516-544-2-30 pdf (дата обращения: 28.08.2013).

Sudan Division (2012) South Africa: Swaziland-New Railway Line to Boost Economies. 12 January. Режим доступа: http://news.Sudandivisiondaily.com/details.html.2snpid=205213 (дата обращения: 12.01.2012).

The BRICS Post (2014) BRICS Bank, Ukraine Likely to Dominate BRICS Summit. 9 July. Режим доступа: http://thebricspost.com/brics-bank-ukraine-likely-to-dominate-2014-brics-summit/ (дата обращения: 27.03.2013).

The Economist (2012) Brazil in Africa. A New Atlantic Alliance. 10 November. Режим доступа: http://www.economist.com/news/21566019-brazilian-companies-are-heading-africa-laden-capital-and-expertise-new-atlantic-alliance (дата обращения: 15.05.2014).

Tjonneland E.N. (2013) Providing Development Aid to Africa. Comparing South Africa with China, India and Brazil// SAFPI Policy Brief 25. Cape Town: South African Foreign Policy Initiative. Режим доступа: http://www.safpi.org/sites/default/files/publications/SAFPI_Policy_Brief_25.pdf (дата обращения: 24.03.2015).

Trade Law Centre (2013) BRICS–South Africa Way Ahead? Nairobi. Режим доступа: http://www.tralac.org/publications/article/4654-brics-south-africa-s-way-ahead.html (дата обращения: 27.03.2013).

UNCTAD (2013a) Trade and Development Report. Режим доступа: http://unctad.org/en/publicationslibrary/tdr2013_en.pdf (дата обращения: 24.03.2015).

UNCTAD (2013b) The Rise of BRICS FDI and Africa. Special Edition. Global Investment Trend Monitor. 25 March. Режим доступа: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/webdiaeia2013d6_en.pdf (дата обращения: 24.03.2015).

Vasilyev A. (2013). Russian Business in Africa: Missed Opportunities and Prospects// Valdai. Режим доступа: http://valdaiclub.com/africa/33080.html (дата обращения: 24.03.2015).

Vibe Ghana (2014) BRICS and Africa. 30 July. Режим доступа: http://vibeghana.com/2014/07/30/brics-and-africa/ (дата обращения: 15.05.2014).

Walker A. (2014) Whatever Happened to the BRICS Economies // BBC News. 27 November. Режим доступа: http://www.bbc.com/news/business-29960335 (дата обращения: 24.03.2015).

Wambui H. (2013) China Pact a Thrust for Vision // Business & Tech. 20 August. Режим доступа: http://www.capitalfm.co.ke/business/2013/08/kenya-china-pact-a-thrust-for-vision-2030/ (дата обращения: 24.03.2015).

WTO (2013) India-Africa: South-South Trade and Investment for Development. Confederation of Indian Industry (CII). Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/devel_e/a4t_e/global_review13prog_e/india_africa_report.pdf (дата обращения: 24.03.2015).

Zhand Chun (2013) A Promising Partnership between BRICS and Africa. A Chinese Perspective // China Monitor. The BRICS Summit 2013 – Is the Road from Durban leading into Africa? Режим доступа: http://www.brics5.co.za/assets/AAA3.pdf (дата обращения: 24.03.2015).

BRICS Regional Policy in Africa

T. Deych

Tatiana Deych – Dr., Leading Research Fellow, Institute for African Studies Russian Academy of Sciences; 30/1 Spiridonovka St., 123001 Moscow, Russian Federation; E-mail: tdeich@yandex.ru

Abstract

This article provides an analysis of the BRICS as a whole and an analysis of each member's policies in Africa. It explores the countries' political and economic interests in Africa, the various patterns and strategies of each country's cooperation with Africa, and estimates the impact of BRICS aid and investment on the African economy and Africa's development. The BRICS countries have emerged as the new effective actors in the world arena. Their global economic weight and political influence continue to grow. Not only is the group focusing its attention on strengthening the internal ties of its members, but it is also focusing on assistance to Africa, as a way to implement the emerging powers efforts to change the existing world order. The BRICS is deepening its engagement with African countries, which gained great success in their development in recent years. Its focus on Africa is determined by the important role of African resources and by the continent's growing influence in the world economy and contemporary international relations. BRICS countries are major trade partners of Africa, and Africa's trade with BRICS members is growing faster than its trade with the traditional partners. Africa has become the main destination for BRICS development aid and investment. The BRICS is also focusing on African infrastructure. BRICS countries use soft power widely, through developing humanitarian ties with Africa, particularly in health care and education. The BRICS is also an active participant in peacekeeping and conflict resolution in Africa. Members currently tend to compete in Africa, but they are taking steps toward collaboration. The BRICS contributes much to the African economy. Its presence has become important for the continent and receives a positive response there.

Key words: BRICS, Africa, China, Russia, India, Brazil, South Africa, resources, economic growth, development, cooperation, policy, trade, aid, investment, infrastructure, soft power, security, peacekeeping, competition, partnership

References

Africa-BRICS cooperation (2014) *Africa-BRICS Cooperation: Implications for Growth, Employment and Structural Transformation in Africa*. United Nations Economic Commission for Africa. Addis-Ababa, p. 16–18.

African Development Bank (2013) *Africa and the BRICS: a Win-Win Partnership*. Available at: http://www.afdb.org/en/blogs/afdb-championing-inclusive-growth-across-africa/post/africa-and-the-brics-a-win-win-partnership-12098/ (accessed 19 December 2013).

African Economic Outlook (2011) *Africa and its Emerging Partners*. OECD. Available at: http://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Generic-Documents/Media_Embargoed_Content/EN-AEO_2011_embargo%206%20Juin.pdf (accessed 24 March 2015).

African Studies Centre (2013) *Brazil–Africa: Booming Business across the Atlantic*. Leiden. Available at: http://www.ascleiden.nl/publications/brazil-africa-booming-business-across-atlantic (accessed 15 May 2014).

APC Communique (2012) *China's Africa Envoy Discusses China-Africa Relations*. Boston University: African Presidential Center Newsletter. Special Report. Available at: http://www.bu.edu/apc/files/2012/09/Fall-2012-Communique-Amb-Zhong-Jianhua.pdf (accessed 27 March 2013).

Borzova A. (2014) Brazil's Cooperation with Africa (Agricultural Aspect). *Africa's Growing Role in World Politics*. Moscow: IAfr. Available at: http://www.histant.ru/sites/default/files/inafran/2014/Africas%20growing%20role.pdf (accessed 24 March 2015).

BRICS Information Centre (2013) *BRICS and Africa: Partnership for Development, Integration and Industrialization. eThekwini Declaration*. Durban, South Africa. 27 March. Available at: http://www.brics.utoronto.ca/docs/130327-statement.html (accessed 27 March 2013).

Calestous J. (2013) *Africa and Brazil at the Dawn of New Economic Diplomacy*. Cambridge. Massachusetts: Belfer Center for Science and International Affairs. 26 February. Available at: http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/22793/africa_and_brazil_at_the_dawn_of_new_economic_diplomacy.html (accessed 27 March 2013).

China Analyst (2014) *Regional Focus: China-Africa*. Available at: www.thebeijingaxis.com/tca/editions/the-china-analyst-apr-2014/236-regional-focus-china-africa (accessed 24 March 2015).

China Daily (2014) *Investment from China Beneficial to Africa*. 27 January. Available at: http://www.ecns.cn/business/2014/01-27/98750.shtml (accessed 27 January 2014).

CNV (2014) *Symbiotic China-Africa relationship expected to gro*w. Available at: http://www.ecns.c/2014/01-29/00328.shtml (accessed 29 January 2014).

Daily Brief Signup (2013) *China Promises Africa $1 Trillion in Financing, but True Sum May Never be Known*. Available at: http://qz.com/148520/china-promises-africa-1-trillion-in-financing-but-the-true-sum-never-be-known (accessed 18 November 2013).

Deych T. (2014) *Kitay 'zavoevyvaet' Afriku [China 'wins'Africa*]. Moscow: IAfr.

Ernst & Young (2011) *It's Time for Africa. Africa Attractiveness Survey*. Available at: http://www.ey.com/ZA/en/Issues/Business-environment/2011-Africa-attractiveness-survey (accessed 24 March 2015).

Fortaleza Declaration (2014) *The 6-th BRICS Summit: Fortaleza Declaration*. 15 July. Available at: www.brics.utoronto.ca/docs/leaders.html (accessed 24 March 2015).

Freemantle S., Stevens J. (2013a) *BRICS trade is Flourishing and Africa Remains a Pivot*. Johannesburg: Standard Bank. Available at: https://m.research.standardbank.com/Research?view=1671-5e15d65cf1904d22850b65e04864fc94-1 (accessed 20 February 2013).

Freemantle S., Stevens J. (2013b) *BRICS–Africa Trade Update*. Johannesburg: Standard Bank. Available at: https://research.standardbank.com/api/asset/PrintPDF?docId=1671-CA85B4636AE742A0A4AE11505DA97E22 (accessed 8 October 2013).

George Ed. (2014) *Brazil's Trade with Africa*. Sao Paolo: Ecobank. Available at: http://www.ecobank.com/upload/2014061703594728031 2cgkaDWNv9b.pdf (accessed 09 April 2014).

Grimm S. (2013) South Africa: BRICS Member and Development Partner in Africa. *China Monitor. BRICS*. Special Edition. P. 39. Available at: http://www.brics5.co.za/assets/AAA3.pdf (accessed 24 March 2015).

Hu Jintao (2012) *Open up New Prospects for a New Type of China-Africa Strategic Partnership*. Speech at the Opening Ceremony of the Fifth Ministerial Conference of the Forum on China-Africa Cooperation. Beijing. Available at: http://news.xinhuanet.com/english/china/2012-07/19/c_131725637.htm (accessed 24 March 2015).

IDCR Report (2013) *The State of Indian Development Cooperation*. Centre for Policy Research, The Asia Foundation. Available at: http://cprindia.org/Spring_2014_IDCR_Report_the_State_of_Indian_Development_Cooperatio.pdf (accessed 24 March 2015).

Kiala C., Ngwenya N. (2011) Angola's Strategic Cooperation with BRICS Countries. *SAIIA Occasional Paper 85*. Johannesburg: South African Institute of International Affairs. Available at: http://www.saiia.org.za/doc_download/61-angola-s-strategic-co-operation-with-the-bric-countries (accessed 24 March 2015).

Kingsley Ig. (2013) China in the Heart of Africa. *Africa Renewal*. Available at: http://www.un.org/africarenewal/magazine/january-2013/china-heart-africa (accessed 10 January 2013).

Korendyasov E. (2013) Rossiyskiye economicheskiye interesy v Afrike [Russian economic interests in Africa]. *BRICS – Africa: partnerstvo i vzaimodeystviye* [BRICS–Africa: Partnership and Interaction] (eds. T. Deych, E. Korendyasov). Moscow: IAfr, pp. 95–100.

Korendyasov E. (2014) Russia Returns to Africa. *Africa's Growing Role in World Politics* (eds. T. Deych, E. Korendyasov, O. Kulkova, A. Zhukov). Moscow: IAfr, pp. 239–247.

KPMG (2011) *India Investing in South Africa and Africa*. Available at: http://www.kpmg.com/Africa/en/IssuesAndInsights/Articles-Publications/Press-Releases/Documents/India%20Desk%20Brochure2.pdf (accessed 10 December 2012).

Lewis D. (2011) *In Africa Brazil takes a Different Track*. Reuters Special Report. February. Available at: http://graphics.thomsonreuters.com/specials/Brazil%20in%20Africa.pdf (accessed 24 March 2015).

Mail &Guardian (2012) *Uganda to Invite Chinese Builders for R85-billion Railway Plan* (2014). 19 June. Available at: http://mg.co.za/article/2014-06-19-uganda-to-invite-chinese-bidders-for-r85-billion-railway-plan (accessed 24 March 2015).

Maritz J. (2014) *Four South African Companies Taking on the World. How we Made in Africa*. Available at: www.howwemadeinafrica.com/four-south-african-companies-taking-on-the-world/43690 (accessed 24 March 2015).

Market Watch (2012) *Brazil's Africa Relations Now Strategic, Minister*. 3 May. Available at: http://www.marketwatch.com/story/brazils-africa-relations-now-strategic-minister-2012-05-03 (accessed 24 March 2015).

Marlier S. (2014) Investing in African Infrastructure. *The Economist*. 16 September. Available at: http://www.economistinsights.com/infrastructure-cities/opinion/investing-african-infrastructure (accessed 24 March 2015).

Mcihone M. (2014) *BRICS Called to Expand Economic Cooperation*. 16 July. Available at: http://africanbrains.net/2014/07/16/brics-called-expand-economic-cooperation/ (accessed 24 March 2015).

Mlachila M., Takebe M. (2011) *FDI from BRICs to LICs: Emerging Growth Drivers. IMF Working Paper.* African Department. July. P. 15. Available at: https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2011/wp11178.pdf (accessed 24 March 2015).

Mthembu-Salter G. (2013) South Africa in Africa. Your Hinterland is there. *The Africa Report*. 13 February. Available at: http://www.theafricareport.com/News-Analysis/south-africa-in-africa-your-hinterland-is-there.html (accessed 13 February 2013).

Muggah R. (2015) What is Brazil Really Doing in Africa. *The World Post*. 24 January.

Ncube M. (2014) *Africa and the BRICS: A Win-Win Partnership?* African Development Bank. Available at: http://eco-opia.org/2013/07/14/africa-and-the-brics-a-win-win-partnership/ (accessed 24 March 2015).

Nnadozie E. (2014) ACBF: Africa-BRICS Partnership is Growing Rapidly. *CFI.co*. 7 February. Available at: http://cfi.co/africa/2014/02/emmanuel-nnadozie-acbf-africa-brics-partnership-is-growing-rapidly/ (accessed 24 March 2015).

Paniyev Yu. (2013) Russia Reveals its Strategy for BRICS Cooperation. *Russia Beyond the Headlines*. 26 March. Available at: http://rbth.com/international/2013/03/26/russia_reveals_its_strategy_for_brics_cooperation_24279.html (accessed 24 March 2015).

Patlansky L. (2014) No Reason to Fear Chinese Investment in Africa. *BusinessDay*. 30 January. Available at: http://www.bdlive.co.za/opinion/2014/01/30/no-reason-to-fear-chinese-investment-in-africa (accessed 24 March 2015).

Qinhua Tang (2013) Special Interview: A Changing World Order. *Business Africa*. 15 February. Available at: http://www.buzinessafrica.com/index.php?option=com_content&view=article&id=832%3Aa-changing-world-order&catid=10%3Ainterviews&Itemid=13&lang=en (accessed 24 March 2015).

Reuters (2014) *China to Extend over $12 bln in Aid to Africa*. Beijing. Available at: http://www.reuters.com/assets/print?aid=USBREA4802320140509 (accessed 09 May 2014).

Rooyen F. (2010) *Blue Helmets for Africa: India's Peacekeeping in Africa*. Occasional Paper, no 60. South African Institute for International Affairs (SAIIA). Available at: http://www.saiia.org.za/doc_download/85-blue-helmets-for-africa-india-s-peacekeeping-in-africa (accessed 24 March 2015).

Sandrey R., Mpitsa E.M., Vermaak J., de Beer M. (2013) *Assessing South Africa's Trading Relationship with China*. Stellenbosch: Tralac Trade Centre. Tralac Working Paper D13WPO3/2013. Available at: http://www.tralac.org/wp-content/blogs.dir/12/files/2014/02/D13WP032013-Sandrey-et-al.-Assessing-SAs-trading-relationship-with-China-20131209-fin.pdf (accessed 24 March 2015).

Shubin V. (2013) Zachem Yuzhnoi Afrike BRIKS i zachem BRIKSU Yuzhnaya Afrika? [What for South Africa to BRICS and what for BRICS to South Africa?]. *Security **index**,* vol. 19, no 2 (105), p. 65.

Sidibe M. (2011) *BRICS: Seizing a Leadership Role in Global Health*. First Meeting of BRICS Ministers of Health. Press Release. Available at: www.unaids.org/sites/default/files/media_asset/BRICS-health-ministers_en1_1.pdf (accessed 07 November 2011).

South Africa info (2013) *India Can Help Africa Industrialize*. 1 October. Available at: southafrica.info/Africa/India-011013 htm# VRREY 46ZGig (accessed 24 March 2015).

Standard Bank (2013) *China-Africa Ties Deepen as China Eyes New Markets and Moves up Value Chain*. Available at: http://www.standardbank.com/Article.aspx?id=-236&src=m2012_34385466 (accessed 24 March 2015).

Stunkel O. (2013) *Brazil in Africa. Bridging the Atlantic? KAS International Reports*. Available at: www.ras.de/wf/doc/kas_33516-544-2-30 pdf (accessed 28 August 2013).

Sudan Division (2012) *South Africa: Swaziland-New Railway Line to Boost Economies*. 12 January. Available at: http://news.Sudandivisiondaily.com/details.html.2snpid=205213 (accessed 12 January 2012).

The BRICS Post (2014) *BRICS Bank, Ukraine Likely to Dominate BRICS Summit*. 9 July. Available at: http://thebricspost.com/brics-bank-ukraine-likely-to-dominate-2014-brics-summit/ (accessed 27 March 2013).

The Economist (2012) *Brazil in Africa. A New Atlantic Alliance*. 10 November. Available at: http://www.economist.com/news/21566019-brazilian-companies-are-heading-africa-laden-capital-and-expertise-new-atlantic-alliance (accessed 15 May 2014).

Tjonneland E. N. (2013) Providing Development Aid to Africa. Comparing South Africa with China, India and Brazil. *SAFPI Policy Brief 25*. Cape Town: South African Foreign Policy Initiative. Available at: http://www.safpi.org/sites/default/files/publications/SAFPI_Policy_Brief_25.pdf (accessed 24 March 2015).

Trade Law Centre (2013) *BRICS–South Africa Way Ahead?* Nairobi. Available at: http://www.tralac.org/publications/article/4654-brics-south-africa-s-way-ahead.html (accessed 27 March 2013).

UNCTAD (2013a) *Trade and Development Report*. Available at: http://unctad.org/en/publicationslibrary/tdr2013_en.pdf (accessed 24 March 2015).

UNCTAD (2013b)*The Rise of BRICS FDI and Africa*. Special Edition. Global Investment Trend Monitor. 25 March. Available at: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/webdiaeia2013d6_en.pdf (accessed 24 March 2015).

Usov V.A. (2013) Deijatelnost BRICS po rasshireniju dostupa stran Afriki k novejshim tehnoloigijam [BRICS and the problem of African countries access to the IT]. *BRICS–Africa: Partnership and Interaction* (eds. T. Deych, E. Korendyasov). Moscow: IAfr. 2013, pp. 236–254.

Vasilyev A. (2013). Russian Business in Africa: Missed Opportunities and Prospects. *Valdai*. Available at: http://valdaiclub.com/africa/33080.html (accessed 24 March 2015).

Vasilyev A.M., Korendyasov E.N (2014). Partnerstvo Rossiya-Africa: pragmaticheskiy podhod [Russia–Africa partnership: pragmatic approach]. *Analiticheskiy vestnik [Analitik news], no* 6 (524), pp. 40–50.

Vibe Ghana (2014) *BRICS and Africa*. 30 July. Режим доступа: http://vibeghana.com/2014/07/30/brics-and-africa/ (accessed 15 May 2014).

Vsija Afrika (2012) *Rossiyskiye kompaniji na IT- rynke Afriki* [Russian Companies on African IT-markets]. Available at: http://www.afrocom.ru/news/analytics/ (accessed 23 April 2012)

Walker A. (2014) Whatever Happened to the BRICS Economies. *BBC News*. 27 November. Available at: http://www.bbc.com/news/business-29960335 (accessed 24 March 2015).

Wambui H. (2013) China Pact a Thrust for Vision. *Business & Tech*. 20 August. Available at: http://www.capitalfm.co.ke/business/2013/08/kenya-china-pact-a-thrust-for-vision-2030/ (accessed 24 March 2015).

WTO (2013) *India-Africa: South-South Trade and Investment for Development*. Confederation of Indian Industry (CII). Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/devel_e/a4t_e/global_review13prog_e/india_africa_report.pdf (accessed 24 March 2015).

Zhand Chun (2013) A Promising Partnership between BRICS and Africa. A Chinese Perspective. *China Monitor. The BRICS Summit 2013 – Is the Road from Durban leading into Africa?* Available at: http://www.brics5.co.za/assets/AAA3.pdf (accessed 24 March 2015).

ЮАР в БРИКС: последняя по очереди, но не по важности[1]

В.Г. Шубин

Шубин Владимир Геннадьевич – д.и.н., профессор, главный научный сотрудник Института Африки Российской академии наук, почетный доктор Университета Западного Кейпа (ЮАР); Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1; E-mail: vlgs@yandex.ru

Южная Африка присоединилась к БРИКС в 2011 г., через два года после создания данного блока. Это решение было принято в русле основных принципов внешней политики страны, разработанных первым демократическим правительством ЮАР, которое рассматривало БРИКС как ассоциацию независимых государств-единомышленников, а также политическую и моральную силу, способную изменить мир.

С другой стороны, принимая в свои ряды одну из ведущих стран африканского континента, четыре действующих члена БРИКС стремились устранить географический разрыв и заручиться поддержкой страны, пользующейся высоким моральным авторитетом и играющей важную роль в поддержании мира и разрешении конфликтов.

С помощью БРИКС ЮАР планировала достичь ряда целей на различных уровнях: от решения проблем бедности, неравенства и создания рабочих мест на внутреннем рынке труда до получения согласованного содействия стран – членов БРИКС Африке и обеспечения более широкой поддержки процесса реформирования международных финансовых институтов и Организации Объединенных Наций.

Автор статьи анализирует, в какой степени эти планы были реализованы за последние четыре года членства ЮАР в БРИКС, и приходит к заключению, что ЮАР пусть и является последним вступившим в БРИКС членом, но никак не наименее важным.

Ключевые слова: ЮАР, БРИКС, ИБСА, внешняя политика, ООН, Новый банк развития БРИКС, торговля, мир и безопасность

Основные принципы внешней политики демократической ЮАР

В прошлом году Южная Африка отметила 20-летнюю годовщину свободы – устранения апартеида и создания демократического государства. Одной из его характерных особенностей стала новая внешняя политика, резко отличающаяся от предыдущего режима. Ее основные приоритеты были сформулированы в статье, опубликованной Нельсоном Манделой в журнале Foreign Affairs накануне первых демократических выборов. В ней он писал: «Цели внешней политики ЮАР должны отражать интересы всего африканского континента, а экономическое развитие страны зависит от усиления регионального и международного сотрудничества в современном взаимозависимом мире» [Mandela, 1993].

Действительно, с момента рождения демократического государства ЮАР стремится устанавливать более тесные двусторонние связи с другими африканскими стра-

[1] Перевод М.Л. Гольдина под редакцией аспиранта и научного ассистента Института социальных наук Лиссабонского университета Е.М. Горбуновой.

нами, рассматривая развивающийся мир – т.е. страны глобального Юга, в том числе те, которые позже стали членами БРИК, – как единое целое.

Присоединение к этому клубу сильных незападных стран полностью бы соответствовало интересам внешней политики ЮАР. Ею самой был предпринят важный шаг в этом направлении в июне 2003 г. с созданием Форума ИБСА (Индия, Бразилия и Южная Африка). Кроме того, по словам одного из влиятельных членов правительства, вскоре после этого они надеялись привлечь к работе Форума и Китай, а затем, с помощью Китая, и Россию (Материалы беседы автора с членом кабинета министров ЮАР, Претория, 26 апреля 2005 г.). Однако лидер ЮАР не принял участия в первом саммите БРИК, состоявшемся в июне 2009 г. в Екатеринбурге. В стране этот факт был встречен с очевидным разочарованием, и так как встреча проходила в России, некоторые обвинили в случившемся Москву. Однако, похоже, что никто, кроме ЮАР, не несет за это ответственности. Первым практическим шагом на пути к формированию новой международной группы стала встреча министров иностранных дел четырех стран – Бразилии, России, Индии и Китая, – состоявшаяся по инициативе президента России в сентябре 2006 г. в Нью-Йорке во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Позже, в мае 2008 г., они впервые встретились за пределами Нью-Йорка, в Екатеринбурге. ЮАР, тем не менее, не приняла участия в этих встречах, открыто проявив интерес к участию в этой формирующейся группе всего за несколько недель до первого саммита БРИК (Материалы беседы автора с сотрудником Департамента международных отношений и сотрудничества, Претория, 31 марта 2012 г.).

Однако вновь избранный президент Джейкоб Зума и его министр иностранных дел и сотрудничества Маите Нкоана-Машабане были полны решимости обеспечить ЮАР членство в новой группе. В 2010 г. Зума посетил столицы всех четырех стран – членов БРИК (его тур окрестили как «наступление путем очарования») и заручился поддержкой вступления в организацию ЮАР. Со своей стороны Нкоана-Машабане, вскоре после саммита в Екатеринбурге, направила официальное письмо по данному вопросу своим коллегам, а затем, в Пекине, продемонстрировала блестящее знание английского языка: «Если Вы хотите строить дома, вам потребуется больше одного кирпича[2]» [Cheng Guangjin, 2010].

В результате 23 декабря 2010 г. во время телефонного разговора Нкоана-Машабане со своим китайским коллегой, который говорил от имени четырех стран – членов БРИК, ЮАР получила официальное приглашение присоединиться к БРИК, а президент Зума был приглашен принять участие в следующем саммите в китайском городе Санья в апреле 2011 г.

Почему ЮАР стремилась вступить в БРИК и почему ее приняли?

Так почему же ЮАР так стремилась присоединиться к БРИК и почему ее члены согласились на это, учитывая тот факт, что ЮАР является страной с наименьшей численностью населения, территорией и уровнем ВВП? Мандиси Мпахлуа, посол ЮАР в Москве, говорил, что для его страны «вопрос никогда не заключался в объеме экономик, численности населения или территориальных масштабах стран – членов БРИК» [Mpahlwa, 2011]. Он ясно давал понять, что для Тсване (как сегодня называется административная столица ЮАР) значение членства в БРИК выходит за рамки экономики и рассматривается как «объединение стран-единомышленников, ценящих свою независимость и заинтересованных в реформировании глобальной структуры принятия

[2] Игра слов: Brick (омоним *BRIC*, мн.ч. *bricks/BRICS*) – кирпич (англ.).

решений», как политическая и моральная сила, способная осуществить перемены, необходимые для того, чтобы сделать наш мир лучше [Mpahlwa, 2011.].

На «более низком», региональном уровне ЮАР заинтересована в укреплении сотрудничества между странами – членами БРИКС и африканскими странами. В своем первом выступлении на саммите БРИКС Зума отметил необходимость инвестирования в инфраструктуру Африки порядка 480 млрд долл. и призвал частные компании из стран – членов БРИКС сотрудничать с программой НЕПАД (Новое партнерство для развития Африки) [Zuma, 2011].

ЮАР часто называют «воротами» материка, и это, скорее всего, сыграло свою роль в принятии ЮАР в БРИКС. В своем выступлении в парламенте в июне 2011 г. Джейкоб Зума назвал членство в БРИКС укреплением «нашей позиции в качестве ворот в Африку» [Kornegay, Bohler-Muller, 2013, p. 407]. Важность этой аналогии была недавно подтверждена словами министра торговли и промышленности ЮАР Роба Дэвиса, назвавшего свою страну «движущим механизмом региональной интеграции и ее основным инвестором. Это ворота в регион, но не их привратник» [Joffe, 2015].

Вопросы престижа, очень хорошо сформулированные президентом Зумой, также сыграли свою роль: «Сегодня мы является равноправным партнером – строителем новой справедливой международной системы» [Zuma, 2011].

Важно также ответить и на еще один вопрос: почему страны – члены БРИК согласились на участие ЮАР? Эта страна была не единственной в (неофициальном) списке кандидатов, некоторые из которых представляют собой гораздо более сильные экономики. Так, объем ВВП Индонезии составлял в то время 847 млрд долл. США, Мексики – 11555 млрд, Турции – 773 млрд, Южной Кореи – 1116 млрд, а ЮАР – только 508 млрд [Центр гуманитарных технологий, 2015].

Очевидно, что объем ВВП не являлся главным критерием для приглашения ЮАР. Более важным, по всей вероятности, было желание иметь представителей БРИКС на всех континентах, для устранения географического разрыва. Например, на африканском континенте у ЮАР есть быстро прогрессирующий конкурент – Нигерия, которая через два года, в 2013 г., обогнала ЮАР по объему ВВП, составившему 488 млрд [Magnowski, 2014]. Однако были приняты во внимание и другие аргументы: ЮАР обладает отличной инфраструктурой, что делает ее действительно воротами в Африку, значение которых для мировой экономики является общепризнанным. Политическая нестабильность и растущая террористическая активность в Нигерии также не сыграли в ее пользу.

Помимо этого, важно отметить высокий моральный авторитет, которым ЮАР пользуется на международной арене после устранения апартеида и который она постоянно подтверждает, занимая активную позицию в миротворческих операциях и выступая в качестве посредника в конфликтах. Ярким примером этого является успешное содействие политическому урегулированию кризиса в Зимбабве, а также усилия, направленные на прекращение войны в регионе Дарфур в Судане и в Южном Судане.

Цели ЮАР в БРИКС

Присоединение к БРИКС было расценено многими в ЮАР как триумф внешней политики страны; однако не все разделяли это мнение, особенно среди представителей научного сообщества. Помимо мнения большинства, поддерживающего этот шаг, существуют две другие точки зрения. Первая – явно выраженное или скрытое отрицательное отношение. Так, например, по мнению двух ведущих экономистов – Милл-

за Соко и Мзукиси Кобо – озаглавивших свою статью, вышедшую в Mail и Guardian, «Создавая больше стен, чем кирпичей»[3], преобладающим чувством, сопровождавшим присоединение ЮАР к БРИКС, стало «оскорбление нашей национальной гордости» [Soko, Qobo, 2011]. Сторонники этого присоединения следуют идеям профессора Джозефа Ная-младшего – теоретика неолиберализма в международных отношениях, бывшего помощника министра обороны и председателя Национального разведывательного совета США, который изначально был критически настроен в отношении БРИК. Однако вскоре после саммита в Дурбане он оценил его «очевидный успех», но остался скептически настроенным, выразив свое отношение в названии статьи – «Кирпичи без цемента»[4] [Nye, 2013].

Нарния Болер-Мюллер из Исследовательского совета по гуманитарным наукам (HSRC) пишет: «Критики указывают на ряд несоответствий во внешней политике ЮАР и утверждают, что ее членство в БРИКС противоречит приверженности ЮАР международным нормам в области прав человека, так как ради достижения целей экономического роста и развития приходится идти на компромиссы» [Kornegay, Bohler-Muller, 2013, p. 368]. Однако реальность оказалась противоположной: ЮАР стала единственным членом БРИКС, поддержавшим печально известную Резолюцию 1973 Совета Безопасности ООН, и тем самым (хотя, конечно, непреднамеренно) способствовала грубым нарушениям прав человека в ходе агрессии НАТО в Ливии и позднее, вплоть до настоящего времени.

Такая «критика» отражала позицию тех, кто не хотел сближения ЮАР с «незападным миром». Но все страны – члены БРИКС стремятся сохранить хорошие, прочные отношения с Западом (и это не их вина, когда эти отношения иногда портятся, как в случае с Россией сегодня) и принадлежность Тсване к той или иной организации не может помешать развитию этого вектора внешней политики. В связи с этим в документе для обсуждения, подготовленном Департаментом международных отношений и сотрудничества, утверждается: «ЮАР будет продолжать развивать стратегическое партнерство с Севером... с целью мобилизовать поддержку развития африканского континента...» (цит. по: [Kornegay, Bohler-Muller, 2013, p. 413]). Президент Зума подтвердил эти приоритеты в своем обращении «О положении дел в стране» в 2015 г.: «... страны развитого Севера остаются важными стратегическими партнерами ЮАР, сотрудничество с которыми может способствовать развитию национальной и внешней политики нашей страны» [IOLnews, 2015].

С другой стороны, критика БРИКС была и до сих пор слышна со стороны «левых» или, скорее, «левацких» представителей политического спектра ЮАР, обвинявших группу в «субимпериализме» [Bond, 2013a, 2013b]. Профессор Университета Квазулу-Наталь Патрик Бонд даже называет ЮАР «заместителем шерифа» БРИКС [Bond, 2013b].

Каким образом внешняя политика ЮАР направлена на достижение целей БРИКС

В ЮАР академические исследования БРИКС координирует финансируемый государством Исследовательский совет по гуманитарным наукам. Накануне саммита БРИКС в Дурбане в 2013 г. правительство поручило HSRC создать Южноафриканский центр исследований БРИКС при поддержке Департамента международных отношений и со-

[3] Игра слов, см. сноску 2.
[4] Игра слов, см. сноску 2.

трудничества и Департамента высшего образования и профессиональной подготовки. В период председательства ЮАР в БРИКС в 2013–2014 гг. этот исследовательский центр нес ответственность за разработку повестки дня общего Совета исследовательских центров БРИКС, в частности за координацию разработки проекта долгосрочной концепции и стратегии развития БРИКС. Позже эта роль перешла по наследству Бразилии, но ученые из ЮАР продолжали играть в ней активную роль.

В прошлом году в состав HSRC вошел Институт Африки ЮАР (AISA), сыгравший ключевую роль в публикации «гигантской» (447 страниц!) книги «Укладка кирпичей[5] нового мирового порядка. От Екатеринбурга 2009 г. до Этеквини 2013 г.», созданной при участии ученых из всех пяти государств – членов БРИКС, включая пятерых российских коллег [Kornegay, Bohler-Muller, 2013].

Помимо AISA и HSRC, ряд других научных центров ЮАР также проводят исследования по проблематике БРИКС. Так, накануне саммита в Дурбане Южноафриканским институтом международных отношений (SAIIA) был выпущен отчет «БРИКС и новый мировой порядок: руководство для начинающих» [SAIIA, 2011b], а в августе прошлого года Центр по урегулированию конфликтов организовал семинар «ЮАР и БРИКС: прогресс, проблемы и перспективы», направленный на выработку рекомендаций по разработке политических мер[6].

В отличие от большинства других членов БРИКС, бо́льшую роль во внешней политике ЮАР играет парламент этой страны, в частности, Комитет по иностранным делам и Комитет по торговле и промышленности. Важное значение БРИКС для страны активно пропагандируется как исполнительной, так и законодательной властью. В частности, Министерство международных отношений и сотрудничества и его руководитель Маите Нкоана-Машабане, Министерство торговли и промышленности и его руководитель, профессор Роб Дэвис, а также другие государственные органы делают все возможное для извлечения максимальной выгоды для ЮАР от членства в БРИКС.

Так, на встрече, организованной бизнес-ассоциациями, представитель компании Gibb, занимающейся консалтингом в сфере инженерии, Ричард Фриз «отметил проблемы, с которыми сталкиваются строительные фирмы в конкурентной борьбе с гигантскими компаниями из стран – членов БРИК за получение контрактов на развитие инфраструктуры в Африке». Он выразил мнение тех, кто полагает, что присоединение к БРИКС будет содействовать проникновению на африканский рынок четырех других стран-членов, тем самым ЮАР создает себе конкуренцию на этом рынке. В ответ Нкоана-Машабане посоветовала представителям бизнеса использовать возможности, которые открывает для них членство ЮАР в БРИКС, вместо того чтобы сосредотачиваться на проблемах конкуренции с другими странами – членами БРИКС: «... время оценки достоинств членства уже прошло... Я хочу, чтобы мы уделили больше времени не перечислению проблем, а поиску способов получения максимальной отдачи от БРИКС», а бизнес не должен «тратить так много времени на разговоры о нашем невыгодном положении» [SAPFI, 2013].

В Официальном заявлении Департамента международных отношений и сотрудничества ЮАР зафиксированы следующие весьма амбициозные цели: «С помощью БРИКС ЮАР стремится к достижению, помимо прочего, следующих целей:

На национальном уровне: борьба с бедностью и неравенством и создание рабочих мест.

---

[5] Игра слов, см. сноску 2.

[6] Автор принимал участие в этом семинаре и в этой статье использует информацию из отчета о проведении семинара и обсуждений.

На региональном уровне: заручиться поддержкой со стороны партнеров по БРИКС... для продвижения африканской повестки дня и обеспечить максимально возможный уровень синергии между партнерами БРИКС в отношении их сотрудничества с Африкой.

На международном уровне: обеспечение более широкой поддержки реформирования международных финансовых институтов (МФИ), возрождения Дохийского раунда переговоров, а также реформы Организации Объединенных Наций (ООН), включая Совет Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН)».

В документе также выражена надежда на то, что сотрудничество между странами – членами БРИКС и Африкой «будет поддерживать усилия Африки по диверсификации и модернизации ее экономики за счет развития инфраструктуры, обмена знаниями, расширения доступа к технологиям, укрепление потенциала и инвестиций в человеческий капитал» [Department of Foreign Affairs, RSA, 2014a].

В какой степени оправдались надежды ЮАР?

В течение четырех первых лет своего членства ЮАР показала себя *неотъемлемой частью БРИКС, а не второсортным членом*. Это было подтверждено на пятом саммите БРИКС, прошедшем 26–27 марта 2013 г. в Дурбане, или, скорее, в Этеквини, потому что «старый» город стал частью этого муниципалитета с новым именем.

К сожалению, этот саммит не был надлежащим образом освещен нашими СМИ[7], которые сосредоточились на недоразумениях, произошедших между местными сотрудниками и охраной президента Российской Федерации, вместо того чтобы освещать более важные вопросы.

По мнению южноафриканских специалистов, результатом саммита стало расширение сферы сотрудничества с преимущественно экономического до сотрудничества в целях развития [Centre for Conflict Resolution, 2014]. Этот факт нашел отражение в решении, принятом пятеркой лидеров стран-членов, о создании Делового совета БРИКС, включающего наиболее крупных предпринимателей пяти стран, а также в поддержке реализации инфраструктурных проектов в Африке, провозглашенной в Этеквинской декларации и Плане действий[8].

Кроме того, в качестве вспомогательного мероприятия пятого саммита 26 марта 2013 г. в Дурбане была организована встреча Бизнес-форума БРИКС, созданного тремя годами ранее. В ней приняли участие ключевые представители деловых кругов [Fifth BRICS Summit, 2013].

Другим важным решением стало создание Совета исследовательских центров БРИКС, объединяющего научно-исследовательские учреждения пяти стран для обеспечения критического анализа и выработки рекомендаций по вопросам, связанным с политикой, проводимой лидерами стран БРИКС.

Предложенная Тсване главная тема саммита звучала следующим образом: «БРИКС и Африка: партнерство в целях развития, интеграции и индустриализации». Помимо обсуждения этого вопроса на высшем уровне лидерами пяти государств, ЮАР органи-

[7] Тем не менее здесь вряд ли правомерно говорить о «наших СМИ»: по словам профессора Вячеслава Никонова, 62% из них принадлежат нероссийским гражданам и, следовательно, «...мы очень уязвимы для любых веяний, которые могут идти вразрез с нашими национальными интересами» [Российская газета, 2012]. Это верно и в отношении освещения проблематики БРИКС.

[8] eThekwini Declaration and Action Plan. Durban, South Africa. 27 March 2013. Режим доступа: http://www.brics5.co.za/about-brics/summit-declaration/fifth-summit (дата обращения: 8.10.2014).

зовала также и отдельную встречу с участием глав континентальных и региональных организаций Африки. Таким образом, она открыто заявила о своей роли ведущей страны континента, даже если не все в Африке были готовы с этим согласиться[9].

Кроме того, участие в БРИКС предоставило ЮАР возможность *углубить и расширить двустороннее сотрудничество с остальными четырьмя странами-членами,* притом что, несмотря на повышенный интерес Тсване к БРИКС, «частный сектор в ЮАР, бизнес, а также научные круги по-прежнему были сосредоточены на развитии внешних связей с партнерами в Европе и США» [Centre for Conflict Resolution, 2014].

Индию и ЮАР традиционно связывают тесные отношения. Обе страны были колониями Великобритании, что привело к возникновению крупной индийской диаспоры в ЮАР, насчитывающей около 1,3 млн человек. В ней начал свою политическую карьеру Махатма Ганди, а Индийский национальный конгресс оказал влияние на создание Африканского национального конгресса (АНК). Индия оказывала активную поддержку АНК, а с 1967 г. в Дели был открыт офис АНК, первым руководителем которого был будущий министр иностранных дел ЮАР Альфред Нзо.

Современные отношения между ЮАР и Индией рассматриваются как «стратегическое партнерство», установленное в марте 1997 г. Помимо прочных политических связей, сотрудничество в сфере торговли также стало более интенсивным. Ежегодный рост объема двусторонней торговли составляет 30%. Однако торговый дисбаланс Тсване с Дели вырос в пользу последнего: примерно с 4 млрд рандов в 2011 г. до 23 млрд рандов в 2013 г. [Annual Tourism Performance Report, 2013].

Кроме БРИКС, ЮАР также развивает сотрудничество на новом поле – в рамках Ассоциации стран бассейна Индийского океана (IORA), ранее известной как Ассоциация регионального сотрудничества стран бассейна Индийского океана (IOR-ARC)[10].

Более сложной является история отношений ЮАР с Китаем. АНК установила связи с КНР еще в 1950-е годы, однако в условиях растущих китайско-советских разногласий Пекин, полагавший, что АНК находится в слишком близких отношениях с их конкурентом, на два десятилетия заморозил отношения с этой организацией. Эти обстоятельства сыграли свою роль, и установление дипломатических отношений с Пекином было отложено. Новое правительство унаследовало тесные связи прежнего режима с Тайванем и сохраняло их до января 1998 г. Однако ситуацию удалось быстро исправить, и сегодня Китай является самым крупным двусторонним торговым партнером ЮАР, товарооборот с которым растет не по дням, а по часам: в 2013 г. на долю ЮАР приходился 31% товарного оборота Пекина со всеми странами Африканского континента [Olsen, 2013]. Однако, как и в случае с Индией, торговые отношения ЮАР с Китаем характеризуются высоким уровнем дефицита для ЮАР, составившим в 2013 г. порядка 39 млрд рандов [Annual Tourism Performance Report, 2013]. Кроме того, ЮАР экспортирует в Китай в основном сырьевые товары, а импортирует промышленную продукцию.

Особенностью отношений ЮАР и Китая является интенсивный обмен визитами высших руководителей двух стран. Вступление ЮАР в БРИК обсуждалось и, можно сказать, было определено во время визита Джейкоба Зумы в Китай в августе 2010 г., во время которого была подписана Пекинская декларация об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства между Китайской Народной Республикой

[9] Я помню, как несколько лет назад Альфа Умар Конаре, в то время председатель комиссии Африканского союза, сказал нам, что «ЮАР не в достаточной мере представляет Африку».

[10] Indian Ocean Rim Association. Priority Areas. Режим доступа: http://www.iora.net/ (дата обращения: 10.01.2015).

и Южно-Африканской Республикой, а также ряд других двусторонних соглашений. Годом позже, в сентябре 2011 г., заместитель президента (Deputy President) ЮАР Кхалема Мотланте возглавил визит торговой делегации в Пекин. В ходе визита Банк развития Китая и Банк развития Южной Африки подписали соглашение на сумму 2,5 млрд долл. США. Страны также подписали Меморандум о взаимопонимании по вопросам геологических разработок и минеральных ресурсов [2Point6Billion.com, 2011].

Затем, в июле 2012 г. президент Зума возглавил делегацию ЮАР, включавшую министра международных отношений Маите Нкоана-Машабане, министра по делам президента Коллинза Чабане[11] и министра промышленности и торговли Роба Дэвиса, для участия в пятом Форуме сотрудничества Китай – Африка (FOCAC) в Пекине [SAPA, 2012].

В декабре 2014 г. президент Зума посетил Китай снова в компании министров и ста представителей бизнеса ЮАР [IOLnews, 2014]. Выступая в университете Цинхуа, он подчеркнул, что Китай помог его стране «ощутить себя частью семьи БРИКС». «Мы рассчитываем на эту крепкую дружбу, в том числе в рамках Юга и БРИКС, укрепляя наши отношения и продвигая нашу повестку дня по вопросам развития» [Zuma, 2014]. Он высоко оценил роль Китая в Африке: «Становление Китая как сильной державы дает шанс африканским странам освободиться от оков, унаследованных от колониального периода» [IOLnews, 2014].

Следует отметить также недавнее создание инфраструктуры сотрудничества между двумя странами, которая состоит из Двусторонней комиссии, включающей семь специфических секторальных подкомитетов (дипломатии, экономики и торговли, науки и технологий, образования, энергетики, полезных ископаемых, и обороны), Межведомственной совместной рабочей группы, а также Рамочных соглашений о сотрудничестве на 5-летний и 10-летний срок. Во время визита президента Зумы в Китай принимающая сторона заявила о готовности инвестировать и сотрудничать с ЮАР в таких секторах, как развитие инфраструктуры, экономики океана и «зеленой экономики», науки и техники, сельского хозяйства, окружающей среды, финансовой сферы и других важных секторов [Department of Foreign Affairs, RSA, 2014b].

Во время визита президента Зумы в Пекин обе стороны пришли к согласию по вопросу о незамедлительном создании и начале работы Нового банка развития БРИКС. Обращаясь к представителям Бизнес-форума ЮАР – Китай, Зума отметил: «В целях содействия экономическому развитию континента Южная Африка способна обеспечить такую деятельность Африканского регионального центра Банка (который будет создан в ЮАР), которая даст дополнительный импульс стратегическим отношениям, сложившимся между БРИКС и африканскими лидерами в 2013 г. в Дурбане. Мы будем сотрудничать с Китаем для того, чтобы штаб-квартира в Шанхае и Африканский региональный центр в Южной Африке были учреждены в соответствии с согласованными сроками. Ратификация соглашения об учреждении Банка является нашим приоритетом. ЮАР также организовала специальные комитеты для обеспечения начала работы Африканского регионального центра» [Ibid.].

Важной сферой экономики ЮАР является туризм, и роль Китая для ЮАР в этой области весьма значима: в период между 2010 и 2013 г. количество туристов из этой страны в ЮАР выросло более чем в 2 раза, с 68 тыс. до 152 тыс. [Annual Tourism Performance Report, 2013]; кроме того, в 2014 г. с целью развития культурных и образовательных связей между двумя странами в ЮАР были учреждены четыре Института Конфуция.

[11] Чабане трагически погиб в автомобильной катастрофе 15 марта 2015 г. в возрасте 55 лет.

История отношений ЮАР с Россией хорошо известна, а анализ современной ситуации наверняка потребует написания отдельной статьи. Вступление ЮАР в БРИКС, без сомнения, способствовало интенсификации этих отношений. Участие президента Путина в саммите в Дурбане сопровождалось двусторонним рабочим визитом в ЮАР. Этот визит, хотя и весьма краткий по продолжительности, был достаточен для подписания одного из ключевых документов – Совместной декларации об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства, определившей условия двустороннего сотрудничества в различных областях, включая торговлю, инвестиции и гуманитарные акции [Petrakov, 2013].

В мае 2013 г. Зума совершил ответный визит в Сочи («летнюю столицу» России), а затем еще один официальный визит в Москву в августе 2014 г., за которым последовало подписание двустороннего рамочного соглашения о стратегическом сотрудничестве в ядерной области в сентябре 2014 г.

Однако торговые и культурные связи между ЮАР и Россией по-прежнему слабы по сравнению с прочными отношениями в политической сфере. Их развитию не способствует искаженная картина России, часто представляемая южноафриканскими СМИ и некоторыми учеными. Например, профессор Геррит Оливье (бывший, кстати, дипломатическим представителем «старого» режима Претории в Москве) рассматривает Россию как вариант «недемократического авторитарного режима» [Kornegay, Bohler-Muller, 2013, p. 411][12].

Отношения ЮАР и Бразилии стали активно развиваться в 2003 г., когда к власти пришел президент Луис Инасио Лула да Силва (2003–2011 гг.), совместно с президентом ЮАР Табо Мбеки сыгравший ключевую роль в создании Форума ИБСА (Индия, Бразилия и Южная Африка). Бразилия является крупнейшим торговым партнером ЮАР в Латинской Америке; объем товарооборота постоянно растет и в 2013 г. достиг 21 млрд рандов [Centre for Conflict Resolution, 2014]. Однако эти отношения были омрачены спором, инициированным Бразилией в 2012 г. в рамках Всемирной торговой организации после того, как ЮАР ввела антидемпинговые пошлины на импорт мяса домашней птицы из этой страны, который, к счастью, удалось разрешить в рамках ВТО [WTO, 2012].

Ряд бразильских компаний открыли офисы в ЮАР, которые служат в основном в качестве штаб-квартир для осуществления их деятельности в других африканских странах [Centre for Conflict Resolution, 2014]. В то же время появляются новые направления сотрудничества между ЮАР и Бразилией: например, ядерные технологии и оборонная промышленность. В частности, южноафриканская компания Denel, в сотрудничестве с бразильскими партнерами, в настоящее время разрабатывает ракету «воздух – воздух» A-Darter [Ibid.].

Преемник Лулы, действующий президент Бразилии Дилма Русеф, посетила ЮАР в ноябре 2011 г. для участия в пятом саммите ИБСА, а позднее – в марте 2013 г. – для участия в саммите БРИКС. Джейкоб Зума посетил Бразилию с ответным визитом в июле 2014 г. для участия в очередном саммите БРИКС, прошедшем в городе Форталеза [The Presidency RSA, 2014].

На этом саммите председательство в БРИКС перешло от ЮАР к Бразилии. По этому поводу президент ЮАР подчеркнул, что страна «в полном объеме» выполнила План действий Этеквини. В частности, ЮАР приняла ряд встреч на уровне министров стран – членов БРИКС, включая советников по вопросам национальной безопасно-

[12] Его глава в книге о БРИКС носит крайне обличительное название: «ЮАР в БРИКС: Новый партнер или обуза?» [Kornegay, Bohler-Muller, 2013, p. 399–417].

сти, торговли, министров финансов, сельского хозяйства, образования, здравоохранения, социального обеспечения, а также науки, технологий и инноваций [Department of Foreign Affairs RSA, 2014a].

С момента создания организации сотрудничество между странами – членами БРИКС постоянно расширяется и в настоящее время распространяется более чем на 30 различных тематических областей, начиная от здравоохранения и образования до науки и технологий. Однако, по крайней мере для ЮАР, финансовая и торговая повестка дня остаются наиболее важными. В этой сфере правительство ЮАР уделяет особое внимание созданию Нового банка развития (НБР) БРИКС. Вернувшись с бразильского саммита, Джейкоб Зума приветствовал его создание как «бессмертное наследие, которое изменит к лучшему облик мировой экономики и всех развивающихся стран» [SAnews, 2014a].

Тсване был удовлетворен решением о равном вкладе пяти стран-основательниц в стартовый капитал банка, установленный в размере 50 млрд долл. Хотя вопреки его планам штаб-квартира банка находится не в ЮАР, в Форталезе был достигнут компромисс об открытии первого регионального офиса в Йоханнесбурге.

По мнению южноафриканских специалистов, НБР потенциально может стать альтернативой Всемирному банку для финансирования важнейших инфраструктурных проектов. В своем заявлении, сделанном накануне саммита в Форталезе, министр торговли и промышленности Роб Дэвис сформулировал эту идею следующим образом: «На африканском континенте, он (НБР), безусловно, может сыграть очень важную роль в финансировании инфраструктурных проектов на всем континенте. Я думаю, особенно тех, которые связывают различные страны африканского континента и поддерживают региональную интеграцию» [Department of Foreign Affairs RSA, 2014a].

Специалисты также подчеркивают наличие в Африке инфраструктурного разрыва (разницы между уровнем спроса на инфраструктуру и объема инвестиций), который составляет порядка 35 млрд долл. [Centre for Conflict Resolution, 2014]. Но в то же время они обеспокоены тем, начнет ли НБР функционировать к 2016 г., как это было запланировано, учитывая, что его начальный капитал в 50 млрд долл. должен аккумулироваться в течение семи лет, когда каждый член БРИКС выплачивает 20% своего вклада (2 млрд долл.) заранее оговоренными долями в течение этого периода, в то время как остальные 80% (8 млрд долл.) составят «резервный капитал» (залоговый фонд, который будет обеспечен только в случае необходимости) [Centre for Conflict Resolution, 2014].

Мнения представителей научного сообщества и СМИ в вопросах относительно того, в какой степени НБР может иметь реальное влияние на изменение формата сотрудничества в области развития через разработку «более конкретной альтернативной стратегии, способной бросить вызов доминирующему подходу Всемирного банка» [Ibid.], расходятся. Необходима большая внутренняя сплоченность, о чем свидетельствует тот факт, что «пять стран БРИКС не смогли договориться о выборе единого кандидата для занятия руководящих должностей в Международном валютном фонде и Всемирном банке» [Ibid.].

ЮАР также поддержала создание Фонда чрезвычайного резерва (CRA) БРИКС, окончательное решение по которому было принято на саммите в Форталезе в 2014 г. Тем не менее следует отметить, что объем этого фонда составит только 100 млрд долл., по сравнению с 806 млрд долл. резерва МВФ, в то время как совокупные валютные резервы стран – членов БРИКС составляют порядка 5,2 трлн [Stuenkel, 2013].

Значительный прогресс достигнут в области увеличения объемов торговли в самой зоне БРИКС. В соответствии с официальными статистическими данными ЮАР,

ее общий объем торговли со странами БРИКС в 2013 г. составил 380,4 млрд рандов, что на 27,5% выше, чем показателя предыдущего года – 298,2 млрд рандов. Общий объем торговли с Индией существенно увеличился с 68,3 млрд рандов в 2012 г. до 80,8 млрд рандов в 2013 г., что соответствует росту в 18,3%. Китай остается крупнейшим двусторонним торговым партнером ЮАР: общий объем торговли вырос с 204,6 млрд рандов в 2012 г. до 270,1 млрд рандов в 2013 г., что соответствует росту в 32,01%. Общий объем торговли с Российской Федерацией увеличился с 5,1 млрд рандов в 2012 г. до 7,5 млрд рандов в 2013 г., что соответствует росту в 47,06%, а с Бразилией – с 20,1 млрд рандов в 2012 г. до 21,8 млрд рандов в 2013 г., т.е. на 8,46% [SAnews, 2014b].

ЮАР надеется, что структуры, созданные в рамках БРИКС в этих областях, будут работать более эффективно. В своем обращении «О положении дел в стране» 2014 г. президент Зума заявил: «Благодаря деятельности Контактной группы БРИКС по экономическим и торговым вопросам (CGETI) мы будем и в дальнейшем развивать партнерские отношения со странами – членами БРИКС в сфере экономического развития, торговли и инвестиций» [SABC, 2014]. Накануне саммита в Форталезе эта группа разработала пакет рекомендаций для министров торговли стран блока, направленных на увеличение добавленной стоимости экспорта в торговой зоне БРИКС. Эти рекомендации были разработаны на основании совместного исследования, проведенного во время председательства ЮАР в 2013–2014 гг. Министры одобрили результаты исследования, но «поручили CGETI продолжить работу над рекомендациями» [BRICS Information Centre, 2014].

Укрепление своей позиции по вопросам поддержания мира и безопасности – это еще одно важное направление политики ЮАР, связанное с ее членством в БРИКС. По состоянию на сегодняшний день вопросы, связанные с обороной, не были освещены в документах БРИКС (кроме встреч должностных лиц, отвечающих за вопросы безопасности), однако их потенциальную значимость невозможно переоценить, что подтверждают исследования, проведенные в ЮАР. В статье «От БРИК к БРИКС и вооруженные силы ЮАР» Антон Крюгер, консультант Института по изучению проблем безопасности в Претории, отмечает, что ЮАР необходимо увеличить расходы на оборону, чтобы находиться в равных условиях с другими членами этой группы. Наряду с обязательствами по поддержанию мира, принятыми ЮАР в рамках Африканского союза, автор особо подчеркивает ее уникальное положение «на пересечении трех основных судоходных маршрутов с Запада на Восток». По его мнению, этот факт, а также ресурсы ЮАР «позволят БРИКС наиболее успешно конкурировать с “Группой семи” в решении проблем глобального масштаба» [Kruger, 2011].

Между тем сегодня внимание южноафриканских специалистов приковано к ООН и роли членов БРИКС в ней. В 2011 г. сложилась уникальная ситуация, когда к двум постоянным членам Совета Безопасности ООН – России и Китаю – присоединились ЮАР, Индия и Бразилия. Однако, по мнению южноафриканских специалистов, эта возможность «сотрудничать по вопросам, представляющим взаимный интерес, с целью обладания большим влиянием в вопросах международной безопасности, а также поставить под вопрос господство США, Франции и Великобритании в Совете» была упущена, а «ответ стран БРИКС на кризис, с которым столкнулся Совет Безопасности ООН в 2011 г., в частности в связи с ситуацией в Ливии, поставил серьезный вопрос о способности блока выработать единую внешнеполитическую позицию» [Piconne, Alinikoff, 2012].

В ЮАР признается (в неформальной форме даже правительственными чиновниками), что страна совершила ошибку, проголосовав за принятие Резолюции 1973

Совета Безопасности ООН, санкционировавшей военное вмешательство в Ливии. Сходным образом в России признается (опять-таки, в основном неофициально), что Д. Медведев, занимавший в то время пост президента, также совершил ошибку, отказавшись использовать право вето. По заявлению Эбрахима Эбрахима, бывшего в то время заместителем министра по международным связям и сотрудничеству ЮАР, «в случае с Резолюцией 1973 многие страны, включая Южную Африку, чувствовали себя обманутыми западными державами» [SAIIA, 2011a].

То, каким образом Резолюция 1973 была приведена в исполнение, и политика НАТО, направленная на смену режима, породили у правительства ЮАР ощущение предательства со стороны Великобритании, Франции и США, которое в будущем может удержать ЮАР от поддержки других резолюций ООН, предложенных этими странами.

Существуют разногласия в позициях стран – членов БРИКС по инициативе ООН «Ответственность по защите» (Responsibility to protect, R2P). В то время как ЮАР скорее готова поддержать эту идею, уже содержавшуюся, правда, в несколько отличной формулировке, в Учредительном акте Африканского союза, Китай и Индия являются убежденными сторонниками принципа невмешательства и противниками внешнего военного вмешательства. Бразилия, в свою очередь, предложила новую и очень интересную концепцию «ответственности во время защиты» (Responsibility while protecting, RwP), которую поддержала ЮАР [Centre for Conflict Resolution, 2014].

Критическое отношение к R2P усилилось в ЮАР после так называемого «расширения миссии» в Ливии в 2011 г., когда НАТО злоупотребила своей властью в рамках Резолюции 1973 с целью «смены режима» Муаммара Каддафи [Ibid., p. 21]. Южная Африка, так же как и Бразилия, Индия и Китай, выступила против введения санкций в отношении России в 2014 г. В ЮАР этот шаг был расценен как «возможность усиления единства с целью противостояния враждебному отношению Запада к одному из членов БРИКС» [Ibid.].

В принятой в Форталезе совместно с другими членами БРИКС декларации ЮАР подчеркивает «необходимость развивать, защищать и соблюдать права человека, основываясь на принципе неселективности, неполитизированности и конструктивности, при отсутствии двойных стандартов» [Ibid., p .22].

ЮАР играет активную роль в миротворческих операциях в Африке. Видя проблемы в вопросе создания Африканских сил постоянной готовности, с 2013 г. ЮАР принимает участие в создании на временной основе Африканских сил немедленного реагирования на кризисные ситуации (ACIRC). В этой связи следует отметить, что в ходе недавнего визита президента Зумы в Пекин «президент КНР Си Цзиньпин заявил, что Китай готов оказать помощь Африканскому союзу в его миротворческих миссиях, а также предоставить ресурсы для миротворческих механизмов на континенте, в особенности для Африканских сил быстрого реагирования» [Department of Foreign Affairs RSA, 2014b].

Как и другие страны – члены БРИКС, ЮАР полностью отдает себе отчет в невозможности «создания лучшего мира» (используя слова посла Мандиси Мпахлуа) без реформирования «институтов глобального управления, находящихся под контролем Запада», даже если они «необязательно достигают полного консенсуса в отношении того, каким образом следует изменить архитектуру глобального управления» [Centre for Conflict Resolution, 2014].

В ЮАР горячо обсуждается важный вопрос, должны ли страны – члены БРИКС «поддерживать статус-кво или принять на себя роль акторов-ревизионистов, стремящихся к преобразованию мирового порядка», не говоря уже о «третьем, гораздо более

критическом взгляде на страны – члены БРИКС как группу “субимпериалистических” пособников, действующих в рамках системы, контролируемой западными странами» [Centre for Conflict Resolution, 2014, p. 25].

Как отмечалось ранее, точки зрения стран – членов БРИКС в отношении избрания высших должностных лиц МВФ и ВБ не совпали. В случае с МВФ в 2011 г. ЮАР выступила против избрания на основе гражданства (в конце концов гражданка Франции сменила на посту гражданина той же страны), а в случае Всемирного банка в 2012 г. ЮАР и Бразилия безуспешно поддержали министра финансов Нигерии Нгози Оконджо-Ивеала, в то время как Россия в открытой форме, а Китай и Индия более осторожно поддержали победившего кандидата-американца Джима Ена Кима. Год спустя БРИКС удалось прийти к более согласованному мнению, когда посол Бразилии в ВТО Роберто Азеведо был избран ее генеральным директором.

В то время как создание Нового банка развития и Фонда чрезвычайного резерва были с радостью встречены в ЮАР, многие сомневаются в их способности уменьшить зависимость от Всемирного банка и МВФ. В частности, высказывается критика в отношении того факта, что этот Фонд позволяет странам-членам занимать только 30% от их квоты (что составляет 3 млрд долл. в случае ЮАР), а за дополнительными средствами они вынуждены обратиться к МВФ [Centre for Conflict Resolution, 2014].

И правительство, и «гражданское общество» ЮАР недовольны крайне медленными темпами реформирования ООН, особенно Совета Безопасности. ЮАР надеется получить место постоянного члена Совета Безопасности, так же как Индия и Бразилия, но их стратегии достижения этой цели различаются. Индия и Бразилия, наряду с Германией и Японией, образовали так называемую «Группу четырех» для взаимной поддержки своих кандидатур. ЮАР, в свою очередь, связана соглашением, достигнутым африканскими странами в 2005 г. в Эзулвини, вследствие чего вынуждена поддерживать нереальное требование учреждения двух дополнительных постоянных членов с правом вето, представляющих африканский континент, хотя наряду с Нигерией она настаивает на отмене этого требования [Ibid., p. 26–27].

Существует еще один вопрос, широко обсуждающийся в ЮАР в отношении БРИКС, – его связь с ИБСА. В своем заявлении о приглашении ЮАР присоединиться к БРИК министр Нкоана-Машабане отметила: «Мы считаем, что ИБСА станет более сбалансированной и более сильной, когда ЮАР станет членом БРИКС. Мы по-прежнему убеждены, что различные внешнеполитические цели и интересы ЮАР допускают ее одновременное членство в обеих группах (ИБСА и БРИКС). Мы убеждены, что мандаты БРИКС и ИБСА хорошо дополняют друг друга» [Department of Foreign Affairs RSA, 2010].

Однако не все, как в ЮАР, так и за ее пределами, настолько уверены в этом. В частности, наблюдается тенденция противопоставлять трех членов ИБСА, разделяющих «общие демократические принципы», «авторитарным» Китаю и России[13]. Более обоснованным является утверждение, что ИБСА как организация с большим стажем, предоставляет «своим членам рамочную структуру для сотрудничества в целом ряде областей – от здравоохранения и образования до обороны» (Записи автора). Однако расширение «отраслевого» сотрудничества в рамках БРИКС предполагает определенную степень дублирования и повышает вероятность распада форума ИБСА. Тем не менее

[13] Когда этот вопрос был поднят на семинаре в Тсване, я вынужден был напомнить его участникам, что для получения визы для участия в конференции в одной из стран ИБСА мне потребовалось получить от организаторов копию разрешения Министерства внутренних дел этой страны на проведение этой конференции, что было бы немыслимо в России; и что почти 1/3 депутатов парламента этой страны привлекались к уголовной ответственности.

в ЮАР по-прежнему преобладает мнение, что БРИКС и ИБСА не противоречат, а дополняют друг друга.

Обсуждая перспективы БРИКС, южноафриканские ученые говорят о необходимости создания Нового банка развития «в противовес институтам Бреттон-Вудской системы» для сохранения своей приверженности принципам «отсутствия обусловленности и невмешательства в процесс выработки политических решений стран-заемщиков» [Department of Foreign Affairs RSA, 2010]. Еще одна важная рекомендация связана с необходимостью участия неправительственных организаций, помимо аналитических центров БРИКС, которые должны внести свой вклад в дискуссию по вопросам развития, изменения климата и прав человека, в настоящее время находящуюся под влиянием западных ученых [Centre for Conflict Resolution, 2014].

В этом отношении следует отметить активную (и реалистичную) позицию крупнейшей федерации профсоюзов, COSATU, в отношении членства ЮАР в БРИКС: «С одной стороны, развитие БРИКС потенциально может склонить чашу весов на сторону Юга, а также способствовало появлению возможностей региональной интеграции, не основанных на неолиберальной модели. Однако в то же время она способствовала выходу транснациональных корпораций, базирующихся в этих странах, на внешние рынки. Эти реалии требуют безотлагательного, более глубокого обсуждения нашего понимания архитектуры империализма, особенно в свете роли капитала ЮАР на африканском континенте» [COSATU, 2012]. ЮАР приняла Форум профсоюзных организаций БРИКС, прошедший в Дурбане в марте 2013 г. [COSATU, 2013].

Вызовы, стоящие перед БРИКС

ЮАР действительно позже остальных вступила в БРИКС, но выражение «последний по очереди, но не по важности» адекватно характеризует ее роль в этой организации. Доказательством этому служит не только успешное проведение саммита в Дурбане, но и результаты деятельности южноафриканских государственных, академических, деловых и других структур.

Однако ожидать немедленных ощутимых выгод членства в БРИКС для ЮАР было бы ошибкой. Развитие секторного сотрудничества, в частности создание и введение в действие финансовых институтов БРИКС, требует много времени и усилий, но в любом случае этот процесс продвигается. В настоящий момент пяти странам удалось смягчить существующие и возникающие противоречия и найти общий подход к решению основных политических и экономических проблем. Важным «побочным эффектом» этого членства стало укрепление отношений ЮАР с четырьмя ведущими странами – лидерами в своих регионах.

ЮАР активно участвует в подготовке 7-го саммита БРИКС, который пройдет в июле 2015 г. в Уфе, и есть все основания ожидать от нее интересных дискуссий и продуктивного вклада в принятие решений саммита.

Литература

Российская газета (2012) Выбор после выборов. 22 марта. Режим доступа: http://www.rg.ru/2012/03/22/vybor.html (дата обращения: 01.04.2015).

Центр гуманитарных технологий (2015) Рейтинг стран мира по уровню валового внутреннего продукта. Режим доступа: http://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gdp/rating-countries-gdp-info (дата обращения: 01.04.2015).

2Point6Billion.com (2011) China Looking to Enhance Ties with South Africa. Investment News and Commentary from Emerging Markets in Asia - China, India and ASEAN. 3 October. Режим доступа: http://www.2point6billion.com/news/2011/10/03/china-looking-to-enhance-ties-with-south-africa-10252.html#sthash.py0xWKn1.dpuf (дата обращения: 01.04.2015).

Annual Tourism Performance Report (2013) South Africa's Department of Tourism. Strategic Research Unit, 2013//Annual Tourism Performance Report, p. 19. Режим доступа: http://www.southafrica.net/research/en/landing/research-home (дата обращения: 20.01.2015).

Bond P. (2013a) So, Are Brics 'Sub-imperialists'? // ZNet. 30 March. Режим доступа: http://www.zcommunications (дата обращения: 01.04.2015).

Bond P. (2013b) Subimperialism as Lubricant of Neoliberalism: South African 'Deputy Sheriff' Duty within BRICS. Presentation at the University of California-Santa Barbara Global Studies conference. 23 February.

BRICS Information Centre (2014) Joint Communiqué of the Meeting of BRICS Trade Ministers. Fortaleza, Brazil. 14 July. Режим доступа: http://www.brics.utoronto.ca/. The Communiqué was endorsed by the summit (дата обращения: 01.04.2015).

Centre for Conflict Resolution (2014) South Africa and the BRICS: Progress, Problems, and Prospects. Policy Advisory Group Seminar Report. Cape Town.

Cheng Guangjin (2014) Visiting Minister Makes Case for South Africa to Join 'BRIC'. Режим доступа: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2010-02/27/content_9512440.htm (дата обращения: 01.04.2015).

COSATU (2012) Political Report to the COSATU 11th National Congress. Режим доступа: http://www.cosatu.org.za/docs/reports/2012/polrep.pdf (дата обращения: 01.04.2015).

COSATU (2013) Declaration of the Second BRICS Trade Union Forum. 25 March. Режим доступа: http://www.cosatu.org.za/show.php?ID=7103 (дата обращения: 01.04.2015).

Department of Foreign Affairs RSA (2010) Minister Nkoana-Mashabane on SA Full Membership of BRICS. International Relations and Cooperation Department. 24 December. Режим доступа: http://www.dfa.gov.za/docs/2010/brics1224.html (дата обращения: 10.01.2015).

Department of Foreign Affairs RSA (2014a) President Zuma Arrives in Fortaleza, Brazil for the BRICS Summit. Режим доступа: http://www.dfa.gov.za/docs/2014/brics0714.html (дата обращения: 10.01.2015).

Department of Foreign Affairs RSA (2014b) President Zuma Lauds China Visit. 6 December. Режим доступа: http://www.dfa.gov.za/docs/2014/chin1208.html (дата обращения: 10.01.2015).

Fifth BRICS Summit (2013) Joint Statement of the BRICS Business Forum. Режим доступа: http://www.brics5.co.za/joint-statement-of-the-brics-business-forum-2013/(дата обращения: 10.01.2015).

IOLnews (2014) Zuma call China Anti-colonial Force. 5 December. Режим доступа: http://www.iol.co.za/news/politics/zuma-call-china-anti-colonial-force-1.1791561 (дата обращения: 01.04.2015).

IOLnews (2015) State of the Nation Address by His Excellency Jacob G. Zuma, President of the Republic of South Africa on the Occasion of the Joint Sitting of Parliament. Режим доступа: http://www.iol.co.za/news/sona-zuma-s-full-speech-1.1817372#.VPxboOG692Q (дата обращения: 01.04.2015).

Joffe H. (2015) World Economic Forum: SA's Team Effort//Financilal Mail. 29 January. Режим доступа: http://www.financialmail.co.za/features/2015/01/29/world-economic-forum-sas-team-effort (дата обращения: 01.04.2015).

Kornegay F., Bohler-Muller N. (eds) (2013) Laying the BRICS of a New Global Order. From Yeakaterinburg 2009 to eThekwini 2013. Africa Institute of South Africa. Pretoria.

Kruger A. (2011) From BRIC to BRICS and South Africa's military // News on ISS Africa. 27 May. Режим доступа: http://www.iss.co.za/iss_today.php?ID=1289 (дата обращения: 01.04.2015).

Magnowski D. (2014) Nigerian Economy Overtakes South Africa's on Rebased GDP. Режим доступа: http://www.bloomberg.com/news/articles/2014-04-06/nigerian-economy-overtakes-south-africa-s-on-rebased-gdp (дата обращения: 01.04.2015).

Mandela N. (1993) South African Foreign Policy // Foreign Affairs. Vol. 72. No. 5. November – December. Режим доступа: http://www.anc.org.za/show.php?id=4113 (дата обращения: 01.04.2015).

Mpahlwa M. (2011) South Africa's Accession to BRICS: its Relevance for Today's Global Agenda. Statement by Ambassador Mandisi Mpahlwa of South Africa. Peoples' Friendship University, Moscow, 18 May.

Nye J. (2013) BRICS without Mortar // Project Syndicate. 2 April. Режим доступа: http://www.project-syndicate.org/commentary/why-brics-will-not-work-by-joseph-s--nye/russian (дата обращения: 01.04.2015).

Olsen K. (2013) New Leader's African Trip Highlights China's Influence on Continent. Режим доступа: http://www.bdlive.co.za/africa/africanbusiness/2013/03/21/new-leaders-african-trip-highlights-chinas-influence-on-continent (дата обращения: 01.04.2015).

Petrakov M. (2013) Working Visit of the President of the Russian Federation Mr Vladimir V. Putin to the Republic of South Africa//Embassy of the Russian Federation in the Republic of South Africa. 29 April. Режим доступа: http://www.russianembassy.org.za/billaterial/Visit1.html (дата обращения: 01.04.2015).

Piccone T., Alinikoff E. (2012) Zuma Call China Anti-colonial Force Rising Democracies Take On Russia and China // The National Interest. 17 February. Режим доступа: http://nationalinterest.org/commentary/rising-democracies-take-russia-china-6525 (дата обращения: 01.04.2015).

SABC (2014) President Jacob Zuma's SONA 2014 Speech. Режим доступа: www.sabc.co.za/news/a/0b94e7804467b878af3aefe72be9bc83/President-Jacob-Zumas-SONA-2014-speech-20141706 (дата обращения: 01.04.2015).

SAFPI (2013) BRICS: Minister Scolds Small-time Business. Режим доступа: http://www.safpi.org/news/article/2013/brics-minister-scolds-small-time-business (дата обращения: 01.04.2015).

SAIIA (2011a) Lecture by Deputy Minister of International Relations and Cooperation, Ebrahim Ebrahim, on the occasion of the Speakers Meeting at the South African Institute of International Affairs. 22 July. Режим доступа: http://www.dfa.gov.za/docs/speeches/2011/ebra0722.html (дата обращения: 01.04.2015).

SAIIA (2011b) The BRICS and the New World Order: A Beginner's Guide. Режим доступа: http://www.saiia.org.za/news/the-brics-and-the-new-world-order-a-beginners-guide (дата обращения: 01.04.2015).

SAnews (2014a) BRICS Development Bank to Change Global Economics. Режим доступа: http://www.sanews.gov.za/south-africa/brics-development-bank-change-global-economics (дата обращения: 01.04.2015).

SAnews (2014b) Pres Zuma in Fortaleza for BRICS Summit. Режим доступа: http://www.sanews.gov.za/south-africa/pres-zuma-fortaleza-brics-summit (дата обращения: 01.04.2015).

SAPA (2012) Zuma Jets off to China for Partnership Talks // Mail & Guardian. 18 July. Режим доступа: http://mg.co.za/article/2012-07-18-59-zuma-jets-off-to-china (дата обращения: 01.04.2015).

Soko M, Qobo M. (2011) Creating more walls than Brics // Mail and Guardian. 7 January.

Stuenkel O. (2013) The Politics of the BRICS Currency Reserve Arrangement (CRA) // GEGAfrica. 16 May. Режим доступа: http://www.gegafrica.org/brics-blog/the-politics-of-the-brics-contingency-reserve-arrangement-cra (дата обращения: 01.04.2015).

The Presidency RSA (2014) President Zuma Concludes a Successful Working Visit to Brazil. Режим доступа: http://www.thepresidency.gov.za/pebble.asp?relid=17731 (дата обращения: 01.04.2015).

WTO (2012) Dispute DS439: South Africa – Anti-Dumping Duties on Frozen Meat of Fowls from Brazil (Complainant: Brazil). Режим доступа: http://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispu_status_e.htm (дата обращения: 01.04.2015).

Zuma J. (2011) Address by President Jacob Zuma to the Plenary of the Third BRICS Leaders Meeting. Sanya, Hainan Island, People's Republic of China. 14 April. Режим доступа: http://www.dirco.gov.za/docs/speeches/2011/jzuma0414a.html (дата обращения: 01.04.2015).

South Africa in the BRICS: Last but not Least

V. Shubin

Vladimir Shubin – Professor, Principal Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, PhD (Honoris Causa), University of the Western Cape (South Africa); 30/1, Spiridonovka Street, 123001 Moscow, Russian Federation; E-mail: vlgs@yandex.ru

Abstract

South Africa joined the BRICS in 2011, two years after the establishment of this group. This step was consonant with the main principles of the country's foreign policy expressed by its first democratic government. South Africa regarded the group as an association of like-minded independent countries, a political and moral force for changing the world. However, by admitting a leading African country, the four first members of the BRICS wanted to overcome the geographical divide and include a country that enjoys a high moral authority and plays important role in peacekeeping and mediating conflicts. Through the BRICS, South Africa wanted to achieve various goals: addressing poverty, inequality and job creation at home; gaining synergic support from BRICS partners to Africa; and obtaining increased support for the reform of international financial institutions and the United Nations. This article analyzes to what extent those plans have been realized during the first four years of South Africa's membership in the BRICS and concludes that, all in all, South Africa is the last but not the least member.

Key words: South Africa, BRICS, IBSA, foreign policy, United Nations, New Development Bank, trade, peace and security

References

2Point6Billion.com (2011) *China Looking to Enhance Ties with South Africa*. Investment News and Commentary from Emerging Markets in Asia – China, India and ASEAN. 3 October. Available at: http://www.2point6billion.com/news/2011/10/03/china-looking-to-enhance-ties-with-south-africa-10252.html#sthash.py0xWKn1.dpuf (accessed 01 April 2015).

Annual Tourism Performance Report (2013) South Africa's Department of Tourism. Strategic Research Unit, 2013. *Annual Tourism Performance Report*, p. 19. Available at: http://www.southafrica.net/research/en/landing/research-home (accessed 01 April 2015).

Bond P. (2013a) So, Are Brics 'Sub-imperialists'? *ZNet*. 30 March. Available at: http://www.zcommunications (accessed 01 April 2015).

Bond P. (2013b) *Subimperialism as Lubricant of Neoliberalism: South African 'Deputy Sheriff' Duty within BRICS*. Presentation at the University of California-Santa Barbara Global Studies conference. 23 February.

BRICS Information Centre (2014) *Joint Communiqué of the Meeting of BRICS Trade Ministers*. Fortaleza, Brazil. 14 July. Available at: http://www.brics.utoronto.ca/. The Communiqué was endorsed by the summit (accessed 01 April 2015).

Centr gumanitarnyh tehnologij (2015) *Rejting stran mira po urovnju valovogo vnutrennego produkta [GDP Countries Rating*]. Available at: http://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gdp/rating-countries-gdp-info (accessed 01 April 2015).

Centre for Conflict Resolution (2014) *South Africa and the BRICS: Progress, Problems, and Prospects*. Policy Advisory Group Seminar Report. Cape Town.

Cheng Guangjin (2014) *Visiting Minister Makes Case for South Africa to Join 'BRIC'*. Available at: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2010-02/27/content_9512440.htm (accessed 01 April 2015).

COSATU (2012) *Political Report to the COSATU 11th National Congress*. Available at: http://www.cosatu.org.za/docs/reports/2012/polrep.pdf (accessed 01 April 2015).

COSATU (2013) *Declaration of the Second BRICS Trade Union Forum*. 25 March. Available at: http://www.cosatu.org.za/show.php?ID=7103 (accessed 01 April 2015).

Department of Foreign Affairs RSA (2010) *Minister Nkoana-Mashabane on SA Full Membership of BRICS. International Relations and Cooperation Department*. 24 December. Available at: http://www.dfa.gov.za/docs/2010/brics1224.html (accessed 01 April 2015).

Department of Foreign Affairs RSA (2014a) *President Zuma Arrives in Fortaleza, Brazil for the BRICS Summit*. Available at: http://www.dfa.gov.za/docs/2014/brics0714.html (accessed 01 April 2015).

Department of Foreign Affairs RSA (2014b) *President Zuma Lauds China Visit*. 6 December. Available at: http://www.dfa.gov.za/docs/2014/chin1208.html (accessed 01 April 2015).

Fifth BRICS Summit (2013) *Joint Statement of the BRICS Business Forum*. Available at: http://www.brics5.co.za/joint-statement-of-the-brics-business-forum-2013/ (accessed 01 April 2015).

IOLnews (2014) *Zuma call China Anti-colonial Force*. 5 December. Available at: http://www.iol.co.za/news/politics/zuma-call-china-anti-colonial-force-1.1791561 (accessed 01 April 2015).

IOLnews (2015) *State of the Nation Address by His Excellency Jacob G. Zuma, President of the Republic of South Africa on the Occasion of the Joint Sitting of Parliament*. Available at: http://www.iol.co.za/news/sona-zuma-s-full-speech-1.1817372#.VPxboOG692Q (accessed 01 April 2015).

Joffe H. (2015) World Economic Forum: SA's Team Effort. *Financilal Mail*. 29 January. Available at: http://www.financialmail.co.za/features/2015/01/29/world-economic-forum-sas-team-effort (accessed 01 April 2015).

Kornegay F. and Bohler-Muller N. (eds) (2013) *Laying the BRICS of a New Global Order. From Yeakaterinburg 2009 to eThekwini 2013*. Africa Institute of South Africa. Pretoria.

Kruger A. (2011) From BRIC to BRICS and South Africa's military. *News on ISS Africa*. 27 May. Available at: http://www.iss.co.za/iss_today.php?ID=1289 (accessed 01 April 2015).

Magnowski D. (2014) *Nigerian Economy Overtakes South Africa's on Rebased GDP*. Available at: http://www.bloomberg.com/news/articles/2014-04-06/nigerian-economy-overtakes-south-africa-s-on-rebased-gdp (accessed 01 April 2015).

Mandela N. (1993) South African Foreign Policy. *Foreign Affairs*, vol. 72, no 5. November-December. Available at: http://www.anc.org.za/show.php?id=4113 (accessed 01 April 2015).

Mpahlwa M. (2011) *South Africa's Accession to BRICS: its Relevance for Today's Global Agenda*. Statement by Ambassador Mandisi Mpahlwa of South Africa. Peoples' Friendship University, Moscow, 18 May.

Nye J. (2013) *BRICS without Mortar. Project Syndicate*. 2 April. Available at: http://www.project-syndicate.org/commentary/why-brics-will-not-work-by-joseph-s--nye/russian (accessed 01 April 2015).

Olsen K. (2013) *New Leader's African Trip Highlights China's Influence on Continent*. Available at: http://www.bdlive.co.za/africa/africanbusiness/2013/03/21/new-leaders-african-trip-highlights-chinas-influence-on-continent (accessed 01 April 2015).

Petrakov M. (2013) *Working Visit of the President of the Russian Federation Mr Vladimir V. Putin to the Republic of South Africa*. Embassy of the Russian Federation in the Republic of South Africa. 29 April. Available at: http://www.russianembassy.org.za/billaterial/Visit1.html (accessed 01 April 2015).

Piccone T. and Alinikoff E. (2012) Zuma Call China Anti-colonial Force Rising Democracies Take On Russia and China. *The National Interest*. 17 February. Available at: http://nationalinterest.org/commentary/rising-democracies-take-russia-china-6525 (accessed 01 April 2015).

Rossijskaja gazeta (2012) *Vybor posle vyborov [Choice After the Elections*]. 22 March. Available at: http://www.rg.ru/2012/03/22/vybor.html (accessed 01 April 2015).

SABC (2014) *President Jacob Zuma's SONA 2014 Speech*. Available at: www.sabc.co.za/news/a/0b94e7804467b878af3aefe72be9bc83/President-Jacob-Zumas-SONA-2014-speech-20141706 (accessed 01 April 2015).

SAFPI (2013) *BRICS: Minister Scolds Small-time Business*. Available at: http://www.safpi.org/news/article/2013/brics-minister-scolds-small-time-business (accessed 01 April 2015).

SAIIA (2011a) *Lecture by Deputy Minister of International Relations and Cooperation, Ebrahim Ebrahim, on the occasion of the Speakers Meeting at the South African Institute of International Affairs*. 22 July. Available at: http://www.dfa.gov.za/docs/speeches/2011/ebra0722.html (accessed 01 April 2015).

SAIIA (2011b) *The BRICS and the New World Order: A Beginner's Guide*. Available at: http://www.saiia.org.za/news/the-brics-and-the-new-world-order-a-beginners-guide (accessed 01 April 2015).

SAnews (2014a) *BRICS Development Bank to Change Global Economics*. Available at: http://www.sanews.gov.za/south-africa/brics-development-bank-change-global-economics (accessed 01 April 2015).

SAnews (2014b) *Pres Zuma in Fortaleza for BRICS Summit*. Available at: http://www.sanews.gov.za/south-africa/pres-zuma-fortaleza-brics-summit (accessed 01 April 2015).

SAPA (2012) Zuma Jets off to China for Partnership Talks. *Mail & Guardian*. 18 July. Available at: http://mg.co.za/article/2012-07-18-59-zuma-jets-off-to-china (accessed 01 April 2015).

Soko M. and Qobo M. (2011) Creating more walls than Brics. *Mail and Guardian*. 7 January.

Stuenkel O. (2013) The Politics of the BRICS Currency Reserve Arrangement (CRA). *GEGAfrica*. 16 May. Available at: http://www.gegafrica.org/brics-blog/the-politics-of-the-brics-contingency-reserve-arrangement-cra (accessed 01 April 2015).

The Presidency RSA (2014) *President Zuma Concludes a Successful Working Visit to Brazil*. Available at: http://www.thepresidency.gov.za/pebble.asp?relid=17731 (accessed 01 April 2015).

WTO (2012) *Dispute DS439: South Africa – Anti-Dumping Duties on Frozen Meat of Fowls from Brazil (Complainant: Brazil)*. Available at: http://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispu_status_e.htm (accessed 01 April 2015).

Zuma J. (2011) *Address by President Jacob Zuma to the Plenary of the Third BRICS Leaders Meeting*. Sanya, Hainan Island, People's Republic of China. 14 April. Available at: http://www.dirco.gov.za/docs/speeches/2011/jzuma0414a.html (accessed 01 April 2015).

Уважаемые читатели!

Институт международных организаций и международного сотрудничества Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» информирует о продолжении своей работы по изданию научного периодического журнала «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» в 2015 г.

Доводим до вашего сведения, что в 2015 г. запланирован выпуск четырех номеров журнала.

Обращаем ваше внимание, что «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» распространяется по России и другим странам СНГ через:

• каталог Агентства «РОСПЕЧАТЬ». Оформить подписку можно в любом отделении почтовой связи. **Подписной индекс издания 20054**.

По всем вопросам Вы можете обращаться в редакцию журнала «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» по телефону +7(495) 625-17-88 и по электронной почте iori@hse.ru и iorj@hse.ru.

С уважением,
редакция журнала «Вестник международных организаций»

Адрес редакции
Россия, 101000 Москва, Славянская пл., д. 4, стр. 2, оф. 301
Телефоны: +7(495) 625-17-88; 628-02-14; 623-14-89; 624-04-37; факс: +7(495) 628-02-14
E-mail: iori@hse.ru; iorj@hse.ru; http: www.iori.hse.ru

Адрес издателя и распространителя
Фактический: 115230 Москва, Варшавское шоссе, д. 44а, оф. 405а
Издательский дом Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Почтовый: 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Телефон/факс: (499) 611-15-08
E-mail: id.hse@mail.ru

Подписано в печать 10.06.2015. Формат 60x88 1/8. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Уч.-изд. 22,8. Тираж 500 экз. Заказ .